

В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

В НОМЕРЕ:

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РАБОЧИХ СССР

РАЗГРОМ БЕЛЫХ НА ДОНУ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

ФРАНЦИЯ И АГРЕССИЯ США В ИНДОКИТАЕ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА XVIII ВЕКА

НАСЕР И ИДЕН (ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДУЭЛЬ)

МАСОНЫ ВО ФРАНЦИИ

9

МОСКВА · 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Вопросы ИСТОРИИ

№ 9

СЕНТЯБРЬ

1976

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Г. М. Алексеев — Техническое творчество рабочего класса СССР как
проблема историографии 3
Б. И. Степаненко (Ульяновск) — Крушение контрреволюции на Дону,
Кубани и Тереке в 1920 году 15
Академик АН Литовской ССР Ю. М. Юргинис — Изменения в аграр-
ном строе Литвы в эпоху феодализма 34
Г. А. Воронцов — Эволюция внешней политики США в условиях
разрядки 45
П. П. Черкасов — Франция и агрессия США в Индокитае 64
Б. Е. Зарицкий — Концепция «силы» в немецкой буржуазной историо-
графии 81

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

- Б. И. Краснобаев — Основные черты новой русской культуры 93

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- А. И. Алексеев — По маршрутам Байкало-Амурской магистрали . . . 112
И. П. Беляев — Страницы недавнего прошлого Египта 123
Ю. И. Рубинский — Масоны во Франции (вчера и сегодня) 138

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР и Научных советах

- Обсуждение книги Олжаса Сулейменова 147
В. И. Милюкова — Состояние и перспективы разработки истории
советской внешней политики 154

Рецензии

- В. А. Кондратьев — Г. С. Игнатъев. Москва в первый год про-
летарской диктатуры 158

В. Ю. Самедов — Э. Х. Саралиева. «Капитал» К. Маркса и рабочее движение России (1895—1917 гг.). Распространение и пропаганда	161
Л. С. Семенов (Ленинград), В. И. Шеремет (Ленинград) — В. А. Георгиев. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в.	163
А. А. Зимин — В. М. Панях. Холопство в XVI — начале XVII века	165
Ю. Д. Комаров — В. В. Похлебкин. СССР — Финляндия. 260 лет отношений (1713—1973)	168
Л. Н. Пушкарев — А. Б. Давидсон, В. А. Макрушин. Облик далекой страны	172
Е. Ф. Язьков — Э. А. Иванян. Белый дом: президент и политика	174
Е. М. Тепер (Ленинград) — «Испания. 1918—1972 гг. Исторический очерк»	177
Новые книги	180
Статьи в советских периодических изданиях	182
Хроникальные заметки	185

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

Ю. В. Кудрина, О. В. Чернышева — Советско-шведский симпозиум историков	188
---	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

Л. О. Голден — И. Гейсс. Панафриканское движение	192
Н. К. Капитонова — Дж. Фрэнкель. Британская внешняя политика. 1945—1973 гг.	195

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах	198
Заметки о статьях: Л. В. Шишкина — Американский свидетель Великого Октября; Н. В. Романовский — Псевдорадикальная оценка роли масс в 1917 году; Л. С. Крылов — Журнал по истории рабочего класса Ирландии; Р. М. Бартикян — Отечественная война 1812 г. и Греция; А. М. Хазанов — Африканская Жанна д'Арк	200
Рецензии на советские издания	207
Коротко о книгах	208

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

И. Ф. Гиндин — Д. И. Менделеев о развитии промышленности в России	210
--	-----

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

А. Б. Мельников — «Свердловка» и ее депутат	216
Н. А. Свешников (Курск) — Начало изучения курской магнитной аномалии	218
Сведения об авторах	221
Резюме статей на английском языке	222

СТАТЬИ

ТЕХНИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО РАБОЧЕГО КЛАССА СССР КАК ПРОБЛЕМА ИСТОРИОГРАФИИ

Г. М. Алексеев

Экономическая стратегия, выработанная XXIV, развитая и конкретизированная XXV съездами КПСС, определяет как магистральный путь советской экономики всестороннюю интенсификацию общественного производства, соединение преимуществ социализма с достижениями научно-технической революции. Решение этих узловых проблем экономической политики партии во многом зависит от плодотворной деятельности ученых, специалистов, представителей научно-технической интеллигенции. Однако «успех научно-технической революции, — сказано в Отчете ЦК КПСС XXV съезду партии, — ее благотворное воздействие на экономику, на все стороны жизни общества не могут быть обеспечены усилиями только научных работников. Все большую роль приобретает вовлечение в этот исторического значения процесс всех участников общественного производства, всех звеньев хозяйственного механизма»¹.

В условиях развертывания НТР процесс превращения науки в непосредственную производительную силу происходит благодаря деятельности миллионов людей, в первую очередь рабочего класса, с трудовой энергией которого в решающей мере связана материализация научно-технических достижений. Коммунистическая партия рассматривает широкое развитие социальной творческой активности рабочего класса как закономерность зрелого социализма, как актуальную проблему коммунистического строительства. Наряду с соревнованием и общественным управлением техническое творчество выступает в качестве самостоятельного, особого вида социального творчества, проявляющегося в таком сложном явлении, как изобретательство и рационализаторство. Техническое творчество не только обеспечивает использование внутренних резервов и повышение эффективности производства, но и служит важнейшим фактором формирования коммунистического отношения к труду, способствует всестороннему развитию личности, проявлению инициативы, коллективизма как наиболее типичных черт советского рабочего. Движение изобретателей и рационализаторов стало всенародным движением современности, мощным рычагом технического, экономического и социального прогресса. Вот почему оно постоянно находится в центре внимания партии и государства. В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» поставлена задача: «Всемерно развивать творческую активность трудящихся, новаторство, движение изобретателей и рационализаторов»².

Вполне понятен все возрастающий интерес историков, экономистов, философов, специалистов других общественных наук к обобщению опыта

¹ «Материалы XXV съезда КПСС». М. 1976, стр. 48.

² Там же, стр. 171.

технического творчества рабочего класса, освещению его ведущей роли в массовом движении изобретателей и рационализаторов. Изучение данной проблемы, дальнейшая ее теоретическая разработка обусловлены теми важнейшими задачами, которые выдвинул XXV съезд КПСС перед советскими учеными: «Всемерно развивать исследования по проблемам научно-технической революции, повышения эффективности и интенсификации общественного производства, совершенствования управления и планирования народного хозяйства, а также прогнозирования социально-экономических процессов»³.

Первостепенное значение для исследования различных аспектов истории и современного положения рабочего класса имеют труды В. И. Ленина, в которых дан глубокий анализ экономических, политических и социальных факторов, обуславливающих ведущую роль рабочего класса в строительстве коммунистического общества. Наряду с богатейшим ленинским теоретическим наследием методологической основой изучения творческой активности рабочего класса в период развитого социализма являются Программа КПСС, решения XXIII—XXV съездов партии, постановления ЦК КПСС и Советского правительства, труды видных деятелей партии и государства⁴.

Уже к концу 50-х годов советские историки обобщили опыт партийного руководства производственной деятельностью рабочего класса, его борьбой за повышение производительности труда, за выполнение и перевыполнение народнохозяйственных планов, развитием социалистического соревнования, движением за коммунистический труд. В этой связи они раскрыли значение изобретательства, технического творчества рабочих для ускорения научно-технического прогресса, показали, что массовое движение изобретателей и рационализаторов является неотъемлемой частью социалистического соревнования, политического и трудового подъема советского народа.

Ускоренный технический прогресс обусловил дальнейший рост рабочего класса, выдвинул его на передовые рубежи научно-технической революции. Поэтому изучение проблемы организации массового технического творчества, участия рабочего класса в изобретательстве и рационализации заметно расширилось с начала 60-х годов и наиболее интенсивно ведется в последнее десятилетие. Важным достижением науки этого периода является освещение ведущей роли рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии в ускорении темпов научно-технического прогресса.

Одним из первых обстоятельный обзор литературы по этому вопросу дал В. И. Касьяненко, обративший внимание на то, что существенной частью историографии проблемы создания материально-технической базы коммунизма является литература, посвященная участию рабочего класса в техническом творчестве⁵. И. Е. Ворожейкин в своем историографическом труде также отметил, что за последние годы значительно возрос интерес к истории рабочего изобретательства и рационализаторства, что эта область творческой активности рабочего класса получает все более обстоятельное освещение. В то же время он справедливо под-

³ Там же, стр. 214.

⁴ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Тт. 1—5. М. 1973—1976; его же. Об актуальных проблемах партийного строительства. М. 1973; его же. Об основных вопросах экономической политики КПСС на современном этапе. Речи и доклады. Тт. 1—2. М. 1975, и др.; А. Н. Косыгин. Избранные речи и статьи. М. 1974; М. А. Сусллов. Избранное. Речи и статьи. М. 1972; его же. Марксизм-ленинизм — интернациональное учение рабочего класса (Статьи и выступления). М. 1973; К. Ф. Капустин. Рабочий класс и Коммунистическая партия Советского Союза на этапе развитого социализма. «Рабочий класс и его партия в современном социалистическом обществе». Прага. 1973, и др.

⁵ В. И. Касьяненко. Проблемы создания материально-технической базы коммунизма (Историографический очерк). М. 1973, стр. 154.

черкивает, что наряду с достигнутыми успехами литература этого направления еще не отличается глубиной постановки и обстоятельным рассмотрением изучаемых вопросов. Исследователи, оказываясь порой в плену фактов и статистических данных, не могут выявить существенные и наиболее характерные черты социального процесса, особенности возникновения и распространения тех или иных форм творческой активности рабочего класса⁶.

Развернувшаяся научно-техническая революция поставила марксистско-ленинскую науку перед необходимостью решить новые проблемы: осветить воздействие НТР на науку, технику, производство; взаимосвязь современных достижений науки и техники с вызываемыми ими принципиальными переменами в структуре и динамике производительных сил, в социальной структуре современного рабочего класса; взаимосвязь научно-технического и социального прогресса при социализме и др. Противники ленинизма (М. Джилас, Ф. Рисман, Г. Маркузе, Н. Кризан и др.), искажая социальные последствия научно-технической революции, стремятся доказать, что произошла «структурная трансформация рабочего класса», он растворился, утратил свою руководящую роль, превратился в «консервативную» силу, что даже в социалистическом обществе рабочий класс лишается своего революционного потенциала, а на передовые позиции социального прогресса выдвигается «интеллектуальная элита». Эти ревизионистские концепции пытались осуществить на практике чехословацкие правые, которые утверждали, что «в ходе научно-технической революции интеллигенция, прежде всего техническая, становится частью рабочего класса и его новым революционным ядром, а следовательно, ядром партии»⁷. В последнее время ревизионисты Э. Фишер и Р. Гароди стали активно пропагандировать идею «слияния технической интеллигенции с рабочим классом». Они выдвинули «теорию» о «новом историческом блоке трудящихся умственного и физического труда» при ведущей роли в нем интеллигенции. По мнению Гароди, интеллигенция ныне «находится на пути к тому, чтобы стать главной производительной силой общества»⁸.

Концепции ревизионистов смыкаются со старыми теориями буржуазных идеологов о наступлении «эры технократии» и нацелены на то, чтобы доказать несовместимость классового характера социалистической демократии с ростом творческой активности рабочего класса, с дальнейшим расширением его участия в управлении государством. Это так называемое технократическое сознание, которое ранее вызвало настоящий бум в буржуазной идеологии, переживает теперь явный мировоззренческий кризис. Свое выражение оно находит в идеологии технического пессимизма, объективно вызванной к жизни кризисом капиталистической и укрепления социалистической системы. В работах советских ученых дана обстоятельная критика и показана несостоятельность буржуазных социологических и экономических теорий⁹.

⁶ И. Е. Ворожейкин. Очерк историографии рабочего класса СССР. М. 1975, стр. 138—141.

⁷ «Проблемы теории и практики современного социализма». Прага. 1973, стр. 51.

⁸ R. Garaudy. Le grand tournant du socialisme. P.-Gallimard. 1969, pp. 75, 244; E. Fischer. Die Revolution ist anders. Hamburg. 1971, S. 21, 27.

⁹ С. П. Трапезников. На крутых поворотах истории (Из уроков борьбы за научный социализм, против ревизионистских течений). М. 1972; «Партия и рабочий класс в условиях строительства коммунизма». М. 1973; «Научно-техническая революция и социализм». М. 1973; Т. И. Ойзерман. Исторический материализм и идеология «технического» пессимизма. «Вопросы философии», 1973, № 8; Р. Косолапов. Рабочий класс в социальной структуре советского общества. «Историческая миссия рабочего класса и идеологическая борьба». М. 1974; «Партия и современная научно-техническая революция». М. 1974; «Советский рабочий класс и буржуазные фальсификаторы». «Рабочий класс развитого социалистического общества». М. 1974; «Идеологические проблемы научно-технической революции». М. 1974, и др.

В советской литературе в последние годы усилилась тенденция к всестороннему освещению динамизма социальной структуры социалистического общества. Анализируя интенсификацию процесса стирания классовых и социальных различий, отдельные авторы склонны преувеличивать социальную однородность развитого социализма, включать в состав рабочего класса всех служащих государственных предприятий и учреждений и инженерно-технических работников. Такое «рабочивание» некоторых слоев общества, допущенное вследствие расширительного толкования социальных границ рабочего класса, было подвергнуто критике в партийной и научной печати¹⁰. Вполне понятно, что изучение социально-экономических проблем технического творчества рабочего класса во многом зависит от четкого определения его социальных границ.

В условиях, когда научно-техническая революция «стала одним из главных участков исторического соревнования между капитализмом и социализмом»¹¹, вопросы научно-технического прогресса заняли одно из важнейших мест в идеологической борьбе. Великие научные открытия и изобретения последних десятилетий, проникновение человеческого разума в тайны микросреды, в глубины космоса — все это поставило новые политические и философские проблемы, потребовало нового подхода и ко многим социальным вопросам, в том числе к вопросам технического творчества. Возникла необходимость более глубокого уяснения методологических положений, исследования исторических, социально-экономических, партийно-организационных и других аспектов, касающихся развития технического творчества рабочего класса на современном этапе коммунистического строительства. В этой связи всестороннее и полное изучение идейного наследия К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина позволило советским ученым создать труды, раскрывающие, в частности, огромное значение вклада В. И. Ленина в разработку теоретических основ политики Коммунистической партии и Советского государства в области науки и техники¹².

Примечательным является все большее стремление историков осветить деятельность В. И. Ленина, его роль в создании и развитии системы изобретательства в Советском государстве. Впервые эту важную проблему рассмотрел в конце 20-х годов Т. И. Седельников. В книге «Пути советского изобретательства» (М.-Л. 1929) он убедительно показал, что становление и развитие технического творчества советского рабочего класса связано с именем В. И. Ленина. Изучение ленинского идейного наследия в этой области было продолжено в 50—60-е годы. В последнее десятилетие на основе Полного собрания сочинений В. И. Ленина, воспоминаний его соратников, ранее неизвестных архивных материалов советские исследователи сумели раскрыть значение ленинских идей и принципов организации технического творчества масс, отметили ог-

¹⁰ П. Федосеев. XXIV съезд КПСС и основные направления исследований в области общественных наук. «Коммунист», 1972, № 1; Ц. Степанян. Методологические проблемы исследования ведущей роли рабочего класса в строительстве коммунизма. «Рабочий класс СССР и его ведущая роль в строительстве коммунизма». Материалы конференции. Вып. I. М. 1974, и др.

¹¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы. М. 1969, стр. 303.

¹² А. Д. Педосов. Партия большевиков и технический прогресс. М. 1969; Ю. С. Мелешенко, С. В. Шухардин. Ленин и научно-технический прогресс. М. 1969; «Ленин и современная наука». Кн. I. Ленинские идеи и современное общество. Кн. II. Ленинские идеи и современное естествознание. Расцвет науки в союзных республиках. М. 1970; С. П. Трапезников. Ленинизм и современная научно-техническая революция. «Вопросы философии», 1970, № 4; его же. На крутых поворотах истории; В. И. Чернышев. В. И. Ленин и технический прогресс в СССР. М. 1970; Е. Борисов. Ленин о научно-техническом прогрессе. «Вопросы экономики», 1970, № 4, и др.

ромный интерес В. И. Ленина к рабочим-изобретателям и изобретательству.¹³

В этих работах дан анализ произведений В. И. Ленина, в которых впервые определены социальная природа технического творчества в условиях социализма, механизм его действия, его объективная основа, которую следует искать не в технике, а в социально-экономической структуре и потребностях данного общества. В. И. Ленин ясно показал необходимость освоения и использования достижений современной науки и техники, неоднократно подчеркивая, что без новейшей техники, без новых научных открытий коммунизм немислим. Из всей совокупности мероприятий, направленных на обеспечение выполнения программы развития техники, он особо выделял постановку дела изобретательства на государственную основу. В. И. Ленин впервые раскрыл громадное экономическое и общественно-политическое значение изобретательства, охарактеризовал его основные принципы и цели: использование изобретений в интересах социалистического общества; возложение на государство функций планирования, координирования и материального стимулирования изобретательства в масштабе всей страны; создание на научной основе государственной системы пропаганды новейших открытий и изобретений; необходимость тесной связи науки и производства; обеспечение условий, позволяющих наиболее полно реализовать творческую энергию создателей новой техники.

Однако до сих пор стремление исследователей осветить роль В. И. Ленина в развитии советского изобретательства ограничивается преимущественно статьями, в которых далеко не исчерпана вся широта и многоплановость этой актуальной темы. Несомненно, что более углубленное овладение ленинским идейным наследием, создание фундаментальных работ, раскрывающих вклад В. И. Ленина в формирование взглядов марксизма на природу и значимость изобретательства, вооружат историков и других обществоведов ясным пониманием социально-экономических проблем технического творчества и роли в этом процессе рабочего класса.

В 60—70-е годы историческая литература пополнилась монографиями, брошюрами, сборниками статей, в которых широкий круг вопросов технического творчества подвергается научному анализу в связи с разработкой проблем научно-технической революции, партийного руководства техническим прогрессом, социалистическим соревнованием, социальной структуры советского общества¹⁴. Среди этих работ имеются

¹³ Ю. В. Воскресенский. В. И. Ленин — создатель плана социалистической индустриализации СССР. М. 1967; Г. М. Алексеев. Партия и массовое техническое творчество в СССР. М. 1969; К. А. Кузнецов. В. И. Ленин и техническое творчество рабочего класса в период строительства коммунизма. «Некоторые вопросы ленинского учения о партии». Л. 1971, и др.

¹⁴ Ф. Г. Кротов, Л. В. Фокин, О. И. Шкаратан. Рабочий класс — ведущая сила строительства коммунизма. М. 1965; «В борьбе за технический прогресс». Л. 1965; А. Г. Митюков. Рабочий класс Украины в борьбе за развитие промышленности (1956—1961). Киев. 1965; Л. В. Ромашев. Организующая роль КПСС в развитии производственной творческой инициативы рабочего класса. «Вопросы теории и практики партийного руководства народным хозяйством». М. 1965; Р. Г. Кадымов. Борьба рабочих за развитие нефтедобывающей промышленности Азербайджана (1951—1958 гг.). Баку. 1967; З. Т. Папьян. Партийное руководство техническим прогрессом в промышленности. «КПСС в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму». М. 1967; В. Е. Полетаев. Рабочие Москвы на завершающем этапе строительства социализма. 1945—1958. М. 1967; «Рабочий класс СССР. 1951—1965». М. 1969; С. Л. Сенявский, В. Б. Тельпуховский. Рабочий класс СССР (1938—1965 гг.). М. 1971; Г. М. Алексеев. Партия во главе научно-технического прогресса. М. 1972; «Партия и рабочий класс в условиях строительства коммунизма»; «Рабочий класс СССР на современном этапе». Вып. 2. Л. 1973; «Сущность и значение политики КПСС в условиях развитого социалистического общества». М. 1974; «Рабочий класс развитого социалистического общества»; В. А. Ежов. Укрепление ведущей роли рабочего класса в развитом социалистическом обществе. «Вопросы истории», 1976, № 2, и др.

и такие, в которых проблема рабочего класса освещается на протяжении всей истории советского общества¹⁵. Причем, если до середины 60-х годов рабочий класс изучался в основном как субъект исторического процесса, то в последующие годы основное внимание уделяется раскрытию социальной истории самого рабочего класса. К числу таких исследований относятся монографии, в которых рассматривается влияние научно-технической революции на численность, социальную структуру и облик советского рабочего класса¹⁶. Это дает возможность ретроспективно взглянуть на рост технического творчества рабочего класса, проанализировать не только субъективные, но и объективные стороны его эволюции. Некоторые аспекты проблемы можно проследить в коллективных трудах и работах отдельных авторов, посвященных развитию республиканских, территориальных и профессионально-отраслевых отделов рабочего класса СССР¹⁷.

Для изучения опыта партийного руководства техническим творчеством советского рабочего класса на всех этапах социалистического строительства большое значение имеет издание очерков истории коммунистических партий советских республик, предпринятое в 60-х годах. В настоящее время опубликовано 90 очерков истории компартий союзных республик, партийных организаций автономных республик, краев и областей. Исследование деятельности местных партийных организаций создало хорошую научную, историографическую и документальную базу для более глубокой разработки как общих теоретических и методологических, так и специальных проблем, в том числе проблемы массового технического творчества.

В указанных трудах история советского рабочего класса теснейшим образом увязана с источниками пополнения его рядов, ростом численности и удельного веса, повышением культурно-технического уровня, сближением характера труда рабочих с трудом инженерно-технических работников. Влияние этих и многих других факторов на развитие технического творчества помогает понять его специфику в условиях зрелого социализма, проследить возникновение его новых форм, изменения в составе рационализаторов и изобретателей и уровне творческой активности рабочего класса СССР.

Новейший фактический материал о техническом творчестве рабочих содержится в литературе по истории фабрик и заводов. Только за 1966—1975 гг. в стране издано более 200 книг по этой тематике¹⁸. В них раскрывается роль рабочего класса в научно-техническом прогрессе, эффективность его технического творчества.

¹⁵ «Очерки истории советского рабочего класса». М. 1966; «Краткая история советского рабочего класса (1917—1965)». М. 1968; В. Е. Полетаев, С. Л. Сенявский. Рабочий класс — ведущая сила в строительстве социализма и коммунизма. М. 1972; «Советский рабочий класс». М. 1975.

¹⁶ С. Л. Сенявский. Рост рабочего класса СССР (1951—1965 гг.). М. 1966; его же. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938—1970. М. 1973; С. Л. Бляхман, О. И. Шкаратан. НТР, рабочий класс, интеллигенция. М. 1973.

¹⁷ К. З. Сурблис. Рабочий класс Советской Литвы. Вильнюс. 1965; «Компартия Таджикистана в борьбе за формирование и развитие рабочего класса Таджикистана (1917—1965 гг.)». Душанбе. 1967; «История рабочего класса Советского Туркменистана (1917—1961)». Ашхабад. 1969; Р. Г. Кузеев. Рабочий класс — создатель коммунизма (Рабочий класс Башкирии в 50—60-е годы). Уфа. 1969; «Развитие рабочего класса Молдавской ССР. 1940—1965». Кишинев. 1970; В. А. Ежов. Рабочий класс СССР. Социально-политический очерк. Л. 1974; «Актуальные проблемы истории советского рабочего класса». М. 1975, и др.

¹⁸ С. Костюченко, И. Хренов, Ю. Федоров. История Кировского (бывш. Путиловского) металлургического и машиностроительного завода (1917—1945 гг.). М. 1966; «История Московского автозавода им. И. А. Лихачева». М. 1966; «История Красного Сормова». М. 1969; «История Тульского оружейного завода (1712—1972 гг.)». М. 1973; «Первый подшипниковый. История Первого государственного подшипникового завода (1932—1972 гг.)». М. 1973; Г. П. Ефремов. История Коломенского завода.

Большой интерес представляют книги, брошюры и статьи, авторами которых являются сами рабочие — изобретатели и рационализаторы, новаторы производства, Герои Социалистического Труда. Делясь с читателями своими думами, они воссоздают обстановку политического и трудового подъема рабочего класса, его борьбы за реализацию выдвинутой партией программы экономического и культурного роста нашего общества, рассказывают об опыте изобретательской и рационализаторской работы, о роли партийных и общественных организаций в развитии массового технического творчества¹⁹.

Наряду с общими исследованиями в 60—70-е годы созданы и специальные: о техническом творчестве рабочих Украины, Белоруссии, Азербайджана, Молдавии, Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Башкирии, Сибири, Урала и других районов страны. Эти статьи и брошюры, хотя и не дают полного представления о техническом творчестве рабочего класса всей страны, имеют большое значение для разработки проблемы, особенно те из них, в которых дается анализ партийного руководства движением новаторов производства²⁰.

Таким образом, освещение новаторской деятельности рабочего класса заняло видное место в литературе. Вместе с тем обилие работ по данной проблеме еще не может служить доказательством всестороннего и глубокого ее изучения. Тема рабочего изобретательства и рационализаторства порой суживается, растворяется в общих проблемах научно-технического прогресса и управления производством. Объектом большинства исследований о техническом творчестве являются в основном рабочие машиностроительной, электротехнической, автомобильной и некоторых других отраслей промышленности. Мало внимания уделяется другим отрядам рабочего класса: отсутствуют работы об изобретательстве и рационализаторстве рабочих легкой промышленности, транспорта и строительства. Вне поля зрения историков остались также изменения в уровне участия в изобретательстве и рационализаторстве рабочих и сдвиги в степени их активности за определенный период времени. Стремление же отдельных авторов показать динамику рабочего изобретательства, его количественный и качественный рост нередко подменяется иллюстративностью, приведением различных примеров и многообразием статистических данных, не позволяющих раскрыть полностью сложный механизм всего процесса технического творчества, выступающего, в свою очередь, стимулятором социального развития рабочего класса.

Очерк истории Коломенского тепловозостроительного завода им. В. В. Куйбышева (1863—1973). М. 1973; «Динамо» в наши дни. История завода». Кн. 3, ч. 1. М. 1973, и др.

¹⁹ В. В. Ермилов. Счастье трудных дорог. М. 1972; А. В. Чувев. Мы работаем рядом. «Знамя», 1972, № 6; «Говорят герои пятилетки». М. 1972; В. И. Журило. Мы — рабочие люди. М. 1973; Ю. Г. Кортнев. Показательный процесс. М. 1973; А. Г. Стаханов. Родник рабочих талантов. М. 1973; И. П. Смирнов. Сила влечения. М. 1974; А. В. Викторов. Высокая должность. Записки рабочего. М. 1975, и др.

²⁰ Х. Х. Холджураев. Изобретательство и рационализация в СССР. Душанбе. 1969; С. Л. Сенявский, В. Б. Тельпуховский. Указ. соч.; Ф. С. Киреев, Р. Г. Кузеев. Движение изобретателей и рационализаторов в промышленности Башкирии (1958—1969). «Ученые записки» Башкирского университета. Вып. 48. Серия исторических наук, № 9. Уфа. 1971; Ю. Г. Чуланов. Коллективное техническое творчество и его эффективность. Л. 1971; В. Марисов. Развитие технического творчества масс. «Коммунист», 1972, № 14; Н. Александров. Повысить роль новаторов в социалистическом соревновании. «Коммунист», 1973, № 5; С. К. Золотко. Научно-технический прогресс и техническое творчество масс. М. 1973; В. Д. Исаков. Деятельность Коммунистической партии Молдавии по развитию технического творчества рабочего класса (1951—1955 гг.). «Вопросы истории Компартии Молдавии». Т. II. Кишинев. 1973; Г. М. Алексеев. Движение изобретателей и рационализаторов в СССР (1966—1975). «История СССР», 1975, № 4; «Техническое творчество масс». «Коммунист Узбекистана», 1975, № 8; К. А. Кузнецов, М. И. Сухарев. Развитие технического творчества ленинградских рабочих в годы восьмой и девятой пятилеток. «Рабочий класс и научно-технический прогресс». Л. 1975.

В ряде работ исследуются философские и экономические проблемы технического творчества рабочих²¹. Большой научный интерес представляют монографии, в которых исторический подход сочетается с конкретным социологическим анализом технического творчества, его специфики, тенденций и перспектив в условиях зрелого социалистического общества²². Их авторы исследуют социальные и экономические вопросы, связанные с внедрением в производство достижений науки и техники: экономическую эффективность рационализации и изобретательства, изменение профессионально-квалификационной структуры кадров, их образование, возрастающую роль коллективного творчества рабочих и инженерно-техническое работников. В литературе делаются многочисленные попытки определения природы и сущности творчества. Б. И. Еремеев предлагает свое решение этого вопроса. «Исходя из социальной роли творчества,— пишет он,— его можно определить как особую форму общественно-исторической практики, специфической функцией которой является создание новых социально-значимых материальных и духовных ценностей». И далее: будучи синтезом физической и умственной деятельности, техническое творчество преследует главным образом практическую цель — увеличить производительную силу общественного труда; в этом смысле о техническом творчестве можно говорить как об «одной из форм превращения науки в непосредственную производительную силу»²³. С выводом Б. И. Еремеева можно согласиться.

В связи с этим представляется весьма важным проведенный Ю. Г. Чулановым развернутый анализ различных факторов и признаков, детерминирующих развитие и изменения в техническом творчестве рабочих. Сопоставление уровня участия рабочих в изобретательстве и рационализаторстве в разных городах страны позволило автору проследить расширение социальной базы технического творчества и показать, что профессионально-квалификационный статус рабочих выступает в качестве одного из важнейших социальных факторов, определяющих степень творческой активности новаторов производства. Рассматривая взаимосвязь основных видов социального творчества, Ю. Г. Чуланов приходит к выводу, что взаимозависимость квалификации рабочих и их участия в рационализаторской и изобретательской деятельности более значима, чем взаимозависимость уровня квалификации и участия рабочих в общественном управлении производством²⁴.

Теоретическим проблемам технического творчества посвящена совместная работа советских и чехословацких ученых²⁵. Круг вопросов, рассматриваемых ими, весьма широк: это и естественнонаучные, и технико-производственные, и идеологические стороны научно-технической революции. Основное внимание уделяется ее социальным аспектам. Авторы анализируют задачу, выдвинутую XXIV съездом КПСС: органически соединить достижения НТР с преимуществами социалистической системы хозяйства, шире развить присущие социализму формы соединения науки с производством. Большую значимость приобретает подробное изложение таких еще малоизученных вопросов, как измене-

²¹ С. И. Мостовой. Труд — это творчество. М. 1965; Е. Чижев. Формы поощрения рационализаторов и изобретателей. М. 1965; А. Н. Колпаков. Творчество масс и технический прогресс. Куйбышев. 1966; «Эффективность научно-технического творчества». М. 1968; Г. В. Колбин, А. Н. Пономарев. Новаторство и творчество миллионов. М. 1972; «Духовный мир советского рабочего. Опыт конкретно-социологического исследования». М. 1972; «Рабочий класс и его ведущая роль в строительстве коммунизма». М. 1975.

²² Б. И. Еремеев. Социально-экономические проблемы технического творчества в СССР. М. 1967; Ю. Г. Чуланов. Изменения в составе и в уровне творческой активности рабочего класса СССР. 1959—1970. Л. 1974.

²³ Б. И. Еремеев. Указ. соч., стр. 12, 13—14.

²⁴ Ю. Г. Чуланов. Указ. соч., стр. 76.

²⁵ «Научно-техническая революция и социализм». М. 1973.

ние структуры и динамики производительных сил социалистического общества, сдвиги в структуре рабочей силы, преобразование труда, повышение квалификации и образования людей, изменение образа жизни человека под воздействием научно-технической революции, участие рабочего класса в техническом прогрессе и другие. Серьезный анализ этих вопросов привел авторов исследования к выводу о том, что в СССР «сейчас значительно большая доля времени, нежели прежде, приходится на экономическое, техническое и культурное участие рабочих в общественной жизни. Подобные же тенденции в распределении времени рабочего наблюдаются во всех социалистических странах». В работе подчеркивается, что социалистическое общество должно своевременно и последовательно развивать «все более высокие формы участия трудящихся в этом процессе (и прежде всего творческую трудовую деятельность)»²⁶. В книге разоблачаются различные буржуазные и ревизионистские интерпретации научно-технической революции, среди которых одно из центральных мест занимает так называемая теория обратной зависимости между техническим прогрессом и творчеством, призванная доказать, что чем быстрее технический прогресс и выше техническая оснащенность труда, тем якобы меньше доля участия рабочих в творчестве. На деле это совсем не так. В книге, насыщенной богатым фактическим материалом, показано, что нынешний широкий размах творческой активности рабочего класса и будущее научно-технического прогресса связаны с социализмом, коммунизмом.

Историографию 60—70-х годов характеризуют интенсивное изучение вопросов влияния социалистического соревнования на рост технического творчества, эффективности пропаганды передового опыта, оперативного использования научно-технических достижений. Большое внимание также уделено совершенствованию системы научно-технической информации в стране, повышению ее действенности и оперативности, превращению этой системы в неотъемлемое звено управления народным хозяйством. На конкретных примерах показано расширение прав и повышение роли профсоюзов в развитии движения новаторов; освещена деятельность Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов, Всесоюзного научно-технического общества и их советов на местах.

Во многих книгах, брошюрах и статьях проводится мысль, что движение новаторов связывает воедино борьбу за производственные достижения с борьбой за воспитание нового человека — строителя коммунизма. В процессе технического творчества формируется новый облик советского рабочего, все больше утверждается взаимопомощь и общая заинтересованность тружеников социалистического общества в результатах труда коллектива и каждого его члена. Это находит выражение в создании и умножении новых форм трудовой активности рабочего класса — комплексных творческих бригад, общественных цехов внедрения изобретений и рационализаторских предложений, общественных конструкторских и патентных бюро, советов новаторов, школ коммунистического труда, общественных бюро экономического анализа и других. Их возникновение и массовое распространение свидетельствуют о возрастающей роли рабочего класса в ускорении технического прогресса, о его высокой сознательности, коммунистическом отношении к труду. Вовлекая широкие массы рабочих и инженерно-технических работников в сферу технического творчества, эти организации не только оказывают значительное влияние на его развитие и эффективность, но и помогают партийным, профсоюзным и комсомольским организациям в воспитании нового человека.

²⁶ Там же, стр. 248, 249.

Через призму исследуемой проблемы прослеживаются отдельные стороны процесса сближения и сплочения социалистических наций, дальнейшего укрепления экономического сотрудничества советских республик, ведущая роль рабочего класса в интернациональном единении народов СССР, в укреплении производственных связей советских рабочих с рабочими стран — членов СЭВ²⁷.

Накопление знаний в области проблемы развития технического творчества масс на современном этапе коммунистического строительства позволило выявить его особенности и качественно новые черты. Это устойчивая тенденция роста массовости и экономической эффективности технического творчества; направленность его на решение важнейшей задачи единой государственной технической политики — создание и внедрение принципиально новых орудий труда, материалов и технологических процессов, превосходящих лучшие отечественные и мировые достижения; превращение изобретательства из процесса эмпирического поиска технических решений текущих производственных задач в коллективный, организованный, планомерный процесс воплощения научных идей в объекты новой техники; высокий культурно-технический уровень и широкий диапазон поисковых устремлений рабочих, тесно связанных с творческими исканиями ученых и специалистов, прочное и все расширяющееся их деловое содружество. Техническое творчество для широких масс рабочих стало органической потребностью, одним из важнейших проявлений производственной и общественной активности рабочего класса, его коммунистического отношения к труду.

Анализ литературы позволяет выделить несколько характерных черт научно-исследовательской работы по изучению технического творчества рабочего класса СССР периода развитого социализма. Во-первых, налицо тенденция к выделению в самостоятельное направление историографии рабочего класса изучения всенародного движения изобретателей, рационализаторов и новаторов производства, необычайно расширившего сферу деятельности рабочего класса, еще выше поднявшего его ведущую роль в создании материально-технической базы коммунизма. Во-вторых, деятельность рабочего класса в области массового технического творчества изучается в неразрывной связи с анализом вопросов экономического развития страны, в единстве с историей КПСС, профсоюзов, комсомола и других общественных организаций, постоянно поддерживающих творческие начинания рабочего класса. В-третьих, научная разработка вопросов организации и развития технического творчества советского рабочего класса осуществляется в тесной связи с изучением его территориальных, отраслевых и профессиональных рядов, а также отдельных производственных коллективов. В-четвертых, историками, экономистами, философами, социологами сделаны первые, но важные шаги в комплексном исследовании экономических, социальных, психологических аспектов технического творчества рабочих. Однако в этом направлении еще предстоит большая работа.

Историография технического творчества рабочего класса имеет и несомненные успехи и не решенные еще проблемы. Трудовому героизму

²⁷ И. А. Росенко. Интернациональные связи советского рабочего класса. «Рабочий класс СССР на современном этапе». Л. 1968; А. И. Быков. Научно-технические связи стран социализма. М. 1970; «Братское сотрудничество советских республик в хозяйственном и культурном строительстве». М. 1971; Ф. Петров. Международное научно-техническое сотрудничество: состояние, цели, перспективы. М. 1971; «Роль рабочего класса в развитии интернациональных традиций народов СССР и экономических связей союзных республик». М. 1972; «Братское содружество союзных республик в развитии народного хозяйства СССР. 1917—1971». М. 1973; «Научно-технический прогресс и сотрудничество стран СЭВ». М. 1973; «Ведущая роль рабочего класса в социалистических странах». Изд. 2-е. М. 1974. Н. К. Петрова. Рабочий класс СССР и пролетарский интернационализм. М. 1975; «Рабочий класс и индустриальное развитие СССР». М. 1975, и др.

рабочего класса посвящена обширная научная литература. Однако из поля зрения исследователей, как правило, выпадает техническое творчество рабочих как самостоятельная проблема. Преобладающая часть литературы в этой области — статьи и брошюры — не дает полного представления о ведущей роли рабочего класса в ускорении научно-технического прогресса, в развитии массового движения изобретателей и рационализаторов в СССР. Еще в 1931 г. А. М. Горький, инициатор создания «Истории фабрик и заводов», призвал историков, писателей и журналистов «показать техническую изобретательность рабочих в прошлом и настоящем»²⁸, но до сих пор отсутствуют фундаментальные работы, обобщающие опыт развития технического творчества рабочего класса.

Сейчас, когда накоплен материал для создания капитальных, обобщающих трудов, посвященных обстоятельному анализу истории технического творчества рабочего класса, актуальность исследования этой проблемы трудно переоценить. Необходимо осуществить комплексное изучение исторических, социально-экономических, правовых проблем технического творчества, глубинных процессов, происходящих в нем под воздействием научно-технической революции; выявить новые формы, факторы, обуславливающие его эффективность и перспективы развития; показать замечательные образцы революционного творчества рабочего класса, создающего новую технику. Важно еще шире осветить политику Коммунистической партии в области изобретательства, значение массового движения изобретателей и рационализаторов для ускорения темпов научно-технического прогресса, коренного обновления, перестройки на основе передовой техники различных отраслей народного хозяйства страны.

Не менее важная задача — глубокое и всестороннее раскрытие ведущей роли рабочего класса в развитии социалистического соревнования изобретателей и рационализаторов. Этой проблеме пока не уделено даже минимального внимания. Между тем только за годы восьмой и девятой пятилеток в результате мощного подъема социалистического соревнования изобретателей и рационализаторов и досрочного выполнения ими социалистических обязательств государство получило экономиию в общей сумме 32 млрд. руб., а число его участников только за годы девятой пятилетки возросло более чем на 2,5 млн. и составляет сейчас свыше 8 млн. человек²⁹. За этими цифрами — огромная созидательная и политическая деятельность рабочего класса, Коммунистической партии, большой творческий труд новаторов производства, их идейная убежденность, духовный и профессиональный рост. В приветственном письме «Изобретателям и рационализаторам Советского Союза» Л. И. Брежнев подчеркнул, что «достигнутым успехам активно способствовала всесторонняя организаторская работа партийных, хозяйственных, профсоюзных и комсомольских организаций по развитию технического творчества трудящихся, массового социалистического соревнования за успешное выполнение задач, поставленных XXIV съездом КПСС»³⁰.

Большое значение имеет исследование деятельности Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР). Возникшее еще в 1932 г. по инициативе рабочих масс, поддержанной партией, оно выросло в крупнейшую в мире организацию новаторов техники, объединяющую в своих рядах свыше 8 млн. энтузиастов технического прогресса

²⁸ «А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов». Сборник документов и материалов в помощь работающим над историей фабрик и заводов СССР. М. 1959, стр. 28.

²⁹ Подсчитано по статистическим материалам текущего архива ЦС ВОИР. Форма статистических отчетов № 4—НТ.

³⁰ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 5, стр. 255.

са (более половины из них — передовые рабочие)³¹. За плодотворную работу по развитию технического творчества трудящихся и активное содействие внедрению в производство изобретений и рационализаторских предложений Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1973 г. ВОИР награждено орденом Ленина³². Однако история создания и деятельности общества, особенно в период зрелого социализма, до сих пор не стала предметом исследования. А между тем это одна из ярких страниц героической летописи борьбы трудящихся масс за технический прогресс, за вовлечение рабочего класса в управление производством и повышение его роли в строительстве материально-технической базы коммунизма.

В условиях современного развития производительных сил в странах — членах СЭВ, ознаменовавшегося бурной технической революцией, одним из важнейших факторов научно-технического прогресса во всех отраслях производства является творчество изобретателей и рационализаторов. Процесс международного разделения труда, распространившийся и на использование результатов технического творчества, приводит к тому, что вопросы, связанные с изобретательством, приобретают особую актуальность. Широкое сотрудничество в области изобретательства предусматривает Комплексная программа социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ³³. В ее осуществлении первостепенное значение имеет изучение и обобщение опыта производственного сотрудничества рабочего класса СССР и братских социалистических стран, интернационализации использования результатов научно-технической деятельности. Важность исследования данной проблемы определяется и тем, что это позволяет шире раскрыть ведущую роль рабочего класса в упрочении интернационального единства народов социалистических стран, показать значение тесного сотрудничества рабочих братских государств для дальнейшего укрепления экономического и политического могущества мирового социализма. Вместе с тем активное изучение этой проблемы создает прочную базу для разоблачения различного рода буржуазных, ревизионистских и прочих фальсификаторских концепций о роли рабочего класса в современную эпоху.

Разработка современных проблем технического творчества трудящихся в материалах XXV съезда партии, а также в специальном постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии изобретательского дела в стране, улучшении использования в народном хозяйстве открытий, изобретений и рационализаторских предложений и повышении их роли в ускорении научно-технического прогресса» (1973)³⁴ открывает перед исследователями новые горизонты, позволяя полнее осветить деятельность советского рабочего класса — ведущей силы зрелого социалистического общества, носителя замечательных качеств борца, новатора, создателя.

³¹ Текущий архив ЦС ВОИР. Форма статистических отчетов № 8-С.

³² «Материалы IV съезда Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (28 февраля — 2 марта 1973 года)». М. 1974, стр. 5.

³³ «Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ». М. 1972, стр. 37.

³⁴ «Справочник партийного работника». Вып. 14. М. 1974, стр. 137.

КРУШЕНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ НА ДОНУ, КУБАНИ И ТЕРЕКЕ В 1920 ГОДУ.

Б. И. Степаненко

В общей проблематике истории гражданской войны в СССР важное место занимает вопрос о борьбе с контрреволюцией в бывших казачьих областях Юга страны в период организованного международным империализмом похода антисоветских вооруженных сил, в котором ведущая роль отводилась буржуазно-помещичьей Польше и Врангелю. Разгром контрреволюции в указанном районе в значительной степени предопределил поражение Врангеля и в конечном счете крах замыслов империалистов. Однако в советской исторической литературе рассмотрены лишь некоторые аспекты этой проблемы, в частности боевые операции частей Красной Армии против врангелевских десантов на Кубани¹. В настоящей статье предпринимается попытка выявить обстоятельства появления контрреволюционных сил в Донской, Кубано-Черноморской и Терской областях, в состав которых вошли бывшие территории донского, кубанского и терского казачества; осветить причины их активизации, проследить ход борьбы против контрреволюции на Дону, Кубани и Тереке в апреле — ноябре 1920 года.

Покончив с Колчаком, Юденичем и Деникиным, молодая Республика Советов завоевала мирную передышку, которая, однако, была непродолжительной. Подстрекаемые Антантой, уже в конце апреля 1920 г. перешли в наступление белополяки, а в Крыму активизировались остатки деникинцев, с 4 апреля возглавляемые генералом П. Н. Врангелем. По ленинской оценке², белополяки и врангелевцы представляли собой две руки международного империализма, пытавшиеся задушить Советскую власть.

Получив дипломатическую, материальную и военную помощь от империалистических правительств (Англия затягивала переговоры с Советским правительством о «даровании амнистии» врангелевцам и предоставила белогвардейскому Крыму кредит в размере 14,5 млн. ф. ст.; Франция и США передали белогвардейцам значительную партию танков, бронемашин, пулеметов, винтовок и другого военного снаряжения³), Врангель в начале мая 1920 г. завершил реорганизацию остатков деникинских войск. В ходе этой реорганизации относительная автономия донских и кубанских частей была ликвидирована, принцип организации армии на добровольных началах заменен принципом обязательной мобилизации, а Добровольческая армия получила новое название — Рус-

¹ А. Голубев. Врангелевские десанты на Кубани. М.-Л. 1929; Н. Т. Лихницкий. Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов-на-Дону. 1931; А. А. Кондаков. Разгром десантов Врангеля на Кубани. Краснодар. 1960; Т. Волошко. Памятный двадцатый год. Краснодар. 1964, и др.

² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 330.

³ «Разгром Врангеля. 1920 год». М. 1930, стр. 116; И. С. Коротков. Разгром Врангеля. М. 1955, стр. 31.

ская армия. Части ее, состоявшие в основном из бывших царских офицеров, юнкеров, чиновников, кулаков и зажиточных казаков Дона, Кубани и Терека, были сведены в 4 корпуса общей численностью 27 316 штыков и 4560 сабель⁴.

К завершению реорганизации армии было приурочено оформление плана ее летних операций. Первоначальным его вариантом предусматривалось нанесение удара на Донбасском направлении и выдвижение на рубеж Бердянск — Полога — Александровск — Днепр с целью «обеспечить население и армию Крыма продовольствием; предполагалось затем осуществить выдвижение войск на линию Ростов — Таганрог — Донецкий каменноугольный район — Гришино — Синельниково и овладеть при помощи «восставшего донского казачества» Донской областью; наконец, высвободив основную часть сил, преимущественно казачьих полков, с Донбасского направления, планировалось провести операцию по овладению Таманским полуостровом и, опираясь на «бело-зеленые части» и «восставшее казачество», «освободить Северный Кавказ от большевиков». В ходе наступления командирам соединений и частей предписывалось сообразовывать свои действия с действиями других «противобольшевистских сил... имея в виду основную задачу — свергнуть коммунизм»⁵.

В целях политического и военного обеспечения плана летних операций Врангель во второй половине мая начал предварительные переговоры о согласовании боевых действий с Н. Махно на основе «гарантии равных прав» во взаимоотношениях между врангелевцами и махновцами⁶; опубликовал «Закон о земле»⁷, рассчитанный на удовлетворение требований кулачества, и приступил к проведению мероприятий, направленных на создание подпольных центров, политических банд и активизацию борьбы казачьей верхушки и кулачества казачьих областей против Советской власти. Подчеркивая особую важность этих мероприятий для консолидации контрреволюционных сил, Врангель впоследствии писал: «Единственным источником пополнения армии могли быть еще казачьи земли. При развале армии ген. Деникина десятки тысяч казаков разошлись по домам с конями, оружием и снаряжением. Огромные боевые запасы были оставлены на Северном Кавказе и на Дону... Все это заставляло склониться к перенесению нашей борьбы в казачьи области»⁸.

Обстановка на Дону, Кубани и Тереке в начале мая 1920 г. была довольно сложной. Советская власть получила здесь в наследство от старого строя разрушенную промышленность и разоренное сельское хозяйство. Были выведены из строя крупнейшие на Юге страны металлургические заводы в Таганроге и Сулине, чугунолитейный (б. Лели), сельскохозяйственных машин и машиностроения (б. Нитнера) в Ростове-на-Дону, предприятия Новочеркасска, Екатеринодара, Владикавказа, Грозного и других городов. В связи с репрессиями со стороны белогвардейцев, мобилизациями, голодом и безработицей произошел частичное деклассирование и уменьшение более чем вдвое по сравнению с 1913 г. численности рабочего класса. Почти на 50% сократились посевные площади и поголовье скота. В станицах, аулах, на хуторах не утиха-

⁴ «Разгром Врангеля. 1920 год», стр. 61, 64, 65.

⁵ ЦГАСА, ф. 1204, оп. 1, д. 112, л. 103; «Разгром Врангеля. 1920 год», стр. 253; И. С. Коротков. Указ. соч., стр. 37.

⁶ ЦГАСА, ф. 1204, оп. 1, д. 112, л. 105; «Красный архив», 1930, т. 2, стр. 24; «Из истории гражданской войны в СССР». Т. 3. М. 1961, стр. 141; И. Я. Трифонов. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа. Л. 1964, стр. 44. Весной 1920 г. «повстанческая армия» Махно, численность основного ядра которой достигала 5 тыс. штыков и сабель, вела бои с частями 13-й Красной Армии в Северной Таврии.

⁷ ЦГАСА, ф. 1204, оп. 1, д. 112, л. 110.

⁸ П. Н. Врангель. Белое дело. Т. VI. Берлин. 1928, стр. 120.

ла: классовая борьба. Бедняки (более 40% сельского населения) твердо стояли на позициях Советской власти и были ее опорой. Середняки, испытавшие на себе в полной мере хозяйничанье и бесчинства белогвардейцев, сочувственно относились к мероприятиям партийных и советских органов, но в некоторых случаях проявляли пассивность. Кулаки (количество кулацких хозяйств в 1920 г. колебалось здесь от 3,9% до 8,1% общего числа крестьянских хозяйств), лишившись политического господства, по-прежнему стремились закабалить бедняцко-средняцкие массы экономически и всячески препятствовали советскому строительству на местах. Классовые противоречия усугублялись сословными. Казачество (43% населения Донской, 42% Кубано-Черноморской и 19% Терской областей), составлявшее при царизме привилегированную часть сельского населения (казачеству Дона, Кубани и Терека принадлежало около 70% всей удобной для обработки земли), цепко держалось за свои сословные привилегии и настороженно относилось к «коренному» и пришлому крестьянству и горцам, в прошлом в основной своей массе лишенным земельных наделов и экономически обездоленным⁹.

Положение в Донской, Кубано-Черноморской и Терской областях усугублялось еще и тем, что здесь осело большое количество не успевших бежать за границу помещиков, фабрикантов, заводчиков, чиновников, а также представителей буржуазно-помещичьей интеллигенции. Это создавало почву для возникновения заговорщических организаций. Более 20 тыс. бывших денкинцев перешло на нелегальное положение. Вооруженные группы бандитов (остатки Добровольческой армии общей численностью до 3500 штыков и сабель) скрывались в плавнях рек Протоки и Кубани. В предгорьях Кавказа терроризировали местное население бандитские группы, ранее входившие в состав Кубанской и Терской армий. Их численность превышала 1500 человек¹⁰. Ядро банд составляли офицеры белой гвардии, бывших казачьих войск, представители казачьей верхушки и кулачества. Следовательно, в этом регионе существовала база для формирования контрреволюционных вооруженных сил. В Ростове-на-Дону функционировала организация Лапина, состоявшая из 212 офицеров, отобранных денкинской разведкой для подпольной работы. Ее денежный фонд превышал 500 тыс. руб. золотом. В Екатеринодаре вел подрывную деятельность подпольный центр бывшего статского советника Добринского¹¹.

Решение задач по активизации контрреволюционных сил на Дону Врангель возложил на атамана «Всевеликого войска донского» генерала Богаевского, ставка которого располагалась в Евпатории. В середине мая 1920 г. Богаевский направил в Донскую область члена «Донского войскового круга» полковника Назарова, который, установив связь с организацией Лапина, на ее основе сформировал в Новочеркасске так называемый «Штаб спасения Дона» во главе с полковником Карповым. К началу июня штабу удалось создать широкую сеть периферийных

⁹ Государственный архив Ростовской области (ГАРО), ф. р. 98, оп. 1, д. 43, лл. 33—34; ф. 1824, оп. 1, д. 3, лл. 9—27; «Поотдельские итоги сельскохозяйственной переписи». Краснодар. 1924, стр. 13, 28, 44, 45, 53, 68, 77; «Октябрьская революция и гражданская война в Северной Осетии». Орджоникидзе. 1973, стр. 11; М. И. Овчинников. Советское крестьянство Северного Кавказа (1921—1929 гг.). Ростов-на-Дону. 1972, стр. 26; П. В. Семернин. Первые шаги Донской партийной организации в колхозном движении (1920.— начало 1921 г.). «Ученые записки» Ростовского-на-Дону государственного университета. Т. XXXI. Вып. I. 1955, стр. 35; «Очерки истории Краснодарской организации КПСС». Краснодар. 1966, стр. 269.

¹⁰ ЦГАСА, ф. 192, оп. 1, д. 96, л. 22; оп. 3, д. 775, л. 1; д. 780, л. 4; ГАРО, ф. 1185, оп. 1, д. 10, л. 56; «Красное знамя», 4.V.1920; «История революционного движения на Тереке». Пятигорск. 1924, стр. 129.

¹¹ Партийный архив Ростовской области (ПАРО), ф. 4, оп. 4—1, св. 5, д. 73, л. 2; П. Г. Софиев. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917—1922 гг.). М. 1960, стр. 209.

подпольных организаций в Черкасском, Ростовском, 1-м и 2-м Донских округах. Общая численность членов организации достигла 2 тыс. человек. В Черкасском и 1-м Донском округах появились вооруженные банды численностью до 400 штыков и сабель¹².

Чтобы подчинить Крыму контрреволюционные силы приморской части Кубано-Черноморской области, Врангель в начале мая создал в Керчи «Штаб по организации повстанческих отрядов на Кубани», который установил связь со скрывавшимся в Таманском отделе полковником Щербиной, и поручил ему объединить белогвардейские бандитские группы, скрывавшиеся в плавнях Протоки и Кубани. Одновременно в этот район было переброшено большое количество хорошо подготовленных офицеров, оружие и боеприпасы. К началу июня банды Ейского и Таманского отделов уже выполняли приказы врангелевской ставки¹³. Объединение контрреволюционных сил предгорной полосы Северного Кавказа и пополнение их за счет остатков Донской, Кубанской и Терской армий, интернированных в меньшевистской Грузии¹⁴, ставка Врангеля возложила на генералов Меликова и Туманова. При содействии грузинского меньшевистского правительства они во второй половине мая организовали в Тифлисе так называемый «Комитет помощи генералу Врангелю». В начале июня «Комитет» перебросил в район Екатеринодара несколько вооруженных офицерских групп во главе с полковником Посевинным¹⁵, который вошел в контакт с подпольным центром Добринского и приступил к объединению вооруженных банд в Майкопском и Екатеринодарском отделах и Новороссийском округе.

Однако, пытаясь подчинить Крыму контрреволюционные силы Закубанья, врангелевские эмиссары натолкнулись на противодействие кубанских «самостийников» в лице председателя «Кубанской краевой рады» эсера Тимошенко и председателя «Кубанского правительства» Иваниса, которые в апреле 1920 г. через английского адмирала де-Робека установили связь с правительствами Антанты и под лозунгом борьбы с большевиками, за «независимое существование» Кубанской буржуазной республики «самостоятельно» готовили антисоветское восстание в Кубано-Черноморской области¹⁶. Подготовкой его руководила заговорщическая организация полковника Белова «Круг спасения Кубани», нашедшая пристанище в предгорьях Кавказа. К началу июня она объединила вокруг себя подавляющее большинство бандитских групп, функционировавших в Баталпашинском, Майкопском и Екатеринодарском отделах. Одновременно «Кубанская рада» по согласованию с меньшевистским правительством Грузии создала в районе Потти—Кутанси войсковое соединение численностью до 16 тыс. штыков и сабель. Возглавил его генерал Султан-Гирей¹⁷. Не замедлили пойти на соглашение с Врангелем «терский атаман» генерал Вдовенко и предсе-

¹² «История гражданской войны в СССР». Т. 5. М. 1960, стр. 162; ЦГАСА, ф. 192, оп. 3, д. 778, л. 44; ПАРО, ф. 12, оп. 3, св. 1, д. 89, л. 1; ГАРО, ф. р. 97, оп. 1, д. 162, л. 2; д. 219, лл. 2, 4; ф. 1174, оп. 1, д. 19, л. 16. Округ и отдел — единицы административно-территориального деления бывших казачьих областей.

¹³ ЦГАСА, ф. 192, оп. 3, д. 584, л. 290; д. 780, л. 4; Н. Ковалев. Южная контрреволюция — Врангель. Курск. 1925, стр. 12.

¹⁴ Грузинская меньшевистская республика была образована в мае 1918 года. Сюда стекались бежавшие из Советской России контрреволюционные элементы. В период борьбы с Деникиным меньшевики Грузии оказывали поддержку белогвардейцам. 7 мая 1920 г. между Советским правительством и правительством Грузии был заключен мирный договор, но грузинские меньшевики не отказались от предоставления принята всем антибольшевистским организациям, в том числе «Кубанской краевой раде», «Терскому правительству», «Горскому правительству» и т. д. В марте 1921 г. народное восстание смело меньшевиков, и в Грузии была установлена Советская власть.

¹⁵ А. Шафир. Тайна меньшевистского царства. Тифлис. 1921, стр. 107—108.

¹⁶ Там же, стр. 103—104, 107; «Антанта и Врангель». М.-Л. 1923, стр. 6—7.

¹⁷ ЦГАСА, ф. 192, оп. 3, д. 584, лл. 23, 290—294; д. 780, лл. 4—5; Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), ф. р. 158, оп. 1, д. 126, л. 5.

датель «Терского войскового правительства» Букановский. Их совместными усилиями был образован «Комитет содействия горцам и терским казакам по их освобождению от большевиков». В конце мая он направил в Терскую область генерала Блажнова и полковника Портянкина с задачей подчинить врангелевской ставке антисоветские вооруженные группы, действовавшие в районе Минеральные Воды—Моздок¹⁸. Так на Дону, Кубани и Тереке к июню 1920 г. были созданы крупные контрреволюционные подпольные центры, подчинившие себе остатки скрывавшихся здесь Добровольческой, Донской, Кубанской и Терской армий.

Достигнув соглашения с Францией о предоставлении большей партии вооружения, обмундирования и боеприпасов, договорившись с командующими французским и британским флотами о совместной охране их кораблями и белогвардейским флотом побережья Крыма¹⁹, Врангель 6 июня силами двух армейских корпусов перешел в наступление и, потеснив части 13-й Красной Армии, к концу июня захватил Северную Таврию. Значительную помощь врангелевцам оказали действовавшие в тылу Красной Армии банды Махно. Они разрушали железнодорожное полотно, взрывали мосты, нарушали телефонно-телеграфную связь, осуществляли внезапные налеты на отдельные населенные пункты²⁰. В Северной Таврии Врангель начал осуществлять мобилизацию и изъятие у населения продовольствия, фуража, лошадей. Это вызвало недовольство крестьян. Белогвардейский генерал И. Калинин впоследствии писал: «Стесня сердце, крестьянство Таврии мирилось с реквизициями, с ропотом выполняло подводную повинность, но совершенно отказывалось подчиниться приказам по мобилизации»²¹.

Сопrotивление населения Северной Таврии и начавшееся 4 июля (после прорыва 8 июня фронта белополяков 1-й Конной армией) общее контрнаступление Красной Армии на Польском фронте заставили Врангеля форсировать подготовку к перенесению центра борьбы с Советской властью в казачьи области. В спешном порядке из резерва ставки в восточную часть Северной Таврии был переброшен Донской корпус генерала Абрамова, насчитывавший 7640 спешенных казаков, вооруженных винтовками, 116 пулеметами и 12 орудиями. В Евпатории вернувшись с Дона полковник Назаров стал формировать из числа донцов-добровольцев особую десантную группу, предназначавшуюся для высадки в Донской области на побережье Азовского моря. Генерал Улагай, возведенный Врангелем в ранг заместителя кубанского войскового атамана, приступил к созданию в районе Джанкоя усиленного десанта из офицеров, казаков-кубанцев и юнкеров для высадки на Кубани²².

В это же время подчинявшиеся врангелевской ставке банды в Кубано-Черноморской и Терской областях комплектовались за счет остатков Донской и Терской армий, активизировалась поставка им оружия, боеприпасов и денег. Антисоветские отряды, дислоцировавшиеся в районе Майкопа—Новороссийска—Екатеринодара, пополнялись и снабжались из Сухуми через Кале — Гагры — Адлер — Красную Поляну — перевал Айшхаверновия — р. Лаба, а располагавшиеся в районе Минеральные Воды — Моздок — из Кутаиси через Они — Нальчик. Не отставала от Врангеля и «Кубанская рада». Она форсировала увеличение наличного состава банд «самостийников», используя для этого соединение Султан-Гирея, и снабжение их оружием, предоставленным меньшевистским

¹⁸ «История революционного движения на Тереке», стр. 128, 129; А. Шафир. Указ. соч., стр. 107—108.

¹⁹ «История гражданской войны в СССР». Т. 5, стр. 52—53; «Красный архив», 1930, т. 2, стр. 6.

²⁰ Р. Эйдеман, Н. Какурин. Гражданская война на Украине. Киев. 1928, стр. 55; «Разгром Врангеля. 1920 год», стр. 255.

²¹ Цит. по: «Разгром Врангеля. 1920 год», стр. 237.

²² Там же, стр. 61; ЦГАСА, ф. 931, оп. 1, д. 58, л. 3; ф. 1204, оп. 1, д. 112, л. 104.

правительством Грузии, из Сухуми через Кале — перевал Марух в верховья рек Кубани и Лабы²³.

Получив значительную помощь извне, подпольные организации во второй половине июня приступили к вербовке бывших денкинцев, находившихся на нелегальном положении, а также к установлению контактов с казачьей верхушкой и кулачеством. Контрреволюция пыталась использовать недовольство имущей части населения введением на Дону и Кубани в июне 1920 г. продразверстки, отменой денежных знаков белогвардейских и буржуазных правительств и закупкой для нужд Юго-Западного фронта 16 тыс. лошадей²⁴. Отдельные представители зажиточных слоев казачества, не желая служить в Красной Армии, дезертировали и становились дополнительным связующим звеном между заговорщическими организациями, бандами и антисоветски настроенной зажиточной частью сельского населения. В итоге общая численность вооруженных бандитов значительно выросла. Так, если в начале июня на Дону, Кубани и Тереке, по данным особого отдела Кавказского фронта, их насчитывалось около 5400, то к 7 июля — 13 100 при 50 пулеметах и 12 орудиях²⁵. Они вошли в 36 отрядов, возглавлявшихся опытными военными специалистами — генералами и офицерами. Социальный состав этих банд стал чрезвычайно пестрым: кроме бывших офицеров, чиновников, атаманов, казачьей верхушки и кулачества, в них вошли дезертиры, уголовники и некоторая часть казаков-середняков, в прошлом обманом или силой вовлеченных контрреволюцией в борьбу с Советами в рядах Донской и Кубанской армий и боявшихся возмездия. Основными местами дислокации этих формирований стали Черкасский и Ростовский округа Донской области, Ейский, Таманский, Баталпашинский и Майкопский отделы Кубано-Черноморской области и Пятигорский округ Терской области. Каждая банда, подчинявшаяся «Кубанской раде», получила строго определенный район действий, мужское население которого рассматривалось ею как резерв для будущего пополнения. С целью дезорганизации партийной и советской работы, а также захвата фуража банды совершали налеты на станицы, аулы и хутора, уклоняясь при этом от столкновения с регулярными частями Красной Армии²⁶.

Активизация деятельности контрреволюционных сил поставила перед партийными и советскими органами задачу более тесного сплочения трудящихся масс Донской, Кубано-Черноморской и Терской областей вокруг Советской власти. Под руководством созданного 8 апреля 1920 г. Кавказского бюро ЦК РКП(б) во главе с Г. К. Орджоникидзе повсеместно была развернута широкая агитационно-массовая работа — беспартийные конференции, собрания, митинги и сходы, проводившиеся видными партийными и советскими руководителями. В ней приняли участие М. И. Калинин, посетивший Дон с агитпоездом «Октябрьская революция» в марте 1920 г., и Г. К. Орджоникидзе, совершивший поездку по казачьим областям в апреле с агитпоездом «Красный казак». Казачеству и крестьянству разъяснялись политика Советской власти, ее цели и задачи, Декрет о земле, «Положение о социалистическом землеустройстве» и резолюция Первого Всероссийского съезда трудового казачества «По земельному вопросу», которыми предусматривались отмена частной собственности «на землю, леса, недра, воды, живые силы природы» и передача удобных для обработки земель в безвозмездное поль-

²³ А. Шафр. Указ. соч., стр. 107—108.

²⁴ ЦГАСА, ф. 192, оп. 1, д. 96, лл. 7—9; Партийный архив Краснодарского края (ПАКК), ф. 1, оп. 1, д. 152, л. 6; ГАРО, ф. р. 97, оп. 1, д. 36, л. 17; ГАКК, ф. р. 158, оп. 1, д. 6, л. 73; д. 9, л. 15.

²⁵ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 29, л. 88; ф. 192, оп. 3, д. 778, лл. 44, 46—51; ГАРО, ф. р. 97, оп. 1, д. 162, л. 2; д. 214, лл. 2, 4.

²⁶ ЦГАСА, ф. 192, оп. 3, д. 780, лл. 4, 5; д. 584, л. 294; «История революционного движения на Тереке», стр. 129.

зование трудящимся; вырабатывались конкретные решения по советскому строительству на местах в соответствии с декретом СНК от 25 марта 1920 г. «О строительстве Советской власти в казачьих областях»; определялось отношение трудовых слоев населения к новым поползновениям контрреволюции. В принятых решениях рабочие, трудовое казачество и крестьянство повсеместно выражали готовность встать на защиту завоеваний Октября, не допустить реставрации власти капиталистов и помещиков. «Мы проклинаем всю черную свору царских генералов, помещиков, банкиров, обманувших нас и окончательно разоривших,— говорилось в резолюции митинга, проходившего в станице Петровской, Хоперского округа, Донской области, при участии М. И. Калинина.— Мы клянемся защищать Советскую власть, как единственную защитницу трудового казачества, не только словом, но и делом»²⁷.

Чрезвычайные комиссии, являвшиеся, по определению В. И. Ленина, «нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть»²⁸, особые отделы соединений Красной Армии и политические бюро милиции²⁹ также проводили агитационно-массовую работу, направленную, как указывалось в приказе Реввоенсовета 9-й Кубанской армии и Кубано-Черноморского ревкома от 3 июля 1920 г., «на привлечение сочувствия и поддержки трудящихся масс в борьбе с врагами Советской власти»³⁰. Одновременно было усилено наблюдение за всеми лицами, заподозренными в преступлениях контрреволюционного порядка; более планомерно и целеустремленно, опираясь на партийные, советские органы и трудовые слои населения, проводились обыски, обыски, более тщательно — дознания и следствия. Наиболее опытные работники ЧК и особых отделов направлялись в районы, где создавалось тревожное положение. Этому в значительной степени способствовало пополнение органов охраны революционного порядка коммунистами, улучшение взаимной политической информации между чрезвычайными комиссиями, особыми отделами и милицией; строгая регламентация их работы. В итоге к началу июля 1920 г. удалось разгромить «Штаб спасения Дона» с его периферийными подпольными организациями в станицах Бессергеновской, Заплавской и Манычской, организация Добринского и ряд других³¹.

Задачу вооруженной борьбы с бандами решало командование Красной Армии. В районы их наиболее активных действий оно направляло отдельные подразделения, которым в ряде случаев удавалось настичь антисоветские отряды и нанести им ощутимый урон. Однако для решительных операций против них не хватало сил и средств. Так, численность 9-й Кубанской армии — основной вооруженной силы Советской власти на Кубани — в начале июня не превышала 10 тыс. штыков и сабель и только в первых числах июля увеличилась за счет мобилизации до 14 тыс. человек³², причем ей приходилось постоянно держать значительное количество сил на Таманском полуострове, отделенном от белогвардейского Крыма узким Керченским проливом.

Между тем в Крыму шла подготовка к реализации второй части плана летних операций, предусматривавшей захват Донской области. Непосредственное участие в операции принимала французская военная

²⁷ «История Дона от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней». Ростов-на-Дону. 1967, стр. 78.

²⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 327.

²⁹ Политические бюро были созданы при окружных и отдельных управлениях милиции и выполняли задачи ЧК на местах.

³⁰ ЦГАСА, ф. 192, оп. 1, д. 139, л. 19.

³¹ Там же; ГАРО, ф. р. 97, оп. 1, д. 40, лл. 16, 26; ф. 1174, оп. 1, д. 19, л. 16; ПАРО, ф. 12, оп. 3, св. 1, д. 89, л. 1; П. Г. Софинов. Указ. соч., стр. 209; «Советский Дон», 21.IX.1920.

³² ЦГАСА, ф. 192, оп. 3, д. 778, лл. 44, 46—48.

миссия. Вспоминая об этом, генерал Слащев впоследствии писал: «Сменивший английского ген. Нокса, французский ген. Пелле действовал менее тактично... Пелле уже просто и открыто диктовал Врангелю французскую волю... требовал операции в направлении на Дон»³³. Успех этой операции предполагалось обеспечить координированными действиями Донского корпуса генерала Абрамова, получившего предписание по особому приказу начать наступление на Дон из восточных районов Северной Таврии, и десантной группы полковника Назарова, которая должна была высадиться на северном побережье Азовского моря и «проникнуть в пределы Донской области с целью поднять восстание»³⁴.

1 июля группа Назарова, насчитывавшая до 1800 человек с 2 орудиями, 30 пулеметами, броневиком, двумя автомобилями и радиостанцией, была переброшена из Евпатории в Керчь³⁵. 7 июля отряд врангелевских кораблей с десантом на борту вышел в море и утром 9 июля высадил белогвардейцев западнее Таганрога, в районе Кривой косы. Во второй половине дня Назаров захватил станицу Ново-Николаевскую и приступил к арестам советских работников, не успевших ее покинуть, к насильственной мобилизации мужчин в возрасте от 17 до 55 лет и изъятию у населения лошадей, фуража и продуктов³⁶.

Получив сведения о высадке назаровского десанта, начальник Управления формирования (Упраформа) 1-й Конной армии, дислоцировавшегося в Таганроге, С. К. Мацилецкий в ночь на 10 июля направил в район Ново-Николаевской сводный отряд Таганрогского гарнизона общей численностью до 800 человек при 25 пулеметах и 2 орудиях. К вечеру 10 июля отряд сосредоточился в станице Воробьевка и с 11 по 13 июля вел бои, препятствуя дальнейшему продвижению врага. 14 июля прибыл второй Таганрогский отряд, насчитывавший до 600 бойцов при 14 орудиях, однако врангелевцам удалось продвинуться на северо-восток и захватить станицу Федоровка³⁷. 15 июля приказом командующего 13-й армией была сформирована группа войск во главе с Р. П. Эйдеманом по уничтожению белогвардейского десанта. В ее состав вошли 20-я кавалерийская дивизия, Упразформ 1-й Конной армии и Азовская флотилия³⁸. 16 июля моряки заняли Ново-Николаевскую, создав угрозу белогвардейцам с тыла. С флангов их обошли части кавалерийской дивизии. Фронт продолжал удерживать отряд Таганрогского гарнизона³⁹. Решающий бой был намечен на 17 июля, но Назаров, воспользовавшись темнотой и сильным дождем, в ночь на 17 июля прорвал окружение и, оторвавшись от группы Эйдемана, ушел в направлении Григорьево. Утром 18 июля белогвардейцы перешли железную дорогу Таганрог — Иловайская близ Квашино и устремились в район Соколово — Кундрюцкая⁴⁰.

Одновременно с выходом в центр Донской области назаровского десанта в верхнедонских округах появились банды Махно общей численностью до 300 штыков и сабель. Они стали разгонять Советы, уничтожать коммунистов, советских работников, чекистов. В станицах и на хуторах появились листовки и воззвания, призывавшие к свержению власти «коммунистов-большевиков» путем «революционного бунта» и создания «союза городских и сельских волостных советов рабочих и крестьян без

³³ «Разгром Врангеля. 1920 год», стр. 17.

³⁴ ГАРО, ф. р. 97, оп. 1, д. 516, л. 135.

³⁵ ЦГАСА, ф. 931, оп. 1, д. 58, л. 3; ГАРО, ф. р. 97, оп. 1, д. 727, л. 91.

³⁶ ПАРО, ф. 910, оп. 3, св. 7, д. 315, л. 4; «Белый десант». Таганрог. 1928, стр. 12; Л. Берз, К. Хмелевский. Героические годы. Ростов-на-Дону. 1964, стр. 333; «Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.)». Т. 3. М. 1974, стр. 330.

³⁷ «Белый десант», стр. 12—15.

³⁸ «Директивы командования фронтов...». Т. 3, стр. 744.

³⁹ «Белый десант», стр. 26—28.

⁴⁰ «Директивы командования фронтов...». Т. 3, стр. 221, 331, 332.

диктатуры какой-либо партии»⁴¹. Проникновение вооруженных сил контрреволюции извне послужило сигналом для перехода к активным действиям подпольных заговорщических организаций, казачьей верхушки и кулачества. В районе Екатерининской вспыхнул кулацкий мятеж. В станицах Багаевской, Ольгинской и Егорлыкской количество участников готовившегося восстания достигло 3 тыс. человек. В районах Гундоровская — Каменская и Чернышевская возникли новые вооруженные банды⁴².

Организуя борьбу с активизировавшейся контрреволюцией, Донской областной комитет РКП(б), Донисполком, командование Кавказским фронтом и Северо-Кавказским военным округом (СКВО) приняли экстренные меры для еще более тесного сплочения трудящихся масс вокруг Советской власти и мобилизации их на ее защиту, пресечения выступлений кулацких элементов и локализации действий заговорщических организаций, уничтожения появившихся на Дону антисоветских вооруженных сил. В районы наиболее тревожной обстановки была командирована большая группа партийных и советских руководителей, политработников Красной Армии, работников особых отделов и ЧК, агитаторов с целью оказать помощь местным партийным и советским организациям, органам охраны революционного порядка в деле улучшения агитационно-массовой работы, разоблачения и изоляции агентуры контрреволюции, проведения партийной мобилизации и создания отрядов особого назначения и самообороны. Одновременно командование СКВО усилило военные гарнизоны станиц, в которых контрреволюция пыталась спровоцировать антисоветские восстания; Доноблисполком в ряде округов создал ревкомы⁴³. Для борьбы с контрреволюцией были проведены 10-процентная мобилизация коммунистов и 3-процентная мобилизация членов профсоюзов; созданы при окружных ревкомах отряды особого назначения из коммунистов, комсомольцев и советских работников численностью до 600 штыков и сабель каждый, в станицах и на хуторах Нижнего Дона организованы отряды самообороны из советских активистов и представителей трудового казачества и крестьянства, насчитывавшие от 50 до 100 человек. В результате был ликвидирован мятеж в станице Екатерининской, сорваны попытки контрреволюции спровоцировать антисоветские выступления в ряде других станиц и соединить свои силы с белогвардейским десантом. Общая численность примкнувших к Назарову вооруженных лиц не превысила 100 человек⁴⁴.

Командование Кавказским фронтом 20 июля сформировало специальную группу войск во главе с Н. В. Куйбышевым. В нее вошли 2-я Донская, 9-я стрелковая дивизии и корабли Донской речной флотилии⁴⁵. 22 июля части группы были направлены в 1-й Донской округ с задачей настигнуть прорвавшихся туда белогвардейцев и разгромить их. 23 июля 3-я бригада 2-й Донской дивизии у Нижне-Кундрюческой вошла в соприкосновение с противником. Бой продолжался до наступления темноты. Ночью назаровцы форсировали Донец и 24 июля захватили Константиновскую, которую ставка Врангеля рассматривала как основную базу контрреволюционного восстания на Дону. В Северной Таврии врангелевцы 25 июля перешли в наступление в районе Орехов — Жеребец, овладе-

⁴¹ ГАРО, ф. р. 97, оп. 1, д. 599, лл. 22, 24, 25, 28; д. 602, л. 51.

⁴² «Директивы командования фронтов...». Т. 3, стр. 333.

⁴³ ЦГАСА, ф. 109, оп. 1, д. 44, л. 122; ПАРО, ф. 4, оп. 1, св. 1, д. 9, л. 67; ГАРО, ф. р. 97, оп. 1, д. 40, лл. 12, 14; д. 214, л. 5; д. 277, л. 9; д. 516, л. 135; д. 727, л. 82.

⁴⁴ ПАРО, ф. 4, оп. 1, св. 1, д. 9, лл. 19, 20; ГАРО, ф. р. 97, оп. 1, д. 219, л. 5; д. 277, л. 9; д. 599, л. 27; д. 715, лл. 28, 29.

⁴⁵ ЦГАСА, ф. 192, оп. 4, д. 628, л. 264; «Директивы командования фронтов...». Т. 3, стр. 333, 747.

ли этими пунктами и двинулись на Александровск. Возникла угроза прорыва белогвардейцев в глубь Донбасса и выхода их к границам Донской области.

В течение ночи и первой половины дня 25 июля к Константиновской были стянуты части группы, включая корабли «Лейтенант Шмидт» и «Тухачевский». В 16 часов началась артподготовка, а в 17 — атака. Бой продолжался до 24 часов и закончился полным разгромом белогвардейцев. Противник потерял до 800 человек убитыми и речеными, всю боевую технику и обоз. Лишь несколькими небольшими группами врангелевцев удалось переправиться через Дон и уйти в юго-восточном направлении⁴⁶. Подводя итоги боя, Н. В. Куйбышев в приказе от 27 июля особо подчеркнул, что задача была выполнена благодаря исключительной «храбрости, исполнительности и беззаветной преданности делу революции красноармейцев, командиров и комиссаров частей группы»⁴⁷. Участь врангелевского десанта разделили и банды Махно. Отряд особого назначения ревкома Донецкого округа во главе с военкомом Некрасовым нанес им значительный урон и в конце июля вытеснил за пределы Донской области⁴⁸. В первых числах августа было покончено также с бандами контрреволюционного подполья нижнедонских округов, впитавших в себя остатки назаровцев. Сам Назаров попал в плен, но, воспользовавшись беспечностью конвоиров, бежал и скрылся в районе Семикаракорской⁴⁹.

Так провалилась попытка Врангеля свергнуть Советскую власть на Дону. Произошло это, как отмечалось в докладе Облпарткома в ЦК РКП (б), не только потому, что части Красной Армии с честью справились с поставленной перед ними задачей, но и потому, что в области была создана такая политическая обстановка, при которой контрреволюции «поднять казачью массу против Советской власти... увлечь вновь за собой казаков не удалось»⁵⁰.

После высадки назаровского десанта в Крыму врангелевцы начали подготовку к захвату территории Северного Кавказа. Обеспечить успех операции должно было заключение соглашения с «казачьими правительствами». Особое место при этом отводилось установлению тесных контактов с «Кубанской радой». 8 июля 1920 г. в Феодосии состоялся «Съезд членов Кубанской краевой рады и уполномоченных станиц Кубанского края», находившихся в Крыму. Съезд высказался за «координацию военных действий вооруженных сил Крыма и Кубани». Председатель «Кубанского правительства» Иванис 14 июля выехал из Грузии в Крым и включился в разработку «Соглашения между правителем и главнокомандующим вооруженными силами юга России и атаманами и правительствами Дона, Кубани, Терека и Астрахани». 4 августа этот «документ» был подписан. В нем провозглашалась независимость «государственных образований» Дона, Кубани, Терека и Астрахани как в управлении, так и во внутреннем устройстве, а за главнокомандующим признавались вся полнота власти над вооруженными силами в оперативном и организационном отношениях, право осуществлять всякого рода сношения с иностранными государствами, а также право установления

⁴⁶ ЦГАСА, ф. 931, оп. 1, д. 58, л. 3; ГАРО, ф. р. 97, оп. 1, д. 715, л. 128; д. 724, л. 97; «9-я стрелковая Донская дивизия. Исторический очерк». Ростов-на-Дону. 1930, стр. 22.

⁴⁷ «Герои гражданской войны». М. 1963, стр. 397.

⁴⁸ ГАРО, ф. р. 97, оп. 1, д. 599, л. 27.

⁴⁹ ПАРО, ф. 4, оп. 4, св. 1, д. 1, л. 43; ГАРО, ф. р. 97, оп. 1, д. 620, л. 5; «Советский Юг», 3.II и 31.VIII. 1921. 2 августа продвижение белогвардейцев в глубь Донбасса было остановлено на рубеже р. Московка.

⁵⁰ Б. И. Степаненко. Борьба с вооруженной контрреволюцией на Дону и Кубани и ее разгром (март 1920—1922 гг.). Автореф. канд. дисс. Ростов-на-Дону. 1972, стр. 14.

единой денежной системы и ведения внешней торговли⁵¹. Так Врангелю удалось подчинить себе все «правительства» казачьих областей.

Решив эту задачу, Врангель обратился к правительству Франции с просьбой о признании «Правительства вооруженных сил Юга России». Основой должен был послужить заключенный в июле 1920 г. тайный договор между Францией и Врангелем, по которому последний признавал царские долги, предоставлял французским империалистам «после свержения Советов» право эксплуатировать все железные дороги и таможи Европейской части России, вывозить излишки хлеба с Украины и Кубани, 75% добычи нефти Кавказа, 25% угля Донбасса и контролировать финансовое и промышленное «министерства»⁵². Французское правительство, встревоженное положением дел на Польском фронте (Красная Армия, продолжая наступление, 14 августа вышла к Варшаве), ответило согласием: «Принимая во внимание военные успехи и усиление правительства ген. Врангеля, а также его заверения относительно демократического характера его внутренней политики и верности прошлым обязательствам России, французское правительство решило признать правительство ген. Врангеля фактическим правительством Южной России»⁵³.

Признание «правительства Врангеля» де-факто было подкреплено новой значительной материальной и военной помощью. Так, в августе 1920 г. Румыния и Болгария, выполняя волю французских империалистов, передали белогвардейскому Крыму 38 тыс. винтовок и 64 млн. патронов, Франция — корабль «Изер» с командой французских моряков, США — 436 пулеметов, 3130 винтовок, 2 479 600 патронов, 456 пудов стали и 344 ящика инструментов⁵⁴. Одновременно из Польши через Румынию в Севастополь были перевезены остатки деникинской армии, отступившие весной 1920 г. на запад и сведенные в отряд численностью до 10 тыс. человек под командованием генерала Бредова⁵⁵. Таким образом, в ходе подготовки к захвату Северного Кавказа врангелевцы получили широкую поддержку империалистов и свергнутых «демократических правительств» казачьих областей.

Для руководства предстоящими операциями штаб Врангеля 10 августа перебазировался из Севастополя в Феодосию, а полевой штаб — в Керчь, где 12 августа сосредоточилась и десантная группа под командованием генерала Улагая, насчитывавшая 12 500 штыков и сабель при 25 орудиях и 283 пулеметах⁵⁶. Перед нею была поставлена задача овладеть побережьем Кубано-Черноморской области в районе Приморско-Ахтырская — Новороссийск и, присоединив к себе «повстанческие отряды», продвигаться в направлении на восток с конечной целью захватить Екатеринодар и соединиться с вооруженными силами контрреволюции предгорной полосы Северного Кавказа. После этого в связи с неудавшимся десантом полковника Назарова и непрочностью положения в Северной Таврии предполагалось оттянуть войска к Перекопу, перебросить Донской корпус на Таманский полуостров и попытаться захватить Донскую область с юга⁵⁷.

Объединение сил контрреволюции сопровождалось дальнейшим значительным ростом и организационным оформлением вооруженных банд в Кубано-Черноморской и Терской областях. К середине июля числен-

⁵¹ «Русское дело», 21.VI(4.VII).1920; «Грузия», 14.VII. 1920; А. Голубев. Указ. соч., стр. 165—166.

⁵² Т. Голоконников. Французская буржуазия и юда Врангель. М. 1920, стр. 15.

⁵³ «Антанта и Врангель», стр. 22.

⁵⁴ Н. Ковалев. Указ. соч., стр. 28; «Красный архив», 1930, т. 2, стр. 33; 1930, т. 3, стр. 5.

⁵⁵ «Разгром Врангеля. 1920 год», стр. 48.

⁵⁶ «История гражданской войны в СССР». Т. 5, стр. 168; «Гражданская война». Т. 3. М.-Л. 1930, стр. 498.

⁵⁷ «Разгром Врангеля. 1920 год», стр. 48.

ность «повстанческих отрядов» Ейского, Таманского отделов и Новороссийского округа за счет десантной группы полковника Скакуна, высадившейся 14 июля в районе Ачуевской косы, увеличилась до 5500 человек при 41 пулемете и 1 орудии. Штаб «повстанческих отрядов» расположился на Орлином острове Карпильского лимана. Одновременно количество бандитов в Пятигорском округе за счет «частей карачаевцев» из соединения Султан-Гирея достигло 2800 сабель. Их штаб во главе с полковником Крым-Шамхаловым разместился в Боргустанской. Банды Майкопского, Баталпашинского и Лабинского отделов, пополненные частями казаков из соединения Султан-Гирея, численно выросли до 11 400 штыков и сабель при 55 пулеметах и 6 орудиях. Возглавивший их ставленник «Кубанского правительства» генерал Фостиков, объявив станицу Верхний Карданик местом дислокации своей ставки, приступил к формированию «Армии возрождения России»⁵⁸. Стремясь привлечь в ее ряды не только кулачество, но и середняка, ставка Фостикова выпустила «Воззвание» с изложением «политической платформы», одинаково приемлемой для приверженцев буржуазной «демократии» любой масти — от меньшевиков и эсеров до кадетов. В нем наряду с призывом к борьбе за Учредительное собрание прокламировались народовластие на местах и твердая государственная власть, неприкосновенность личности и право вероисповедания, ликвидация сословных привилегий и даже обеспечение земель на основе изданных Советским правительством законов⁵⁹. Опираясь на эту «платформу», Фостиков 23 июля объявил мобилизацию казаков предгорной полосы восьми возрастов и за счет этого к 1 августа увеличил общую численность своей «армии» до 14 200 штыков и сабель. Росту и организационному оформлению банд сопутствовал переход их от налетов на станицы, аулы и хутора к глубоким рейдам с последующим захватом отдельных районов и превращением их в опорные пункты контрреволюции, источники продовольствия, фуража, пополнения людскими резервами и конским составом⁶⁰.

Продолжавшаяся активизация антисоветских сил потребовала от партийных и советских органов Кубано-Черноморской и Терской областей и военного командования принятия более эффективных мер для мобилизации усилий трудящихся масс на борьбу против контрреволюции, за политическую изоляцию антисоветски настроенных элементов, локализацию действий подпольных центров и ликвидацию созданных ими банд. Кубано-Черноморский и Терский областные комитеты РКП(б) в начале августа направили в отделы и округа новый большой отряд партийных работников и коммунистов с целью усиления политической работы и обратились к рабочим, казакам, крестьянам и горской бедноте с воззваниями, в которых призывали их к объединению для совместной борьбы против «бело-зеленых», за мирную трудовую жизнь. «Надежные цепи,— говорилось в воззвании «Ко всем трудящимся Терской области»,— труднее разорвать. Легче не дать надеть»⁶¹. Принимались меры по укреплению советских органов на местах и наведению революционного порядка в станицах, аулах и хуторах. Важным мероприятием Кубано-Черноморского областного ревкома была организация «Особой комиссии по борьбе с бело-зелеными», которая 9 августа 1920 г. специальным обращением к населению Кубани объявила запись добровольцев для борьбы против Врангеля, за «народную власть — власть Советов»⁶² и на-

⁵⁸ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 29, л. 88; ф. 192, оп. 3, д. 584, лл. 25, 27—29; д. 778, лл. 53, 57, 59; д. 945, л. 15.

⁵⁹ ЦГАСА, ф. 192, оп. 1, д. 129, л. 91; ПАКК, ф. 2815, оп. 1, д. 92, л. 2.

⁶⁰ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 29, л. 97; ф. 192, оп. 3, д. 778, л. 52; ф. 1204, оп. 1, д. 112, л. 115.

⁶¹ «Коммунист», 12.VIII.1920.

⁶² ГАКК, ф. р. 158, оп. 1, д. 10, л. 5; ф. р. 411, оп. 2, д. 375, л. 19; Т. Волошко: Указ. соч., стр. 29.

правила своих представителей в наиболее тревожные районы с целью разложения банд и возвращения из них к мирной жизни тех, кто силой, обманом или по своей несознательности оказался втянутым в антисоветскую деятельность. Командование 9-й Кубанской армии сформировало на базе Ейского укрепрайона, 22-й и 34-й стрелковых дивизий три полка особого назначения численностью до 850 штыков и сабель каждый. В тесном взаимодействии с частями 1-й кавдивизии они в первых числах августа нанесли значительный урон бандам Ейского, Таманского отделов и Новороссийского округа. В то же время части 22-й дивизии локализовали действия антисоветчиков в районе Армавира, а части 34-й и 12-й дивизий приостановили продвижение в северном направлении «армии» Фостикова⁶³.

Мероприятия партийных, советских и военных органов способствовали значительной локализации действий контрреволюции, нормализации политической обстановки в целом, обеспечили активную поддержку Советской власти со стороны не только бедняцких масс, но и середняка. 7 августа 9-я Кубанская армия начала планомерное уничтожение банд в предгорной полосе Северного Кавказа. Для этого были сформированы две специальные группы войск армейского подчинения во главе с командиром 22-й бригады Цыпляевым и начальником 12-й кавдивизии Глагольевым. В ходе упорных боев противник к 15 августа был полностью изгнан из Майкопского и частично из Баталпашинского и Лабинского отделов, потеряв убитыми и пленными около 1500 человек⁶⁴.

Однако дальнейшее развитие намечившегося успеха было приостановлено проникновением на Кубань врангелевских десантов. Первая десантная группа (силами до 8050 штыков и сабель при 17 орудиях и 243 пулеметах) под командованием генерала Улагая 14 августа высадилась в районе Приморско-Ахтырской (в тот же день в контрнаступление под Варшавой перешли белополяки, а 21 августа войсками Юго-Западного фронта был оставлен Брест) и вечером 18 августа вышла на рубеж Тимашевская — Брюховецкая — Ново-Нижне-Стеблиевская — Ново-Николаевская — Старо-Величковская, создав непосредственную угрозу Екатеринодару. Вторая десантная группа (общей численностью до 1500 штыков и сабель при 2 орудиях и 15 пулеметах) во главе с генералом Череповым 17 августа высадилась северо-западнее Новороссийска и к исходу 18 августа создала угрозу изоляции города⁶⁵.

Эти действия врангелевцев послужили сигналом для перехода в контрнаступление в направлении Армавира и Майкопа «Армии возрождения России». К 22 августа 12-я кавалерийская, 14-я и 34-я стрелковые дивизии отошли на рубеж Костромская — Ярославская — Попутная — Бесскорбная — Вознесенская. В это же время полковник Крым-Шамхалов, прикрывая наступление фостиковцев с востока, совершил налет на Боргустанскую⁶⁶. Так контрреволюции удалось создать фронт (около 30 тыс. активных штыков и сабель) борьбы против Советской власти, охватывавший полукольцом Кубано-Черноморскую область. Правым и левым крылом он был нацелен на Екатеринодар, где предполагалось путем восстания свергнуть власть Советов. «Час восстания настал, — гласила листовка, распространявшаяся в те дни агентурой белогвардейцев. — Все к оружию! Соединяйтесь в отряды! Прервите железную, телеграфную и телефонную связь красных! Не давайте соединяться разбросанным частям красноармейцев и коммунистов!»⁶⁷.

⁶³ ЦГАСА, ф. 192, оп. 3, д. 574, л. 75; д. 590, л. 3; д. 828, л. 2.

⁶⁴ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 29, л. 97; ф. 192, оп. 3, д. 574, лл. 75, 77; д. 607, л. 1; д. 930, л. 281.

⁶⁵ А. А. Кондаков. Указ. соч., стр. 47—62, 79—80.

⁶⁶ ЦГАСА, ф. 109, оп. 3, д. 173, л. 7; ф. 192, оп. 1, д. 126, л. 160; оп. 3, д. 930, л. 281; «История гражданской войны в СССР». Т. 5, стр. 82; «История революционного движения на Тереке», стр. 130. А. Голубев. Указ. соч., стр. 134—136.

⁶⁷ Цит. по: А. Голубев. Указ. соч., стр. 36—37.

Получив сведения с Кубани и Терека, Врангель 19 августа поспешил известить все посольства и миссии империалистических стран о расширении его войсками территории «правительства Юга России» и присвоении ему в связи с этим титула «главнокомандующего Русской армией»⁶⁸. Сообщение было рассмотрено Военным комитетом Антанты. В подготовленной им затем записке о новом плане ведения войны против Советской страны особо подчеркивалось, что деятельность Антанты и в дальнейшем должна быть направлена «на то, чтобы морально и материально поддерживать Врангеля,.. а также на то, чтобы с пользой для него и под его единым руководством организовывать сотрудничество вооруженных сил, которые могут быть введены в действие»⁶⁹.

Активизация вооруженной контрреволюции в Кубано-Черноморской и Терской областях грозила Советскому государству военными осложнениями. «В случае неликвидации Врангеля в течение короткого времени,— сообщало 1 августа Центральному Комитету партии Кавказское бюро ЦК РКП (б),— мы рискуем временно лишиться Северного Кавказа»⁷⁰. Рассмотрев это сообщение, Политбюро ЦК РКП(б) 2 августа приняло решение о создании Южного фронта. Подчеркивая чрезвычайную значимость этого решения, В. И. Ленин указывал, что «в связи с восстаниями, особенно на Кубани... опасность Врангеля становится громадной»⁷¹. 5 августа Пленум ЦК РКП(б) утвердил решение Политбюро и постановил: «Признать, что Кубано-врангелевский фронт должен идти впереди Западного фронта»⁷². В тот же день было разослано циркулярное письмо ЦК РКП(б), в котором местным партийным организациям предлагалось в двухнедельный срок провести специальную мобилизацию коммунистов. Только в течение второй половины августа на врангелевский фронт было направлено 950 членов партии и 1330 членов профсоюзов, многие из которых влились в ряды воинских частей, действовавших на Кубани и Тереке⁷³.

19 августа вопрос о врангелевском фронте был вновь поставлен на обсуждение Политбюро. После заседания В. И. Ленин передал Кавказскому бюро ЦК РКП(б) телеграмму, в которой сообщалось о выделении Центральным Комитетом ответственных работников из центра в распоряжение бюро и содержалось требование «строжайшим образом учитывать и распределять силы, имея главной задачей врангелевский фронт»⁷⁴. Среди тех, кто по решению ЦК партии был направлен на Юг страны в августе 1920 г., вновь был М. И. Калинин, возглавивший агитпоезд «Октябрьская революция»⁷⁵. 20 августа Политбюро приняло решение о переброске из Баку на Северный Кавказ Г. К. Орджоникидзе. «Сегодня,— телеграфировал ему В. И. Ленин,— провели в Политбюро обязательный выезд Ваш в Ростов для ближайшего участия в ликвидации десантов на Кубани и Черноморье. Ускорьте и налягте на это изо всех сил, извещайте меня чаще»⁷⁶. Несколько дней спустя В. И. Ленин предложил Ф. Э. Дзержинскому продумать и выработать экстренные меры борьбы с опасностью восстания на Кубани и мобилизовать для решения этой задачи лучшие военные, чекистские и партийные силы. «Если мы получим восстание на Кубани,— писал В. И. Ленин,— *вся наша политика... крахнет*. Надо во что бы то ни стало не допустить восстания, не пожалеть на это людей и сил»⁷⁷. Значительную помощь оружием

⁶⁸ «Красный архив», 1930, т. 3, стр. 3.

⁶⁹ Цит. по: «Из истории гражданской войны в СССР»: Т. 3, стр. 152.

⁷⁰ См. там же, стр. 383.

⁷¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 51, стр. 247.

⁷² Цит. по: «История гражданской войны в СССР». Т. 5, стр. 166.

⁷³ Там же, стр. 166, 169.

⁷⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 51, стр. 349.

⁷⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1252, оп. 1, д. 67, л. 70.

⁷⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 51, стр. 265.

⁷⁷ Там же, стр. 271.

и боеприпасами оказал Кавказскому фронту Реввоенсовет Республики, а командование фронта, в свою очередь, осуществив перегруппировку воинских частей, заметно усилило 9-ю Кубанскую армию.

Получив ощутимую поддержку, местные партийные и советские органы сделали новый шаг по пути политической изоляции контрреволюции. 15 августа Кубано-Черноморский обком РКП(б) объявил «Неделю борьбы с Врангелем», в ходе которой повсеместно проводились митинги, собрания и демонстрации, распространялись листовки, осуществлялась мобилизация 10% коммунистов и запись добровольцев⁷⁸. Неоценимое значение имели выступления М. И. Калинина, его задушевные беседы с трудовым казачеством и крестьянством. «Дорогой Калинин! — писали делегаты съезда трудящихся Тамани. — Передайте рабочим и крестьянам, что трудовые казаки, крестьяне и рабочие Таманского отдела не приняли подлого барона Врангеля, зеленых из плавней возьмем домой, противящихся Советской власти уничтожим, хлеб — продовольствие дадим, помощь Красной Армии пошлем, на измену не пойдем. Десанта не пустим. Будем все советские»⁷⁹.

Все эти мероприятия способствовали дальнейшему улучшению политической обстановки в Кубано-Черноморской области. Так, в центральных отделах начало третьей декады августа характеризовалось уже высоким революционным подъемом трудящихся масс, создавших в станицах и хуторах отряды самообороны и давших большое количество добровольцев. Только в Екатеринодарском отделе в ряды борцов против контрреволюции вступило около 6 тыс. казаков и крестьян⁸⁰. Эти настроения быстро передались трудящимся отделов, временно оккупированных антисоветскими вооруженными силами. «Самое скверное, по общему мнению, заключается «в подвохе» населения, — констатировал впоследствии участник врангелевских десантов Валентинов, —... бесспорно, престиж наш надолго сведен почти к нулю... Население все пряталось... фурманки вывозили к озерам и топили их в воде на время нашего пребывания. Скот и лошадей спасали от разграбления, угоняя их в плавни и камыши»⁸¹. «Молодые начинают разбегаться, — подчеркивалось в информационном бюллетене «Особой комиссии» при характеристике политического настроения личного состава «армии» Фостикова. — Остаются старики и отъявленные бандиты»⁸².

Авантюристические расчеты Врангеля потерпели крах: вместо ожидаемого им антисоветского восстания на Кубани развернулось движение, направленное против контрреволюционных сил. В ходе «Недели борьбы с Врангелем» были успешно решены задачи, стоявшие перед органами охраны революционного порядка. Опираясь на трудящиеся массы, Кубано-Черноморская ЧК совместно с особым отделом 9-й Кубанской армии и милицией ликвидировала заговорщический «Круг спасения Кубани», подпольную организацию «самостийников» в Армавире, белогвардейскую группу полковника Пацука в Ейске⁸³. Это нарушило связи вооруженной контрреволюции с казачьей верхушкой и кулачеством центральных отделов области и подорвало в среде кулацких элементов веру в успех антисоветской авантюры.

22 августа 9-я Кубанская армия перешла в наступление против Улагая и к 24 августа освободила станицы Роговскую, Поповичскую, Тимашевскую, Ольгинскую, Петровскую, Старо-Джерелиевскую и ряд других. Одновременно 64-я бригада 22-й стрелковой дивизии прижала к морю группу генерала Черепова, и в ночь с 23 на 24 августа, потеряв около

⁷⁸ ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 7, л. 11.

⁷⁹ Цит. по: Т. Волошко. Указ. соч.; стр. 43.

⁸⁰ Н. Т. Лихницкий, Указ. соч., стр. 59.

⁸¹ Там же, стр. 58.

⁸² ЦГАСА, ф. 192, оп. 1, д. 124, л. 66.

⁸³ Там же, л. 67; ГАКК, ф. р. 158, оп. 1, д. 126, л. 5.

50% личного состава, ее остатки погрузились на корабли и бежали в Крым. Пытаясь изменить ход боевых действий, Врангель 24 августа высадил в районе Таманской десантников генерала Харламова численностью в 2900 штыков и сабель при 6 орудиях и 25 пулеметах. 25 августа они заняли Вышне-Стеблиевскую и объявили мобилизацию мужского населения в возрасте от 16 до 50 лет. Поддержка с правого фланга позволила Улагая во второй половине дня 25 августа сконцентрировать ударную группу в районе Степной, Ново-Николаевской, Ново-Нижне-Стеблиевской, Старо-Джерелиевской с целью перейти в контрнаступление. Однако успешный десант морской экспедиционной дивизии Азово-Черноморской флотилии, создавшей угрозу белогвардейцам с тыла в районе Приморско-Ахтырской, заставил Улагая изменить решение и приступить к отводу своих сил в район Ачуева. Внезапный налет на его штаб десанта Е. И. Ковтюха (комиссар — Д. А. Фурманов), скрытно подошедшего на пароходах по р. Протоке к Ново-Нижне-Стеблиевской, дезорганизовал управление улагаевцев и превратил их отвод в паническое бегство. Одновременно 65-я бригада 22-й стрелковой дивизии не только приостановила продвижение группы Харламова, но и отбросила ее к морю. Завершила разгром белогвардейцев на Таманском полуострове 2 сентября 33-я кавбригада, захватив в бою под Таманской свыше 650 пленных, 2 орудия, броневик и 8 пулеметов. Лишь незначительные остатки харламовцев на пароходах бежали в Крым. Туда же 7 сентября ушли последние корабли с остатками разгромленного десанта Улагая и банд Ейского и Таманского отделов⁸⁴.

Более тревожное положение создалось в юго-восточных отделах Кубано-Черноморской и северо-западных округах Терской областей. До 31 августа «армии» Фостикова удавалось сдерживать атаки 12-й кавалерийской и 31-й стрелковой дивизий. Для перехода в решительное наступление этим дивизиям необходимы были пополнение и специальный оперативный план ликвидации белогвардейцев. Эту задачу командование 9-й Кубанской армии решило к 4 сентября. В район действий Фостикова была подтянута 14-я стрелковая дивизия. Сформированные здесь две ударные группы численностью до 11 600 штыков и сабель при 76 орудиях, 285 пулеметах 5 сентября начали наступление. Главной задачей войск было «отсечение противника от горных проходов с последующим его окружением и уничтожением»⁸⁵. 7 сентября сопротивление белогвардейцев было сломлено, а 8 сентября они отступали уже по всему фронту, неся большие потери. 10 сентября «Армия возрождения России» как боеспособная организованная сила перестала существовать. В этот же день Г. К. Орджоникидзе телеграфировал В. И. Ленину: «Ни одного солдата из десанта Врангеля на Кубани нет. Банды генерала Фостикова и Крыжановского частью истреблены, частью прижаты к горам. Операция еще не закончена. У нас, безусловно, превосходство людских и технических сил, но сильно затрудняют операцию условия горной войны»⁸⁶.

Так потерпела крах тщательно подготовленная попытка Врангеля объединенными усилиями контрреволюции свергнуть Советскую власть на Кубани и Тереке. Это поражение заставило его спешно пересмотреть «план летних операций» и взять на вооружение «новый план»: переход в наступление на Крымском участке фронта силами 1-й и 2-й армий соответственно в восточном и западном направлениях, чтобы предупредить возможный выход из войны Польши и расширить территорию «правительства Юга» за счет Донбасса, Дона и Правобережной Укра-

⁸⁴ «История гражданской войны в СССР», Т. 5, стр. 168, 171, 172; А. А. Кондаков в. Указ. соч., стр. 47—62, 68—107.

⁸⁵ ЦГАСА, ф. 192, оп. 3, д. 603, л. 1.

⁸⁶ «Директивы командования фронтов...», Т. 3, стр. 353—354.

ины⁸⁷. В политическом отношении обеспечить план наступления должно было выполнение указаний Военного комитета Антанты о свержении Советской власти в России «путем создания врангелевской России и освобождения казачьих территорий, затем путем создания Украинской России, Белоруссии» на принципах «федеративного устройства»; в военном отношении — соглашения с «правительством» Петлюры о координации военных операций и с правительством Польши о формировании на ее территории из русских интернированных войск 80-тысячной «Третьей русской армии» Б. Савинкова как составной части армии Врангеля⁸⁸. Свергнуть Советскую власть в Донской области предполагалось путем согласованных действий Донского корпуса 1-й армии Врангеля, «армии» Махно и «восставшего казачества Дона» во главе с полковником Назаровым. Последнему к этому времени удалось восстановить контакты с организацией Лапина, уцелевшими от разгрома периферийными ее отделениями, остатками своего десанта, осевшими в балках, лесах и камышах нижнедонских округов, и сформировать в Константиновской подпольный центр под вывеской «Белая боевая организация». Восстание намечалось начать по сигналу из Крыма с «варфоломеевской ночи», в ходе которой предполагалось «без единого выстрела вырезать поголовно всех коммунистов и ответственных работников», списки с адресами которых были составлены заранее⁸⁹.

В первых числах сентября «армия» Махно силами до 5 тыс. штыков и сабель при 9 орудиях и 100 пулеметах прорвалась в Донецкий округ Донской области и 10 сентября захватила Миллерово. 14 сентября перешел в наступление на фронте от Азовского моря до железнодорожной линии Федоровка — Верхне-Токмак Донской корпус, усиленный кубанской конницей. Несмотря на упорное сопротивление 40-й и 42-й стрелковых дивизий 13-й Красной Армии, корпус быстро продвигался на восток⁹⁰. Над Доном вторично нависла серьезная опасность.

Концентрируя свои силы для борьбы с вооруженной контрреволюцией, партийные органы Донской области объединили отряды ЧОН с караульными частями и отрядами милиции, перевели на казарменное положение коммунистов, вооружили рабочих, трудовое казачество и крестьянство и на этой основе повсеместно создали отряды самообороны⁹¹. Командование войсками Донской области направило в Донецкий и 1-й Донской округа три бригады 1-й Донской стрелковой дивизии и части 37-й бригады ВОХР. В результате уже 11 сентября махновцы были выбиты из Миллерова и с боями отошли в Верхне-Донской округ. 20 сентября они захватили Краснопокровскую, а в ночь на 23 сентября Карчиковскую, но вскоре были изгнаны и оттуда. Затем еще несколько дней махновцы металась по территории верхнедонских округов, безуспешно пытаясь поднять восстание. Наконец, 30 сентября, потеряв значительное количество личного состава своей «армии», Махно отступил через Чертоково на Правобережную Украину и 2 октября обратился к командующему войсками сформированного по постановлению Реввоенсовета Респуб-

⁸⁷ К 15 сентября находившиеся в Северной Таврии войска Врангеля пополнил остатками кубанских десантов и разделил их на две самостоятельные армии. В состав 1-й армии ген. Кутепова вошли 1-й Добровольческий и Донской корпуса; в состав 2-й армии ген. Драценко — 2-й и 3-й армейские корпуса с несколькими мелкими частями. В резерве «главнокомандующего» остались отдельный конный корпус ген. Барбовича и кубанские части ген. Бабиева. Общая численность «Русской армии» за счет мобилизации была доведена до 35 тыс. активных штыков и сабель.

⁸⁸ «Из истории гражданской войны в СССР», Т. 3, стр. 150—151; «Разгром Врангеля. 1920 год», стр. 262.

⁸⁹ «Советский Юг», 3.II.1921; «Знамя коммуны», I.X.1958.

⁹⁰ ПАРО, ф. 4, оп. 1, св. 1, д. 9, л. 60; «Разгром Врангеля. 1920 год», стр. 82, 263.

⁹¹ ПАРО, ф. 4, оп. 1, св. 1, д. 9, лл. 59—61; «Красный Дон», 15.IX.1920.

лики 27 сентября Южного фронта М. В. Фрунзе с предложением о прекращении военных действий и подчинении махновских «войск» командованию Красной Армии⁹². Характеризуя социально-политические причины отказа Махно от дальнейшей борьбы против Советской власти, В. И. Ленин в докладе активу Московской партийной организации 9 октября 1920 г. подчеркнул: «...Элементы, группировавшиеся около Махно, уже испытали на себе режим Врангеля и то, что он им может дать, их не удовлетворило... Здесь получилась такая же картина, как с Деникиным и Колчаком: как только они затронули интересы кулаков и крестьянства вообще, последние переходили на нашу сторону»⁹³.

Провалом закончилось и наступление Донского корпуса, несмотря на то, что к 29 сентября ему удалось выйти к границам Донской области в районе станции Доля и Мандрыкина. Успешный рейд 9-й кавалерийской дивизии Красной Армии по тылам вражеского корпуса заставил его в начале октября не только приостановить продвижение, но и поспешно отойти на исходные позиции⁹⁴. Одновременно были пресечены действия «Белой боевой организации» и организации Лапина по активизации внутренних антисоветских сил, а в конце первой половины октября ДонЧК ликвидировала их основные центры и базы⁹⁵. Избежавший ареста Назаров во второй половине октября пробрался в Крым. Свою неудачу он объяснил Врангелю тем, что «население проявило пассивность»⁹⁶. Так провалилась и вторая попытка контрреволюции свергнуть Советскую власть на Дону.

Не увенчалась успехом и предпринятая в период с 21 по 26 сентября попытка генерала Фостикова закрепиться в районе Красной Поляны и восстановить боеспособность остатков своей «армии». В связи с этим 27 сентября они перешли границу Грузии и вышли к Гаграм. В начале октября, фактивно разоруженные, они были переданы грузинским меньшевистским правительством Врангелю и на его судах перебросены в Крым⁹⁷. Потеряв «армию», а вместе с этим и надежду на скорое восстановление своего господства на Кубани, «Кубанская рада» 6 ноября на совещании, проходившем в Тифлисе, приняла решение порвать с врангелевцами и в дальнейшем вести самостоятельную политику⁹⁸.

После поражения десантов Врангеля и «армии» Фостикова изменило свое отношение к белогвардейскому Крыму и «Терское правительство», установив при этом тесный контакт с «Горским правительством», сформированным полковником Коцевым. «Горское правительство», в свою очередь, с согласия меньшевистского правительства Грузии и, по видимому, по договоренности с «Кубанской радой», перебросило на Терек остатки формирования Султан-Гирея и, выдвинув в качестве основного лозунг борьбы за автономию горских республик на принципах широкого самоопределения и саморазделения, попыталось создать так называемый «Северо-Кавказский фронт». Возглавил его Султан-Гирей. В первой половине октября он, объединив свои «войска» с «частями» полковника Крым-Шамхалова и уцелевшими фостиковцами, довел общую численность личного состава «фронта» до 7500 штыков и сабель⁹⁹.

⁹² ЦГАСА, ф. 25895, оп. 3, д. 44, лл. 57, 64, 77, 81, 89, 94, 97, 103, 108; 123; ГАРО, ф. р. 97, оп. 1, д. 620, лл. 3, 4; «Директивы командования фронтов...», Т. 3, стр. 407.

⁹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 340.

⁹⁴ «Разгром Врангеля. 1920 год», стр. 82.

⁹⁵ ГАРО, ф. р. 97, оп. 1, д. 725, л. 80; «Советский Юг», 3.II.1921; «Знамя коммуны», 1.X.1958.

⁹⁶ «История гражданской войны в СССР». Т. 5, стр. 162.

⁹⁷ ЦГАСА, ф. 192, оп. 3, д. 45, л. 27; д. 930, лл. 284, 299, 353; «История гражданской войны в СССР». Т. 5, стр. 172.

⁹⁸ «Разгром Врангеля. 1920 год», стр. 265.

⁹⁹ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 29, л. 89; ф. 192, оп. 3, д. 775, л. 2.

Первые попытки командования Пятигорского боевого участка разгромить банды Султан-Гирея силами 2-й конно-осетинской бригады потерпели неудачу. Бригада отошла к Ессентукам¹⁰⁰. В связи с этим по решению командующего Кавказским фронтом 27 октября была создана во главе с М. К. Левандовским Терская группа войск Красной Армии в составе войск Терской области, Кавказской армии труда, 12-й кавалерийской дивизии и 1-й Донской кавалерийской бригады. Общая численность группы достигла 12 тыс. штыков и сабель при 43 орудиях и 331 пулемете¹⁰¹. В начале ноября банды Султан-Гирея были частично разгромлены, частично рассеяны или загнаны в горы. Во избежание дальнейшего кровопролития командование Терской группы войск предложило главарям «Северо-Кавказского фронта» прекратить боевые действия и сложить оружие. Это предложение было принято «карачаевцами», а Султан-Гирей, видя полный провал замыслов «Горского правительства», бежал с незначительными остатками своих «отрядов» через Клухорский перевал на территорию Грузии¹⁰². Ликвидация последнего очага контрреволюции в предгорьях Северного Кавказа совпала по времени с разгромом Южным фронтом Врангеля в Северной Таврии и изгнанием его войск из Крыма.

Таким образом, начиная с весны 1920 г. на Дону, Кубани и Тереке наблюдалась активизация контрреволюционных сил в виде крупных заговорщических организаций и политических банд, особенно усилившаяся в июле. Это было делом рук Врангеля и бывших эсеровского толка «правительств» казачьих областей, опиравшихся на помощь Антанты и меньшевистского правительства Грузии и стремившихся объединенными усилиями вооруженным путем свергнуть власть Советов в Донской, Кубано-Черноморской и Терской областях. Провал авантюристических замыслов контрреволюции был обусловлен, во-первых, тем, что в 1920 г. антисоветские силы в бывших казачьих областях уже не имели достаточно широкой социально-политической базы — большинство населения, безусловно, поддерживало Советскую власть; во-вторых, тем, что под руководством ЦК РКП(б) и В. И. Ленина местным партийным и советским органам удалось создать на Дону, Кубани и Тереке политическую обстановку, благоприятствовавшую успешной борьбе с контрреволюцией; в-третьих, тем, что в деле ликвидации подпольных центров и антисоветских вооруженных сил части Красной Армии и органы охраны революционного порядка проявили беззаветную преданность делу революции, мужество, отвагу и массовый героизм.

¹⁰⁰ «История революционного движения на Тереке», стр. 130—131.

¹⁰¹ «Директивы командования фронтов...» Т. 3, стр. 749.

¹⁰² ЦГАСА, ф. 109, оп. 3, д. 216, л. 27; «Директивы командования фронтов...» Т. 3, стр. 366.

ИЗМЕНЕНИЯ В АГРАРНОМ СТРОЕ ЛИТВЫ В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

Академик АН Литовской ССР Ю. М. Юргинис

По аграрной истории Литвы феодального периода имеется много публикаций источников и монографических исследований. Только в последнее время появилось семь книг советских авторов¹ и четыре сборника архивных материалов², а также значительное количество статей.

М. В. Довнар-Запольский, М. К. Любавский, В. И. Пичета и другие широко известные русские историки наибольшее внимание уделяли аграрным отношениям XVI века. Хозяйство Литвы и судьба литовского крестьянства после Люблинской унии (1569 г.) их не интересовали. Польские историки С. Косцьялковский, А. Жабко-Потапович и В. Вечёрек в работах, опубликованных в первое 30-летие XX в., обращали внимание лишь на последнюю четверть XVIII века³. Таким образом, белыми пятнами в аграрной истории Литвы были: XVII век, первая половина XVIII и первая половина XIX века. В настоящее время эти пробелы уже ликвидированы — весь феодальный период исследован. В этом большая заслуга Д. Л. Похилевича, изучившего источники XVII и XVIII вв. и изложившего свои взгляды на причины временного изменения форм земельной ренты в связи с постигшими страну бедствиями. Следует иметь в виду, что аграрная история Литвы феодального периода теснейшим образом связана с аграрной историей Белоруссии, и три новейших монографии белорусских коллег значительно облегчают решение ряда вопросов⁴. Историки народной Польши, много внимания уделяющие политическим отношениям и вопросам культуры Великого княжества литовского, также затрагивают аграрно-хозяйственные отношения⁵. Создалась возможность определить основные этапы развития аграрных отношений.

¹ Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов, 1957; его же. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVII века. Вильнюс, 1966; Н. Улащик. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. М. 1965; Т. Конюхова. Государственная деревня Литвы и реформа П. Д. Киселева. М. 1975; J. Jurginis. Baudžiavos įsigalėjimas Lietuvoje. Vilnius, 1962; M. Jučas. Baudžiavos irimas Lietuvoje. Vilnius, 1971; J. Ziugžda (Red.). Lietuvos valstiečiai XIX amžiuje. Vilnius, 1957.

² «Инвентари Литвы XVII в.». Вильнюс, 1962; «Тяжбы литовских крестьян и жителей местечек с управителями имений». Ч. I. XVI—XVII века. Вильнюс, 1959; ч. II. XVIII век. Вильнюс, 1961; ч. III. 1795—1844 гг. Вильнюс, 1968.

³ S. Kościalkowski. Ze studjów nad dziejami ekonomji królewskich. Wilno, 1914; A. Zabko-Potopowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w wieku osiemnastym. Warszawa, 1929; W. Wieszczorek. Z dziejów ustroju rolnego Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVIII w. Poznań, 1929.

⁴ П. Г. Козловский. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. Минск, 1969; его же. Магнатское хозяйство Белоруссии во второй половине XVIII в. Минск, 1974; В. И. Мелешко. Очерки аграрной истории Восточной Белоруссии. Минск, 1975.

⁵ W. Pocięcha. Królowa Bona (1494—1557). Czasy i ludzie Odrodzenia. T. III. Poznań, 1958, s. 43—108; J. Ochański. Powstanie i rozwój latyfundiów biskupstwa Wileńskiego (1387—1550). Poznań, 1963; S. Kasperczyk. Rozwój gospodarki folwarcznej na Litwie i Białorusi do połowy XVI wieku. Poznań, 1965.

В настоящей статье делается попытка, опираясь на упомянутые исследования, определить те существенные изменения в аграрных отношениях в Литве, которые были характерны для периода складывания феодально-крепостнических отношений, их господства и разложения.

Наибольшие споры вызывает аграрная история Литвы XIII—XVI веков. Существуют различные мнения о дани крестьян властям государства, о земельной ренте и о том, когда и как великокняжеские или государственные крестьяне превратились в крепостных. В своей последней статье Д. Л. Похилевич (1897—1974 гг.) поднимает следующие вопросы: были ли крестьяне Литвы после образования государства собственниками земли, существовала ли разница между крестьянами великокняжеского домена и государственных земель и потеряли ли крепостные крестьяне право выхода? ⁶ Постановка таких вопросов, конечно, правомерна, но ответы на них вряд ли будут убедительными без определения места и времени рассматриваемых явлений в динамике развития феодального производства. Хорошо известно, что основу феодализма составляли монопольное право дворянского сословия на землевладение и труд крестьянина, лишённого средств производства. Но ведь это положение являлось следствием длительного процесса, в котором важную роль играли государство и сопротивление непосредственных производителей насаждению норм феодального права. Великий князь и любой другой феодал жили за счёт прибавочного продукта крестьянина, однако последнему было безразлично, каким способом землевладелец его получал. Без вмешательства государства в производственные отношения только незначительная часть земледельцев превратилась бы в крепостных, а остальные не лишились бы средств производства и личной свободы. В Европе существовали феодальные государства и без крепостного права.

В Литве, как в других государствах, средства внеэкономического принуждения были не только различными, но и применялись в определенной последовательности. В начале XVI в. великий князь литовский получал доходы со своих дворов и волостей. С дворов прибавочный продукт давали челядь и койминцы, или селяне, а из волостей — волостные люди, или волостяне. И койминцев и волостян историки одинаково называют крестьянами, хотя в то время между ними была существенная разница. Чтобы стало ясно, чем они отличались, обратимся к широко известному решению великокняжеского суда от 2 мая 1514 г. по делу крестьян двора Неменчинского Виленского тивунства. «Люди господарский конминци» жаловались на виленского тивуна Бутрима, что он ограбил их за мезлеву (складчина деньгами или продуктами для угощения великого князя). Мезлевы наравне с волостными людьми они никогда не давали, ибо «под собою земл волостных не маем, только на полях дворных господарских подле двора седим и часто ся дворы свои переносим на инши места для навозов». Суд после опроса свидетелей и тивуна признал конминцев правыми и не требовал «тое мезлевы поспол за волостью» ⁷.

Великокняжеская власть отличала запашку двора от полей волости и койминца не путала с волостянином до начала проведения аграрной реформы. В уставе 1547 г. для замков, дворов и держав отличаются подданные селяне (они же койминцы) от «подданных наших бояр и волостных» ⁸. Не употребляя слова «собственность», можно полагать, что в то время волостянин пользовался землей наследственно, он имел возможность ее отчуждать и мог переселиться не только из одной деревни в другую, но и менять место жительства по волостям. Койминцы, они же селяне, всего этого были лишены и находились на положении крепост-

⁶ Д. Л. Похилевич. Право крестьян Белоруссии, Литвы и Украины на землю и выход в XV—XVI веках. «Вопросы истории», 1973, № 12.

⁷ «Литовская метрика». «Русская историческая библиотека» (далее РИБ). Т. XX. СПб. 1903, стр. 117—120.

⁸ «Литовская метрика». РИБ. Т. XXX. Юрьев. 1914, стр. 611—612.

ных. Это видно по исследованиям К. Яблонскиса, а также из опубликованных им источников, в которых говорится об этой категории крестьян⁹. В XVI в. в ходе закрепощения волостных людей разница между койминцом и волостянином постепенно стирается, и в источниках конца того же столетия койминцев уже не встречается. Они причисляются к тяглым людям. В XVII в. крестьяне делились на подданных и вольных.

Д. Л. Похилевич рассматривает привилей великого князя Казимира 1447 г. как юридическое оформление крепостничества для всех крестьян. «Из текста привилей 1447 г. и пожалований, — заключает он, — также ясно видно, что в домене господаря жило такое же пестрое население, как и у частных землевладельцев, и что одни и те же группы этого населения и у феодалов, и у господаря юридически геряли право перехода, то есть становились крепостными по писаному праву»¹⁰. Но этот привилей был только шагом к закрепощению и отнюдь не последним. После издания его Казимир, став королем Польши, жалую шляхте волостных людей, опередил всех великих князей, своих предшественников. Он значительно увеличил число крестьян, называемых в источниках велдамами. Было бы нелепо полагать, что пожалования государственных крестьян шляхте не имели отношения к их закрепощению. Волостянин, только что превращенный государственными властями в велдама шляхты, терял право выхода и попадал в личную зависимость. Положение велдамов в правовом и хозяйственном отношении стало хуже, чем волостных людей, и они спасались бегством¹¹.

Привилей 1447 г.¹² является своеобразным соглашением великого князя с феодалами относительно крестьян. Суть этого соглашения, получившего характер закона, проста: обе стороны обязуются не принимать в свои владения чужих, то есть беглых, крестьян. Положение в волостях после этого соглашения не менялось, так как великокняжеские крестьяне по собственному желанию в велдамы не переходили. В 1418 г. крестьяне Жемайтии восстали, сопротивляясь раздаче их, вольных людей, шляхте. Привилей 1447 г. прикрепил крестьян к феодальным владениям, а не к наделам земли. Это не одно и то же. Волостянин мог уступить свою землю по договоренности кому-либо, а сам переселиться в другую волость или даже в город. В этом заключалась его свобода, или воля. В XVI в. в связи с прикреплением к земельному наделу он потерял и эту волю. Данный процесс был непосредственно связан с ограничением права крестьян на землю.

По мнению Д. Л. Похилевича, литовские крестьяне никогда (по крайней мере в XV—XVI вв.) такими правами не пользовались. Он ссылается на Литовский статут 1529 г. (VIII, 21), в котором вопрос о земле для всех крестьян в Великом княжестве литовском, независимо от их принадлежности, разрешен твердо. Статут категорически запрещает кому бы то ни было, в частности боярам и простым людям, покупать или брать в заклад землю у чужих людей без разрешения их господ. Купивший такую землю, даже если он сделал на ней посев, терял и то и другое. Сказано совершенно ясно: без разрешения великокняжеской власти нельзя было менять границ любого феодального владения—княжеского, церковного или частного. Запрещение касалось как земли, так и людей. Там же сказано: «Також и чужого человека не мает никто закупати без воли пана его».

⁹ K. Jablonskis. XVI amžiaus belaisviai kaimynai Lietuvoje. «Praeitis». I. Kaunas. 1930, ss. 166—213.

¹⁰ Д. Л. Похилевич. Право крестьян Белоруссии, Литвы и Украины на землю и выход в XV—XVI веках, стр. 61.

¹¹ Ю. Юргинис. Крестьяне «велдамы» в Литве в XV—XVI веках. «Труды» АН ЛитССР. Серия А. 1958, 1(4).

¹² «Codex epistolaris saeculi decimi decimi quinti». III. Kraków, 1894, pp. 9—12.

Литовский статут 1529 г. не провозгласил собственниками земли исключительно шляхту. Это было сделано последующими статутами (1566 и 1588 гг.), которые к «простому стану», не имеющему права землевладения, отнесли не только крестьян, но также служилых бояр и мещан. Эти статуты разрешили шляхте свободно распоряжаться своими землями и людьми, о земле же крестьянской в них уже нет и речи. Следовательно, за тот отрезок времени, который отделяет издание первого статута от третьего, в законодательстве относительно земли произошли существенные изменения.

Было бы ошибочно полагать, как это делали некоторые буржуазные историки¹³, что Статут 1529 г., запрещая боярам и крестьянам продажу земли без разрешения, признавал за ними одинаковые права. Напомним, что в 1387 г. во время крещения литовцев великий князь Ягайла издал три привилея: епископу, виленским горожанам и боярам. В привилее боярам сказано, что они имеют неограниченные права на свои вотчинные земли, могут их продавать, дарить, закладывать и т. д.¹⁴ Крещеные крестьяне какой-либо грамоты такого рода от великого князя не получили. Следовательно, по тогдашнему праву их собственность на землю не признавалась. Однако крестьяне не подчинялись праву, вписанному в великокняжеские привилеи и статуты, они сопротивлялись закреплению, считая себя собственниками своей земли. Классовая борьба в литовской деревне той эпохи находила выражение не только в прямых столкновениях, но велась также в области права. Крестьяне защищали «старину», основанную на обычном праве. Тот, кто думает, что классовое сопротивление крестьян было безрезультатным, ошибается. Ведь великие князья, стремясь успокоить крестьян, неоднократно уверяли: «Мы старины не рушаем и новизн не вводим»¹⁵. Обещания придерживаться старого порядка не всегда были ложными. Не все законы оформляли те отношения, которые уже существовали в жизни; создавались и такие, с помощью которых господствующий класс стремился насаждать новые порядки.

Привилей Ягайлы 1387 г. не подтвердил права собственности крестьян на землю. Привилей Казимира 1447 г. запретил крестьянам переселяться из одного феодального владения в другое. Литовский статут 1529 г. запретил свободную продажу земли всем боярам и тем крестьянам, которые находились в различных феодальных владениях. Кроме того, не разрешалась продажа или какая-либо другая уступка земли между крестьянами одного и того же феодального владения. Такой запрет ярко и очень строго изложен в документе 1547 г., названном «Устава замков, держав и дворов»¹⁶. Управляющим дворами приказывается не соблюдать наследственного пользования; землю, отобранную у одного, отдать другому; поддерживать хозяйственную способность обедневших; смотреть, чтобы крестьяне не брали денег в долг у мещан. И все-таки у крестьян были купленные земли, это видно из «Уставы на волоки» 1557 г., в которой сказано: «Где помера пойдет, дают мерыты всякий кгрунт: купленный и заставный, кгда ж кмет и вся его маетьность наша есть»¹⁷.

По мнению Д. Л. Похилевича, запрещать куплю-продажу земли между крестьянами не было смысла, ибо «такое отчуждение производи-

¹³ М. Владимирский-Буданов. *Формы крестьянского землевладения в Литовско-Русском государстве XVI в.* «Киевский сборник в помощь пострадавшим от неурожая». Киев. 1892, стр. 357—358; W. Kamiński. *Rozwój własności na Litwie w dobie przed I Statutem*. Kraków. 1914, s. 10.

¹⁴ «Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529 tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563». Poznań. 1841, ss. 1—2.

¹⁵ «Акты Литовско-Русского государства». Вып. I (1390—1529). М. 1900, стр. 196—198.

¹⁶ «Литовская метрика». РИБ. Т. XXX, стр. 600—622.

¹⁷ Там же, стр. 570.

лось с ведома собственника земли или с согласия общины в волостях господаря. В тех случаях, когда продавцом был обедневший и неисправный тяглец, это было даже выгодно феодалу, ибо обеспечивало ему лучшего плательщика, а обедневший за полученные деньги мог поправить свои дела и сесть на меньший надел»¹⁸. Возможность продавать и покупать землю могла стать регулятором доходов феодала в какой-либо другой стране, но только не в Литве, по той простой причине, что здесь до аграрной реформы XVI в. доход феодала, полученный от барщины и дани, подсчитывался не по количеству крестьянской земли, а по крестьянским службам.

Накануне реформы полной службой назывался такой крестьянский двор, который был в состоянии каждый день посылать одного работника в великокняжеский или боярский двор. Неполная служба (половина, третья часть или четверть) выполняла установленное количество пригонных дней в неделю. Полная служба, которая могла постоянно содержать одного работника с рабочим скотом, являлась значительным трудовым коллективом. Деление крестьян на службы без учета пахотной земли привело систему феодальной эксплуатации к своеобразному кризису¹⁹. Появились службы, которые состояли из 3—4 или даже больше семей с 10—15 трудоспособными людьми, которые имели значительное количество (15—20 голов) рабочего скота. Такой службе выполнять повинности было нетрудно, но наряду с ними возникли службы, о которых в инвентарях говорится, что они «ни курицы не мают», и с которых феодал ничего не получает из-за их несостоятельности. Ярким примером может служить инвентарь волости Анталенте, составленный накануне реформы. В инвентарном списке 105 дымов, составляющих 73 службы. Из них 34 дыма «ни курицы не мают», 28 не имеют достаточного количества рабочего скота, зато 12 крестьянских дворов содержали по 4 вола и по 3 лошади каждый, а два — по 6 волов и 15 лошадей²⁰. В инвентаре указана и площадь земли каждой отдельной службы, измеряемая бочками посева. Разница, конечно, значительная. Она образовалась не только путем расширения посевной площади за счет лесов, но и покупки земли у соседей. Имущественное неравенство крестьян неизбежно вело к их социальной дифференциации в пределах такого крупного феодального владения, каким являлись великокняжеские волости. У хозяина крупной крестьянской службы были не только сябры и потужники, но и наймиты. Он был в состоянии получить прибавочный продукт от эксплуатации труда тех людей, которые обрабатывали его землю, не будучи членами его семьи.

Имущественная и вслед за ней социальная дифференциация крестьян была невыгодна для феодала, подрывала его хозяйство, и потому понадобилось не только запрещение продажи земли, но и аграрная реформа, которая, по мнению господствующего класса, прежде всего сделала бы невозможным социальное неравенство среди крестьян. Для выхода из кризиса эксплуататорской системы было два пути: требовать феодальные повинности с душ крепостного населения или же с определенного количества земли. Литовские феодалы с великим князем во главе выбрали второй путь. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа, претворяя в жизнь «Уставу на волоки» 1557 г., устранила возможность социальной дифференциации в деревне. Декларация о том, что «кмет и вся его маетьность наше есть», была претворена в жизнь. По Уставе, каждая крестьянская семья за точно установленную ренту, в форме барщины и денег, получает по равному наделу земли — по волоке. Больше одной волоки земли крестьянин не может иметь. Если семья

¹⁸ Д. Л. Похилевич. Право крестьян Белоруссии, Литвы и Украины на землю и выход в XV—XVI веках, стр. 59.

¹⁹ Ю. Юргинис. Крестьянская «служба» — единица феодальных повинностей до введения волок в Литве. «Труды» АН ЛитССР. Серия А. 1957, 2(3).

²⁰ «Istorijos archyvas, I. XVI amžiaus Lietuvos inventoriai». Kaunas. 1934, ss. 1—10.

одна не в состоянии обрабатывать волоку и отбывать повинности, тогда разрешается двум семьям брать одну волоку и повинности делить пополам. Крестьянин мог волоку принять или не принять. В этом заключалась его воля. Не приняв волоки, он мог, как «человек вольный», но безземельный, перейти в другую волость или во владение другого феодала; приняв же волоку, он к ней, как к наделу, прикреплялся. В «Уставе на волоки» сказано. «А который был человек, не оповедавши ся вряднику пры войте, втек з волоки, тая земля зо всим домовством, што останеть, иншому дати, а збеглого сам вряд и через войта искати мают»²¹. Даже в Жемайтии, где крестьяне платили денежную ренту, реформа 1557 г. проводилась. Суть ее здесь заключалась в том, что земля крестьян была превращена в наделы точно определенной величины, причем надел считался наследственным, его можно было дробить, но не увеличивать.

После проведения реформы о покупке или продаже земли между крестьянами не могло быть и речи. Посевная площадь и луга каждого крестьянского двора подсчитывались по инвентарному списку. В Уставе сказано: «Пустых волок подданным не пахати, а который не вписавши ся в рейстр, смеет то вчынити, збоже до гумна нашего тратит и вины рубл грошей до скарбу нашего заплатит»²². Кроме того, строго запрещалось превращать лес в луга или пашню. Каждый крестьянский двор обеспечивал землей управляющий имением. Возможность приобрести большее количество земли исключалась. Устава разрешает после получения согласия управляющего при войте и лавниках «продати на волоце будованье и домовсто». Покупатель дома обязуется выполнять все повинности продавца. Продавец в таком случае может сесть на пустой волоке или переселиться в город. «Если в том ураде нет места и волоки пустое, ино ему до иншого именья нашего вольно ити, взявши лист от ураду до оного, где ся переносит, же добровольне вышел, волоку осадившы, и в том ему перед урадом або войтом уистити ся, абы инде не шол, только до волости нашое»²³. Реформа предусмотрела, таким образом, возможность переселения крестьян в великокняжеских имениях, но без каких-либо прав на землю.

Следовательно, в XV—XVI вв. на территории Литвы происходили значительные изменения, в результате которых феодальный строй превратился в барщинно-крепостной. Завершающими актами этого процесса были аграрная реформа, проведенная в великокняжеских землях приблизительно до 1570 г., и издание третьего Статута 1588 года.

В литературе велись споры о прогрессивности или реакционности этой реформы, а также о том, какую ренту — отработочную или денежную — реформа сделала преобладающей. По Уставу, великий князь требовал, чтобы землемеры и ревизоры создавали фольварки не всюду по волостям, а лишь при замках и дворах. Барщинный труд устанавливался только для фольварков. Там, где их было весьма незначительное количество, например, в Жемайтии, преобладала денежная рента — чинш. Составить точную карту распространения в Литве барщины и чинша невозможно из-за отсутствия инвентарей по некоторым волостям. В Аукштайтии, в Виленском и Трокском воеводствах преобладала барщина. Но следует иметь в виду, что и в этой части страны барщина составляла только определенный процент всей нормы ренты.

В Уставе было все подсчитано. Для обработки одной волоки фольварка привлекалось 7 крестьянских волок, по 2 дня барщины в неделю с каждой, следовательно, для обработки одной волоки фольварка предусматривалось 14 барщинных дней в неделю. Там, где барщина отсут-

²¹ «Литовская метрика». РИБ. Т. XXX, стр. 577.

²² Там же, стр. 554 (§ 19).

²³ Там же, стр. 577—578.

вует, крестьянин платит за нее по 30 грошей, то есть один день барщинного труда оценивается в 15 грошей в год. Кроме того, все крестьяне платят годовой чинш по земельному кадастру — от 21 до 6 грошей, в среднем по 12 грошей с волоки; все дают дань продуктами, оцениваемую в 18 грошей, не считая мезлевы, которая собирается во время прибытия великого князя в волость. Годовые толоки и гвалты (пригоны на помощь и спешные работы) оцениваются 22 грошами. Таким образом, из 82 грошей, уплачиваемых в год с волоки, барщинник 52 гроша покрывает трудом, 18 — данью, 12 — деньгами; оброчник 64 гроша платит деньгами, а 18 — данью²⁴. Следовательно, ренту барщинника составляют: барщина — 63%, дань — 22%, деньги — 15%.

Во второй половине XVI в., когда в Литве проводилась волочная помера, на заграничном рынке значительно возрос спрос на зерно и другие сельскохозяйственные продукты и соответственно повысились цены на них. Землевладельцы Литвы, в том числе и великий князь, в конце XVI в., когда реформа уже была завершена, и в начале XVII в. усиленно создавали фольварки в тех волостях, где их до тех пор не было. Расширялась фольварочная запашка, и росла потребность в барщинном труде. Это вело к значительному повышению норм ренты, установленной во время реформы. Управляющие имениями усердно создавали фольварки за счет крестьянских земель, так как они за управление получали третью часть фольварочного дохода.

В середине XVII в. уже трудно было найти крестьянскую семью, которая пользовалась бы полной волокой. Преобладающая масса крестьян имела по полволоки, а остальные — по одной трети или даже одной четвертой части волоки. Норма двухдневной барщины от волоки в неделю не соблюдалась уже с конца XVI в., при этом делалась ссылка на то, что сложная работа выполняется вдвоем. Требовалось, чтобы на работу мужчина шел с запряжкой и помощником, который в инвентарях называется унторником. Помощником могла быть и женщина. Раньше от членов крестьянской семьи барщинных работ не требовалось. Если было достаточно трудоспособных детей, то некоторые из них могли уйти из имения. Крестьянские дочери имели право свободно выйти замуж, заплатив девичью куницу. В XVII в. с усилением барщины в нее посредством гвалтов и обязательных толок были втянуты все члены семьи, и таким образом все они оказались прикрепленными к наделу.

Стало правилом, что от весны до осени с волоки требуется уже четыре барщинных дня в неделю. Однако эти дни не составляли главной части работ в пользу землевладельца. Самыми губительными для крестьянского хозяйства оказались гвалты и толоки. Гвалтами считались раньше спешные, заранее не предвиденные работы, не связанные с полеводством. В середине XVII в. такое понимание гвалтов являлось уже устаревшим. На гвалты и толоки сгонялись все трудоспособные члены крестьянских семей, часть из них — на неопределенное время, пока жатва будет завершена²⁵. Барщина теперь делится на регулярную недельную и нерегулярную, отбываемую по требованию землевладельца или управляющего имением. Спротивляясь усилению барщины, крестьяне ссылались на «старину» — нормы, установленные реформой. Отказ выполнять увеличенные повинности на государственных землях почти всегда сопровождался жалобами к высшим властям. Назначались комиссии и ревизии, которые утверждали новые нормы повинностей. Так, после продолжительного сопротивления крестьян волости Меркине 12 марта 1639 г. ассессорский суд короля принял компромиссное решение: вместо 4 дней в неделю от волоки им вменено в повинность работать 3 дня, вместо неопределенного количества гвалтов установлена их нор-

²⁴ Там же, стр. 551 (§ 15).

²⁵ «Инвентари Литвы XVII в.», стр. 62.

ма — не больше 18 дней в году, не включая сенокоса, для которого требуются отдельные добавочные дни ²⁶.

Из-за неопределенности размера гвалтов и других нерегулярных работ повинности (особенно барщинные) такому подсчету, какой был сделан во время реформы XVI в., не поддаются. Из сравнения повинностей по инвентарям отдельных имений и волостей видно, что на протяжении 70 лет после завершения реформы общая норма эксплуатации удвоилась. В сельскохозяйственной технике каких-либо изменений не произошло. Она опиралась на трехполье с севооборотом, на ту систему полеводства, которая принудительным образом во время реформы стала господствующей. Главным орудием земледельческого труда по-прежнему оставалась двузубая соха. Можно полагать, что возможности феодальной эксплуатации были доведены до предела.

Если социально-политическая интерпретация реформы Сигизмунда-Августа (которой посвятил свой крупнейший труд акад. В. И. Пичета ²⁷) может оставаться объектом спора, то хозяйственное значение реформы бесспорно. Она способствовала увеличению продукции полей как фольварков, так и деревень. Значительно увеличилась численность населения. По данным переписей войск, польский историк Г. Ловмянский подсчитал, что в 1528—1567 гг. число жителей в Литве возросло на 30%, а с середины XVI в. до середины XVII в. — почти в два раза ²⁸. Изменения в производственных отношениях после реформы привели к двум отрицательным явлениям: обнищанию значительной части крестьянства и значительному сокращению более продуктивных крестьянских наделов за счет менее продуктивной фольварочной заправки.

Ярким примером дробления крестьянских наделов может служить деревня Гильвичай в Жемайтии. В 1619 г. в ней было 25 дворов: лавник имел $\frac{2}{3}$ волюки, трое крестьян — по $\frac{1}{2}$, 15 — по $\frac{1}{3}$, 4 — по $\frac{1}{4}$ и два крестьянина — по $\frac{1}{6}$ волюки ²⁹. Ясно, что крестьянская семья, имеющая от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{6}$ волюки, была не в состоянии прокормиться и вносить в какой-либо форме ренту. Феодалам пришлось искать выход из самими же ими созданного хозяйственного тупика. Таким выходом являлось деление крестьянской земли на оседлую и приемную. Оседлой называлась та земля, к которой крестьянин был прикреплен и за пользование которой он был обязан выполнять все феодальные повинности, в первую очередь барщину. Приемной считалась земля, которую малоземельный крестьянин мог получить по собственному желанию у землевладельца в аренду за денежную плату. В середине XVII в. в более крупных феодальных владениях постепенно создавался фонд приемной земли, при помощи переделов которой землевладелец оказался в состоянии регулировать жизнеспособность отдельных крестьянских дворов.

Деление крестьянской земли на оседлую и приемную было прервано войнами и разрушениями, происходившими во второй половине XVII века. Во время хозяйственной разрухи размеры крестьянских повинностей определялись не по количеству и качеству земли, а со двора, в зависимости от фактического его состояния. Не случайно, в инвентарях, составленных в период разрухи, поименно указывались все члены каждой семьи, перечислялись лошади, волы и остальной скот. Из-за значительного сокращения численности населения и множества пустующих земель барщина стала почти невозможной. Лишь там, где крестьяне уберегли себя, свое хозяйство и скот от гибели, можно было кое-как

²⁶ «Тяжбы литовских крестьян». Ч. I, стр. 222, № 59.

²⁷ В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М. 1958.

²⁸ H. Łowmiański. Popisy wojska Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI w. jako źródło do dziejów zaludnienia. «Mediewalia w rocznicę pracy naukowej J. Dabrowskiego». Warszawa. 1960.

²⁹ «Инвентари Литвы XVII в.», стр. 81.

поддерживать фольварк. Обжившийся крестьянин был менее подвижен, чем разоренный и поэтому довольствовался некоторым уменьшением повинностей, особенно работ.

Господствующий класс хотел, конечно, восстановить фольварочно-барщинную систему в том виде, в каком она существовала до разрухи. В первую очередь нужно было привлечь крестьян на пустые земли путем предоставления им льгот и даже пособий. Возможности для восстановления у различных владельцев были разными. В Гродненской, Олитской и Шавельской королевских экономиях фольварки не восстанавливались. Поля и луга отдавались здесь крестьянам на чинш. В старостах, державах, церковных и частных имениях в конце XVII в. была восстановлена барщина. В некоторых имениях устранялась смежная форма ренты и этим облегчался подсчет ее норм. Там, где была установлена только барщина, с волоки от весны до осени требовалось 12 дней в неделю³⁰. Полной волокой ни один барщинник не располагал. Повинности подсчитывались с половины или четверти волоки. Если перевести деньги, установленные «Уставой на волоки», на труд, то получается 6 дней в неделю с волоки, а в конце XVII в. их требовалось 12. Таким образом, при возрождении фольварков восстановилась и та норма эксплуатации, которая преобладала в середине XVII века. Чтобы обеспечить крестьян землей, она опять делится на оседлую и приемную с тенденцией роста последней, так как крестьянину было выгодно иметь меньше оседлой и больше приемной земли³¹. Но приемная земля давалась не всюду, кроме того, соблюдалось, чтобы крестьянский надел (вместе оседлая и приемная земля) не превышал половины волоки.

Северная война и сопутствовавшие ей последствия (голод и чума) вновь отодвинули развитие хозяйства страны на 50 лет назад. Восстановление происходило медленно, по старому, испытанному пути. Новым процессом был рост приемной земли по сравнению с оседлой, оседлая же делится на тяглую, или барщинную, и чиншевую. Таким образом, появляется денежная рента двоякого рода. В инвентарях XVII в. почти не было случаев, чтобы часть земли крестьян-чиншевиков называлась приемной. Все чиншевики имели больше земли, чем барщинники, ибо значительная часть их продукции шла на рынок как товар. Величина чинша могла колебаться в зависимости от сопротивления крестьян и от природных условий, но плата за приемные волоки была одинаковой. В XVIII в. за волоку оседлой, но чиншевой земли крестьянин платил 20 злот, а за волоку приемной земли — только 5 злот³². Тут мы имеем дело с чиншем и с арендой земли. Все феодальные повинности сводятся к чиншу. В 1731 г. в Завилейском владении виленского епископа имелось волок: свободных от повинностей — 50, чиншевых — 412, барщинных — 258, приемных — 574³³. Чиншевики были обязаны определенное количество дней в году выходить на толоки и гвалты. Несмотря на это, на оседлой земле этого крупного имения преобладала денежная рента, и значительная часть земли давалась крестьянам в аренду. Такое положение следует рассматривать как временное.

Феодалу было невыгодно большое количество земли раздавать крестьянам в качестве приемной. В том случае, когда в имении оказывалось достаточно крестьян, лучше было превратить земли в чиншевые. Соблюдать правило, чтобы крестьянин-чиншевик имел земли не больше

³⁰ Там же, стр. 386 (1694 г., имение Шлавина в Виленском повете); стр. 366 (1691 г., имение Раткунай в Укмергском повете); стр. 431 (1698 г., имение Раджунай в Укмергском повете).

³¹ Там же, стр. 241—247, 258—262.

³² «Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки». Вып. второй. Вильна. 1897, стр. 65—152 (Инвентари владений виленского епископа за 1731 г.).

³³ Там же.

чем одну волоку, в то время когда имелось немало пустующих земель, не было смысла, так как это являлось убыточным. Кроме того, крестьяне, уходя на заработки, отдавали всю или часть своей земли другим крестьянам за вознаграждение продуктами или деньгами. Помещики всячески преследовали такие сделки: ушедших ловили и наказывали, рассматривая их как беглых, а урожай на их землях подвергался конфискации. Пустая земля обедневшего крестьянина была убыточной по сравнению с переданной на определенных условиях крестьянину, соседу обедневшего. В 1784 г. были изданы правила для крестьян государственных имений, в которых говорилось, что дома, хозяйственные постройки и наделы принадлежат подданным. Они могли один другому продавать или другим путем уступать наделы с разрешения управляющего и при условии выполнения повинностей³⁴. Возможность продать отдельно землю и дом способствовала увеличению числа халупников, огородников и кутников. В связи с этим появляется наемный труд как в деревнях, так и на фольварках³⁵.

При восстановлении хозяйства перед крупными феодалами открылись возможности: либо ликвидировать фольварк и раздавать его землю крестьянам за чинш, либо использовать на фольварках наемный труд, либо, наконец, создавать фольварки на чиншевых и приемных землях крестьян, применяя батрацкую барщину и агротехнические усовершенствования. Все эти три направления имели место на практике: И. Хрептович ввел на фольварках наемный труд, П. Бжостовский ликвидировал фольварки, а А. Тизенгауз создавал фольварки в экономиях. Он выделил каждому крестьянскому хозяйству четверть волоки оседлой земли и потребовал за нее два барщинных дня в неделю; вторую четверть волоки и больше крестьянин мог получить в качестве приемной земли. Барщинный труд использовался в сельском хозяйстве и в создаваемых Тизенгаузом мануфактурах. Он считался батрацким, ибо выполнялся с тягловой силой и рабочим инвентарем не крестьянина, а фольварка.

Реформа Тизенгауза привела в 1769 г. к широко известному Шавельскому восстанию, в котором приняло участие 18 тыс. человек. Крестьяне выступили не только против введения барщины, которой они не знали более 100 лет; они отстаивали чинш и сопротивлялись ограничению наделов. Восстание шавельских крестьян было направлено против крепостничества вообще, а не только против изменения форм земельной ренты. Оно было жестоко подавлено королевскими войсками. Хотя Тизенгауз был устранен, созданные им фольварки остались. Борьба крестьян за чинш, за его уменьшение, за сохранение наделов не только продолжалась, но и усиливалась. Крестьяне староства Паланги, в которое входили три волости, на протяжении 25 лет вели борьбу, не подчиняясь администрации³⁶.

Выступления литовских крестьян последней четверти XVIII в. объективно отражали их стремление превратить чинш в аренду. К. Маркс указывал: «При денежной ренте традиционное обычно-правовое отношение между зависимым непосредственным производителем, владеющим частью земли и обрабатывающим ее, и земельным собственником необходимо превращается в договорное, определяемое точными нормами положительного закона, чисто денежное отношение. Поэтому возделыватель-владелец фактически становится простым арендатором»³⁷. При таких условиях барщина теряет основной свой признак. Крестьянин идет

³⁴ М. Јуџас. *Op. cit.*, p. 171.

³⁵ Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., стр. 156—160; М. Јуџас. *Op. cit.*, pp. 158—168.

³⁶ «Тяжбы литовских крестьян». Ч. II, стр. 148, № 28.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.* Т. 25, ч. II, стр. 362.

на барскую запашку работать уже как батрак, без своих орудий труда и тягловой силы. Барщина заменяется батрачеством, и труд постепенно превращается в наемный. Однако в Литве превращению чинша в аренду препятствовала личная зависимость крестьянина от землевладельца. В XVIII и особенно в первой половине XIX в. были довольно часты случаи, когда помещик отпускал на свободу своих крестьян, объявляя их вольными людьми. На это помещик имел право, но он был не в состоянии предоставить своим крестьянам гражданские права. Это могла сделать только государственная власть, отменив монопольное право дворянского сословия на земельную собственность и создав для крестьян суд и администрацию, независимую от землевладельца. Только получив гражданские права, крестьянин мог стать арендатором и собственником земли.

В Литве феодализм сложился позже, чем в соседних славянских и германских странах. Но процесс закрепощения крестьян шел здесь быстрее и нашел более яркое отражение в источниках. То же самое можно сказать и о процессе разложения крепостного строя, несмотря на его длительное господство. Итоги исследований по аграрной истории Литвы, таким образом, могут послужить сравнительным материалом при изучении аграрной истории других стран Восточной Европы.

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США В УСЛОВИЯХ РАЗРЯДКИ

Г. А. Воронцов

На рубеже 70-х годов изменение международной обстановки и глубокие внутренние процессы в лагере империализма с новой силой доказали, что капитализм безвозвратно утратил историческую инициативу. Этот вывод подтвержден всем современным развитием, и прежде всего успехами Советского Союза и стран социалистического содружества. «Главным в нашей политике по отношению к капиталистическим государствам,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду,— была и остается борьба за утверждение принципов мирного сосуществования, за прочный мир, за ослабление, а в перспективе и устранение опасности возникновения новой мировой войны. Можно констатировать, что в последнее пятилетие удалось достигнуть значительного прогресса в этом направлении»¹.

Широкое мирное наступление СССР, инициативное и настойчивое внедрение им принципов мирного сосуществования в практику международных отношений происходили в благоприятных условиях. Рост экономической, военной, политической мощи СССР и других стран социалистического содружества, укрепление их международного авторитета сделали реальным выполнение величественных задач по укреплению мира и безопасности народов, выдвинутых XXIV съездом КПСС. Выступая на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы в июне 1975 г., Л. И. Брежнев отметил: «Разрядка международной напряженности стала возможной потому, что на мировой арене установилось новое соотношение сил. Теперь уже руководители буржуазного мира не могут всерьез рассчитывать решить исторический спор между капитализмом и социализмом силой оружия»². Тот факт, что не существует никакой разумной альтернативы нормализации отношений с СССР и социалистическими государствами на основе мирного сосуществования, осознали и многие наиболее дальновидные и реалистически мыслящие лидеры западных стран.

Важное значение имело признание необходимости курса на разрядку в США—главной империалистической державе, занимающей доминирующие позиции в капиталистическом мире. Вызревание предпосылок разрядки, готовность к переговорам с Советским Союзом сопровождалась существенными изменениями во внешнеполитических воззрениях правящих кругов США, что произошло не сразу. Медленно и исподволь готовились перемены в стратегическом курсе американской внешней политики. Причины, способствовавшие этим переменам, можно условно разделить на три категории: межсистемного (из области отношений между социалистической и капиталистической системами), внутрисистемного

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 5. М., 1976, стр. 465.

² Там же, стр. 317.

(из области межимпериалистических отношений) и факторы внутривосточного политического порядка. На первом месте, конечно, стоит продолжающееся изменение соотношения сил в пользу социализма, укрепление морально-политического единства стран социалистического содружества, возросшая оборонная мощь Организации Варшавского Договора и, в частности, достижение стратегического паритета между СССР и США, который официально признан в Соединенных Штатах. Уже в 1970 г. во внешнеполитическом послании президента США конгрессу говорилось, что «Советский Союз располагает стратегическими силами, приближающимися к нашим собственным»³. В послании от 9 февраля 1972 г. подчеркивалось, что «преимущество Соединенных Штатов в стратегической мощи» сменилось «стратегическим балансом, в котором ядерные силы США и Советского Союза сравнимы»⁴. Еще ранее, в 1969 г., американский президент отметил, что ликвидация дисбаланса между СССР и США необратима и разрыва между ними «больше никогда не будет»⁵.

Параллельно с этим происходило обострение отношений между странами империализма, а также между США и развивающимися странами. Опыт последних лет показал, что освободившиеся государства, все глубже осознающие свои национальные интересы, решительно выступают против империалистических притязаний, в какой бы форме они ни делались. Об этом говорят, в частности, события, связанные с энергетическим и сырьевым кризисами. Борьба освободившихся стран за независимость и равноправие ведется не только с помощью экономических, но и политических средств. Рост самостоятельности политики развивающихся стран выражается в активизации их усилий на международной арене, оформлении самостоятельного антиимпериалистического курса. Борьба этих стран за свои национальные интересы, доходящая порой до открытой конфронтации с Западом, существенно подрывает позиции империализма, заставляет его приспособливаться к новым условиям. Справедливые требования освободившихся народов находят последовательную поддержку у социалистического содружества, естественного союзника национально-освободительных движений.

За последние годы в самой системе империализма произошли заметные изменения, выразившиеся прежде всего в более четком оформлении главных центров империалистического соперничества. Относительное укрепление позиций Западной Европы и Японии в межимпериалистических связях существенно ограничило некогда бесспорно доминирующие позиции США. Соединенным Штатам пришлось столкнуться не только с усилением экономического соперничества, но и с активизацией самостоятельной политики и дипломатии своих союзников.

Неблагоприятные для США перемены на международной арене в значительной степени усугубились кризисными явлениями внутри самой страны, охватившими как экономику, так и государственный механизм, политические институты, моральные ценности общества. Спектр их чрезвычайно широк: от массовой оппозиции войне в Индокитае до скандального разоблачения злоупотреблений властью, приведшего к отставке Никсона в связи с делом Уотергейт, от роста преступности до безработицы и инфляции. Усиливавшиеся разногласия между законодательной и исполнительной властью сузили поле политических маневров администрации США.

Равнодействующая многообразных внутренних и внешних факторов

³ U. S. Foreign Policy for the 1970's. A New Strategy for Peace. A Report to the Congress by R. Nixon, President of the United States. February 18, 1970. Washington. 1970, p. 10.

⁴ U. S. Foreign Policy for the 1970's. The Emerging Structure of Peace. A Report to the Congress by R. Nixon, President of the United States. February 9, 1972. Washington. 1972, p. 3.

⁵ «The New York Times», 19.IV.1969.

складывалась явно не в пользу американского империализма. Чрезмерное разрастание, особенно в 60-е годы, «глобализма», характеризующее вмешательством США в дела других народов в самых разных регионах мира, привело, помимо всего прочего, к распылению сил и средств, принятию обязательств, не соответствующих реальным возможностям Соединенных Штатов. Как оказалось, национальные ресурсы США, несмотря на всю мощь этой державы, были ограничены, что закономерно завершилось рядом крупных политических неудач. Исход войны в Юго-Восточной Азии, подрыв доверия союзников к США, особенно остро поставил вопрос об их многочисленных обязательствах в других районах мира. Попытки США навязать свою гегемонию путем опоры на силу, военно-политические союзы и систему обязательств оказались во многих отношениях явно несостоятельными. Особенно отчетливо кризис американского «глобализма» проявился в бесперспективности дальнейшей конфронтации с СССР и социалистическими странами. В этих условиях для США, по мнению американских ученых, стала очевидной настоятельная необходимость «немедленного сокращения обязательств за рубежом»⁶, а также пересмотра отношений с СССР. Такой вывод в значительной степени разделялся и правящими кругами США, которые были вынуждены приступить к переоценке сложившейся системы связей и структур в области внешней политики с целью оптимально скорректировать политический курс страны.

Творцы американской внешней политики прагматически пересматривают систему традиционных ценностей, стремясь избавиться от балласта обязательств, отягощающих США, подтвердить и модифицировать обязательства в странах и регионах, играющих важную роль, и в то же время создать новую структуру взаимоотношений с СССР и социалистическими странами. Одним из главных элементов в этих изменениях, несомненно, стала разрядка. С помощью ее американские политики надеялись найти новые выходы из многочисленных тупиков и затруднительных ситуаций. Главное же, как уже было отмечено, состоит в том, что признание США императива мирного сосуществования связано прежде всего с изменением соотношения сил на мировой арене. Под воздействием этого фактора и происходит эволюция внешней политики США, что оказывает прямое или опосредованное влияние не только на их взаимоотношения с социалистическими странами, но и на развитие межимпериалистических отношений, а также связей с развивающимися странами.

Самыми важными и весомыми явились те сдвиги во внешней политике США, которые связаны с нормализацией советско-американских отношений. Это объясняется как военной, политической, экономической мощью главных представителей социализма и капитализма в лице СССР и США, так и воздействием их взаимоотношений на мир и международную жизнь в целом. Поэтому анализ соответствующей эволюции внешней политики США представляет интерес как в плане развития двусторонних отношений, так и в более широких рамках. Признание императива мирного сосуществования сопровождалось значительными изменениями не только в конкретном политическом курсе администрации США по отношению к СССР, но и в самих основах внешней политики американского государства. В настоящей статье эта эволюция исследуется с учетом противоречивых тенденций развития внешней политики США. Автор рассматривает корректировку внешнеполитического курса, произведенную в связи с процессом советско-американской нормализации, изменения в военной стратегии США, влияние разрядки на блокковую политику и взаимоотношения США с другими империалистическими государствами, борьбу между сторонниками и противниками разрядки.

⁶ «Makers of American Diplomacy». Ed. by F. Merli and T. Wilson. Vol. 2. From Theodore Roosevelt to Henry Kissinger. N. Y. 1974, p. 381.

Формирование и развитие аспектов, касающихся разрядки, во внешней политике США освещаются в ряде монографий и статей советских авторов⁷. Проблемы разрядки и советско-американские отношения нашли отражение в документах и слушаниях конгресса, внешнеполитических посланиях и выступлениях президентов, докладах, речах, интервью официальных лиц и представителей американской администрации; им посвящены многочисленные исследования, число которых продолжает расти⁸.

Тенденция к разрядке во внешнеполитическом курсе США воплотилась в начале 70-х годов в ряде соглашений и договоренностей с Советским Союзом. К этому времени в американско-советских отношениях уже имелся известный опыт сотрудничества, хотя масштабы его носили ограниченный характер. Признаки первых постепенных сдвигов к реализму в отношениях с Советским Союзом проявились уже в годы президентства Дж. Кеннеди, когда, пожалуй, впервые за весь послевоенный период достаточно определенно наметилась умеренная тенденция во внешней политике США. В это время зарождаются идеи о необходимости смягчения международной напряженности, о взаимной сдержанности и решении сложных проблем мирными средствами. Эти новые веяния в концентрированном виде были высказаны в выступлении Дж. Кеннеди в Вашингтонском университете 10 июня 1963 года. Серьезным практическим шагом на этом пути стало подписание Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Осведомленный биограф президента, его специальный советник Т. Соренсен писал в связи с этим: «По мнению Джона Кеннеди, политические сдвиги в окружающей обстановке были даже более важными, чем материальные. Договор был символическим «первым шагом», предвестником последующих соглашений. Он создал в холодной войне передышку, когда стало возможным стабилизировать другие более важные проблемы»⁹.

Действительно, в тот период можно было бы решить много важных и сложных проблем, но для этого требовалась конструктивная последовательность и готовность США к улучшению отношений с СССР. Однако американские правящие круги были тогда еще весьма далеки от этого. В результате реалистические веяния остались лишь робкими попытками найти новый подход к проблемам нормализации отношений с Советским Союзом и сдерживания гонки вооружений. Общий анализ внешней политики американского империализма показывает, что в целом США продолжали свой традиционный курс глобальной политики «с позиции силы», не отказавшись от агрессивных намерений по отношению к социалистическим странам, от традиционных глобальных экспансионистских установок. Провозглашая необходимость сдержанности и декларируя свою озабоченность судьбами мира, руководство США именно в тот период принимает и начинает выполнять крупнейшие программы по созданию стратегических ядерных сил в небывалых доселе масштабах. Наряду с этим предпринимаются новые попытки разобщения социалистических

⁷ См. Н. Н. Иноземцев. Внешняя политика США в эпоху империализма. М. 1960; «Доктрина Никсона». М. 1972; Ю. М. Мельников. От Потсдама к Гуаму. Очерки американской дипломатии. М. 1974; Э. А. Иванян. Белый дом: президенты и политика. М. 1975; «История внешней политики СССР». Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. Т. 2. М. 1976; О. Н. Быков. Международная разрядка и борьба тенденций в политике Запада. «Мировая экономика и международные отношения», 1976, № 3.

⁸ J. A. Armstrong. The Soviet Union. Toward Confrontation or Coexistence? N. Y. 1970; A. Harriman. America and Russia in a Changing World. L. 1971; «The Nixon Doctrine». Washington. 1972; P. Seabury. The United States in World Affairs. N. Y. 1973; L. Whetten. Contemporary American Foreign Policy. Minimal Diplomacy, Defensive Strategy and Detente Management. Lexington. 1974; A. Hartley. American Foreign Policy in the Nixon Era. L. 1975.

⁹ Th. C. Sorensen. Kennedy. N. Y. 1965, p. 834.

стран, разрабатывается в надежде на это «индивидуальный подход» к каждой из них.

Противоречивость внешней политики США проявилась в начале 60-х годов с особой силой. Разумные шаги чередовались с агрессивными акциями американского империализма. Подписание Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах, установление прямой линии связи между правительствами США и СССР свидетельствовали о первых признаках ослабления напряженности, вместе с тем основой американской стратегии оставалась политика «устрашения» мирового социализма. В соответствии с этим наращивался военный потенциал, укреплялись военно-политические союзы, готовились детальные планы ведения возможной войны с потенциальным «противником», то есть с СССР. Реакционные круги американской буржуазии, считавшие борьбу с мировым социализмом главной стратегической целью и не желавшие расставаться с претензиями на всемирную гегемонию США, служили тормозом для проведения более реалистического курса.

Сдвиг, наметившийся в начале 60-х годов во внешней политике США, на Западе нередко связывают с именем Дж. Кеннеди, утверждая, что убийство президента явилось якобы одной из главных причин последующего отхода США от тенденции к разрядке¹⁰. Но такой подход нельзя признать верным. Не отрицая значительной роли Дж. Кеннеди в формировании политического курса страны, следует заметить, что политика США воплощала в себе не его личные, а классовые интересы американского империализма. Разработка этого курса осуществлялась под определяющим воздействием происходившей в правящих кругах США борьбы сторонников «умеренности» и «жесткости». И те и другие выражали интересы господствующей олигархии. Но между ними было и различие. Первые считали, что национальные интересы США и стратегические цели американского империализма могут быть эффективно обеспечены не только на основе опоры на силу, но также и с помощью несилowych методов. Вторые же предпочитали нагнетание напряженности и продолжение конфронтации. Даже робкие и непоследовательные попытки нормализации отношений с СССР вызывали растущее сопротивление сторонников «жесткого курса» — от представителей военно-промышленного комплекса до профессиональных антисоветчиков. Мощные позиции противников разрядки, их активное противодействие способствовали тому повороту вправо, который произошел во внешней политике США после убийства Дж. Кеннеди.

В годы президентства Л. Джонсона усиливаются антикоммунистический курс и агрессивность Соединенных Штатов на мировой арене, и в частности в отношении развивающихся стран. Концентрированным выражением внешнеполитического экспансионизма США стала война в Индокитае. Опора на силу, прямое применение военных методов стали в этот период для Соединенных Штатов важнейшим средством для достижения внешнеполитических целей. Подписание договоров о мирном использовании космического пространства, о нераспространении ядерного оружия, соглашения о культурном обмене и ряда других сами по себе имели, несомненно, большое значение. Но эти шаги администрации Джонсона не привели к повороту в отношениях между СССР и США вследствие того, что они были сделаны на фоне возросшей агрессивности американского империализма, пытавшегося не только одержать победу в отдельных конфликтах, но и изменить соотношение сил в мире, повлиять на самый характер исторического процесса. Одним из показателей этого была провозглашенная по отношению к социалистическим странам политика «наведения мостов», преследовавшая цель расколоть социалистическое содружество, стимулировать рост национализма в отдельных

¹⁰ См. Э. А. Иванян. Указ. соч., стр. 363—366.

социалистических странах и в конечном итоге изолировать их от Советского Союза.

Однако попытки империализма вернуть себе историческую инициативу оказались полностью безуспешными и обреченными на провал. Об этом свидетельствовали внешнеполитические неудачи и морально-политические поражения, которые потерпели США в годы администрации Л. Джонсона. Прежде всего это объясняется коренными изменениями в международной обстановке явно не в пользу американского империализма. СССР и его союзники обладают ныне мощью и ресурсами, достаточными для того, чтобы сделать невыполнимыми планы, базирующиеся на политике «с позиции силы» и представлениях времен «холодной войны». Ответственность за провал многочисленных доктрин и планов борьбы с социализмом несут и соответствующие администрации, госдепартамент, теоретики и практики внешней политики США. Проникшись иллюзорными представлениями о ходе исторического и политического развития, они явно переоценили национальные ресурсы и возможности своей страны.

В итоге наступил сложный и мучительный период переоценки ценностей, корректировки внешнеполитических обязательств и планов. «Мы узнали, что наши ресурсы не безграничны, — с горечью констатировал заместитель государственного секретаря США Дж. Сиско, — что не может быть исходящих из Вашингтона плана или панацеи для каждой международной проблемы»¹¹. Потребовались долгие годы и ряд внешнеполитических неудач для того, чтобы осознать, что мир стал иным, что колоссальная военная, экономическая и политическая мощь США недостаточна для того, чтобы решать все международные проблемы в удобном для американского империализма духе. Стало очевидным, что нельзя не считаться с изменившимся соотношением сил между социализмом и капитализмом, ростом освободительных и демократических движений, и прежде всего с могуществом СССР, его международно-политическим авторитетом, способностью оказывать важное влияние на международные дела.

Пересмотр внешней политики США не случайно оказался теснейшим образом связанным с результатами войны во Вьетнаме. Эта война со всей очевидностью поставила вопрос о кризисе американского «глобализма», в корне подорвала веру во всемогущие США. На базе «вьетнамского опыта» в июле 1969 г. родилась «гуамская доктрина» Никсона, предназначенная вначале для Азии¹². Эта доктрина обозначила намечающиеся сдвиги во внешней политике страны, в оценке роли США в современном мире. Среди широкого комплекса вопросов, затрагиваемых предполагаемыми переменами, одно из центральных мест занимали проблемы взаимоотношений с СССР. Провозглашая «эру переговоров» как составную часть стратегии на 70-е годы, руководители внешней политики США стремились приспособить ее к динамике международной жизни, к сложившимся на рубеже 70-х годов реальностям. Были сделаны попытки учесть изменения как в отношениях между двумя системами — капиталистической и социалистической; так и внутри самого капитализма. «Стержнем нашей новой внешней политики является партнерство, которое отражает основополагающий принцип международной структуры, к которой мы стремимся, — говорилось во внешнеполитическом послании президента конгрессу от 25 февраля 1971 года. — Ее необходимыми дополнениями являются сила для обеспечения наших интересов и переговоры для их примирения с интересами других. Это партнерство распространяется в наиболее полной форме не только на друзей, но и на противников»¹³.

¹¹ «The Department of State Bulletin». Vol. LXXII, № 1859, February 10, 1975, p. 183.

¹² См. Ю. М. Мельников. Указ. соч., стр. 350; см. также «Доктрина Никсона».

¹³ U. S. Foreign Policy for the 1970's. Building for Peace. A Report to the Congress by R. Nixon, President of the United States. February 25, 1971. Washington. 1971, p. 7.

Признание переговоров в качестве одного из основных принципов создания «длительного мира» явилось первым серьезным признаком готовности США положительно откликнуться на многочисленные инициативы СССР, последовательно стремящегося к нормализации советско-американских отношений. В 1969 г. были сделаны первые шаги на этом пути: США ратифицировали Договор о нераспространении ядерного оружия, участвовали в переговорах по Ближнему Востоку, начали диалог с СССР об ограничении стратегических вооружений. Во внешнеполитическом послании президента конгрессу от 18 февраля 1970 г. провозглашалось стремление США разрешать спорные вопросы «с коммунистическими странами в духе справедливости и по-деловому». Американской стороной были предложены вопросы для переговоров, в их число входило ограничение стратегических вооружений, общее политическое урегулирование между Западом и Востоком, разрешение локальных конфликтов, сотрудничество в предотвращении потенциальных кризисов¹⁴.

Практический подход американских политиков к переговорам с Советским Союзом характеризовался противоречивостью и непоследовательностью. Провозглашение добрых намерений и заявления насчет заботы о «длительном мире» переплетались со многими надуманными оговорками и «предварительными условиями». Нередко американская сторона не столько стремилась к достижению конкретных соглашений по определенным вопросам, сколько занималась рассуждениями об абстрактной необходимости вести переговоры. Оценивая реальные перемены во внешнеполитическом курсе США, следует помнить о конъюнктурных и субъективистских элементах тех громких доктрин, которые выдвигались в ходе «эры переговоров». Анализируя сущность внешней политики США, профессор Калифорнского университета, известный американский международник П. Сибири рекомендует проводить разделение между «декларативной» политикой и «политикой действий», поскольку, как он отмечает, «заявления часто полностью не определяют характера тех конкретных действий, которые их сопровождают»¹⁵. Наилучшим критерием проверки степени соответствия конкретных внешнеполитических шагов «декларативной» политике служит практика, которая позволяет достаточно четко определить действительные масштабы реалистических сдвигов во внешней политике США.

Первое пятилетие 70-х годов стало временем проверки внешнеполитических принципов и взглядов, широкозвещательных заявлений и миролюбивых обещаний американских политиков. Советский Союз вот уже на протяжении почти 60 лет доказывает, что заботы о мире и ограждении человечества от угрозы новой мировой войны неизменно лежат в основе его внешней политики. Принципиальна и последовательна политика СССР по отношению к США. Благодаря тому, что в новых условиях, сложившихся в начале 70-х годов, в США возобладал реалистический курс, Советскому Союзу и Соединенным Штатам удалось выработать общую позицию и достичь конкретных результатов по ряду проблем. К первым серьезным практическим шагам позитивного развития советско-американских отношений относится проект Договора о запрещении размещения ядерного оружия на дне морей и океанов, внесенный СССР и США 1 сентября 1970 г. в Комитет ООН по разоружению.

Большое значение не только для двусторонних отношений, но и для дела мира во всем мире имели взаимные визиты и переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и руководителей США, в результате которых были подписаны документы, заложившие прочную основу для дальнейшего сотрудничества. Советско-американские согла-

¹⁴ U. S. Foreign Policy for the 1970's. A New Strategy for Peace, pp. 12, 150—151.

¹⁵ P. S e a b u r v. Op. cit., p. 20.

шения и договоренности сейчас охватывают весьма широкий спектр проблем — от ограничения стратегических вооружений до сотрудничества в борьбе с болезнями. Центральное место среди них занимают «Соглашение о предотвращении ядерной войны», «Основы взаимоотношений между СССР и США», соглашения об ограничении стратегических вооружений и ряд других. В этих документах принцип мирного сосуществования фиксируется как основа отношений между СССР и США; закрепляется желание обеих сторон воздерживаться от применения силы и угрозы силой, устранить угрозу ядерной войны; провозглашается обязательство решать спорные вопросы мирным путем; определяется необходимость ограничения вооружений с целью добиться всеобщего и полного разоружения. Оценивая позитивное развитие советско-американских отношений, Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС отметил их «решающее значение для ослабления угрозы новой мировой войны и укрепления мира», для оздоровления «международного климата в целом, в том числе и в Европе»¹⁶.

Разрядка оказала существенное влияние не только на конкретные внешнеполитические установки США, но и на некоторые основополагающие аспекты их стратегии. С учетом изменения соотношения сил в значительной степени деформировалось самое понятие «национальная безопасность», обеспечение которой провозглашается как важнейший приоритет внешней политики США. Долгое время считалось, что «безопасность» США может быть надежно обеспечена за счет достижения военного перевеса над «противником», путем создания и укрепления военно-политических блоков, окружающих Советский Союз и другие страны социализма. Но «холодная война» и раскол мира на враждующие группировки не дали искомого результатов. Подобная политика не укрепила «национальную безопасность» США и их партнеров, а гонка вооружений способствовала нагнетанию напряженности. «Какими бы основательными ни могли бы быть наши союзы,— констатировал в июле 1975 г. государственный секретарь США Г. Киссинджер,— все же мы сознаем, что мир, который покоится на равновесии сил и взаимно уравновешивающихся блоках, является непрочным и бесплодным. Значит, мы должны приложить усилия к улучшению наших отношений с коммунистическими странами. В термоядерный век нет альтернативы серьезным усилиям для разрядки напряженности на доверительной и взаимной основе»¹⁷.

Такой вывод творцы американской внешней политики сделали не сразу. Вашингтон с беспокойством следил за инициативами западноевропейских стран в этом направлении, в частности Франции и ФРГ. Выход Франции из НАТО и ее независимый курс подвергались критике со стороны США еще в 60-е годы. В то же время считалось маловероятным, что за ней последуют и другие. Но признание правительством ФРГ послевоенных реальностей в Европе опровергло эти предположения. Хотя «восточная политика» Бонна и получила официальное одобрение США, на самом деле американское руководство испытывало глубокую тревогу. Неодобрительное отношение Вашингтона было выражено неофициальным путем в прессе, а также в выступлениях видных политических деятелей Д. Ачесона, Дж. Макклоя, Дж. Болла, Л. Клея. По мнению некоторых западных авторов, конфликт между США и ФРГ в связи с «восточной политикой» имел весьма серьезный характер. «Это был первый случай, когда разлад между Бонном и Вашингтоном — потенциально довольно серьезный — был вызван дипломатической инициативой с немецкой стороны, представляющей собой очевидное отклонение от политического курса, предварительно согласованного между Федеративной Республикой

¹⁶ Л. И. Брежнев. Указ. соч., стр. 469.

¹⁷ «The Department of State Bulletin». Vol. LXXIII, № 1881, July 14, 1975, p. 53.

Германии и Соединенными Штатами», — пишет известный английский исследователь-международник Р. Морган¹⁸.

Соединенные Штаты были очень обеспокоены тем, что под угрозой оказался не только их контроль над важными инициативами в Европе, но и в целом общий подход Запада к отношениям с Востоком под эгидой Соединенных Штатов. Понимание этих изменений стимулировало реакцию американской дипломатии на новые обстоятельства и способствовало укреплению реалистических тенденций во внешней политике США.

Характерно, что последующая активизация советско-американских контактов и заключение серии соответствующих соглашений в 1972 г. вызвали в западном лагере ситуацию, похожую на ту, которую в свое время вызвала активная «восточная политика» Бонна. Только теперь действующие лица поменялись местами. Если раньше Западную Европу обвиняли в том, что она односторонне развивает отношения с СССР в ущерб «атлантической солидарности», то теперь США подверглись критике со стороны своих европейских союзников за то, что они-де, забывая о своей безопасности, предпочитают урегулирование отношений с «соперниками» укреплению союзнических связей. К этому прибавились экономические, финансовые и иные разногласия, которые наряду с политическими проблемами сплетались в целый клубок противоречий. В 1972 г. А. Бьюкен, бывший директор Лондонского института стратегических исследований, писал: «Стало ясно, что Соединенные Штаты могут развивать концепцию своих собственных интересов, которая придает особое значение достижению соглашений с соперниками... или что союзнические отношения могут принять характер соперничества...»¹⁹.

Разумеется, попытка толковать советско-американские соглашения как 1972 г., так и последующие в качестве пресловутого «кондоминиума» двух «сверхдержав» не имеет под собой реальной почвы. Соглашения эти не только не были нацелены против кого бы то ни было, но, напротив, соответствовали интересам всех народов, поскольку способствовали предотвращению ядерной войны, губительной для всей человеческой цивилизации, и обеспечению разрядки напряженности во всем мире. Но логика межимпериалистических отношений такова, что она предполагает наличие постоянного недоверия к союзникам. Отсюда и нарекания в адрес Вашингтона. США были обеспокоены растущим недоверием союзников. «Московская встреча в верхах не являлась началом нового периода советско-американского кондоминиума», — подчеркивал в это время министр обороны США М. Лэйрд²⁰. Теперь Вашингтон вынужден был убеждать своих партнеров, что советско-американское сближение не нанесет ущерба западным союзам.

Подозрения в «сговоре сверхдержав» за счет «остального мира» базируются на системе мышления времен «холодной войны», на стереотипах, выработанных на почве антикоммунизма и антисоветизма. Долгие годы конфронтации между СССР и США, пресловутого «соперничества» между ними, употребляя терминологию западных политологов, служили исходной позицией при разработке внешнеполитических планов капиталистических стран. В тот период сотрудничество между двумя великими державами казалось не только невозможным, но даже немислимым. Последовательный внешнеполитический курс СССР на мирное сосуществование не встречал должного отклика на Западе. Потребовалось много времени, чтобы понять, что конфронтация не только безуспешна, но и бесперспективна. «Настоятельная задача нашего времени, — говорил Г. Кис-

¹⁸ R. Morgan. Washington and Bonn: A Case Study in Alliance. «International Affairs». Vol. 47, № 3, July 1971, p. 490; см. также Н. А. Нарочницкая. США и «новая восточная политика» Бонна. «Вопросы истории», 1974, № 4.

¹⁹ A. Buchan. Europe and America: from Alliance to Coalition. P. 1973, p. 12.

²⁰ «The Nixon Doctrine», p. 7.

синджер в своем выступлении, посвященном разрядке, в сенатской комиссии по иностранным делам, — примирить реальность соперничества с императивом сосуществования. Без конструктивных отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом не будет мирного международного порядка. Если Советский Союз и Соединенные Штаты не будут проявлять сдержанности и не будут использовать свою колоссальную мощь на благо человечества, не будет международной стабильности»²¹.

Признание императива мирного сосуществования означало отказ от «холодной войны», оно отражало глубокий кризис политики «с позиции силы», которая долгое время служила одной из основных опор внешней политики империализма. Сравнивая американскую дипломатию со спящим Гулливером, гарвардский профессор Ст. Хоффманн призывал ее творцов трезво воспринять реальности нового мира. «Несоизмеримое и чрезмерное значение, — пишет он, — придавалось военным средствам, так как американская военная мощь была своеобразным прокрустовым ложем, на котором чересчур надолго расположилась американская дипломатия и с которого она теперь должна подняться»²².

Дискредитация военно-силовых методов в последние годы проявилась настолько выпукло, что с этим пришлось считаться и откровенным американским консерваторам. Невозможность решить поставленные задачи даже с помощью колоссальной военной машины США порождала сомнение не только в методах, но и в самой реальности этих задач и целей. Анализируя банкротство американской внешней политики на рубеже 70-х годов, Л. Липсон, профессор политических наук в Калифорнийском университете, пишет, что «руководящие идеи, проводимые в течение 16 лет государственными секретарями Даллесом и Раском, имели результатом трагедию заблуждений... Никакие методы, технические приемы или приспособления не могли достичь целей, которые были неверно задуманы»²³. Эта «трагедия заблуждений» долгое время покоилась на уверенности в превосходстве Америки и праве сильного диктовать свою волю всему миру. В наши дни времена «ядерного шантажа» и «политики канонерок» все более уходят в прошлое. Нагнетание напряженности и военные угрозы не могли обеспечить реализацию глобальных целей американского империализма, они оказались несостоятельными.

Гонка вооружений, развязанная империалистическими кругами в надежде создать значительное преимущество в военной области, привела к противоположным результатам. Стратегический паритет между СССР и США, признанный американским руководством, не мог не повлиять на военные представления этого государства, на соответствующие доктрины и стратегии. «В эпоху подавляющей военной мощи США, — отмечал Р. Никсон, — мы и наши союзники могли положиться на доктрину массированного возмездия. В новую эпоху растущая сила Советского Союза изменяет военный баланс. Без приспособления к этому изменению можно было бы прийти к конфронтациям, предлагающим страшный выбор между парализацией и гибелью»²⁴.

Как известно, уже в 1961 г. стратегия «массированного возмездия» во внешней политике США была заменена стратегией «гибкого реагирования», предусматривавшей более тонкое сочетание военной силы с иными — экономическими, политическими, идеологическими средствами²⁵.

²¹ «The Department of State Bulletin». Vol. LXXI, № 1842, October 14, 1974, p. 505.

²² S. Hoffmann. Gulliver's Troubles, or the Setting of American Foreign Policy. N. Y. 1968, p. 375.

²³ «U. S. Foreign Policy: Perspectives and Proposals for the 1970's». Ed. by P. Seabury and A. Wildavsky. N. Y. 1969, p. 37.

²⁴ U. S. Foreign Policy for the 1970's. Building for Peace, p. 5.

²⁵ См. В. В. Журкин. США и международно-политические кризисы. М. 1975; Г. А. Трофименко. Эволюция военно-политической стратегии США после второй мировой войны. «Вопросы истории», 1976, № 3.

В 70-е годы в ходе продолжающегося приспособления к изменяющемуся соотношению сил начинают вырабатываться новые воззрения. Во внешнеполитическом послании президента США от 25 февраля 1971 г. сообщалось о новой военно-политической доктрине — «стратегической достаточности»²⁶. Пронскавшаяся из этой доктрины стратегия получила название «реалистическое сдерживание», или «устрашение». В докладе конгрессу министра обороны М. Лэйрда отмечалось, что ранее выработанные доктрины имели «ответный» и «рефлекторный» характер. Прежняя стратегия опиралась на «сдерживание и приспособление». Новая делала упор на «соразмерную и ответственную вовлеченность» в противоборство и активные переговоры «с позиции силы»²⁷.

Несмотря на всю «гибкость» и «реализм», новая стратегия в том виде, в каком она была объявлена бывшим американским министром обороны М. Лэйрдом, явно и недвусмысленно ставила во главу угла «позицию силы» в диалоге с Востоком. Такой подход проявился в стремлении США оказать в начале переговоров об ограничении стратегических вооружений давление на СССР путем развертывания новых систем оружия. Мотивировалось это тем, что благоприятный их исход возможен якобы только при наращивании вооружений. Шаги подобного рода не способствовали укреплению разрядки так же, как и любые попытки оказать давление на Советский Союз с помощью иных средств.

Отражая «силовой» компонент внешнеполитической доктрины, стратегия «реалистического сдерживания» имеет логическую связь со стратегией «гибкого реагирования». В последней уже были практически признаны ограниченные возможности стратегической ядерной мощи США, хотя в то же время существенно завышались возможности обычных вооруженных сил США. В новой же стратегии в отличие от этого учтена ограниченность и обычных вооруженных сил. Идея чисто американской силы сменилась идеей «совокупной силы», где военная мощь союзников представлена как составная часть возглавляемого США военного комплекса. В связи с этими изменениями усиливается внимание к обычным вооруженным силам и вооружениям.

Опираясь на новую стратегию, Пентагон особым образом «учитывает» разрядку и стратегический паритет с СССР, разрабатывая методики подготовки к ограниченному, локальным военным действиям с использованием обычных войск и дозированным применением атомного оружия. Наиболее широкий отклик вызвали планы бывшего министра обороны США Д. Шлесинджера. В мае 1975 г. он объявил в конгрессе о возможности для США первыми применить ядерное оружие. На пресс-конференции 20 июня Шлесинджер подтвердил, что США сохраняют за собой право использовать это оружие²⁸. По сообщению близкого к военно-промышленным кругам США журнала «U. S. News and World Report» от 21 июля 1975 г., в результате деятельности Шлесинджера «произошел значительный, хотя внешне и малозаметный сдвиг в ядерной стратегии США». Заявления и пресс-конференции американского министра обороны вызвали сильный резонанс не только за рубежом, но и внутри страны. 88 членов палаты представителей подписали требование отказаться от применения ядерного оружия первыми. После широкой критики Шлесинджер 3 июля был вынужден извиниться, что его-де поняли «явно неправильно» и что «никто никогда не предполагал, что мы применим ядерное оружие первыми»²⁹.

Аргументация сторонников разработки новых военных планов зву-

²⁶ U. S. Foreign Policy for the 1970's. Building for Peace, p. 170.

²⁷ Statement of the Secretary of Defense M. R. Laird before the House Armed Services Committee on the FY 1972—1976. Defense Program and the 1972 Defense Budget. March 9, 1971. Washington, 1971, p. 2.

²⁸ «International Herald Tribune», 8.VII.1975.

²⁹ Ibid., 5—6.VII.1975.

чит, как правило, довольно тривиально. Однако заявления о «советской угрозе» находят в наши дни все меньше сторонников как внутри США, так и среди их союзников. Разрядка говорит сама за себя. Советский Союз давно доказал искренность своего стремления к миру во всем мире на благо всех народов. Становление и развитие практики мирного сосуществования, последовательная и миролюбивая внешняя политика КПСС и Советского государства привели к тому, что сейчас лишь немногие на Западе действительно верят в «угрозу агрессии» со стороны СССР и Организации Варшавского Договора. «Исходя из сочетания внешних изменений и внутренних неурядиц, — пишет бывший чиновник госдепартамента, а ныне профессор политических наук Л. Блумфильд, — многие американцы строили свои рецепты политических изменений на том предположении, что советская «угроза», даже если она когда-либо существовала, исчезла. Они утверждают, что холодную войну следовало бы отнести к атрибутам прошлого»³⁰.

На этом фоне противникам разрядки все труднее найти доказательств «агрессивности» СССР и других стран Варшавского Договора. Чтобы оправдать продолжение наращивания вооружений, совершенствование военных планов, вмешательство в суверенные дела других государств, им приходится опираться на далекие от реальной ситуации гипотетические суждения. Довольно ясно высказался об этом в одном из интервью и Шлесинджер, заметив, что «для Соединенных Штатов значительно удобнее ситуации, в которых имеет место недвусмысленное нападение»³¹. За неимением же подобных ситуаций — ведь на США нападать никто не собирается — приходится обращаться к традиционным стереотипам времен «холодной войны».

В последние годы в результате советско-американских соглашений удалось ограничить рост существующих видов стратегических вооружений. Усилия в этом направлении продолжаются на переговорах между СССР и США. Официальная позиция США в данных вопросах основывается на признании стратегического паритета СССР и США. В этих условиях милитаристские круги начали все больше концентрировать свое внимание на обычных вооруженных силах и вооружениях, требуя ликвидировать «дисбаланс» и «военные преимущества» СССР и других стран Варшавского Договора, о которых так много говорят на Западе. Подобные интерпретации, как и тезис об угрозе нападения со стороны СССР, — это традиционные аргументы реакционных политиков и генералов, уже много лет используемые для обоснования необходимости увеличения военных бюджетов и наращивания вооружений, для воздействия на общественное мнение страны.

Однако в эпоху разрядки все большее число американцев задается вопросом: нужны ли предлагаемые меры в условиях ослабления напряженности, да и соответствует ли действительности пресловутая «слабость» и чуть ли не «безоружность» Запада по отношению к Востоку в области обычных войск? Сошлемся на квалифицированный анализ, проведенный бывшим помощником министра обороны США, а ныне профессором Стэнфордского университета А. Энтховеном, которого трудно заподозрить в симпатиях к СССР и Варшавскому Договору. Энтховен вовсе не считает, что США и натовские армии в Европе недостаточно вооружены перед лицом стран Варшавского Договора. Истинное положение вещей, пишет он, заключается в том, что на Западе происходило многолетнее «преувеличение мощи и возможностей сил Варшавского Договора, ведущее к предположению, что силы НАТО безнадежно отстают». Характеризуя новейшие военные планы, связанные с возможностями применения ядерного оружия, Энтховен отмечает его опасную разруши-

³⁰ L. P. Bloomfield. In Search of American Foreign Policy. The Human Use of Power. N. Y.—L.—Toronto. 1974, p. 66.

³¹ «U. S. News and World Report». 26.V.1975, p. 24.

тельную силу: «За 8 лет изучения этой проблемы я никогда не встретил убедительного сценария, в котором такое применение имело бы смысл»³².

Несмотря на эти трезвые суждения и официальную констатацию стратегического паритета СССР и США, подход к разрядке в американо-советских отношениях в определенных американских кругах остается непоследовательным и противоречивым. Такие противоположные процессы, как ослабление напряженности и гонка вооружений, мирное сотрудничество и закрепление военного противостояния, пока сопутствуют друг другу. Военные стратеги США рассматривают две эти тенденции, которые по своей природе противоречивы, как параллельные, как два составных элемента обеспечения национальной безопасности. Политика разрядки, ее направленность и глубина привязываются к военной мощи США, наращивание которой может якобы гарантировать стабильность разрядки. Такого рода подход, разумеется, не способствует дальнейшему развитию разрядки, ее укреплению, созданию взаимного доверия партнеров. Позиция сторонников наращивания вооружений фактически ведет к деформации разрядки, к получению односторонних выгод одними лишь Соединенными Штатами и в ущерб интересам Советского Союза и других социалистических стран. Но ясно, что без компромиссов и взаимной готовности идти на уступки нельзя достичь взаимопонимания между США и СССР. Не выдерживает критики и выборочный подход к элементам разрядки: выделение и концентрация внимания на одном из них. Например, противники экономического сотрудничества с СССР утверждают, что Советский Союз во всем комплексе разрядки интересуют лишь экономические аспекты.

Сейчас уже видны позитивные сдвиги, происшедшие в результате разрядки, более четко также прослеживаются ее перспективы. Заложена солидная база для развития сотрудничества на основе мирного сосуществования. В известной степени ослабла угроза ядерной войны. Многочисленные советско-американские документы предусматривают взаимовыгодное сотрудничество в различных областях экономики, науки, техники и культуры. Реализация достигнутых соглашений приносит очевидную пользу как советской, так и американской стороне. Развитие советско-американских отношений содействовало оздоровлению международного климата в мире, в том числе и в Европе. Советский Союз и Соединенные Штаты участвовали в подписании Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, ведут переговоры вместе с другими странами об ограничении вооружений и вооруженных сил в Центральной Европе. В то же время существует специальная сфера вопросов, которые решаются в ходе диалога двух этих великих держав, обладающих большим экономическим и политическим весом, самыми мощными в мире арсеналами ядерных вооружений и обычных вооруженных сил. Эта специфика их положения вовсе не означает, что двусторонние встречи и контакты СССР и США, на которых решаются проблемы, относящиеся к их компетенции, находятся за рамками общего процесса разрядки между Западом и Востоком. Советско-американские соглашения — это существенный вклад в развитие всеобщего процесса разрядки и укрепление международной безопасности.

Нормализация советско-американских отношений, оказавшая серьезное влияние на ход Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в значительной степени содействовала выработке «тщательно взвешенного баланса интересов всех государств-участников», о котором говорил Л. И. Брежнев³³. Уже тот факт, что США наряду с другими странами выступили за безопасность и развитие сотрудничества стран всей Европы, а не только западной ее части, как это было до сих пор, го-

³² A. C. Enthoven. U. S. Forces in Europe: How Many? Doing What? «Foreign Affairs». Vol. 53, № 3, April 1975, pp. 514, 524.

³³ Л. И. Брежнев. Указ. соч., стр. 336.

ворит о значительных переменах в позиции Вашингтона относительно Европы. Если в годы «холодной войны» раскол Европы на противоположные системы и блоки и конфронтация между ними считались идеологами империализма естественным состоянием, то в начале 70-х годов эта точка зрения стала изменяться вместе с общим сдвигом во взаимоотношениях между Западом и Востоком.

Поворот в США к признанию идеи общеевропейского совещания произошел не сразу и не вдруг. Он вызревал под воздействием многих факторов внутреннего и внешнего характера, среди которых следует назвать изменение соотношения сил в мире в пользу социализма, активную и миролюбивую европейскую политику СССР, стремление европейских народов жить в мире и дружбе, улучшение советско-американских отношений, ненадежность блоковой системы безопасности, усиление самостоятельности политики западноевропейских стран. В президентском послании конгрессу от 18 февраля 1970 г. отмечалась готовность США вести переговоры по вопросам безопасности в Европе. Но сама необходимость соответствующего совещания еще не осмысливалась как стоящая на повестке дня. Мотивировалось это тем, что «было бы неверно считать, что одна большая конференция может обсудить все существующие взаимоотношения» и что решение европейских проблем возможно не в результате одних переговоров, а «длительного исторического процесса»³⁴. Общий подход к проблемам европейской безопасности ставился в зависимость от урегулирования проблем Западного Берлина, «германского вопроса», военной разрядки.

Во внешнеполитическом послании президента от 25 февраля 1971 г. эта точка зрения получила дальнейшее подтверждение, хотя переговоры опять-таки не отвергались. Однако призыв к переговорам в значительной степени носил декларативный характер, так как Соединенные Штаты пока еще не были намерены вести их. Отсюда проистекали и тактика оттяжек, и попытки обосновать искусственную взаимозависимость различных проблем и т. д. Но уже третье внешнеполитическое послание президента от 9 февраля 1972 г. говорило о готовности к конкретным переговорам и согласии на созыв соответствующего совещания. В послании имелся специальный раздел, озаглавленный «Конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе», в котором говорилось: «Вопросом, с которым сейчас сталкивается Запад, является советское предложение о конференции всех европейских стран вместе с Соединенными Штатами и Канадой для обсуждения безопасности и сотрудничества в Европе. Если такая конференция будет тщательно подготовлена и займется рассмотрением соответствующих вопросов, Соединенные Штаты поддержат ее»³⁵.

В сложившейся обстановке не только СССР и другие социалистические страны Европы, но и западноевропейские союзники США, обретшие в ходе разрядки большую самостоятельность, поддержали идею проведения совещания. Утверждение позитивных тенденций во внешней политике западноевропейских стран, и прежде всего Франции и ФРГ, говорили сами за себя. Росла убежденность в том, что действительная безопасность Западной Европы не может быть создана закреплением конфронтации на Европейском континенте. «Только в сотрудничестве с СССР можно было бы ослабить гонку вооружений, предпринять шаги по обеспечению военной стабильности и исследовать возможности экономических взаимосвязей, — писал английский исследователь К. Бартлетт. — Только таким образом можно укрепить мир...»³⁶.

³⁴ U. S. Foreign Policy for the 1970's. A New Strategy for Peace, pp. 35, 36.

³⁵ U. S. Foreign Policy for the 1970's. The Emerging Structure of Peace, p. 48.

³⁶ C. J. Bartlett. The Rise and Fall of the Pax Americana. United States Foreign Policy in the Twentieth Century. L. 1974, p. 173.

Вашингтон проявлял беспокойство, опасаясь как бы важнейшие европейские вопросы не были решены без его участия. Это отразилось и во втором внешнеполитическом послании президента от 25 февраля 1971 г.: «Теперь наши западноевропейские союзники очень хотят внести свой собственный вклад в переговоры между Востоком и Западом. Поступая таким образом, они хотят все больше утвердить свои собственные суждения и интересы». Президентское послание предостерегало от «односторонних» действий без американского участия: «Каждый союзник лучше всего судит о своих национальных интересах. Но гармонизация наших политических курсов и обеспечение того, чтобы наши усилия в разрядке взаимно дополняли друг друга, должны стать нашей принципиальной целью». В противном случае, то есть без участия США, разрядка «была бы иллюзорной» и могла вызвать «трения между союзниками»³⁷. Вместе с тем США делали выводы и для себя, форсировав свое участие в процессе разрядки.

Дальнейшее развитие американско-советских отношений оказывало благотворное влияние на европейскую политику США. Главным соображением, определившим окончательное решение Вашингтона участвовать в общеевропейском совещании, «несомненно, была нормализация советско-американских отношений, начало конструктивного взаимодействия между двумя самыми мощными державами мира по широкому кругу проблем, прежде всего по вопросам их общей безопасности, предотвращения ядерной войны, обуздания гонки вооружений. Элементы реализма, проявленные американскими руководителями и выразившиеся в готовности на основе принципа равной безопасности обсудить эти и другие вопросы, оказали позитивное воздействие как на формирование подхода США к вопросу об общеевропейском совещании, так и на позиции их союзников»³⁸. Вопросы, связанные с общеевропейским совещанием, обсуждались в 1972—1974 гг. на трех советско-американских встречах в верхах и на рабочей встрече Л. И. Брежнева с президентом США Дж. Фордом во Владивостоке. Эти визиты и встречи способствовали продвижению вперед работы совещания, а в конечном итоге и его успешному завершению, отмеченному подписанием Заключительного акта. В этом документе впервые за весь период новейшей истории отразились взаимоприемлемые взгляды не только на сотрудничество, но и на безопасность как социалистических стран—участниц Варшавского Договора, так и капиталистических государств—членов НАТО, а также неприсоединившихся стран. Исторический успех Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе еще раз убедительно доказал, какое важное значение имеют отношения между СССР и США для дела мира во всем мире.

В этом плане большую роль играет укрепление атмосферы взаимного доверия, чему в немалой степени способствовали как советско-американские двусторонние переговоры, так и многосторонние встречи в рамках общеевропейского совещания. В ходе многочисленных встреч, контактов, переговоров на разных уровнях всему миру была продемонстрирована миролюбивая и конструктивная позиция Советского Союза, который еще раз доказал искренность и последовательность своих намерений и целей. В вышедшем в США сборнике статей крупных ученых по вопросам международной политики отмечается, что растущее недоверие к «угрозе со стороны коммунизма» создает климат «психологической разрядки»³⁹. Это очень важно для закрепления позитивных политических сдвигов в сознании широких масс населения США. Сложность данного процесса заключается в том, что в Соединенных Штатах в течение десяти-

³⁷ U. S. Foreign Policy for the 1970's. Building for Peace, p. 39.

³⁸ Ю. П. Давыдов. США и Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. «США: экономика, политика, идеология», 1975, № 10, стр. 11.

³⁹ «Great Issues of International Politics». Ed. by M. Kaplan. Chicago. 1974, p. 34.

тилетий «холодной войны» проводилась соответствующая пропагандистская обработка масс, культивировалось недоверие к СССР. Эти укоренившиеся стандартные стереотипы мешают адекватно воспринимать происходящие изменения и трезво оценивать внешнюю политику Советского Союза. И это относится не только к средним американцам, но и ко многим профессиональным политикам. В связи с этим очень большое значение имеет обеспечение непрерывности динамичного по своей природе процесса разрядки, развития и углубления уже достигнутых результатов. Называя переговоры и соглашения единственно разумной альтернативой силовой конфронтации, американский исследователь Л. Веттен резонно замечает, что соглашения между СССР и США по любым вопросам способствуют установлению атмосферы взаимного доверия, без которой нельзя решить основные вопросы современности⁴⁰.

Разумеется, развитие советско-американских связей не снимает глубоких противоречий между социализмом и капитализмом, между СССР и США как главными представителями двух общественно-политических систем. Эти противоречия в условиях разрядки в наивысшей степени концентрируются в усилении идеологической борьбы. В последнее время в США распространяется немало инсинуаций по поводу идеологических противоречий. Советский Союз пытаются обвинить в предательстве разрядки, в идеологических диверсиях, стремятся заставить пойти на заведомо неприемлемый шаг — отказаться от коммунистической идеологии. Подобные попытки, безусловно, обречены на провал, что понимают и их авторы, стремящиеся использовать разрядку для подрыва идеологических позиций социализма.

В то же время трезво мыслящие деятели в той или иной степени осознают реальность идеологической борьбы. Довольно четко такая точка зрения была выражена в выступлении заместителя государственного секретаря Дж. Сиско: «С идеологической точки зрения не может быть никакого компромисса. Однако сосуществование двух принципиально различных социальных систем является неотъемлемым элементом мира во всем мире в предстоящие четверть столетия»⁴¹.

Реалистическая основа, на которой возможно развитие разрядки, предполагает признание классовых и идеологических различий между СССР и США. Однако разрешение спорных вопросов должно происходить путем переговоров, мирными средствами, а не силой и с помощью угроз. Несомненно, между СССР и США, между капиталистической и социалистической системами будет продолжаться идеологическая борьба так же, как и соревнование в области экономики, науки и культуры и т. д. Будут иметь место и политические противоречия, различия в оценках и интерпретациях как международного развития в целом, так и отдельных международных событий. Это неизбежно вытекает из реальных классовых противоречий и классовой борьбы в сфере международных отношений.

Серьезным и важным вопросом становится в этой связи проблема методов и форм борьбы, применение которых в каждом конкретном случае может означать губительную войну или мирное сосуществование, гонку вооружений и усиление конфронтации или же решение спорных проблем путем взаимных договоренностей, психологическую войну или идеологическую борьбу. Например, экономическое соревнование в сочетании с сотрудничеством и взаимной заинтересованностью может принести пользу народам СССР и США. Но явно неприемлемы попытки обусловить экономическое сотрудничество вмешательством во внутренние дела. Так же и идеологическая борьба не должна превращаться в психоло-

⁴⁰ L. Whetten. Op. cit., p. 17.

⁴¹ J. Sisko. America's Foreign Policy Agenda: Toward the Year 2000. «The Department of State Bulletin». Vol. LXXII, № 1859. February 10, 1975, p. 184.

гическую войну, к чему неприкрыто стремятся, пытаясь подорвать дух сотрудничества, противники разрядки в США.

В общем и целом отношение правящих кругов США к разрядке, как и их внешнеполитические воззрения, в достаточной степени противоречиво. Это объясняется тем, что общая концепция буржуазного мировоззрения проистекает из классовых интересов американского империализма, объективно противостоящих силам социализма, демократии и прогресса. В то же время стратеги империализма не могут не учитывать объективных перемен, реальных процессов, происходящих в современном мире, не могут не искать путей приспособления к этим переменам, пытаясь оптимизировать свою внешнюю политику. Этим и объясняется то, что для внешнеполитического курса США характерен меняющийся баланс между двумя указанными компонентами, оказывающий самое непосредственное воздействие на формирование американской внешнеполитической концепции. Преобладание того или другого в каждый данный момент накладывает соответствующий отпечаток на конкретные политические действия США.

Трудно поддается изменениям и многолетняя политическая традиция видеть в военной силе универсальное средство для решения всех проблем. Правые среди американских политиков явно не расстались с мыслями о глобалистских притязаниях США. Рецидивы «холодной войны» время от времени повторяются Американским политикам, в том числе и лицам, стоящим у государственного руля, явно нелегко привыкнуть к мысли, что императивом современности является не балансирование на грани войны, а мирное сосуществование.

Выразителями линии противников разрядки в американской внешней политике являются правые круги, мыслящие до сих пор категориями «холодной войны». Это, по словам Л. И. Брежнева, «влиятельные силы в США, не заинтересованные ни в улучшении отношений с СССР, ни в разрядке международной напряженности в целом»⁴². К ним прежде всего относятся круги военно-промышленного комплекса, непосредственно связанные с военным производством, заказами Пентагона и получающие колоссальные прибыли от гонки вооружений. Военно-промышленный комплекс имеет в США большое влияние, захватывая в орбиту своих интересов конгрессменов и ученых, общественных и политических деятелей. Он располагает рядом средств прямого давления на высшую законодательную и исполнительную власть, обладает широкими пропагандистскими возможностями для воздействия на общественное мнение. Эту тенденцию поддерживает и реакционная верхушка профсоюзной бюрократии, а также довольно значительная часть средств массовой информации. Активными противниками улучшения отношений с СССР выступают ультраправые антикоммунистические и антисоветские элементы. Разрядка явно не по душе высшим военным чиновникам и натовскому генералитету, представляющим интересы колоссальной военной машины, инерцию развития которой трудно преодолеть.

В последнее время предпринимается серия попыток консолидировать правые круги, запугать общественное мнение США «советской угрозой», дать возможность Пентагону увеличить военный бюджет, разжечь истерию в духе «холодной войны». Естественно, что все это осложняет положительное в целом развитие советско-американских отношений.

Несмотря на усилия противников разрядки, линия на улучшение отношений с СССР пользуется поддержкой большинства населения США. Это не раз демонстрировали опросы общественного мнения. Настроения широкой общественности подтверждают правильность курса на нормализацию американско-советских отношений. Выступая за продолжение этого курса, трезво мыслящие американцы в последнее время были явно встре-

⁴² Л. И. Брежнев. Указ. соч., стр. 470—471.

вожены рецидивами «холодной войны», особенно проявившимися в ходе предвыборной кампании. Ряд видных ученых и общественных деятелей поднял голос в защиту разрядки. Резолюция, призывающая к продолжению реалистического курса по отношению к СССР, была внесена некоторыми американскими сенаторами. Палата представителей, в свою очередь, выступила за быстреее заключение соглашения между СССР и США об ограничении стратегических вооружений и, приняв соответствующую резолюцию, высказалась также за дополнительные меры, направленные на предотвращение распространения ядерного оружия. За улучшение советско-американских отношений высказываются многие конгрессмены, как республиканцы, так и демократы. Против рецидивов «холодной войны», за ослабление напряженности постоянно борются коммунисты и демократическая общественность страны. Важную роль в деле улучшения американско-советских отношений может сыграть укрепление настроений в пользу взаимовыгодного сотрудничества с СССР среди американских деловых кругов, в том числе и среди представителей крупного бизнеса. Все чаще звучат голоса за ликвидацию искусственных препятствий на пути экономического и торгового сотрудничества, за предоставление СССР режима наибольшего благоприятствования⁴³.

Сегодня — и это особенно четко выявилось в год президентских выборов — многое будет зависеть от последовательности наиболее трезво мыслящих американских политиков и отстаивания ими реалистического курса, от их готовности оказать должный отпор усиленному нажиму справа. Важное значение при этом имеет адекватное восприятие правящими кругами США советской внешней политики, конструктивного курса КПСС на разрядку, установление добрососедских и взаимовыгодных отношений с Соединенными Штатами. Нормализация отношений между нашими двумя странами и ослабление международной напряженности не могут быть предметом политических спекуляций и внутрипартийных маневров. Политике ослабления напряженности нет разумной альтернативы.

В условиях, когда идея разрядки завоевывает все большую популярность, ее противники боятся разоблачения своих истинных позиций. Нередко избираются окольные пути вроде теории «ограниченной разрядки». Разрядку зачастую пытаются распространить лишь на предотвращение ядерных конфликтов, а развитие в других областях ставится в зависимость от политических и идеологических уступок СССР. Даже сенатор Г. Джексон, традиционно стоящий на позиции «ястребов», в одном из интервью провозгласил себя сторонником концепции разрядки «вообще» и в то же время заявил о своем недовольстве конкретной разрядкой, проводимой сейчас нашими странами. В духе пресловутых догм о необходимости сделать разрядку «улицей с двусторонним движением» Джексон пытается требовать от СССР односторонних уступок⁴⁴. Подобные устремления противников разрядки связаны с надеждами на то, что Советский Союз согласится пойти на односторонние уступки в экономической, политической, военной, идеологической областях для того, чтобы «заплатить» за разрядку с Соединенными Штатами. Иллюзорность таких надежд очевидна. На это не раз указывалось советской стороной.

Наиболее трезвые политики США также понимают это. Так, президент Дж. Форд предложил «серьезно пересмотреть... наше использование торговых и экономических санкций в качестве оружия для изменения

⁴³ Вот как говорил об этом сенатор Ч. Метайес: «Альтернативой политике разрядки, проводимой Киссинджером, является отход назад, к холодной войне; это остановит общение между народами США и Советского Союза... Мы бы лишили себя возможности заниматься бизнесом в размерах миллиардов долларов. Я не вижу разумной альтернативы разрядке» («U. S. News and World Report», 8.XII.1975, p. 22).

⁴⁴ Ibid., p. 21.

внутренней политики других государств»⁴⁵. В одном из своих интервью в августе 1975 г. он предостерег приверженцев подобных взглядов, заметив, что «некоторые хотят больших внутренних изменений в Советском Союзе. Я не думаю, что мы можем ожидать этого от разрядки»⁴⁶. СССР, естественно, выступает против любого нарушения своего суверенитета, против вмешательства в свои внутренние дела. О бесперспективности такого рода попыток высказывался и Г. Киссинджер, который заявил, что «отказ от экономических связей сам по себе не может дать результатов, которых этим способом не удалось добиться даже тогда, когда это было частью преднамеренной политики политического и военного противоборства»⁴⁷. Реалистически мыслящие американские политики отдают себе отчет в том, что разрядка одинаково выгодна как для США, так и для СССР. Они знают, что это единственная приемлемая альтернатива для развития отношений между двумя социальными системами.

В процессе развития разрядки постепенно и неуклонно разрушаются старые стереотипы и традиции, рождается и укрепляется новая структура межгосударственных отношений СССР и США, построенная на сотрудничестве, взаимопонимании, взаимном доверии, на принципах мирного сосуществования. Но разрядка напряженности — это динамический, непрерывный процесс, требующий напряженных встречных усилий. Сейчас на повестке дня стоят вопросы о прекращении гонки вооружений, дополнении политической разрядки военной, всестороннем углублении разрядки, ее воплощении в конкретные формы взаимовыгодного сотрудничества. Движение по этому пути будет способствовать превращению разрядки в необратимый процесс на благо всех народов мира. «У наших отношений с США, — подчеркнул Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, — хорошая перспектива и на будущее — в той мере, в какой они будут и впредь развиваться на этой совместно созданной реалистической основе, когда при очевидном различии классово-природы обоих государств и их идеологии есть твердое намерение разрешать разногласия и споры не силой, не угрозами и бряцанием оружием, а мирными политическими средствами»⁴⁸.

Многое еще предстоит сделать для дальнейшего развития советско-американских отношений. Искренняя готовность Советского Союза к улучшению отношений с Соединенными Штатами на базе добрососедства, сотрудничества и взаимной выгоды неоднократно подтверждалась Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и другими советскими руководителями. Хочется верить, что и американская сторона, осознавая «императив разрядки», будет стремиться к углублению сотрудничества с СССР.

⁴⁵ «International Herald Tribune», 8.IV.1975.

⁴⁶ «U. S. News and World Report», 11.VIII.1975, p. 20.

⁴⁷ «The Department of State Bulletin». Vol. LXXI, № 1842, October 14, 1974, p. 511.

⁴⁸ Л. И. Брежнев. Указ. соч., стр. 470.

ФРАНЦИЯ И АГРЕССИЯ США В ИНДОКИТАЕ

П. П. Черкасов

На протяжении всего послевоенного периода Индокитай занимал важное место в системе международных отношений. Это объяснялось прежде всего тем, что многие годы этот район представлял собой постоянный источник напряженности, порожденной колониальной войной французского империализма в Индокитае (1946—1954 гг.) и особенно обострившейся в результате второй индокитайской войны (1961—1973 гг.), развязанной империалистическими кругами США. Характерным для обстановки в Индокитае все эти годы было то, что здесь происходило столкновение не только между империализмом, с одной стороны, и социализмом и силами национального освобождения — с другой, но и наблюдалось резкое обострение межимпериалистических противоречий, прежде всего между США и Францией. Эти противоречия, порожденные различным подходом правящих кругов этих держав к событиям в Индокитае, усугублялись наличием у французского монополистического капитала традиционных интересов в этом районе.

После окончания второй мировой войны позиции Франции в Индокитае оказались существенно ослабленными, чем поспешил воспользоваться американский империализм, начавший широкое проникновение в этот район, контроль над которым приобрел для него дополнительный смысл после победы революции в Китае в 1949 году. Франко-американское соперничество в Индокитае проявилось уже в ходе первой индокитайской войны, когда США, с одной стороны, помогали Франции в ее борьбе против национально-освободительного движения в этом районе, а с другой — стремились вытеснить ее оттуда и установить свой контроль над Индокитаем, что им в значительной степени и удалось осуществить после 1954 года. Опыт франко-американского соперничества во время первой индокитайской войны, бесспорно, оказал влияние на дальнейшие взаимоотношения двух стран в Индокитае.

На следующем этапе, когда американский империализм развязал агрессивную войну во Вьетнаме, французские правящие круги попытались воспользоваться дискредитацией США и вернуть свои позиции, взяв одновременно морально-политический реванш за неудачные колониальные авантюры 40—50-х годов. Обострение отношений между Парижем и Вашингтоном, вызванное индокитайской политикой США, привело в начале 60-х годов к образованию в Индокитае нового узла франко-американских противоречий наряду с противоречиями в Западной Европе. Во второй половине 60-х годов к ним прибавились острые разногласия на Ближнем Востоке. Проследить развитие этих противоречий в ходе второй индокитайской войны, дать оценку голлистской позиции, а также выяснить роль Франции в мирном урегулировании конфликта в 1973 г. — таковы цели, поставленные автором в данной статье¹.

¹ Исследуемая проблема нашла некоторое освещение в ряде общих работ. См., например: «История международных отношений и внешней политики СССР». Т. 3. М. 1967, стр. 421; «История Франции». Т. 4. М. 1973, стр. 447; «Франция». М. 1973,

Позиция французского правительства в отношении американской агрессии во Вьетнаме, начавшейся в конце 1961 г.², определялась до 1963 г. тем соображением, что Франция, глубоко увязшая в алжирской войне, практически находилась в одинаковом с США положении и уже по этой причине не могла официально осудить действия США во Вьетнаме, не поставив естественного вопроса об алжирской проблеме. Таким образом, война в Алжире являлась главной причиной сдержанной реакции Франции на события, разворачивавшиеся в Индокитае. Это, однако, ни в коей мере не означало, что правящие круги Франции с безразличием относились к политике США в ее бывших индокитайских владениях. Прежде всего их беспокоила судьба французских экономических и политических интересов на Индокитайском полуострове, давно уже находившихся под угрозой.

Де Голль в своих мемуарах отмечает, что еще в 1959 г. французское правительство расценивало действия США в Южном Вьетнаме как фактический «захват американцами власти» в этой стране³. Когда администрация Кеннеди в 1961 г. взяла курс на вооруженную интервенцию в Индокитае, де Голль на переговорах с американским президентом, состоявшихся 31 мая 1961 г., всячески отговаривал его от осуществления этих планов, предупреждая о пагубных последствиях подобного предприятия. Памятуя о тяжелых уроках, полученных Францией в Индокитае, де Голль отдавал предпочтение более тонким неколониалистским методам. «Интервенция в этом районе, — сказал он в ответ на информацию Кеннеди о готовящемся широком вооруженном вмешательстве США в Индокитае, — приведет к тому, что вы безнадежно завязнете в этой бесконечной войне. После того, как нации пробудились, никакая иностранная власть, какими бы средствами она ни располагала, не имеет шансов на то, чтобы навязать там свою волю. Вы сами в этом убедитесь, ибо если вы найдете на месте правительства, которые из корыстных побуждений согласятся повиноваться вам, то народы не согласятся на это. Идеология, на которую вы ссылаетесь, ничего не изменит. Более того, массы будут отождествлять ее с вашим стремлением к господству. Вот почему чем больше вы будете бороться там против коммунизма, тем больше коммунисты будут представлять там как борники национальной независимости, тем больше они будут получать поддержку... Мы, французы, убедились в этом на опыте. Вы, американцы, пожелали вчера занять наше место в Индокитае. Теперь вы хотите заменить нас, чтобы вновь зажечь там войну, которую мы прекратили. Я вам предсказываю, что вы будете увязать шаг за шагом в военной и политической трясине, несмотря на все свои потери и расходы»⁴.

стр. 432—433; «Западная Европа и США. Очерк политических взаимоотношений». М. 1968, стр. 279—280; Г. Г. Кадомов. Путь к независимости (антиимпериалистическая борьба народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, 1945—1965). М. 1966. Более подробно франко-американские отношения в связи с войной в Индокитае рассмотрены в двух кандидатских диссертациях: П. П. Черкасов. Политика Франции в Юго-Восточной Азии (1954—1970 гг.). М. 1971; В. И. Шведов. Политика V Республики в отношении урегулирования индокитайских проблем (1958—1973 гг.). М. 1973. Из французских исследований, так или иначе затрагивающих данную проблему, можно назвать следующие книги и статьи: Ph. Devillers, J. Lacouture. Viet-Nam de la guerre française à la guerre américaine. P. 1969; Ph. Devillers. La politique française et la seconde guerre du Viet-Nam. «Politique étrangère», 1967, № 6; M. Ferro. De Gaulle et l'Amérique. Une amitié tumultueuse. P. 1973; D. Kerven. Esquisse sur la politique asiatique de la France. «France—Asie/Asia», 1966, № 185; M. Couve de Merville. Une politique étrangère 1958—1969. P. 1971.

² См.: «The Pentagon Papers». As Published by the «New York Times». Toronto—N. Y.—L. 1971; «United States—Viet-Nam Relations 1945—1967» (U. S. Department of Defense). Study Prepared by the DOD. In 12 Books. Washington. 1971.

³ Ch. de Gaulle. Mémoires d'Espoir. Le Renouveau 1958—1962. P. 1970, p. 217.

⁴ Ibid., pp. 268—269.

После заключения мира в Алжире весной 1962 г. и провозглашения курса на «сотрудничество» с молодыми развивающимися государствами⁵ было снято наконец моральное «табу» на официальное отношение Франции к индокитайской политике США. Серьезные затруднения США в Индокитае, так же как в Африке и Латинской Америке, в значительной мере устраивали Париж, ибо они благоприятствовали прежде всего осуществлению европейских планов де Голля. Уменьшая надежность американского военного «присутствия» в Западной Европе, угрожая втянуть Францию через интегрированный механизм НАТО в прямое или косвенное участие во вьетнамской войне, которая с каждым годом принимала все более опасный характер, они служили убедительным подтверждением тезисов де Голля о необходимости восстановить в полном объеме суверенитет западноевропейских государств и их вооруженных сил, избавившись от американской опеки. Не подлежит сомнению, что война во Вьетнаме ускорила и облегчила выход Франции из военной организации Североатлантического договора в 1966 году.

1963 год стал поворотным во французской политике в Индокитае. 29 августа на заседании совета министров Франции де Голль впервые открыто высказал критические замечания в адрес американской политики во Вьетнаме. В тексте заявления президента говорилось, что «серьезные события, которые разворачиваются во Вьетнаме, встречены в Париже с вниманием и озабоченностью». Де Голль выразил подчеркнутое сочувствие народу Северного и Южного Вьетнама, заверяя в готовности Франции способствовать тому, чтобы Вьетнам мог «действовать в условиях независимости от внешних сил, в обстановке мира, внутреннего единства и согласия со своими соседями»⁶. Это заявление было сделано в тот момент, когда США стали совершенно открыто наращивать свои вооруженные силы в Южном Вьетнаме, численность которых в 1963 г. возросла до 16 тыс. человек (в 1961 г. там насчитывалось около 2 тыс. американских военнослужащих)⁷. Встречи де Голля с президентом США Л. Джонсоном на похоронах Кеннеди и с государственным секретарем Д. Раском (16 декабря 1963 г.) убедили его в том, что США намерены наращивать свою «помощь» Южному Вьетнаму⁸. И де Голль поспешил отмежеваться от агрессивного курса США во Вьетнаме.

Наряду с соображениями престижного характера французская позиция во вьетнамском вопросе объяснялась вполне реальным опасением окончательно утратить влияние в трех государствах Индокитайского полуострова. Французские правящие круги понимали, что сохранение позиций Франции в Индокитае возможно только в условиях мира в этом районе и, напротив, возникновение и расширение военного конфликта грозит ей полной их утратой. Единственное средство сохранить французское «присутствие» в Индокитае де Голль и его окружение видели в «нейтрализации» государств Индокитайского полуострова, и прежде всего Вьетнама. «У нас есть интересы в Индокитае, — заявил министр иностранных дел Франции М. Кув де Мюрвиль корреспонденту американского журнала. — ...Мы пробыли в Индокитае 80—90 лет. Поэтому у нас существует традиция отношений с этими странами, имеются взаимные чувства, сохраняются остатки французского присутствия и влияния — например, язык, культура, известные экономические связи, проживающие там многие французские граждане»⁹. На формирование точки зре-

⁵ См.: «La politique de coopération avec les pays en voie de développement. Rapport de la Commission d'Etude instituée par le décret du 12 mars 1963 remis au Gouvernement le 18 juillet 1963». P. 1963.

⁶ «L'Année politique 1963». P. 1964, p. 419.

⁷ «Международный ежегодник. Политика и экономика. 1966». М. 1966, стр. 156.

⁸ «Politique étrangère». 1967, № 6, p. 585.

⁹ «U. S. News and World Report», March 1964, № 16, p. 72.

ния Франции относительно вьетнамского конфликта большое влияние оказало убеждение ее руководителей, вынесенное из опыта Франции в первой индокитайской войне, что военная победа США во Вьетнаме в условиях всенародного сопротивления американской агрессии невозможна. Один из видных левых голлистов, хорошо знающий Индокитай, историк и публицист Ф. Девиллер писал, что, какова бы ни была военная мощь, которой располагал Пентагон, каковы бы ни были временные успехи, «сегодня уже нельзя себе представить, чтобы белая держава... могла долго навязывать азиатам новый колониальный режим»¹⁰. Де Голль, выступая на одной из пресс-конференций, подчеркнул, что «не может быть военной победы, которая могла бы позволить американцам покорить вьетнамцев»¹¹.

В Соединенных Штатах заявление де Голля от 29 августа 1963 г. вызвало резкое недовольство. «The New York Times», характеризуя реакцию правящих кругов США на высказывания президента Франции, отмечала, что «заявление президента де Голля о Вьетнаме расценивается здесь как новая попытка ослабить позиции Соединенных Штатов в системе западных союзов»¹². Обеспокоенные растущей оппозицией Франции во вьетнамском вопросе, правящие круги США предприняли в июне 1964 г. попытку сгладить американо-французские противоречия. С этой целью в Париж был направлен помощник государственного секретаря США Дж. Болл, который передал де Голлю личное послание Джонсона¹³. Между де Голлем и Боллом состоялась беседа, в ходе которой французский президент ознакомил своего собеседника с идеей «нейтрализации» Вьетнама и всего Индокитайского полуострова. По сообщениям печати, Болл заявил де Голлю, что американское правительство в принципе согласно на воссоединение двух частей Вьетнама, но рассматривает это воссоединение как весьма отдаленную перспективу. В то же время эмиссар госдепартамента подчеркнул, что США не намерены выводить свои войска из Южного Вьетнама и будут продолжать оказывать военную и материальную помощь сайгонскому режиму. Де Голль, в свою очередь, откровенно заявил, что он не верит в возможность победить Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама¹⁴.

Встреча показала, что Франция и США продолжают стоять на противоположных позициях во вьетнамском вопросе. С этого времени, отмечает в своих воспоминаниях Кув де Мюрвиль, «Азия, и прежде всего Вьетнам, составляет почти исключительный сюжет франко-американских дискуссий»¹⁵. Во время поездки в Пикардию, которая состоялась сразу же после переговоров с Боллом, де Голль впервые публично выступил с осуждением американского вмешательства в Южном Вьетнаме. «Франция,— заявил он в Мондидье,— рассчитывает, рекомендует и верит, что добьется прекращения иностранной интервенции (во Вьетнаме.— П. Ч.), которая принесит той и другой стороне в этих странах только волнения и несчастье»¹⁶.

23 июля 1964 г. де Голль выступил с предложением созвать новое совещание по рассмотрению комплекса индокитайских проблем. Уже через два дня был получен ответ Джонсона, в котором откровенно говорилось: «Мы не верим в совещания...»¹⁷. А в начале августа 1964 г. Джонсон отдал приказ начать воздушные бомбардировки территории ДРВ,

¹⁰ «Politique étrangère», 1967, № 6, p. 587.

¹¹ «Agence économique et financière», 29 octobre 1966, p. 4.

¹² Цит. по: P. Reynaud. La politique étrangère du gaullisme. P. 1964, p. 188.

¹³ «L'Humanité», 6.VI.1964.

¹⁴ «L'Année politique 1964». P. 1965, p. 268.

¹⁵ M. Couve de Murville. Op. cit., p. 123.

¹⁶ A. Passeron. De Gaulle parle 1962—1966. P. 1966, p. 388.

¹⁷ «The New York Times», 25.VII.1964.

которые с февраля 1965 г. принимают систематический характер. Эти акции США привели к еще большему охлаждению во франко-американских отношениях. 28 мая 1965 г. де Голль отозвал представителей Франции из органов СЕАТО, что означало фактический отказ от участия в деятельности этого военного блока. С началом бомбардировок ДРВ, сопровождавшихся нажимом Вашингтона на своих европейских союзников по НАТО с целью добиться от них поддержки действий США во Вьетнаме, резко усиливается оппозиция де Голля интегрированному механизму Североатлантического блока.

Реалистическая позиция Франции в отношении агрессии США во Вьетнаме объективно способствовала сближению ее с Советским Союзом, начавшемуся с конца 1964 года. Общность позиций двух стран в отношении ситуации в Индокитае выявилась во время переговоров министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с французскими руководителями в конце апреля 1965 года. В заключительном коммюнике отмечалось, что «стороны прежде всего обменялись мнениями по вопросам, относящимся к положению в Юго-Восточной Азии. Было констатировано, что обстановка в районе Индокитая, и особенно во Вьетнаме, в результате последних событий обострилась и создает опасность делу мира». В коммюнике подчеркивалось, что решение комплекса индокитайских проблем возможно лишь путем «возврата к Женевским соглашениям 1954 года по Вьетнаму, Камбодже и Лаосу, которые основаны на признании независимости и суверенитета этих государств и на недопустимости вмешательства извне в их внутренние дела»¹⁸.

С самого начала возникновения индокитайской проблемы Советский Союз последовательно занимал принципиальную позицию, основанную на признании национального суверенитета государств Индокитая и недопустимости иностранного вмешательства в их внутренние дела. Такова была линия, неизменно отстаиваемая советской дипломатией на Женевских совещаниях 1954 и 1962 гг. и других международных конференциях и форумах. Позиция СССР в отношении индокитайской проблемы была изложена в решениях XXIII и XXIV съездов КПСС, на которых были приняты специальные заявления о положении во Вьетнаме и Индокитае. XXIII съезд партии заявил о братской солидарности советских коммунистов с героическим вьетнамским народом, с Партией трудящихся Вьетнама, НФО Южного Вьетнама и обратился с призывом ко всем коммунистическим и рабочим партиям еще настойчивее добиваться единства действий в борьбе против американской агрессии во Вьетнаме¹⁹. XXIV съезд КПСС принял обращение «Свободу и мир народам Индокитая!», в котором говорилось о том, что Советский Союз будет и впредь оказывать всемерную поддержку и помощь ДРВ в строительстве социализма, укреплении ее обороноспособности, отражении империалистических посягательств, последовательно и решительно выступать на стороне освободительного движения в Южном Вьетнаме, Лаосе и Камбодже²⁰.

Агрессивные действия США вызвали такую мощную волну протеста во всем мире, что в конце 1965 г. правительство Джонсона в целях спасения своего престижа было вынуждено выступить с «мирной» инициативой по вьетнамскому вопросу. В последних числах декабря США объявили о временном прекращении бомбардировок ДРВ, а 7 января 1966 г. стали известны заявление вице-президента США Г. Хэмфри

¹⁸ «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения». Сборник документов. 1964—1965 гг. М. 1966, стр. 199.

¹⁹ «XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет». Т. 2. М. 1966, стр. 289—291.

²⁰ «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет». Т. 2. М. 1971, стр. 207—208.

по поводу американской политики в Южном Вьетнаме и так называемые «14 пунктов» по Вьетнаму, в которых излагалась американская программа урегулирования конфликта. Американские предложения ясно давали понять, что США не намерены прекращать воздушные налеты на ДРВ: В качестве условия полного прекращения бомбардировок правительство США ставило требование отказа ДРВ от оказания помощи патриотам Южного Вьетнама и капитуляции Национального фронта освобождения Южного Вьетнама²¹. Предложения США были заведомо неприемлемы и имели целью лишь произвести впечатление, что США стремятся к миру во Вьетнаме. Одновременно госдепартамент попытался оказать воздействие на позицию Франции во вьетнамском вопросе. В декабре 1965 г. в Париж был направлен представитель США при ООН А. Голдберг, который должен был разъяснить де Голлю мотивы американской политики во Вьетнаме, а также передать ему новое послание Джонсона. Однако и эта миссия успеха не имела.

Французская позиция во вьетнамском вопросе не претерпела изменений с 1963 г. и по-прежнему заключалась в требовании прекратить вмешательство США во Вьетнаме, вывести американские войска из Южного Вьетнама и обеспечить выполнение Женевских соглашений 1954 года. «Согласно французской точке зрения...— пишет М. Кув де Мюрвиль,— война, которая развивалась там, была не агрессивней со стороны Северного Вьетнама, а войной гражданской, родившейся из восстания части населения Южного Вьетнама против правительства Сайгона». Восставшие, по мнению французского правительства, «вдохновлялись прежде всего стремлением к национальной независимости»²².

«Миссия Голдберга» потерпела неудачу из-за твердого нежелания администрации Джонсона отказаться от вмешательства в дела Вьетнама. События вскоре показали, что «мирные» маневры американской дипломатии в январе 1966 г. были всего лишь пропагандистской подготовкой нового шага по пути эскалации агрессии США в Индокитае. 31 января 1966 г. Джонсон отдал приказ возобновить бомбардировки промышленных центров и населенных пунктов ДРВ. Мировая общественность с возмущением встретила известие об этом варварском решении. По многим странам прокатилась широкая волна антиамериканских выступлений. 25—27 марта в 125 городах Франции прошли мощные демонстрации солидарности с народом Вьетнама, организованные Французской коммунистической партией (ФКП). В них приняли участие 100 тыс. человек. В одном только Париже в эти дни вышли на улицы 15 тыс. человек, представлявших 27 политических и общественных организаций²³.

Возобновление бомбардировок территории ДРВ вызвало тревогу в политических кругах Западной Европы, и прежде всего в Париже. Выражая эти настроения, Ф. Девиллер писал: «Начало 1966 г. ясно показало, что своей макартуровской политикой в Азии президент Джонсон рисковал вовлечь Европу и западный мир в авантюру»²⁴. Именно с этим было связано заявление французского правительства от 2 февраля 1966 г. по поводу возобновления бомбардировок Северного Вьетнама. «Французское правительство,— отмечалось в заявлении,— может лишь выразить свое беспокойство и неодобрение возобновлением бомбардировок. Восстановление мира во Вьетнаме включает в себя прежде всего, в соответствии с Женевскими соглашениями, отказ от всякого иностранного вмешательства. Возобновление бомбардировок, кроме того, что оно трагически осложняет судьбу населения, еще больше компрометирует

²¹ «The Department of State Bulletin», January 24, 1966, p. 116.

²² M. Couve de Murville. Op. cit., p. 129.

²³ «L'Humanité», 29.III.1966.

²⁴ «Politique étrangère», 1967, № 6, p. 587.

дело мира»²⁵. Американская агрессия против ДРВ явилась одной из причин, а одновременно и удобным поводом для выхода Франции из военной организации НАТО. Не является случайным в этой связи, что заявление де Голля о выходе Франции из НАТО было сделано пять недель спустя после возобновления бомбардировок ДРВ. «Мы не намерены быть вместе с американцами во всех авантюрах, в которые они сочтут благом броситься»²⁶,— добавил де Голль к своему заявлению 7 марта 1966 г. о выходе из военной организации НАТО.

Отношение французского правительства к событиям во Вьетнаме не ограничивалось лишь осуждением агрессивных действий США. Как уже отмечалось, руководители V Республики в 1963 г. выдвинули свой проект урегулирования вьетнамской проблемы, получивший вскоре название «плана нейтрализации» Вьетнама. Позднее эта идея была распространена на три индокитайских государства — Лаос, Камбоджу, Вьетнам. После 1963 г. «план нейтрализации» детализировался, дополнялся и уточнялся и к 1966 г. представлял собой комплекс совершенно определенных предложений по нормализации положения на Индокитайском полуострове. Наиболее полно и четко этот план изложен в трех документах: в письме де Голля президенту ДРВ Хо Ши Мину 8 февраля 1966 г., в речи французского президента на приеме в честь короля Лаоса в Париже 13 июля 1966 г. и в выступлении в Пномпене 1 сентября 1966 года.

В письме Хо Ши Мину де Голль выделил два аспекта в разрешении конфликта — «с одной стороны, вьетнамский, поскольку, не говоря о последующем воссоединении, речь идет о том, что население Южного Вьетнама может без вмешательства извне образовать представительное правительство... и с другой стороны — международный аспект, поскольку речь идет о том, чтобы были восстановлены и естественно соблюдались обязательства, принятые в 1954 г. по поводу независимости и нейтралитета Вьетнама и невмешательства в его внутренние дела, что совершенно очевидно находится в противоречии с настоящей ситуацией...»²⁷. Выступая в Пномпене, де Голль предложил созвать международное совещание по Индокитаю и определил контуры соглашения, которое могло быть принято на этом совещании. «Как и в 1954 г.,— сказал он,— соглашение имело бы целью восстановить и гарантировать нейтралитет народов Индокитая и их право располагать самими собой, такими, какие они есть, и оставив за каждым из них всю ответственность за свои дела»²⁸. На приеме в честь короля Лаоса де Голль особо подчеркнул недопустимость иностранного вмешательства в Индокитае. Он заявил, что Франция «готова активно участвовать в международных переговорах (по Индокитаю.— П. Ч.), но для того, чтобы могли состояться такие переговоры, без всякого сомнения, необходимо прежде всего вернуться к тому, что было принято и применено 12 лет назад, то есть к действительному прекращению иностранного вмешательства и нейтралитету государств этого района. Необходимо также,— сказал де Голль,— чтобы были организованы совместные гарантии заинтересованных государств и особенно пяти главных держав мира (США, СССР, Англии, Франции и КНР.— П. Ч.)»²⁹.

В этих высказываниях отчетливо прослеживаются и этапы урегулирования вьетнамской проблемы. «Нейтрализация» Индокитайского полуострова должна была начаться, по плану де Голля, с вывода американских войск из Южного Вьетнама и последующего отказа США от ка-

²⁵ «Le Monde», 3.II.1966.

²⁶ «Politique étrangère», 1967, № 6, p. 587.

²⁷ Ibid., p. 591.

²⁸ «Le Monde», 2.IX.1966.

²⁹ «Le Monde», 14.VII.1966.

кого бы то ни было вмешательства во внутренние дела этой страны. Следующим шагом на пути «нейтрализации» должно было явиться достижение национального единства в Южном Вьетнаме и установление там представительного режима, независимого от любого иностранного государства. Только после того, как будут обеспечены независимость и представительность властей Сайгона, должно быть созвано международное совещание для рассмотрения комплекса индокитайских проблем, которое должно высказаться за восстановление единства Вьетнама, провозгласить независимость и нейтралитет трех индокитайских государств и обеспечить гарантии их независимости и нейтралитета. Окончательно вьетнамская проблема должна быть разрешена в результате переговоров между ДРВ и Южным Вьетнамом о воссоединении страны, которые должны завершиться образованием единого, независимого и нейтралитетского Вьетнама.

Какая же роль в урегулировании вьетнамской проблемы отводилась в этом плане Франции? Еще в 1963 г. де Голль выдвигает идею ее посредничества во Вьетнаме. Выступая в Лионе 28 сентября, он заявил: «Сколько новых и пробудившихся к жизни государств в Азии и Африке находит у Франции, которая сама распоряжается своей судьбой, поддержку своего мужества и разума... Разве несчастным странам, разорванным на две-три части иностранным вмешательством, не кажется, что свободный арбитраж Франции может явиться дополнительной возможностью их воссоединения и тем самым восстановления мира?»³⁰. Идея посредничества возникла у де Голля вследствие, как уже отмечалось, его убежденности в том, что вьетнамский конфликт невозможно разрешить военным путем. В этом отношении идея посредничества, так же как и «план нейтрализации», имеет двоякий смысл. С одной стороны, выступая за прекращение военных действий во Вьетнаме и предлагая свое посредничество, де Голль исходил из интересов французского капитала. Они заключались в том, чтобы поднять морально-политический престиж Франции в Индокитае и развивающихся странах, а также в том, чтобы удержать французские экономические и политические позиции в Индокитае, значительно поколебленные в условиях войны. Франция, таким образом, во всех отношениях была заинтересована в установлении мира на Индокитайском полуострове.

С другой стороны, де Голль исходил во вьетнамском вопросе из интересов всего капиталистического мира, которые, по его мнению, требовали прекращения войны. Это убеждение, по словам близкой к де Голлю газеты «La Nation», основывалось на том, что «продолжение военных действий во Вьетнаме может вызвать лишь усиление коммунистической деятельности в этой стране»³¹. Кув де Мюрвиль в интервью одному из американских журналов отмечал: «Мы считаем, что решение этой (вьетнамской.— П. Ч.) проблемы кроется в нейтралитете... Альтернативой этому, по нашему мнению, будет скорее коммунизм, нежели что-нибудь другое...»³². Премьер-министр Франции Ж. Помпиду во время пребывания в Индии в феврале 1965 г. также подчеркивал эту мысль: «Нейтрализация Индокитайского полуострова является последней нашей надеждой. Чем больше мы будем препятствовать нейтрализации, тем более вероятной будет коммунизация»³³. В этой связи можно в известной мере согласиться с французским социологом М. Дюверже, который писал, что в условиях, когда США увязли во Вьетнаме, «для всего Запада полезно, чтобы другие западные нации олицетворяли в глазах слаборазвитых стран независимость и деколонизацию. Беря на себя эту роль,

³⁰ «Le Monde», 1.X.1963.

³¹ «La Nation», 13.IV.1964.

³² «U. S. News and World Report», March 1964, № 16, p. 72.

³³ «Le Figaro», 11.II.1965.

Франция оказывает услугу своим союзникам, в том числе даже Соединенным Штатам»³⁴. Официоз правящей партии «Союз в защиту новой республики» (ЮНР) прямо отмечал, что «французская политика по отношению к Китаю, Камбодже и Юго-Восточной Азии вообще может оказаться в один прекрасный день слишком полезной для вашингтонских руководителей, чтобы они не усмотрели в ней долгосрочную заинтересованность, хотя они и осуждают сейчас эту политику»³⁵.

«Нейтрализация» Индокитая должна была, по словам де Голля, «избавить эти страны от того, чтобы стать территорией столкновения соперничающих господств и идеологий»³⁶. Де Голль считал, что ДРВ найдет в «нейтрализации» объединенного Вьетнама средство ликвидировать чрезмерное давление на него. «В любом случае,— писал по этому поводу Ф. Девиллер,— сильный и независимый Вьетнам, даже управляемый коммунистами, противился бы любому иностранному вмешательству (китайскому или другому) и был бы более эффективным барьером (против влияния идеологий.— П. Ч.), чем страна, руководимая олигархией привилегированных слоев, которые не свергнуты еще национальным движением только благодаря американской морской пехоте»³⁷.

Итак, можно констатировать, что, хотя идея «нейтрализации» Индокитая субъективно исходила из интересов правящих кругов Франции, объективно она могла в тех условиях все же способствовать международно-политическому урегулированию индокитайского конфликта. «План нейтрализации» Индокитая, как и вся голлистская политика в этом районе, несомненно, выражал интересы тех националистически настроенных кругов крупного французского капитала, которые стремились в борьбе с американскими монополиями сохранить свое «место под солнцем». Активную поддержку политике де Голля оказывали прежде всего компании и банки, связанные с неокOLONиалистской эксплуатацией Индокитая. В то же время другая фракция французской буржуазии, более космополитическая, тесно сросшаяся с американским капиталом, выступала за политическое сближение с Соединенными Штатами и резко критиковала независимую политику де Голля, считая ее «не только нежелательной, но и опасной с точки зрения атлантических интересов»³⁸. Ее позиции выражались правоцентристскими партиями и прежде всего «Демократическим центром», лидер которого Ж. Леканюэ в 1965 г. предпринял неудачную попытку добиться президентского поста.

Пример последовательной и принципиальной борьбы за прекращение американской агрессии в Индокитае на всем ее протяжении давала ФКП, обеспечившая создание единого фронта всех антиимпериалистических сил во Франции, решительно выступивших против агрессии³⁹.

Для реализации планов французского посредничества необходимо было прежде всего наладить контакты со всеми заинтересованными сторонами. Таковыми в первую очередь были Южный Вьетнам, ДРВ, США, КНР и СССР.

Общность позиций Франции и СССР в связи с положением в Индокитае, проявившаяся весной 1965 г., продолжала существовать и в последующие годы. Она была подчеркнута в советско-французской декла-

³⁴ «Le Monde», 23—24.III.1964.

³⁵ «La Nation», 11.I.1964.

³⁶ «Le Monde», 2.IX.1966.

³⁷ «Politique étrangère», 1967, № 6, p. 598.

³⁸ P. V i a n s s o n - P o n t é. Bilan de la Ve République. Les Politiques. P. 1967, p. 99.

³⁹ О формах и методах борьбы ФКП за прекращение агрессии США в Индокитае см.: Д. Е. Рудой. Боевая солидарность французских коммунистов с героическим Вьетнамом. 1965—1972 гг. М. 1973.

рации от 30 июня 1966 г., подписанной в итоге переговоров де Голля с советскими руководителями⁴⁰. Положение в Индокитае подробно рассматривалось на последующих советско-французских встречах на высшем уровне — в октябре 1970-го, октябре 1971-го, январе 1973 года. Достигнутое на этих встречах согласие и конкретные предложения, выдвинутые правительствами двух стран по урегулированию военного конфликта в Индокитае, несомненно, сыграли свою позитивную роль.

Первые попытки установить контакты с заинтересованными странами с целью выяснения их отношения к французскому посредничеству были предприняты сразу же после заявления де Голля от 29 августа 1963 года. Через неделю после этого выступления из Парижа в Сайгон выехала секретная миссия, в задачу которой входило изучение военной ситуации на юге Вьетнама, ознакомление сайгонского правительства с позицией Франции, а также вступление в контакт с представителями ДРВ. Одновременно заметно активизировалась деятельность французского посла в Южном Вьетнаме Лалуэтта, которому правительство Франции продлило срок пребывания в Сайгоне, истекавший в 1963 году.

Американская печать обращала в то время внимание на связь заявления де Голля от 29 августа с высказываниями президента ДРВ Хо Ши Мина, который накануне в беседе с австралийским журналистом У. Бэрчеттом признал возможность мирного урегулирования отношений между Северным и Южным Вьетнамом при условии прекращения иностранного вмешательства. Сразу же после опубликования интервью Хо Ши Мина генеральный делегат Франции в ДРВ Ж. Дебюзон запросил разрешения у МИД ДРВ на поездку в Южный Вьетнам «на отдых». По прибытии в Сайгон он был принят Нго Динь Зьемом и имел с ним длительную беседу. Вскоре после этого Зьема и его брата Нго Динь Нью посетил французский посол Лалуэтт, информировавший их более подробно о деголлевской идее «нейтрализации» Вьетнама. «The New York Herald Tribune» отмечала в связи с этим: «Все факты ясно свидетельствуют о французской интриге, направленной на то, чтобы нанести поражение американской политике во Вьетнаме, сыграв на обостренном тщеславии и маниакальной подозрительности во дворце «Зиа-Лонг» во всем, что касается целей США»⁴¹.

Можно предположить, что военный переворот в Сайгоне 1 ноября 1963 г., завершившийся устранением от власти семьи Нго, был организован США отчасти из-за опасения, что французские предложения «нейтрализации» Вьетнама могли найти одобрение у Зьема. У американских руководителей были определенные основания для таких опасений, так как франко-сайгонские отношения после 1959 г. становились все более тесными и Нго Динь Зьем с некоторых пор значительно смягчил свою франкофобию. Характерно, что Франция не признала сразу военную хунту, свергнувшую Зьема, и всячески оттягивала ее признание под различными предлогами.

Что касается США, то их позиция в отношении французских планов посредничества во Вьетнаме была резко отрицательной. Американские руководители твердо уверовали в возможность силой оружия навязать свою волю вьетнамскому народу и интенсивно наращивали свои вооруженные силы в Южном Вьетнаме.

В ДРВ высказывания де Голля были встречены с пониманием. В дальнейшем французское правительство использовало каждый удобный случай для получения информации об отношении правительства ДРВ к мирному разрешению конфликта и возможному посредничеству

⁴⁰ «Правда», 2.VII. 1966.

⁴¹ «The New York Herald Tribune», 18.IX.1963.

Франции. Интерес Франции к ДРВ, появившийся в середине 1963 г., привел к определенному оживлению экономических и политических связей между двумя странами, практически замороженных с конца 50-х годов. Общий объем торговли Франции и ДРВ увеличился с 9,12 млн франков в 1960 г. до 24,47 млн. франков в 1966 году⁴². В политической сфере контакты между двумя странами участились с января 1964 г., когда ДРВ посетила французская парламентская делегация во главе с председателем парламентской группы связи и изучения экономических и культурных отношений с азиатскими странами Национального собрания Ф. Бенаром. В сентябре того же года Францию посетил министр здравоохранения ДРВ Фам Нгок Тхак⁴³. Позиция ДРВ в отношении мирного урегулирования вьетнамского вопроса до 1965 г. была в ряде случаев благоприятна к предложениям де Голля о посредничестве Франции в прекращении войны во Вьетнаме. После 1965 г. в ней произошли существенные сдвиги, вызванные общим изменением ситуации в Индокитае.

В феврале 1965 г. военно-политическая обстановка во Вьетнаме вновь обострилась. Правящие круги США взяли курс на открытую агрессию в отношении ДРВ, территория которой стала с этого времени регулярно подвергаться бомбардировкам американской стратегической авиации. Именно эти бомбардировки и явились главным препятствием на пути к переговорам. Для ДРВ речь теперь шла о том, чтобы сорвать военные планы американского империализма и выстоять в тяжелой, неравной борьбе. Переписка де Голля с президентом ДРВ Хо Ши Мином, происходившая в 1966 г., показала, что на пути французского посредничества во Вьетнаме возникли существенные препятствия. Де Голль, призывая к установлению мира во Вьетнаме, обращался одновременно к США и ДРВ. В письме Хо Ши Мину от 8 февраля 1966 г. он писал: «Мы исключаем всякое военное решение и не одобряем продолжения боев, а тем более их расширения для достижения военного решения»⁴⁴. Но в то время как для США требование прекращения боев означало всего лишь прекращение бомбардировок Северного Вьетнама и военной интервенции, для ДРВ это было бы фактической капитуляцией перед агрессором, с чем, естественно, президент ДРВ согласиться никак не мог. В письме к де Голлю, переданному через Ж. Сентени, бывшего представителя Франции в ДРВ, Хо Ши Мин в июле 1966 г. отмечал, что «перед лицом американской агрессии наш народ принял решение сражаться, несмотря на все жертвы, до окончательной победы».

В августе 1966 г., находясь в Камбодже, де Голль сделал еще одну попытку посредничества в конфликте. По сообщению печати, он должен был встретиться с Хо Ши Мином. Но эта встреча не состоялась.

Визит де Голля в Пномпень в конце августа 1966 г. и его переговоры там с заинтересованными сторонами⁴⁵ окончательно убедили его в невозможности какого-либо посредничества во вьетнамском конфликте в условиях продолжавшихся бомбардировок ДРВ. Он признал это публично, выступая 1 сентября 1966 г. на митинге в Пномпене. Изложив еще раз свою программу установления мира в Индокитае, де Голль вновь выразил сомнение в возможности разрешения конфликта военным путем. «Франция,— заявил он,— считает, что нет никаких шансов на то, что народы Азии подчинятся закону чужеземца, пришедшего с другого берега Тихого океана, каковы бы ни были его намерения, сколь бы

⁴² «L'Asie Nouvelle», № 122, février 1961; «Annuaire statistique de la France 1967», Résultats de 1965 et 1966, p. 601.

⁴³ «Le Monde», 17.1.16.IX.1964.

⁴⁴ «Politique étrangère», 1967, № 6, p. 59.

⁴⁵ В Пномпене де Голль установил контакт с представителем НФО Южного Вьетнама и дал согласие на открытие в Париже Информационного бюро НФОЮВ (см. «Agence économique et financière», 2.IX.1966, p. 4).

мощным ни было его оружие»⁴⁶. Одновременно он был вынужден признать, что «возможность... открытия переговоров зависела бы от решения и обязательства Америки вывести свои войска в подходящий и определенный срок». До того, как это произойдет, подчеркнул де Голль, «никакое посредничество не откроет перспективу успеха»⁴⁷.

Однако и после 1966 г. де Голль не отказался окончательно от планов посредничества. Он ожидал лишь более благоприятной обстановки, чтобы вновь выступить с этой инициативой. Высказывания членов французского правительства после пномпеньской речи де Голля также свидетельствуют об этом. Так, Кув де Мюрвилль, выступая на собрании Ассоциации поддержки избранных от Парижа депутатов ЮНР в феврале 1967 г., сказал, что Франция могла бы в надлежащий момент сыграть «полезную роль» в урегулировании вьетнамского вопроса⁴⁸. Такой момент наступил весной 1968 г., когда США, оказавшись не в состоянии поставить на колени народ ДРВ, были вынуждены пойти на мирные переговоры. 31 марта 1968 г. президент Джонсон объявил о частичном сокращении масштабов бомбардировок ДРВ и готовности правительства США вступить в переговоры относительно прекращения вьетнамской войны. Это заявление было ярким свидетельством полного банкротства американской политики эскалации войны во Вьетнаме.

Правительство ДРВ соглашалось на переговоры с США при условии полного и безоговорочного прекращения бомбардировок ее территории. В заявлении правительства ДРВ от 3 апреля 1968 г. отмечалось, что оно «выражает готовность назначить своего представителя для установления контакта с представителем Соединенных Штатов, чтобы договориться о безоговорочном прекращении бомбардировок и всех других военных акций против ДРВ с тем, чтобы могли начаться переговоры»⁴⁹. После достижения принципиального согласия приступить к обсуждению назревших вопросов встал вопрос о месте переговоров. США предлагали Женеву, Вьентьян, Рангун, Нью-Дели или Джакарту, где ДРВ не везде имела даже свое официальное представительство. ДРВ предложила Пномпень или Варшаву как место встречи, на что США ответили категорическим отказом, что поставило под угрозу саму возможность встречи.

В этот момент де Голль счел, что настало время вновь предложить посредничество Франции. Во второй половине апреля он выступил с инициативой провести переговоры США и ДРВ в Париже. В то время как правительство ДРВ сразу же согласилось на это предложение, президент США Джонсон дал положительный ответ с задержкой. После получения согласия сторон на встречу в Париже французское правительство развернуло активную деятельность по подготовке переговоров. В это время учащаются его контакты не только с ДРВ⁵⁰, но и с ФНОЮВ. В начале мая во Франции находилась делегация ФНОЮВ. Впоследствии ответственные руководители Франции неоднократно встречались с представителями ФНОЮВ и вели переговоры с ними, а в сентябре 1968 г. в Париже начал действовать Информационный центр ФНОЮВ⁵¹. 10 мая 1968 г. в Париж прибыли участники переговоров. Американскую делегацию возглавлял А. Гарриман, вьетнамскую — министр ДРВ Суан Тхюи.

⁴⁶ «Le Monde», 2.IX.1966.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ «Le Monde», 25.II.1967.

⁴⁹ «L'Année politique 1968». P. 1969, p. 232.

⁵⁰ В мае 1967 г. правительство Франции дало, наконец, согласие на преобразование торгового представительства ДРВ в Париже в политическое представительство с присвоением его главе ранга генерального делегата, приравняв его, таким образом, к рангу своего представителя в Ханое.

⁵¹ «La Nation», 20—21.IX.1968.

Голлистское руководство, без сомнения, надеялось использовать парижские переговоры для реализации своего «плана нейтрализации» Вьетнама и всего Индокитая. Но серьезнейший за всю послевоенную историю социальный кризис, охвативший Францию в мае — июне 1968 г., помешал осуществлению этих посреднических планов. Более того, с конца 1968 г. начинается определенная эволюция французской политики в сторону смягчения отношений с США, ставшая особо заметной после прихода к власти в США республиканской администрации. В отношении Индокитая стало также ощутимо стремление Франции несколько сгладить тон пномпеньских высказываний де Голля. Это особенно проявилось во время визита во Францию президента США Р. Никсона в конце февраля — начале марта 1969 г., когда впервые после 1963 г. в Париже были разогнаны полицией антиамериканские демонстрации против агрессии США во Вьетнаме и произведены аресты их руководителей. Французское правительство пыталось объяснить эту эволюцию рядом соображений. Главным из них было то, что Франция как государство, на чьей территории проходят переговоры по Вьетнаму, должна соблюдать строгий нейтралитет и не высказываться в пользу любой из сторон. Кроме того, французские руководители увидели в политике «вьетнамизации» войны в Индокитае, провозглашенной Никсоном, определенную эволюцию курса США в направлении, рекомендованном в свое время де Голлем, то есть в предоставлении самим вьетнамцам права решать свои внутренние дела, и поэтому они сочли нужным уменьшить критику США с тем, чтобы не мешать американцам идти в «правильном» направлении.

Таким образом, смягчение антиамериканизма во французской позиции по Вьетнаму Париж объяснял эволюцией политики США в этом районе. Нельзя, по-видимому, полностью сбрасывать со счетов такого рода объяснения, но, разумеется, было бы ошибкой ими ограничиться. Смягчение антиамериканской позиции Франции по Вьетнаму, как и общая эволюция французской внешней политики после 1968 г. в сторону некоторого сближения с США связаны прежде всего с последствиями майско-июньских событий 1968 г. во Франции для ее экономики. Капиталистическая Франция вышла из этих потрясений значительно ослабленной⁵². Достаточно отметить, что Французский банк потерял более трети своих золотовалютных резервов вследствие массового отлива капиталов из страны. Неустойчивым ее положением поспешили воспользоваться ее партнеры, и прежде всего ФРГ⁵³. 1968 год продемонстрировал не только экономическую слабость Франции, но и непрочность голлистского режима, что не могло не вызвать стремления французских правящих кругов к консолидации основ своей власти. В области внешнеполитической это выразилось в стремлении если не к преодолению, то, во всяком случае, к смягчению остроты франко-американских разногласий.

После смены руководства во Франции, последовавшей за отставкой де Голля с поста президента 28 апреля 1969 г., эта линия получила дальнейшее развитие. Новое руководство V Республики во главе с президентом Ж. Помпиду и премьер-министром Ж. Шабан-Дельмасом выступило под лозунгом «преемственности» основных установок голлизма во внутренней и внешней политике. В Индокитае новое французское правительство обязалось придерживаться идеи де Голля о «нейтрализа-

⁵² См.: «Международный ежегодник. Политика и экономика. 1969». М. 1969, стр. 192—201; «Франция», стр. 293—305. «Трудовая Франция против власти монополий». М. 1973.

⁵³ В то время как Франция завершила свои внешнеторговые операции в 1968 г. с дефицитом в 5 млрд. франков, ФРГ имела в том же году положительное сальдо торгового баланса в 18 млрд. марок (см. «Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1968 г. и начало 1969 г.». М. 1969, стр. 6—7).

ции» этого района. В письме, направленном вице-президенту ДРВ Тон Дык Тхангу в связи с кончиной Хо Ши Мина, Ж. Помпиду писал 18 сентября 1969 г.: «Принципы и ориентация, определенные генералом де Голлем в его речи в Пномпене, остаются основой политики Франции (во вьетнамском конфликте.— П. 4.). Франция приложит все усилия и использует свое влияние в целях восстановления мира, который положит конец тяжелым испытаниям вьетнамского народа»⁵⁴.

После 1969 г. основные усилия французской дипломатии во вьетнамском конфликте сосредоточиваются на осуществлении посреднических функций между участниками парижских переговоров. Еще в конце 1968 г. де Голль в послании Джонсону выразил желание объединить усилия США и Франции для урегулирования вьетнамского вопроса. После встреч с Никсоном в феврале и марте 1969 г. он дал указание французскому послу в КНР проявить инициативу в установлении контактов между Пекином и Вашингтоном⁵⁵. Это было, как отмечал бывший голлистский министр А. Пейрефит, «началом политики добрых услуг» со стороны Франции в плане установления отношений между США и КНР, а также по урегулированию вьетнамского конфликта. Посредническая миссия, осуществлявшаяся Францией на парижских переговорах, а также нежелание обострять отношения с США оказали влияние на ее позицию, особенно после военного переворота правых сил в Камбодже в марте 1970 г. и свержения Н. Сианука с поста главы этого государства. В заявлении французского правительства, опубликованном в связи с этим событием, не содержалось никакого осуждения его организаторов и вдохновителей и отмечалось, что «французское правительство воздерживается от всякого вмешательства во внутренние дела народов лао и кхмер». В то же время в заявлении подчеркивалось, что «лишь политика строгого нейтралитета может обеспечить независимость и мир» в Камбодже и Лаосе⁵⁶.

Столь сдержанная позиция Франции была с недоумением встречена как внутри страны, так и за рубежом. Даже близкие к правительству видные буржуазные политологи, например, Ж. Лакутиюр, признали, что реакция французского правительства на события в Камбодже «была сдержанной и неясной настолько, что это вызвало явное огорчение в кругах, больше всего заинтересованных в последовательности французской линии в Индокитае...»⁵⁷. Подобная сдержанность Франции, видимо, объяснялась также стремлением ее руководителей, признав «де-факто» свершившийся переворот, удержать свои позиции в Камбодже и даже попытаться повлиять на развитие событий в желательном для Франции направлении, чтобы сохранить нейтралистский курс Камбоджи, а также предотвратить распространение очага войны на весь Индокитайский полуостров. Однако последовавшие вскоре события наглядно показали, что «ключ» от Камбоджи находился тогда в руках не Франции, а США. С середины марта 1970 г. они начинают открыто проникать в Камбоджу, требуя от пномпенских властей усиления борьбы с кхмерскими патриотами, отказавшимися признать режим Лон Нола. 26 марта американско-сайгонская авиация совершила первый массированный налет на территорию Камбоджи, контролируемую войсками, поддерживавшими Н. Сианука. С этого времени подобные акции стали осуществляться регулярно. Одновременно начались массовые репрессии лонноловцев против вьетнамского населения в Камбодже.

Активизация военных действий в Камбодже поставила под прямую угрозу судьбу французских экономических интересов в этой стра-

⁵⁴ «Le Figaro», 20—21.IX.1969.

⁵⁵ «La Croix», 27.VIII.1971.

⁵⁶ «Le Monde», 20.III.1970.

⁵⁷ «Le Monde diplomatique», mai 1970.

не⁵⁸. Открытое проникновение США в Камбоджу вызвало резкое обострение франко-американских противоречий. Выражением этого явилось заявление французского правительства по поводу положения в Камбодже, сделанное 1 апреля 1970 года. Хотя в нем по-прежнему не было резких выпадов против США, его содержание существенно отличалось от предыдущего. В заявлении отмечалось: «Недавние события в Камбодже и Лаосе серьезно ухудшили обстановку в Индокитае»,— и подчеркивалось, что «французское правительство убеждено в том, что расширения войны, которая рискует превратиться в неделимую войну, можно избежать лишь путем переговоров между всеми заинтересованными сторонами с целью установить и гарантировать основы также неделимого мира. Только такие переговоры позволили бы достичь общего согласия о восстановлении в Индокитае зоны нейтралитета и мира. Французское правительство, со своей стороны, готово внести свой активный вклад в это мероприятие»⁵⁹.

Таким образом, заявление подтверждало верность французского правительства голлистской идее «нейтрализации» Индокитая. Одновременно в нем содержалось конкретное предложение о проведении переговоров «между всеми заинтересованными сторонами», что фактически означало участие в этих переговорах не только «законных» правительств, но и представителей эмигрантского правительства Н. Сианука, Патет-Лао и Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам. Таким образом, французское правительство вновь стало учитывать в перспективе возможность участия Н. Сианука в решении вопроса о власти в Камбодже. Именно исходя из этих соображений оно пошло на установление контакта с Н. Сиануком через французского посла в Пекине⁶⁰.

Правительство Франции в заявлении Ж. Помпиду, опубликованном 1 октября 1971 г., осудило возобновление бомбардировок территории ДРВ. Вероломные действия США против ДРВ, интервенция американско-сайгонских войск в Лаосе в январе 1971 г., участвовавшие вторжения на территорию Камбоджи, разоблачившие истинный смысл политики «вьетнамизации» войны в Индокитае, вынудили французское правительство выступить с открытой критикой этой политики. 18 января 1972 г. на пресс-конференции в Токио министр иностранных дел Франции М. Шуман осудил агрессивные действия США в отношении ДРВ, Лаоса и Камбоджи. «Если это и есть вьетнамизация войны,— заявил Шуман,— то я откровенно заявляю, что Франции не нравится такая вьетнамизация. Единственная вьетнамизация, которая имела бы смысл для Франции,— это вьетнамизация мира. Вьетнамизация мира означает, что невозможно военное урегулирование индокитайского конфликта; единственный способ урегулирования — это политический способ»⁶¹.

В условиях, когда США попытались усилить военный нажим на ДРВ в мае 1972 г., в частности путем минирования северовьетнамских портов, Советское правительство решительно потребовало, чтобы принятые Соединенными Штатами меры по блокированию побережья и нарушению сухопутных коммуникаций ДРВ были незамедлительно отменены, прекратились акты агрессии США против ДРВ, уважалось право на

⁵⁸ В качестве примера можно привести следующий факт. Сайгонская авиация, участвовавшая в интервенции в Камбоджу, подвергла бомбардировке и полностью уничтожила 23 мая крупнейшую в Азии (18 тыс. га) каучуковую плантацию Шюп, принадлежавшую французскому капиталу. Были разрушены все промышленные предприятия, находившиеся на территории плантации, в том числе завод по переработке каучука, электростанция и другие сооружения. Пострадали от бомбежки и другие плантации, принадлежавшие французам.

⁵⁹ «Le Monde», 3.IV.1970.

⁶⁰ Этот факт признал М. Шуман в интервью корреспонденту радиостанции «Европа-1» 8 мая 1970 г. (см. «Le Monde», 10—11.V.1970).

⁶¹ «La Nation», 20.I.1972.

свободу международного мореплавания и торговли⁶². Решительная позиция СССР сыграла важную роль в возвращении американской дипломатии за стол парижских переговоров и в окончательном провале агрессии США во Вьетнаме.

Резкое недовольство в Вашингтоне вызвало решение французского правительства разрешить проведение в Версале в феврале 1972 г. Всемирной ассамблеи за мир и независимость народов Индокитае, предложенной 50 французскими общественными организациями.

Хотя французское правительство временами и вынуждено было выступать с резкой критикой политики США в Индокитае, в позиции Франции во вьетнамском конфликте на рубеже 60-х — 70-х годов преобладали все же сдержанность в публичных оценках и скрытая дипломатическая активность в осуществлении посреднических функций между участниками парижских переговоров. Дипломатия Парижа настойчиво и терпеливо расчищала там, где это от нее зависело, препятствия на пути к достижению согласия на четырехсторонних переговорах. Эта деятельность во многом объяснялась стремлением французского монополистического капитала сохранить и стабилизировать свои позиции в Южном Вьетнаме. Даже в неблагоприятных условиях войны там продолжали действовать 90 французских компаний с общим капиталом примерно в 250 млн. долл. (более 1 млрд. франков). На предприятиях, принадлежавших этим компаниям, в 1973 г. было занято 30 тыс. рабочих и служащих. 90% производства каучука и 95% его экспорта из Южного Вьетнама было сосредоточено в руках французского капитала⁶³.

При осуществлении посреднических функций наряду с официальными каналами активно использовались и неофициальные. По появившимся в американской и французской печати сведениям⁶⁴, важную роль в посредничестве сыграл Ж. Сентени. Он поддерживал хорошие отношения со многими американскими политиками, в частности с Р. Кеннеди и А. Гарриманом, которые интересовались его мнением по вьетнамской проблеме. В 1966 г. Сентени познакомился с Р. Никсоном, а также с Г. Киссинджером; с последним у него сложились близкие отношения. На одной из частных встреч в 1969 г. Киссинджер попросил Сентени передать конфиденциальное послание Никсона президенту ДРВ Хо Ши Мину, в котором предлагалось установить неофициальные контакты между представителями двух стран. После выполнения этой просьбы и получения из Ханоя положительного ответа Сентени устроил 4 августа 1969 г. на своей квартире неофициальную встречу Киссинджера с главой делегации ДРВ на парижских переговорах Суаном Тхюи. Французская сторона организовала также встречи Киссинджера с членом Политбюро ЦК Партии трудящихся Вьетнама Ле Дык Тхо. В 1971—1972 гг. состоялось 12 таких встреч.

Посредническое участие Франции в переговорах выразилось и в том, что определенная часть выдвинутых ею предложений была использована при выработке компромиссных формул соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, подписанного в Париже 27 января 1973 года. Французское правительство подписало заключительный акт международной конференции по Вьетнаму (март 1973 г.) и, следовательно, взяло на себя долю ответственности за выполнение Парижского соглашения.

Подписание Парижского соглашения по Вьетнаму и заключение

⁶² См. Заявление Советского правительства в связи с решением правительства США о минировании входов в северовьетнамские порты от 11 мая 1972 г. («Внешняя политика Советского Союза и международные отношения». Сборник документов. 1972 г. М. 1973, стр. 75—76).

⁶³ «The Washington Post», 26.VII.1973; «Le Monde», 16.V.1975; «La Vie française», 25.I.1973.

⁶⁴ «The New York Times», 18.X.1972.

21 февраля 1973 г. Вьетъянского соглашения о восстановлении мира и национального согласия в Лаосе ознаменовали историческую победу вьетнамского и лаосского народов в борьбе с иностранной интервенцией. Эти соглашения создали благоприятные условия для окончательного урегулирования индокитайских проблем.

Решающая роль в ликвидации военного конфликта на Индокитайском полуострове принадлежит, безусловно, самим народам Вьетнама, Камбоджи и Лаоса, мужественно отстоявшим в неравной многолетней борьбе с иностранными агрессорами свои законные национальные права. Победа вьетнамского народа явилась результатом его героизма, самоотверженности и стойкости, результатом умелого руководства борьбой народных масс со стороны их боевого авангарда — Партии трудящихся Вьетнама. «Выдающаяся победа Вьетнама, — подчеркивалось в советско-вьетнамской декларации от 30 октября 1975 г., — является вместе с тем общей победой социалистических стран, всех антиимпериалистических и прогрессивных сил, которые были солидарны с вьетнамским народом, оказывали ему моральную и материальную поддержку»⁶⁵.

Непосредственным следствием поражения американской агрессии в Индокитае явился новый мощный подъем национально-патриотического движения в этом районе, завершившийся переходом власти в Южном Вьетнаме, Камбодже и Лаосе в руки подлинных представителей народа.

Подводя итоги французской политики в Индокитае, можно констатировать, что, оставаясь в рамках общей империалистической стратегии, она характеризовалась тем не менее стремлением к разрядке, к ликвидации очага военной угрозы в Индокитае. Политика V Республики в Юго-Восточной Азии являлась составным элементом реалистического внешнеполитического курса президента де Голля, который первым из руководящих государственных деятелей Запада стал на путь урегулирования отношений с социалистическими странами. Прямым результатом этого курса явилось существенное повышение удельного веса, морального престижа и авторитета Франции в международных делах.

⁶⁵ «Правда», 31.X.1975.

КОНЦЕПЦИЯ «СИЛЫ» В НЕМЕЦКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Б. Е. Зарицкий

Пожалуй, ни один комплекс идей не оказал такого влияния и не оставил такого глубокого следа в западной политологии, как учение «политического реализма». Провозгласив «борьбу за силу (власть)» главным законом развития общества вообще и международных отношений в частности, основоположники этой школы после ожесточенной борьбы с инакомыслящими на долгие годы фактически монополизировали право на «единственно реалистический» подход к исследованию международных отношений. «Политический реализм» довольно быстро вышел за рамки чисто академических изысканий. Широкое внедрение идей «политического реализма» в сферу практической политики послевоенного периода объясняется не столько новизной его исходных философско-теоретических принципов, сколько тем фактом, что «реалистическая» теория довольно удачно отвечала военно-стратегическим и пропагандистским потребностям американского и западноевропейского империализма. Она должна была помочь оправдать переход от политики сотрудничества с СССР к «холодной войне» против него, к гонке вооружений, служила теоретическим фундаментом и пропагандистским прикрытием для обоснования «закономерности» политической и военной конфронтации между Западом и Востоком. В конце 50-х годов «политический реализм» достаточно прочно утвердился не только в США, но и в Западной Европе, в том числе и в ФРГ. Западногерманский историк Э. Фишер-Баллинг писал по этому поводу: «Ничто не влияет сегодня на наше представление о мире больше, чем учение о силе — некоем демоне, движущем человечество вперед, являющемся причиной вечных конфликтов, препятствующем достижению взаимопонимания, создающем у человечества химеру, что лучше быть уничтоженным, чем пожертвовать своей силой»¹.

Идеи «политического реализма» наложили существенный отпечаток на характер внешнеполитической идеологии стран Западной Европы, но, пожалуй, меньше всего откровений в себе исходные философские принципы «политических реалистов» содержали именно для западногерманской политической мысли, имеющей в области «силовых» концепций собственные традиции, уходящие своими корнями в историю образования Германского государства и специфические условия выхода германского империализма на мировую арену.

Уже в начале XIX в. раздробленность Германии находилась в прямом противоречии с происходившими в ней экономическими процессами, направленными на развитие капитализма. Венский конгресс 1814—1815 гг., одной из задач которого было решение судьбы Германии, не лик-

¹ E. Fischer-Balling. Theorie der auswärtigen Politik. Köln und Opladen. 1960, S. 1.

видировал политическую раздробленность страны. Объективные потребности нарождавшегося капитализма в сочетании с последовавшим после наполеоновских войн бурным ростом национального самосознания в Германии привели к тому, что идея объединения получила поддержку в самых широких слоях населения страны. «Германское единство сделалось экономической необходимостью»², — подчеркивал Ф. Энгельс. Но весь ход буржуазно-демократической революции 1848—1849 гг. в Германии свидетельствовал о нежелании и неспособности немецкой буржуазии возглавить борьбу за объединение страны революционным путем. Деятельность созданного в мае 1848 г. во Франкфурте-на-Майне Национального собрания, призванного решить вопрос об объединении Германии, положила конец иллюзиям о возможности конституционного, или так называемого мирного, пути объединения.

Победа контрреволюции во многом обусловила тот путь, по которому пошло в действительности дальнейшее объединение Германии. В. И. Ленин подчеркивал в этой связи: «Когда не удалось объединение революционное, Бисмарк сделал это контрреволюционно, по-юнкерски»³. Опираясь на мощь прусской армии, О. Бисмарк в результате победоносных войн с Данией (1864 г.), Австрией (1866 г.) и Францией (1870—1871 гг.) осуществил план объединения Германии сверху, на прусско-милитаристской основе. Политика Бисмарка, получившая у современников название «реальной политики», нашла свое теоретическое обоснование в работах ряда крупнейших историков того времени и способствовала формированию определенного типа политического мировоззрения, характеристике которому дал западногерманский историк К. Брахер: «Под воздействием успехов Бисмарка в Германии привыкли считать «реальной» такую политику, которая опирается исключительно на силу, а не на право и мораль. Закономерно, что культ силы стал краеугольным камнем этого мировоззрения»⁴.

Одним из первых теоретиков и апологетов политики Бисмарка был глава немецкой буржуазной исторической школы Л. Ранке, труды которого оказали значительное влияние на развитие всей последующей германской историографии. Он сделал попытку обосновать принципы «реальной политики» на абстрактно-теоретическом уровне, возведя борьбу за силу (власть) в ранг универсального закона, действующего в истории. Концепция государства, предложенная Ранке, опиралась на старую философско-историческую традицию, рассматривавшую государство как результат воплощения «божественной мысли» («абсолютной идеи») в конкретных исторических условиях образования прусско-германского государства. Эта концепция привела Ранке и его последователей к утверждению взгляда на «политику могущества как на органическую жизненную функцию государства»⁵. Ранке считал, что борьба за силу (власть) между государствами не только носит вечный характер, но и способствует укреплению их жизнеспособности. «В битвах, являющихся результатом противоположности интересов государств и народов, — писал он, — зарождается их новая преобразующая сила»⁶.

Характеризуя философско-политическую концепцию Ранке, один из наиболее известных его последователей, Ф. Майнеке, подчеркивал: «В борьбе за власть видел он ту движущую силу, которая создавала все новое, индивидуальное и ценное в истории»⁷. Сходство исходных постулатов Ранке и современных теоретиков «политического реализма» проявляется и в понимании самого термина «сила». Раскрывая свое опреде-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 425.

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 120.

⁴ К. Bracher, Das deutsche Dilemma. München. 1971, S. 16.

⁵ См. F. Meinecke. Die Idee der Staatsräson. München. 1957, S. 429.

⁶ L. Ranke. Sämtliche Werke. Bd. 3. Einleitung. Leipzig. 1870.

⁷ F. Meinecke. Op. cit., S. 451.

ление «силы» государства как сложного сочетания компонентов материального и нематериального характера, Ранке в известной мере задолго предвосхитил тот перечень факторов государственной мощи, который был предложен «политическими реалистами». В более поздних работах последователей Ранке можно найти уже довольно отчетливо оформленные наброски некоторых компонентов будущей доктрины «политического реализма». Так, основы теории «баланса сил» и формально-теоретические схемы типичных ситуаций, в рамках которых осуществляется этот принцип, напоминающие аналогичные построения Г. Моргентау, можно найти в книге М. Ленца⁸. А столь близкая сердцу сегодняшних «политических реалистов» на Западе «теория устрашения» довольно подробно разработана еще Г. Дельбрюком⁹.

В своих попытках теоретического обоснования, а вместе с тем и оправдания политики Бисмарка Ранке не был одинок. В том же направлении работали не только его ученики и последователи, но и ряд историков других, казалось бы, противоположных, направлений: Г. Лео, В. Дальман, Т. Моммзен и др. Но в наиболее крайних и откровенных формах проповедал рассматриваемую идеологию самый младший представитель прусской исторической школы В. Трейчке, по убеждению которого высшая нравственная обязанность государства заключается в том, чтобы развивать свое могущество. Сила, могущество есть принцип государства! «Сущность государства, во-первых, сила, во-вторых, сила и, в-третьих, сила», — писал он в своей «Политике»¹⁰. Худший порок государства — слабость; лучшая же проба могущества — война. Война, считал Трейчке, составляет «политику по преимуществу». В наши дни взгляды таких «теоретиков», как Трейчке, представляются слишком однозначными даже для значительной части западногерманских ученых. Например, Л. Дехио считает, что Трейчке «до такой степени гиперболизировал значение истории своего народа, что специфика развития молодого германского государства как нечто само собой разумеющееся переносилась на будущее развитие всей мировой политики»¹¹. В значительной степени эту характеристику можно отнести и к деятельности подавляющего большинства историков этого периода, заложивших теоретическую основу «реальной политики».

Преимственность школы «реальной политики» XIX в. в Германии и современного «политического реализма», несмотря на попытки некоторых теоретиков «политического реализма» отмежеваться от своих предшественников, настолько очевидна, что мимо этого факта не могут пройти и западногерманские исследователи. Так, у К. Зонтхеймера вообще вызывает недоумение возможность развития «политического реализма» в отрыве от «реальной политики». «Удивительно», — пишет он, — но превращение силы в основную категорию политической науки произошло не только в Германии. Тезис о том, что политическая наука — это наука о силе (власти), приобрел в англосаксонских странах еще большее значение, несмотря на то, что в этих странах не получили развития силовые концепции государства, столь характерные для Германии в эпоху Вильгельма»¹². Субъективно-идеалистический подход к истолкованию общественных процессов, стремление всю сложность и многообразие явлений политической жизни вместить в узкие рамки более чем тенденциозных концепций, имеющих якобы непреходящее, вневременное значение, — вот что роднит «реалистов» XIX и XX веков.

⁸ M. Lenz. Die grossen Mächte. B. 1900, S. 121.

⁹ H. Delbrück. Vor und nach dem Weltkrieg. B. 1926.

¹⁰ Цит. по: W. Bussmann. Treitschke als Politiker. «Historische Zeitschrift», 1951, Hf. 2, S. 263.

¹¹ L. Dehio. Deutschland und Weltpolitik im 20. Jahrhundert. München. 1955, S. 42.

¹² «Wissenschaftliche Politik. Eine Einführung in Grundfragen ihre Tradition und Theorie». Freiburg. 1962, S. 198.

Многие из положений «силовой» концепции государства Ранке, будучи препарированы в соответствии с потребностями германского империализма в конце XIX — начале XX в. пангерманистами, а в 30-е годы — идеологами фашизма, послужили оправданием и теоретическим обоснованием применения самого откровенного насилия в межгосударственных отношениях.

Возникший в начале века разрыв между экономической силой Германии и ее политическим весом в системе европейского империализма послужил толчком к росту экспансионистских тенденций в ее внешней политике. Германия начинает активную подготовку к борьбе за передел уже поделенного мира. В арсенале идеологических средств, направленных на теоретическое обоснование и моральное оправдание политики германского империализма, по-прежнему видное место занимает верная традициям «прусской школы» историческая наука. В тот период особое значение приобретает разработанная Ранке концепция европейского «баланса сил», претендующая на объяснение основных закономерностей внешнеполитического поведения государств. Мировую политику, утверждал Ранке, определяет европейская политика, а политическая стабильность международной системы в целом зависит прежде всего от стабильности в европейском регионе. Основой политической стабильности является равновесие сил. Поэтому стремление к гегемонии или чрезмерное усиление любой европейской державы неизбежно ведет к возникновению процессов, направленных на нейтрализацию этих тенденций, то есть на восстановление равновесия.

В работах германских историков рассматриваемого периода — М. Ленца, Г. Дельбрюка, О. Хинтце, Ф. Науманна, Ф. Майнеке — основное внимание уделялось интерпретации этой концепции Ранке соответственно со сложившейся исторической обстановкой. Вследствие нарушения европейского «баланса сил», наступившего в результате укрепления Англии на море и Франции на суше, Германия, считали германские историки, должна выступить в роли государства-балансира с тем, чтобы восстановить равновесие сил в Европе и тем самым обеспечить мир. «Вооружение является лучшим средством устрашения против войны...» — писал Г. Дельбрюк. — Если Германия строит свой собственный флот, то это соответствует не только ее интересам, поскольку она выполняет тем самым свою историческую миссию в мире»¹³. Аналогичные доводы приводил и О. Хинтце, который в своей работе «Германия и мировая война» неоднократно подчеркивал, что цели военных приготовлений Германии были продиктованы вовсе не стремлением к внешней экспансии, а лишь необходимостью создания эффективного противовеса Англии: «Германия не стремится к гегемонии, а лишь к сохранению равновесия сил... Равновесие сил на суше мы хотим дополнить равновесием сил на море»¹⁴.

Таким образом, весь сложный комплекс межимпериалистических противоречий накануне первой мировой войны в интерпретации германских историков предстает как обезличенное силовое противоборство государств, направленное на сохранение или изменение определенного «баланса сил».

Поражение Германии на некоторое время обескуражило германских буржуазных историков, поскольку реальная действительность, олицетворением которой стал Версальский договор, никак не соответствовала тому, что было предусмотрено в их работах. Одним из первых обрел «твердую почву» под ногами Ф. Майнеке. В изданной в 1919 г. книге «После революции» он писал, что послевоенную историю международных отношений, по-видимому, нельзя будет объяснить, исходя из традиционного толкования концепции «баланса сил», так как «существовав-

¹³ H. Delbrück. Das neue Europa. B. 1908, S. 89.

¹⁴ O. Hintze. Deutschland und der Weltkrieg. Leipzig — B. 1916, S. 91.

шая раньше тенденция к равновесию сил сменилась новой — стремлением к мировому господству»¹⁵. Этот тезис получил в послевоенный период довольно широкое распространение в немецкой буржуазной историографии, и работы ее представителей первого послевоенного десятилетия в большинстве своем сводились к различным вариациям на эту тему.

Растерянность немецких буржуазных историков перед лицом неожиданного для них поворота событий, откровенный пессимизм относительно будущей роли и места Германии в мировой политике явно не способствовали росту престижа традиционной историографии в Германии. В 30-е годы все большее значение приобретает геополитика, наиболее полно отвечавшая политическим и идеологическим требованиям германского империализма, взявшего курс на подготовку новой мировой войны¹⁶. Но традиции немецкой исторической школы XIX в. не были похоронены. Линия, намеченная классической немецкой историографией, получила новый стимул развития после 1945 года.

Первые послевоенные годы были характерны для Западной Германии наличием своеобразного теоретического вакуума в области исследований международных отношений. Но, оправившись после шока, западногерманские историки почувствовали настоятельную потребность поделиться с широкой публикой своими соображениями относительно выводов, которые, по их мнению, следовало сделать из итогов войны как для Европы, так и для самой Германии. В 1947 г. Ф. Майнеке опубликовал книгу под символическим названием «Немецкая катастрофа». Будучи пронизательным исследователем и находясь все еще под непосредственным впечатлением разгрома гитлеровской империи во второй мировой войне, он пытался провести мысль об ответственности немецкой буржуазии за установление фашистской диктатуры в Германии, близко подходя, таким образом, к правильной постановке вопроса о причинах возникновения второй мировой войны.

Но эти попытки были настолько робки и непоследовательны, что, когда Майнеке, ученик и последователь Ранке, вновь вернулся к этой излюбленной для него тематике, весь сложный комплекс противоречий в мировой политике накануне второй мировой войны с легкостью уместился у него в рамках уже знакомого нам «вечно» действующего закона «борьбы за силу». По Майнеке, вся история борьбы государств на мировой арене — это всего лишь слепок с процесса развития идей макиавеллизма, представляющих собой «вневременное, общечеловеческое явление». Внешняя политика нацистской Германии означает всего лишь «переход к массовому, тотальному макиавеллизму». Основной порок такой политики, по его мнению, заключается в том, что стремление к силе становится «самоцелью», в то время как сила, считает он, оправдана лишь в том случае, «если находится на службе высших духовных ценностей человечества»¹⁷. Повторяя основные идеи своего учителя Ф. Майнеке, Л. Дехио утверждал, что причина двух мировых войн заключается в нарушении главного принципа политической стабильности — равновесия сил. Немецкую историографию он обвиняет в игнорировании этой «объективной закономерности» и популяризации «волюнтаристских планов установления гегемонии в Европе»¹⁸. Примерно в том же духе были выдержаны и работы ряда других западногерманских историков.

Критический элемент по отношению к традиционным теоретико-методологическим принципам немецкой буржуазной историографии, который присутствовал в некоторых работах того периода, не мог привести к их принципиальному пересмотру, поскольку все попытки такого рода

¹⁵ F. Meinecke. *Nach der Revolution*. München — В. 1919, S. 76.

¹⁶ См. Г. Гейден. Критика немецкой геополитики. М. 1960; Л. Моджорян. Геополитика на службе военных авантюров. М. 1974.

¹⁷ F. Meinecke. *Das deutsche Katastrophe*. Wiesbaden. 1947, S. 36.

¹⁸ L. Dehio. *Gleichgewicht oder Hegemonie*. Frefeld. 1948, S. 12.

осуществлялись в рамках идеалистического взгляда на исторический процесс, сопровождалась принципиальным отказом видеть какую-либо существенную связь между господством империалистической буржуазии в Германии и теми национальными катастрофами, которые пришлось пережить немецкому народу.

На рубеже 40-х и 50-х годов начинается новый этап развития западногерманской политической мысли. Усиление «холодной войны», образование сепаратного боннского государства, нарастание реакции в нем, восстановление позиций германского империализма на западе страны и рост его влияния в капиталистическом мире, подготовка, а затем и осуществление вооружения Западной Германии — все это определило характерные черты того периода. В теории на смену интеллектуальным «импровизациям» историков классического плана типа Ф. Майнеке, Л. Дехио и др. приходят концепции, прямо призванные оправдать западногерманский империализм и милитаризм, обосновать необходимость вооружения ФРГ в целях борьбы с «угрозой коммунизма» и возвращения «отторгнутых» территорий. В этот период в ФРГ практически отсутствуют работы теоретического характера, ставящие своей целью подвергнуть сколько-нибудь критическому анализу основы внешнеполитического курса страны. Как отмечает западногерманский историк В. Бессон, «специфика ситуации заключалась в том, что рассмотрение принципиальных вопросов западногерманской внешней политики носило пропагандистско-публицистический характер и не имело ничего общего с действительно научным исследованием»¹⁹. Всякая «теория» служит отныне целям идеологического оправдания и обоснования внешней политики правящих кругов, стремящихся, опираясь на «атлантическую солидарность», превратить реваншистские требования восстановления границ 1937 г. в программу НАТО, реализовать свои планы «воссоединения» Германии, ставящих перед собой цель добиться оснащения бундесвера ракетно-ядерным оружием.

Свой «вклад» в идеологическое оправдание возрождения западногерманского милитаризма и реваншизма внесла и немецкая буржуазная историография. На рубеже 40-х и 50-х годов в ней происходит резкое нарастание откровенно реакционных тенденций. Наибольшее влияние приобретают сторонники консервативного направления (Г. Обэн, В. Хубач, В. Герлиц и др.) во главе с Г. Риттером. Центральным пунктом концепции историков этого направления является защита «прусско-германских» традиций империализма. «Ревизия немецкого исторического прошлого», о которой под влиянием краха гитлеровской Германии вынужден был говорить и сам Риттер, длилась для него и его сторонников весьма непродолжительное время и была крайне робкой. Теперь он в штывы встречал любые выступления против этих традиций, даже если они носили умеренный и частичный характер. Какая-либо связь предшествующей истории Германии с развитием и приходом к власти национал-социализма им отрицалась. Фашизм, по мнению Г. Риттера, является результатом действия «иррациональных сил, которые вообще далеко превосходят рациональное в области политики, во всяком случае в XX в., в эпоху повсеместной демократии масс»²⁰. Прославление прусских традиций сочетается у Риттера с реваншистскими лозунгами, с едва замаскированными призывами к новому походу на Восток. Историки-консерваторы учитывают, что изменение в соотношении сил на международной арене исключает для Западной Германии надежду на реализацию этих планов своими силами. Даже наиболее националистически настроенные запад-

¹⁹ W. Besson. Prinzipienfragen der westdeutschen Aussenpolitik. «Politische Vierteljahresschrift», 1968, Hf. 1, S. 29.

²⁰ G. Ritter. Geschichtsunterricht oder Gemeinschaftskunde? Frankfurt/M. 1956, S. 288.

ногерманские идеологи считают необходимым в этих условиях заручиться поддержкой США, обеспечить для Западной Германии участие в империалистических военных блоках.

Но укрепление позиций мирового социализма, а также прочность социального строя и рост международного авторитета ГДР в сочетании с обострением противоречий между ФРГ и ее союзниками по НАТО,— все это уже в первой половине 60-х годов поставило перед западногерманской внешней политикой ряд серьезных проблем. В этих условиях от западногерманских идеологов требовались более гибкие методы защиты тогдашнего внешнеполитического курса правящих кругов ФРГ.

В конце 50-х годов влияние консервативного направления в немецкой буржуазной историографии, хотя и продолжает оставаться значительным, дополняется влиянием постепенно выступающего на первый план псевдолиберального направления. Его наиболее видными представителями являются Г. Ротфельс (председатель западногерманского союза историков в 1958—1962 гг.), Т. Шидер, В. Конце, К.-Д. Эрдман, Т. Эшенбург, В. Бессон, Г. Краусник, Г. Моммзен и др. С начала 60-х годов историки-«либералы» особенно активно участвуют в работе правительственных и полуправительственных учреждений ФРГ. Их идеи оказывают заметное влияние на формирование внешнеполитического курса правительства. Они находят поддержку и у правого руководства СДПГ²¹.

Не входя в тонкости дискуссий по методологическим вопросам, которые ведут между собой историки обоих направлений, отметим основные черты, характеризующие общую политическую ориентацию «либералов». При сохранении в основном идейно-политического багажа Ранке и других «классических» представителей реакционной немецкой историографии, историки, относящиеся к этому направлению, заявляют о необходимости отказа от «узких рамок национального мышления» и перехода к оценке исторических событий с позиций «западного мира» в целом. Если реваншизм, являющийся составной частью обоих направлений, у историков-консерваторов облечен в сугубо националистические формы, то у сторонников псевдолиберального направления он выступает в форме призывов к «решению восточноевропейских проблем» как «общеевропейской», «западной» задачи. Большое внимание в работах «либералов» уделяется новой интерпретации роли Бисмарка. Г. Ротфельс, считающийся крупнейшим в ФРГ «бисмарковедом», пытается представить Бисмарка «великим европейцем». Ротфельс, Шидер и другие изображают его предвестником «интегрированной» Европы, объединенной против России, подчеркивая и ту роль, которую Бисмарк сыграл в борьбе с революционным движением²². И историки-консерваторы и сторонники Ротфельса в оценке «прусского наследия» исходят из необходимости обосновать усиление роли Западной Германии в системе «атлантического сообщества». Разница между ними в том, что первые делают упор на руководящей роли ФРГ в Европе, вторые же поддерживают примат прочного союза с США.

Традиции немецкой исторической школы XIX в. не утратили своей привлекательности для правящих кругов Западной Германии и в более поздний период. Как справедливо отмечал А. С. Ерусалимский, «и поныне неоранкеанство как главное направление в немецкой буржуазной историографии воплощает в себе общие идеологические устремления германского империализма на различных этапах его развития»²³.

²¹ Л. Штерн. Остфоршунг и восточная политика Бонна. «Вопросы истории», 1964, № 11, стр. 183.

²² Подробнее см. Н. Черкасов. К оценке современного состояния западногерманской историографии. «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Томск. 1966.

²³ А. С. Ерусалимский. Германский империализм: история и современность. М. 1964, стр. 577.

Примерно в начале 60-х годов рассмотрение вопросов, связанных с исследованием международных отношений, выходит в ФРГ за рамки традиционной историографии. Вслед за США почти повсеместно в Западной Европе наблюдается становление нового — комплексного — подхода к исследованию международных отношений, получает развитие новая отрасль политической науки — теория международных отношений. Ее становление было связано с увеличением удельного веса внешнего фактора во всех областях общественной жизни, с потребностью более глубокого осмысления всего комплекса происходящих в международной сфере процессов с целью активного воздействия на их развитие, со стремлением использовать новейшие достижения науки в интересах внешней политики империализма.

В ФРГ о теории международных отношений как о самостоятельной дисциплине начали говорить сравнительно недавно. Первые публикации по данной проблематике появились здесь в конце 50-х годов, но в большинстве случаев они сводились к пересказу работ американских авторов. В предисловии к книге одного из основоположников американского «политического реализма», Г. Моргентау, «Политика между нациями» (в немецком издании она вышла под названием «Сила и мир») Э. Киндерманн не без основания пишет, что сколько-нибудь оригинальные исследования, появившиеся в этот период на страницах научных изданий в ФРГ, «можно было пересчитать на пальцах одной руки»²⁴.

Наблюдающийся с середины 60-х годов повышенный интерес западногерманских ученых к разработке теоретических проблем международных отношений, по-видимому, не в последнюю очередь был связан с теми практическими задачами, которые встали в этот период перед внешней политикой ФРГ. Несостоятельность прежних внешнеполитических установок, попытки дальнейшей реализации которых не только не могли привести к успеху, но и грозили ФРГ политической изоляцией даже в кругу ее западных союзников, наводила на мысль о необходимости нового подхода к исследованию международных отношений на основе выявления и учета действующих здесь долговременных тенденций и закономерностей. Эта задача была тем более актуальна, что специфика положения ФРГ в системе европейских государств определяет особенно тесную зависимость ее внешней политики от хода международных событий в целом, от эволюции соотношения и расстановки сил двух социальных систем, от изменений в общей империалистической стратегии по отношению к мировому социализму. В этих условиях и для политического руководства ФРГ со всей остротой встал вопрос о расширении и углублении теоретической базы практической политики. Подчеркивая актуальность этой задачи, В. Шеель (тогда еще министр иностранных дел ФРГ) писал: «Вследствие нашего географического положения и исторического прошлого факторы обусловленности нашей внешней политики куда более значительны, нежели степень ее автономности»²⁵.

В этот период существенно меняется и характер воздействия «политического реализма» на западногерманскую внешнюю политику. Заметные изменения в трактовке «реалистической» доктрины начинают происходить в ФРГ со второй половины 60-х годов. Самый факт образования в 1966 г. правительственной коалиции с участием СДПГ свидетельствовал о том, что и для значительной части правящих кругов ФРГ все более очевидным становится кризис внешнеполитических установок «эры Аденауэра». Все острее становятся разногласия по центральным внешнеполитическим вопросам между западногерманскими «реалистами» в зависимости от их партийной принадлежности. «Атланти-

²⁴ H. Morgenthau. Macht und Frieden. Gütersloch. 1963, S. 20.

²⁵ W. Scheel. Aussenpolitische Teilbilanz: Wo stehen wir heute? «Aussenpolitik», 1971, № 5, S. 259.

стам» и «европеистам» из рядов ХДС/ХСС, чьи доктрины по-прежнему базируются на пресловутом мифе о «советской угрозе», необходимости «воссоединения» Германии и непризнания европейских границ, противопоставляются более гибкие, основанные на более трезвом учете сложившегося в мире и в Европе соотношения сил внешнеполитические концепции руководства социал-демократической партии. Как отмечает В. Бессон, в ней в этот период крепнет убеждение в необходимости «строгого соответствия между целями, возможностями и средствами во внешней политике»²⁶.

С приходом к власти правительства под руководством В. Брандта этот принцип получил более последовательное воплощение не только в теории, но и в политике. Г. Шмидт в своей книге «Стратегия равновесия» так сформулировал общую задачу, стоящую перед западногерманским руководством: «необходимо противопоставить рациональное изучение реальных возможностей эмоциональному волюнтаризму и иллюзиям»²⁷.

Характер эволюции доктрины «политического реализма» в ФРГ в значительной степени отражает общий процесс переоценки ценностей, который под влиянием объективных реальностей международной обстановки происходит сегодня на Западе как в области внешнеполитической теории, так и в сфере политики. В результате изменений в соотношении сил в мире все более сужается сфера использования военной силы в интересах империалистической внешней политики. С реальностью этого факта вынуждены считаться сегодня и многие буржуазные политики. Известный западногерманский государственный деятель и историк В. Греве пишет в этой связи: «Следует избежать ошибочного вывода: отождествлять политическую силу с военной или даже исключительно с ядерной мощью»²⁸.

Сегодня значительная часть западногерманских политиков и теоретиков склоняется к мнению, что в нынешних условиях в мировой политике все большее значение приобретают невоенные факторы силы — политические, экономические, психологические, моральные и т. д. Признание того факта, что в современных международных отношениях происходит сужение внешнеполитических функций военной силы²⁹, существенно повлияло на перестройку политического курса ФРГ, начатую правительством «малой коалиции» на рубеже 60-х и 70-х годов. В то время как теоретики из рядов ХДС/ХСС в своих планах по-прежнему исходили из необходимости «сдерживания путем устрашения» как единственной основы так называемой политики безопасности, а в качестве обязательного предварительного условия любых переговоров с социалистическими странами выдвигали требование о создании на Западе эффективной «силовой платформы» на базе политической и военной интеграции Западной Европы, руководство СДПГ и СвДП более трезво подходило к оценке реально существующего соотношения сил в Европе и возможных негативных последствий односторонней ориентации на военно-политические инструменты обеспечения «стратегии равновесия».

Отстаивая один из постулатов «реалистической» теории о том, что единственно надежной гарантией мира и стабильности международной системы является равновесие сил, теоретики из лагеря правительственной коалиции в то же время выступали против отождествления этого понятия с исключительно военным равновесием. Западногерманские авторы отмечают, что в структурном отношении современная система «баланса сил» состоит как бы из ряда подсистем различного уровня — глобаль-

²⁶ W. Besson. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik. München. 1970, S. 102.

²⁷ H. Schmidt. Strategie des Gleichgewichts. Stuttgart. 1969, S. 20.

²⁸ W. Grewe. Spiel der Kräfte in der Weltpolitik. Düsseldorf. 1970, S. 23.

²⁹ См. W. Brandt. Friedenspolitik in Europa. Frankfurt/M. 1968, S. 25.

ного, регионального, в отдельных районах, между отдельными странами и группами стран. Верхний уровень характеризуется сегодня известной стабильностью, в основе которой находится динамическое равновесие стратегических ядерных потенциалов СССР и США. Существование такого равновесия Г. Шмидт называет «основным стратегическим правилом эпохи, которое необходимо учитывать всякому государству в своей внешнеполитической деятельности»³⁰.

Но очевидно, что в условиях «ядерного тупика» стратегическое равновесие между СССР и США является определяющим, главным, однако не единственным показателем общего «баланса сил», требующего учета соотношения сил на всех более низких уровнях, где существенную роль, помимо тактического ядерного оружия и обычных вооружений, играет целый комплекс политических, экономических, моральных, психологических и других факторов. Специфику сегодняшней ситуации отмечают и западногерманские исследователи. «Современная система баланса сил является не чисто военным равновесием, а скорее неравновесием, стабилизируемым на различных уровнях посредством политических и других факторов»³¹, — пишет К. Эрментер.

Разумеется, трактовка западногерманскими стратегами-теоретиками проблемы соотношения сил на международной арене полна существенных, а часто и принципиальных изъянов. Процесс борьбы за изменение соотношения сил в мире буржуазные авторы нередко пытаются представить как обезличенное силовое противоборство государств за обеспечение своих «национальных интересов». При таком подходе сущность всякой внешней политики сводится к «борьбе за силу» или «стремлению к равновесию». В работах западных теоретиков международных отношений не учитывается, а зачастую и сознательно игнорируется социально-политический характер происходящих на международной арене сдвигов в соотношении сил, связанных с укреплением мирового социализма, подъемом мирового рабочего и освободительного движения, активизацией демократических движений.

Но при всей очевидной ограниченности концепции «баланса сил» в качестве исходной теоретической модели для объяснения происходящих в международной сфере процессов трезво мыслящие западногерманские теоретики — ученые и политики — не могли не сделать ряд реалистических выводов, имевших непосредственное значение для изменения внешнеполитического курса ФРГ. Суть этих выводов можно свести к следующему: во-первых, проблема соотношения сил не исчерпывается соотношением только военной силы, во-вторых, одно лишь военное равновесие не гарантирует полностью стабильности международной системы, в-третьих, соотношение сил в мире перестало сводиться к балансу потенциалов великих держав и в значительной мере формируется под влиянием всех других государств, в-четвертых, величина военного потенциала того или иного государства не обязательно прямо пропорциональна его политическому весу и влиянию, в-пятых, в результате сужения внешнеполитических функций военной силы в современной международной политике все большее значение приобретают невоенные факторы силы. Более конкретную политическую направленность с учетом задач, стоящих непосредственно перед ФРГ эти выводы приобрели в активно проповедуемой западногерманскими «реалистами» теории «средних держав», претендующей на объяснение основных закономерностей внешнеполитического поведения ФРГ в наши дни.

Усиление тенденции к разрядке международной напряженности уменьшает опасность военного конфликта между Востоком и Западом и

³⁰ H. Schmidt. Op. cit., S. 20.

³¹ «Aussenpolitische Perspektiven des Westdeutschen Staates». Bd. 1. Das Ende des Provisoriums. München. 1971, S. 48.

тем самым, как резонно утверждают западногерманские теоретики, ведет к относительному снижению значения ядерных гарантий США, то есть увеличивает свободу внешнеполитического маневра средних и малых государств. Отсутствие у великих держав реальной возможности в полном объеме использовать свой военный потенциал для достижения тех или иных внешнеполитических целей способствует повышению роли невоенных факторов силы, что, в свою очередь, увеличивает «конкурентоспособность» средних государств. Исходя из этой ситуации, средние державы должны стремиться к тому, чтобы «сделать еще более эффективной собственную силу, основанную преимущественно не на военных факторах... а для этого надо создать условия, когда экономика играет большую роль, чем военная сила»³². В этих условиях задача средних государств определяется необходимостью способствовать поддержанию определенного уровня политической стабильности, которая является предпосылкой и основой роста их внешнеполитической активности. Поддержание политической стабильности, в понимании западногерманских теоретиков, предполагает прежде всего активное участие в системе военного баланса сил. Применительно к западногерманской внешней политике это означает продолжение активного сотрудничества ФРГ в рамках НАТО. Долгосрочный характер факторов, определяющих принципиальную позицию ФРГ по отношению к НАТО, неоднократно подчеркивался в заявлениях правительств «малой коалиции».

В то же время западногерманские стратеги считают, что в настоящих условиях политика, ориентированная исключительно на поддержание военного баланса сил, не отвечает интересам средних государств, поскольку предполагает высокий уровень их военно-политической зависимости от великих держав. «Неумеренность в расстановке акцентов в вопросе о роли военных факторов политики безопасности в некоторые периоды послевоенных лет негативно воздействовала на гибкость внешней политики боннского правительства»³³, — вынужден был признать Г. Шмидт. Поэтому выдвигается тезис о необходимости дополнить военные инструменты «стратегии равновесия» политическими, то есть активного включения средних государств в процесс разрядки. Для ФРГ это означало коренную перестройку ее «восточной» политики. Эта перестройка, осуществленная на рубеже 60-х и 70-х годов правительством Брандта — Шееля и нашедшая свое отражение в серии договоров с социалистическими странами, явилась, с одной стороны, следствием изменений в соотношении сил, а с другой — была связана с расчетами западногерманского руководства на уменьшение зависимости ФРГ от своих западных союзников, и прежде всего от США, с расчетами на создание благоприятных условий для повышения невоенных — экономических, политических, моральных — факторов силы ФРГ, на увеличение маневренных возможностей в «мирном наступлении» на социализм.

В период, когда у власти находилось правительство Брандта — Шееля, традиционные элементы «атлантической политики» ФРГ и активизация «восточной» политики были дополнены рядом новых мероприятий в области укрепления и интенсификации темпов западноевропейской интеграции. Именно на рубеже 60-х и 70-х годов усиливается тенденция к увеличению удельного веса «западноевропейского» элемента в общей системе внешнеполитических приоритетов ФРГ. Уже в одном из первых своих выступлений в качестве федерального канцлера В. Брандт со всей определенностью сформулировал основное стратегическое направление внешнеполитической активности ФРГ: для Западной Германии «цель достижения западноевропейского единства имеет первостепенное значе-

³² «Mittlere Mächte in der Weltpolitik». Opladen. 1969, S. 151.

³³ «Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung», № 21, Februar 16, 1972, S. 257.

ние»³⁴. В дальнейшем этот тезис находил неоднократное подтверждение в выступлениях лидеров «малой коалиции»³⁵. В теории выдвижение на передний план «европейского» направления обосновывается необходимостью объединения потенциалов западноевропейских государств, с тем чтобы превратить Западную Европу в самостоятельный «центр силы», если и не равный великим державам, то по крайней мере сравнимый с ними. Этот путь, как считают западногерманские политики и теоретики, не только служит задаче непосредственного укрепления позиций ФРГ в Западной Европе, но и должен открыть ФРГ наиболее эффективные в современных условиях возможности участия в «большой политике».

Таким образом; в рамках рассмотренных выше концепций западногерманских «реалистов» речь шла, по существу, о новом переосмыслении содержания, функций и взаимосвязей трех основных направлений внешней политики ФРГ: «атлантического», «западноевропейского» и «восточного». Причем, несмотря на бесспорную взаимозависимость и самостоятельную политическую нагрузку каждого из трех направлений, «атлантической» и «восточной» политике была отведена роль опор, создающих условия для возможности концентрации основных усилий на «западноевропейском» направлении как наиболее перспективном с точки зрения укрепления позиций ФРГ в европейской и мировой политике. Несмотря на некоторые, иногда весьма существенные, отклонения от этой бесспорно, весьма условной схемы, связанные с обострением разногласий и конкурентной борьбы между европейскими партнерами, необходимостью решения задач на других направлениях, сохраняется принципиальная стратегическая ориентация западногерманских правящих кругов на приоритет интеграционной политики в Западной Европе как наиболее эффективного пути повышения удельного веса ФРГ в «большой политике».

В целом же «политический реализм», будучи поставлен на службу основной цели империалистической внешней политики — борьбе с мировым социализмом и национально-освободительным движением, в современных условиях вместе с тем более четко отражает стремление правящих кругов ФРГ трезво учитывать реальное и объективное соотношение сил в мире и строить свою стратегию и тактику с учетом не только настоящих, но и будущих изменений.

³⁴ Ibid., № 132, October 29, 1969, S. 1128.

³⁵ Ibid., № 6, Januar 19, 1973, S. 45; № 60, Mai 18, 1974, S. 598.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ НОВОЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Б. И. Краснобаев

Новая русская культура зародилась в XVII веке. Ей предстоял трудный и славный путь развития. Прошла она через ряд этапов. В XVII столетии зарождались и накапливались явления, которые содействовали подъему культуры в XVIII веке. Нам предстоит рассказать о периоде, начавшемся петровскими преобразованиями. Его конечная грань — Отечественная война 1812 года. Между этими двумя событиями отечественной истории новая культура одержала победу в борьбе со старой, оформились ее основные черты, резко отличавшие новую культуру от средневековой. Кризис средневековой культуры был преодолен громадным напряжением народных сил: создана светская школа, освобождалась от провиденциализма наука, возникла отечественная периодика, поворачивались навстречу новым духовным потребностям русского человека искусство и литература.

Связь культуры «Молодой России» (по выражению А. С. Пушкина) с преобразованиями конца XVII — начала XVIII в. осознавалась уже современниками. Петр I «сочинил из России метаморфозис»¹ — эту мысль развивали в публицистических и научных сочинениях, в стихах и прозе и Феофан Прокопович, и В. Н. Татищев, и М. В. Ломоносов. С ними был согласен А. Н. Радищев: Петр I «дал первое стремление столь обширной громаде, которая яко первенственное вещество была без действия»².

В начале XIX в. новой культуре был брошен тяжелый упрек: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых отношениях, гражданами России. Виною Петр»³. Этот упрек потом не раз повторялся, но он мог быть с некоторым основанием направлен лишь к дворянской аристократии, порою презрительно относившейся к русскому языку, культуре, народу. Что же касается народа в целом, то развитие новой культуры усилило его патриотизм. Уже через год после знаменитой «Записки о древней и новой России» (1811 г.) Н. М. Карамзина русские люди показали меру своей гражданственности и любви к родине. Отечественная война 1812 г. стала серьезнейшим испытанием сил и возможностей русской нации, складывавшейся начиная с XVII века. Национальное самосознание, патриотизм лучшей части русского общества, воспитанной передовой культурой XVIII в., воплотились в подвигах героев Отечественной войны. «В 1812 г. не имел я образа мыслей, кроме пламенной любви к Отечеству» — так мог бы вместе с Н. М. Муравьевым сказать о себе любой декабрист. «Мы были дети 1812 года», — говорил М. И. Муравьев-Апостол. Культура декабризма — новый этап в развитии отечественной культуры. Но корни ее — в XVIII веке.

Культура в XVIII столетии развивалась стремительно. Согласимся на этот раз с Н. М. Карамзиным: «Мы зреем не веками, а десятилетиями»⁴. Герои Бородинского сражения существенно отличались от победителей в Полтавской баталии. Первая половина века по особенностям культуры еще очень близка к предыдущему этапу: в это

¹ П. П. Шафиров. Рассуждение какие законные причины... Петр Первый... против короля Карола 12 Шведского 1700 году имел... СПб. 1717, стр. 4.

² А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений. Т. I. М.-Л. 1938, стр. 150.

³ Н. М. Карамзин. О древней и новой России в ее политических и гражданских отношениях. Берлин. 1861, стр. 33.

⁴ Н. М. Карамзин. Сочинения. Т. IX. СПб. 1835, стр. 268.

время продолжалось становление новой культуры, когда свежие ее ростки пробивали себе дорогу, вступая в резкие столкновения со старым, сложно взаимодействуя с ним. Это переходный период. Во второй половине века новая культура уже утвердилась. В общественной мысли, в искусстве, в других областях рождаются такие проблемы, которые будут разрабатываться и решаться в течение долгих десятилетий XIX в. (крестьянский вопрос, проблемы личности — ее достоинства, чести, свободы, взаимоотношения ее с государством и обществом, проблемы патриотизма истинного и ложного, соотношение веры и науки, разума и чувств и множество других).

В данном очерке, который открывает ряд публикаций, посвященных культуре XVIII в., рассмотрен начальный этап складывания новой русской культуры; изменение в облике русского города; отражение в литературе начала становления нового типа человека; на основе этих наблюдений автор пытается выяснить основные черты новой культуры и некоторые тенденции их развития.

Возникновение новой культуры

Русское средневековье кончалось в XVII веке. Начинаясь «новый период русской истории»⁵. Характерными чертами культуры средневековья были религиозность и замкнутость. Они-то и привели ее к кризису. В XVII в. средневековая культура вступила в противоречие с нарождавшимися новыми явлениями в экономической, социальной и политической жизни страны. Однако, хотя и обозначился кризис старой культуры, ростки нового в архитектуре, живописи, литературе, в быту пробивались с трудом. На пути новой культуры плотной стеной стояли церкви, сторонники «древлего благочестия» в среде боярства и в других слоях общества, вековые привычки, рутинность хозяйственной и общественной жизни, свойственные феодализму, замкнутость, искусственная оторванность от передовой культуры других европейских народов. Старое было неизмеримо сильнее нового⁶. В известном смысле дело обстояло так, что, не порвав средневековых пут, сковывавших мысль, знания, светские искусство и литературу, невозможно было двигаться вперед, преодолеть ставшую опасной отсталость страны.

На рубеже XVII и XVIII вв. как будто прорвало плотину: новая культура охватывает все стороны жизни. Развитие новой культуры в большой степени связано с реформами Петра I. Они были широки и многообразны, охватывали и образование, и организацию науки, и книгоиздательское дело, печать, градостроительство, архитектуру, и даже одежду и развлечения. Конечно, не государство создало новую культуру. Но оно способствовало вольно и невольно ее становлению, внедрению в жизнь. Люди старой культуры объективно, а часто и субъективно выступали против преобразований, абсолютизма. Преодолевая сопротивление своих противников, абсолютистское государство ломало и препятствия на пути развития светской культуры. Оно давало материальные средства, поддерживало ее своим авторитетом. Вмешательство государства в ход развития культуры было властным, а порой и грубым. Противодействие переменам в области культуры принимало нередко формы борьбы с правительственной политикой. И наоборот, борьба против политики правительства часто выражалась в форме неприятия новшеств в области культуры. Ярость староверов вызывали гелиоцентрическая система, книги светского содержания, новая живопись, музыка, одежда и многое другое. Объективно прогрессивная политика абсолютизма в начале XVIII в. обусловила то, что передовые деятели на поприще русской культуры служили государству верой и правдой. Они активно содействовали проведению реформ, боролись с противниками абсолютизма. В период преобразований передовая политическая позиция в основном совпадала с ориентацией на новую культуру.

Вместе с утверждением абсолютизма складывалась и его идеология. Главным в общественной мысли конца XVII — первой четверти XVIII в. и была разработка идеологических основ политики абсолютизма, борьба с его идейными противниками. Это

⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т I, стр. 153.

⁶ См. Г. Г. Громоу. Русская материальная культура XVII века. «Вопросы истории», 1975, № 4; А. М. Сахаров. Русская духовная культура XVII века. «Вопросы истории», 1975, № 7.

органически сочеталось с обоснованием и пропагандой мероприятий в области культуры, с доказательством необходимости просвещения, светской науки, общения с культурой других стран и народов, новых форм быта. Для убеждения в необходимости абсолютной власти царя привлекается не только тезис о божественном происхождении власти, а и идеи «естественного права» и «общего блага». В «Правде воли монаршей», составленной виднейшим идеологом абсолютизма первой трети XVIII в. Феофаном Прокоповичем, утверждалось, что тот или иной образ правления возникает в соответствии с народной волей «по смотрению божию». Но, движимая «божим манием», народная воля действует лишь однажды. Переменить образ правления народ уже не может. Он как бы говорит своему избраннику: «Мы же единожды нашей воли совлекшись, никогда же оной впредь, ниже по смерти твоей употребляти не будем...»⁷. Абсолютный монарх в трудах идеологов, в законодательных актах, в высказываниях политических деятелей выступает как источник блага своих подданных. Соответственно и от подданных требовалось служение «общему благу», которое отождествлялось с «государственным интересом»⁸.

Эти положения имели большое значение для формирования общественных взглядов, для обоснования политики государства в области культуры. Заботой «об общем благе», о пользе отечества в «Правде воли монаршей» обосновывалось «право» монарха вмешиваться в частную жизнь подданных, предписывать «обряды гражданские, церковные, перемены обычаев, употребление платьев, домостроения, чины и церемонии в пиروваниях, свадьбах, погребениях и пр.»⁹. Этим «правом», как известно, в XVIII в. широко пользовались. Вот лишь один из многих указов Петра I: «Всяких чинов людям московским и городовым жителям... кроме духовного чину и пашеных крестьян носить платья немецкие верхние саксонские и французские, ..а русского и черкесских кафтанов и тулупов и аязмов и штанов и салогов и башмаков и шапок никому не носить и на русских седлах не ездить, а мастеровым людям не делать и в рядах не торговать». Разумеется, все это под «жестоким наказанием». Были и указы «о бритии бород и усов всякого чина людям кроме попов и дяконов»¹⁰. Во времена Петра I «борьба» со старинным платьем и бородами велась в общем русле мероприятий по становлению новой культуры. «О бородачи!» — с ненавистью восклицал Петр, имея в виду сопротивлявшихся реформам староверов¹¹. Для него и его сподвижников «кафтан и тулуп и аязм» и борода ассоциировались с косностью.

Одной из причин кризиса средневековой культуры была ее замкнутость, стремление отгородиться от общения с другими европейскими народами, их культурой. Большую роль в этом играла религиозная нетерпимость. В условиях начала нового периода русской истории церковь старается сохранить прежние позиции. Но она приходит в противоречие с общественным развитием¹². Намечается глубокий упадок церковного авторитета. Церковь терпит поражение в столкновении со светской властью. Тем более она противится напору новой культуры, общению с неправославными странами. Небезосновательно она видит в этом угрозу своему идеологическому господству. Не менее яростно сопротивлялись общению с Западом и расколоучители. По верному замечанию В. С. Иконникова, «XVII век, когда с такой силой стали пробиваться в жизнь новые явления, был вместе с тем веком наибольшей требовательности и зыскательности относительно заветной старины»¹³. Но уже тогда многим стало ясно, что обойтись без «латинян» и «люторов» невозможно. «С иностранцами теперь обращаются гуманнее, чем прежде»¹⁴, — отметил побывавший в России в 1686—1689 гг. чешский иезуит Иржи Давид.

⁷ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб. 1830. Т. VII. № 4870.

⁸ См. Н. И. Павленко. Петр I. (К изучению социально-политических взглядов). «Россия в период реформ Петра I». М. 1973, стр. 77.

⁹ ПСЗ. Т. VII, № 4870.

¹⁰ Там же. Т. IV, №№ 1741, 2015.

¹¹ См. Л. Н. Майков. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб. 1891, стр. 63.

¹² См. А. Н. Сахаров. К изучению истории русской церкви. «Вопросы истории». 1968, № 6, стр. 176.

¹³ В. С. Иконников. Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нее. Киев. 1874, стр. 59.

¹⁴ Иржи Давид. Современное состояние Великой России или Московии. «Вопросы истории», 1968, № 4, стр. 141.

Заслугой Петра I был решительный поворот в сторону торгового, политического и культурного обмена с другими европейскими странами. Впрочем, многие на Западе относились к России недоброжелательно. России пришлось в течение двух десятилетий вести изнурительную Северную войну (1700—1721 гг.), чтобы пробиться к морю, коренным образом изменить свое международное положение, доказать свои возможности и права европейской державы, равноправного партнера в торговых и дипломатических делах, взаимоотношениях в области культуры. Наиболее дальновидные русские люди осознавали, что для дальнейшего развития страны, преодоления отсталости необходимо не только обеспечить торговый обмен с другими государствами, но и овладеть богатствами мировой культуры. Обращение к западной культуре вызывало сопротивление не одних обскурантов. Некоторым виделось здесь умаление национального достоинства. Им насмешливо возражал Феофан Прокопович: «Разумный есть и человек и народ, который не стыдится перенимать доброе от других и чуждых; безумный же и смеха достойный, который своего и худого отстать, чуждого же и доброго принять не хочет»¹⁵.

Перенимание доброго от «других и чуждых» происходило разными путями. Десятки дворян посылали за границу учиться морскому делу, наукам, ремеслам, живописи. Русских людей можно было встретить в самых разных местах Европы. Приезжает, например, в 1719 г. во Флоренцию И. И. Неплюев, посланный учиться морскому делу, и встречает там «россиян, обучающихся живописному искусству». Это были крупнейший русский портретист Иван Никитин с братом Романом, тоже известным художником, и «с товарищи». Затем Неплюев оказался в Тулоне. И там он встретил семь человек «наших русских гардемарин». Они учились «навигации, инженерству, артиллерии, рисованию мачтапов, как корабли строятся, боцманству (т. е. оснащать корабль), артикулу солдатскому, танцевать, на шпагах биться, на лошадях ездить...»¹⁶.

Приглашали в Россию большое число иностранных специалистов — от мастеров-кораблестроителей до ученых для комплектования основанной в 1725 г. Академии наук. Но, конечно, ни Петр I, ни его сподвижники не считали этот путь овладения богатствами европейской культуры единственным или даже основным. Нехватка образованных, знающих людей, необходимость идти за наукой к иноземцам вызывали и чувство неуверенности в успехе реформ, и задевали национальное самолюбие, и отягощали казну. Было ясно, что «без свободных наук и добрых рукоделий не может государство стезять себе умного имения»¹⁷. Так писал Ф. Салтыков, предложивший «проект» организации системы образования в стране. Для создания системы народного образования в первой четверти XVIII в. не было ни времени, ни средств, ни учителей. Приходилось организовывать школы, дававшие самые необходимые практические знания. Первые светские школы были открыты в первом году XVIII в. в Москве. Это были Пушкарская и Навигацкая (математических и навигационных наук) школы. Названия ясно раскрывают их назначение. При корабельных верфях (под Воронежем, в Петербурге, Ревеле, Кронштадте и др.) устраивались «русские школы», где готовили грамотных мастеровых. В 1714 г. было принято решение открыть во всех губерниях цифирные школы для обучения «молодых ребяток» от 10 до 15 лет чтению, письму, цифири «и некоторой части геометрии». Выучившимся указывалось выдавать «свидетельственные письма», без которых «жениться их не допускать»¹⁸. Устраивались и другие школы, например, горнозаводские на Урале, основанные В. Н. Татищевым в 1721 году.

В школах того времени была масса недостатков. Не хватало учителей, мало отпускалось средств на их заведение и содержание. В педагогике сохранялась средневековая авторитарность. Методика обучения не была разработана, ученикам было трудно усваивать «науки», поэтому основным средством воздействия на учеников оставались розга и хлыст. В инструкции Морской академии (основана в 1715 г. в Петербурге) предписывалось: «Для унятия крику и бесчинства выбрать из гвардии добрых солдат и быть, им по человеку во всякой коморе во время учения и иметь хлыст в ру-

¹⁵ ПСЗ. Т. VII, № 4870.

¹⁶ «Записки И. И. Неплюева». Оттиск из «Русского архива», 1870, стр. 32, 36.

¹⁷ См. «Пропозиции Федора Салтыкова». «Отчеты о заседаниях имп. Общества любителей древней письменности 1888—1891». СПб. 1891. Приложение, стр. 24.

¹⁸ ПСЗ. Т. V, № 2778.

ках, буде кто из учеников станет бесчинствовать, оных бить»¹⁹. Однако нельзя рисовать положение в тогдашних школах только черной краской. Были и образованные учителя, например, в Навигацкой школе Л. Ф. Магницкий. Он составил прекрасный по тем временам учебник «Арифметика, сиречь наука числительная» (1703 г.). Для учащихся издавали настенные наглядные пособия (например, «Новый способ арифметики Феорики или зрительная», составленный и изданный В. А. Киприановым в 1705 г.). В обучении довольно широко применялась наглядность. Части корабля изучали на моделях, при ознакомлении с анатомией в медицинском училище использовались скелеты и отдельные кости, в анатомический театр при училище доставлялись трупы бездомных людей.

Первые светские школы дали немало число образованных людей, которые обеспечили проведение реформ, способствовали подъему русской культуры. Регулярная русская армия была в основном укомплектована офицерами, подготовленными в военно-учебных заведениях и гвардейских полках. К 1720 годам в морском флоте было «своих русских офицеров довольно»²⁰. Немало было в армии и во флоте лекарей и подлекарей, выучившихся в Московском медицинском училище (основано в 1707 г.) и в Петербургской хирургической школе (открылась в 1716 г.).

Новые школы, где преподавали не духовные лица, а приезжие иностранные специалисты, русские офицеры, отставные солдаты и тому подобный народ, где предметами преподавания были цифирь, навигация, корабельное дело, медицина, воспитывали совершенно новое, светское мировоззрение, в корне меняли взгляды на характер и значение знаний, образованности, науки. Возникло и новое отношение к книге, к литературе, искусству.

Огромна роль светской книги в становлении и распространении новой культуры. В книге петровского времени новая культура нашла яркое воплощение. Одновременно книга — один из важнейших факторов развития культуры — стала активным посредником в усвоении достижений других народов. Печатные издания, распространяясь в большом количестве экземпляров по всей стране, не только несли новые знания, но и способствовали выработке общих для складывавшейся русской нации понятий, взглядов, языка, способствуя тем самым национальной консолидации, становлению национальной культуры. Петр I прекрасно понимал значение книжного дела. Он был фактически руководителем книгопечатания в России и самым активным его деятелем. Почти все издаваемые книги проходили через его руки, он указывал, что издавать, что перевести, редактировал, наблюдал за печатанием. По его инициативе и при его непосредственном участии была проведена реформа шрифта (1708—1710 гг.). Он вникал и в оформление книг, следил за качеством переплета и брошюровки. За 24 года (1701—1724) издательская продукция возросла в 18,6 раза. При этом резко уменьшилась доля религиозной литературы. Из общего числа изданий (1877) на ее долю приходилось лишь 256, то есть около 14%²¹.

Реформа гражданского шрифта имела не только техническое значение. «Введение русской гражданской азбуки обозначало упадок церковно-книжной культуры средневековья, утрату церковно-славянским языком господствующего положения в структуре русского литературного языка и вместе с тем намечало пути дальнейшей борьбы за создание на народной основе национально-русского литературного языка»²². Рука царя твердо направляла книжное дело в государственных интересах. Издавались книги лишь практически нужные. Петр I требовал, чтобы содержание каждой книги было «не праздною ради красоты, но для вразумления и наставления о том чтущему...»²³. Больше всего гражданским шрифтом издавались учебники, научно-технические, познавательные книги. Назовем для примера: «Геометрия словенски землемерие...» — первая книга гражданской печати; «Генеральные сигналы, надзираемые во флоте...»; «Нау-

¹⁹ Там же, № 2637.

²⁰ «Материалы из истории русского флота». Ч. III. СПб. 1866, стр. 222.

²¹ С. П. Луппов. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л. 1973, стр. 55, 87.

²² В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XV—XVII вв. М. 1938, стр. 80.

²³ «Акты о высших государственных установлениях». Т. I. Законодательные акты Петра I. М.—Л. 1945, стр. 148.

ка статическая, или механика» Г. Г. Скорнякова-Писарева. В 1720 г. вышла первая на русском языке книга по истории науки и техники, переведенная с латинского, — «Осьмь книг об изобретателях вещей» Полидора Виргилия Урбинского (написана в 1517 г.). Книга эта, видимо, привлекла внимание издателей благодаря сведениям «об изобретении» земледелия, мореходства, различных орудий труда и множества других «вещей», а также своей острой антикатолической, антипапской направленностью. В предисловии к русскому читателю давался совет не смущаться, если он встретит в книге нечто «аки бы противно твоему благочестию», «ибо читаем книги различны... и древних еллинов, и египтян, и персов, и прочих истории, не да веруем им, но да ведаем творимая у них: и да явимся искусни во обхождениих их»²⁴. Предлагались вниманию читателей «Приклады, како пишутся комплименты разные» — образцы писем к разным особам и на все случаи жизни.

Немалое место занимали издания, в которых обосновывалась внешняя политика России (например, «Рассуждения» П. П. Шафирова). Большое пропагандистское значение имела публикация указов, разъяснявших преобразовательные мероприятия, политику правительства. Пропаганде идеологии абсолютизма уделялось внимание даже в учебниках. Так, в «Арифметике» Магницкого большую часть фронтисписа занимает изображение государственного герба. А в начале книги помещены стихи — «на предлежащий герб». В них прославляются государство и самодержавный царь. В те же годы вышло несколько книг, направленных на повышение уровня культуры бытовой жизни, в первую очередь дворянства. Это, например, знаменитое «Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению...» (за 1717—1723 гг. выдержало 4 издания).

И, конечно, особое значение имело возникновение в России периодики. Выпуск газеты «Ведомости» (небольшого формата — с современную почтовую открытку, объемом в 2, иногда до 22 страниц) знаменовал такой переворот в привычных представлениях старинного русского человека, который в наше время нелегко осознать и оценить. Анализ одного только этого факта — начала издания газеты, предназначенной для распространения среди населения, может дать достаточно полное представление о том новом, что возникло в русской общественной жизни и культуре в начале XVIII века. Замкнутость средневековой культуры выражалась, в частности, в том, что все иностранные известия считались секретными. Иностранные газеты поступали в Посольский приказ, где из них делались выборки и в виде «Вестей» докладывались царю. Царь указывал, кого из правительственных лиц ознакомить с тем или иным материалом.

Но к началу XVIII в. в Россию прибыло множество самых разнообразных иностранных специалистов. Сотни русских людей выезжали за рубеж. Стало бессмысленным скрывать иностранные известия. Кроме того, Россия претендовала на активную роль в европейских делах. Это увеличивало общественный интерес к другим странам, к их политике и внутренней жизни. Большое значение имел и психологический перелом в отношении зарубежной культуры. Несомненно, возросла потребность и в сведениях о событиях в своей стране. Любопытное свидетельство интереса к внутренним делам имеется в анонимной «Повести о внезапной кончине царя Михаила Федоровича» (1647 г.): «В странах немецких пишут и печатают в книгах и на листах о военных действиях; почему же мы ленимся, боимся или срамямся писать или печатать о том, что случается в русской земле»²⁵.

С 1702 г. начала выходить первая русская печатная газета, предназначенная для распространения среди населения. Русский человек получил теперь возможность узнавать и о «странах немецких» и о том, что «случается в русской земле». Больше всего в «Ведомостях» сообщений о Северной войне. № 11 за 1709 г. с известием о Полтавской виктории был напечатан на целом листе в две краски. Его прибавили на людных улицах для всеобщего чтения. Есть материалы о заведении школ, о находках полезных ископаемых и т. п. В № 4 за 1706 г. помещено «Объявление о затмениях»,

²⁴ В. В. Данилевский. Русская техническая литература первой четверти XVIII в. М.-Л. 1954, стр. 134—142.

²⁵ Цит. по: М. П. Слуховский. Библиотечно-дело в России до XVII в. М. 1968, стр. 38.

«которые над нашим горизонтом (аще чист воздух) видны будут». Просветительное значение таких материалов несомненно. Стоит представить себе русского человека, купившего в книжной лавке свежий номер «Ведомостей» и внимательно читающего о том, что произошло в Вене, или в Мадриде, или в Мексике, или в Бухаре! Как расширился для него мир! Конечно, для многих читателей эти названия звучали абстрактно. Но пробуждался интерес к другим странам. Человек отправлялся в ту же книжную лавку и покупал, например, «Географию или краткое земного круга описание» (1710 г.), из которой мог узнать, «которые государства в коенждо части обретаются, и каждого государства пределы, величина, с кем смежны, сила, богатства, доходы и прочая». Мог он почерпнуть географические сведения и из учебника И. Гибнера «Земноводного круга краткое описание», изданного в 1719 году. Позднее для читателей газеты «Санктпетербургские ведомости» стали издавать специальные «Примечания», разъясняющие географические, исторические и другие новые понятия и термины, дававшие комментарии к газетным сообщениям²⁶.

Новое в облике русского города

В XVIII в. государству приходилось решать крупные градостроительные задачи. Характер планировки, благоустройства, архитектуры средневекового города не соответствовал новым потребностям городской жизни, изменяющимся эстетическим представлениям. Возникали новые города, непохожие на средневековые: Петербург, Херсон, Николаев и многие другие. Внешний облик, жизнь и быт города преобразались, отражая изменения в хозяйстве, социально-экономических отношениях, культуре страны. В свою очередь, новая культура выступала в жизни города, в градостроительстве наиболее ярко и зримо.

Действительно, в строительных камнях или дереве материализуются идеи, чувства, вкусы строителей и их современников. «Архитектура по самому своему характеру лишь в индизнальной форме способна выражать те общественные идеи, которые в публицистике, в философских трактатах и в художественной литературе могут найти себе прямое выражение. Но в основе своей архитектура выражает те же идеи, что и другие виды искусства»²⁷. «Спящие громады пустынных улиц» Петербурга — грандиозный памятник, воздвигнутый людьми XVIII в. самим себе и своему времени. Начинается день, просыпаются улицы, наполняются людьми — современниками создателя «Медного всадника» или нашими современниками, с иными заботами, с иными стремлениями. Улицы, дома старого Петербурга — прекрасное наследство людей XVIII в. — служат уже многим поколениям. Приглядевшись, в них можно различить сквозь изменения и наслоения последующих времен облик создателей — творцов культуры XVIII в., в чем-то бесповоротно далекой, а в чем-то неожиданно и очень близкой нам. Петербург — это, пожалуй, первое, что приходит в голову, первая ассоциация со словами «культура XVIII века». Этот город — детище XVIII столетия. Век, его культура отразились в нем наиболее наглядно. Тем не менее начинать историю русской культуры нового времени правильнее не с Петербурга. Это значило бы отрывать ее от предыдущего периода. Между тем многое из того, что так ярко проявилось в строительстве Петербурга, исподволь складывалось в течение длительного времени.

На рубеже XVII и XVIII вв. самым крупным, самым населенным и, вероятно, самым типичным русским городом была Москва. Средневековым еще городом, но в котором уже начались сдвиги к новому. Самое высокое здание тогдашней Москвы — колокольня Ивана Великого. В один из дней 1702 г. на верх ее поднялся любознательный путешественник, художник из Голландии К. де Бруин. «С высоты этой Ивановой колокольни открывается самый лучший вид на город со множеством каменных церквей, которыми он наполнен... Главы некоторых из них вызолочены, что производит чрезвычайное впечатление, когда солнечные лучи падают на эти главы и играют на них»²⁸. Множество церквей — вот первое и сильное впечатление от столицы. Не-

²⁶ «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в «Ведомостях» (1728—1742); название это неоднократно менялось.

²⁷ М. В. Алпатов. Этюды по истории русского искусства. Т. 2. М. 1967, стр. 17.

²⁸ «Путешествие через Московию Корнелия де Бруина». М. 1873, стр. 81.

сколько раньше о том же писал другой путешественник: город «кажется очень красивым и даже восхитительным благодаря множеству монастырей и церквей»²⁹. Внимательный глаз де Бруина отметил «множество и других красивых каменных зданий», в частности строившийся в Кремле Арсенал (закончен в 1736 г., существует поныне) и деревянное здание на Красной площади «для представления в нем театральных произведений». Это были уже приметы нового. К. де Бруин осматривал Москву не только с птичьего полета. Он обошел Белый город вдоль его стен, отметив, что на это понадобилось два часа, и Земляной город, записал названия всех башен. Как годичные кольца на срезе дерева, крепостные стены Москвы обозначали этапы ее роста. Улицы из ворот Кремля текли к воротам Китай-города, Белого, Земляного, переходили в дороги, которые вели во все концы страны.

Средневековая Москва росла стихийно. Своя целесообразность, свои ритмы были в этом росте. Целое нередко получалось живописным, ярким. Но к концу XVII в. характер Москвы как города перестал удовлетворять жителей и власти. Он не соответствовал новым требованиям жизни, постепенно складывавшемуся новому быту. Об этом наглядно свидетельствуют правительственные указы о благоустройстве Москвы, изданные в немалом числе в конце XVII — начале XVIII века. Вчитываясь в эти указы, живо представляешь себе большой, беспокойный, не очень благоустроенный город. Он часто горит, что причиняет много бед; строения в большинстве деревянные, крытые соломой. Именной указ от 1681 г. требует, чтобы москвичи «палатное всякое строение, ныне и впредь, крыли тесом, а сверху тесу усыпали землю и укладывали дерном». И вообще, чтобы «деревянного хоромного строения отнюдь никому не делать некоторыми делы».

В Москве есть большие улицы, но они «во многих местах тесны» из-за деревянных заборов, поэтому в пожарное время стрельцам «от пожара дворы отымать» трудно. Велено вместо заборов «строить стенки каменные»³⁰. А в 1698 г. было дано распоряжение, гласившее, чтобы на Красной площади «лавки и шалаши и всякое лавочное строение ломать и впредь... для торгу никакому строению не быть». В Китай-городе требовалось лавки строить каменные, и чтобы «все лавки под одну кровлю». В старой Москве дома ставили в глубине дворовых участков, на улицу выходили глухие заборы. И об этом был указ (1704 г.): о строении в Москве каменных домов «добрым мастерством» и по улицам, а «не посередь дворов своих»³¹. Еще при царе Алексее Михайловиче «в город было завезено большое количество камня. Те, кто хотел жить в городе, обязаны были строить себе новые каменные дома, а деревянные сносить»³². Однако дело это продвигалось медленно. В начале XVIII в. большие улицы, «где ныне деревянные мосты», указано было мостить камнем. Проявлялась забота и о санитарном состоянии города: «На Москве, чтоб по большим улицам и по переулкам, чтоб помету никакого и мертвечины нигде ни против чьего двора не было, а было б везде чисто»³³. Видимо, не рассчитывая на быстрое искоренение застарелой привычки, указ грозил ослушникам кнутом и пеней.

Постепенно менялся облик Москвы, ее улиц, вид уличной толпы. Появились совсем новые сооружения. В конце XVII в. был построен Большой каменный мост через Москву-реку, в 1705 г. невдалеке от него — крупная централизованная мануфактура Суконный двор. На берегах Яузы в течение нескольких лет строилась, постепенно расширяясь, еще одна крупная мануфактура — Хамовный двор, состоявший из различных построек: «толчейных амбаров», плотины через реку, подсобных и жилых помещений. В начале века на Красной площади, на месте, где сейчас находится Исторический музей, воздвигли трехэтажное здание для Земского приказа. Позднее в нем помещалась Главная аптека. Это — характерное произведение русского зодчества того времени и по своим архитектурным формам и по своему назначению. Появление Главной аптеки соответствовало указу Петра I: «Быть на Москве вновь осьми аптекам, и построить те аптеки в Китае и в Белом и в Земляном городах, на больших проезжих

²⁹ Г.-А. Шлейссингер. Полное описание России. «Вопросы истории», 1970, № 1, стр. 107.

³⁰ ПСЗ. Т. II, № 892.

³¹ Там же. Т. IV, №№ 1649, 1718, 1963.

³² Г.-А. Шлейссингер. Указ. соч., стр. 107.

³³ ПСЗ. Т. IV, №№ 2052, 2072, 1684.

и пространных улицах... Зелейному ряду, в Китае городе, так же и по всем улицам и по перекресткам, лавкам, в которых продавали всякое непотребные травы и зелень, будто вместо лекарств, не быть и те... лавки все сломать»³⁴. Через полвека зданию Главной аптеки предстояло стать первым помещением Московского университета.

Силуэт Москвы обогатился двумя величественными башнями — Сухаревой (возведена в 1698—1701 г. над Сретенскими воротами Земляного города) и Меншиковой (церковь Архангела Гавриила, построенная на средства А. Д. Меншикова в 1704—1707 годах). Первая из них вошла в историю русской культуры не только как произведение светской архитектуры, свежее по своему стилю. Именно в Сухаревой башне разместились первая светская школа (Навигацкая, или Школа математических и навигацких наук). Здесь же помещались обсерватория, токарная мастерская³⁵. Меншикова башня — самое высокое здание тогдашней Москвы. До того, как молния сбила шпиль и верхний ярус, она была выше колокольни Ивана Великого на три метра. Нижняя часть ее напоминает скорее здание дворцового типа, чем церковь. Балконы над портиками, декоративная скульптура, гирлянды из белокаменных цветов придают ей жизнерадостный, светский вид.

Так в Москве возникли островки нового, постепенно меняя облик города, исподволь причудя людей к восприятию иных, чем прежде, архитектурных образов. В центральной части Москвы, тесно сжатой стенами Кремля и Китай-города, со сложившейся застройкой, прочными традициями трудно было развернуться. Поэтому лучшие ансамбли начала века — усадьбы Ф. Я. Лефортова и Ф. А. Головина — «строятся в районе, открыто противостоящем старой Москве». Лефортово «превращается в своеобразную школу зодчества». Лефортов и Головин — сторонники реформ, ближайшие сподвижники Петра I. Архитектурные новшества вводятся от их имени. Сам Петр еще «не решается открыто строить царские дворцы в формах, противоречащих традициям старого московского зодчества»³⁶. Но оба ансамбля, раскинувшиеся друг против друга по обоим берегам Яузы, были в полном распоряжении царя: здесь происходили торжественные официальные приемы и празднества. В районе Лефортова строятся не только дворцы знати. Здесь появляются «военная госпиталь», здание сената. В 30-х—40-х годах В. Растрелли создал великолепный дворец в стиле барокко — летний Анненгоф и парк. Для московского дворянства Лефортово стало излюбленным местом гуляний³⁷. Новый вид приобрели улицы, которые связывали этот район с Кремлем. Они были заново распланированы, дома по ним были поставлены по красной линии, как требовал цитированный выше указ.

В своем описании Москвы К. де Бруин упомянул здание, стоявшее в начале Красной площади. Эта «Комедийная хоромина», как ее тогда называли, была деревянной и вскоре сгорела. Но в 1731 г. на том же месте В. Растрелли воздвиг большое красивое здание нового театра. Зрительный зал его вмещал до двух тысяч человек. В нем выступали приглашенные из Италии артисты, симфонический оркестр, русский придворный хор. Представления давались почти ежедневно и имели большой успех. В том же году в Москве были впервые установлены уличные фонари. Стража следила, чтобы они в дни спектаклей горели обязательно и чтобы владельцы домов выставляли в окнах свечи³⁸. После того, как театр в 1737 г. сгорел, Растрелли при участии архитектора М. Г. Земцова выстроил в Лефортове Иллюминационный театр и Оперный дом.

Все значительнее становится удельный вес гражданского строительства. Зодчие стремятся решать цельные градостроительные задачи. Крупным градостроительным мероприятием стало составление точного плана Москвы на основе геодезической съемки. Без этого была немыслима дальнейшая планомерная застройка города. План был завершен в 1739 г. архитектором И. Ф. Мичуриним. Однако смелые градостроительные идеи зодчих с большим трудом пробивались сквозь многочисленные препятствия. Они

³⁴ Там же, № 1879.

³⁵ И. Грабарь. Сухарева башня. «О русской архитектуре». М. 1969; М. А. Флоровская. Навигацкая школа. «Вопросы истории», 1973, № 10.

³⁶ О. С. Евангулова. Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII в. М. 1969, стр. 22.

³⁷ Там же, стр. 44—83.

³⁸ См. Н. М. Молев. Возникновение оперного театра в России. «Вопросы истории», 1966, № 9.

создавались и объективным противоречием между потребностями развития городской жизни и феодально-крепостническими порядками, все более превращавшимися в тормоз для развития хозяйства и культуры. Мешали и бюрократизм, непонимание, безразличие городских властей к нуждам городского населения. Увлечение преемников Петра I возведением пышных городских и загородных дворцов, парков, триумфальных арок отвлекало средства и силы от осуществления крупных градостроительных задач. Застройка Москвы, несмотря на многочисленные указы, шла по-прежнему стихийно. Тесно стоявшие деревянные дома продолжали часто гореть. В 1725 г., например, только за один месяц произошли четыре крупных пожара. После этого было строго указано возводить улицы шириной в 10 сажень, переулки — в 6 сажень, дома располагать только по красной линии, а старые, выходящие за линию, — ломать. В Кремле и в Китай-городе запрещалось впредь строить из дерева, все деревянные здания велено было сломать³⁹. Однако за взятку можно было получить разрешение на постройку в непопленном месте. Городские власти отказались выкупить у частных владельцев дома вокруг нового Кузнецкого моста. Архитектор Д. В. Ухтомский, построивший этот мост через Неглинку (1756 г., память о нем сохранилась в названии улицы), разработал проект застройки местности вокруг моста. Берега Неглинки только в середине века начинали терять свой сельский вид, здесь появились городские дома. Чтобы осуществить план целостной современной застройки, нужно было выкупить в казну участки частных землевладельцев, снести часть дома, занятого под кабаки. Городские власти на это не пошли, и проект тогда осуществлен не был⁴⁰.

Все же постепенно Москва преображалась. Отзывы современников дают живое представление и о городе и о том, как его воспринимали люди того времени. «Известно, что в Москве, столь просторном городе, в летнее время бывает жителей около 300 000, а в зимнее, как в сию столицу из всей Российской империи съезжаются великое множество дворян, из коих некоторые для исправления своих надобностей, а большей частью для препровождения времени в веселии и удовольствии, а купечество, как российское, так и чужестранное для закупки товаров и торгу, приезжают, то бывает и около 400 000... Здесь о том не за бесполезное упомянуть почитается, что Москва, будучи расположена на возвышенном и сухом месте, и как строение в ней не стеснено, и внутри города находится много садов, имеет воздух всегда здоровый во все времена, посему число родившихся всегда превышает число умерших...». Красная площадь «обстроена» в прошедшие два года «каменными рядами в два этажа, каковою архитектурой и прочие в Китае ряды обстраиваются начинают, в коих рядах лавок 4021 каменных и 55 деревянных, да еще на сей же площади нововстроенных в два жила 270 лавок, в коих во всех торгуют ежедневно всякого рода товарами. Выстроенные вновь в последние же два года и по Ильинке великолепные и огромные обывательские дома имеют под собою около 60 лавок, в коих торгуют галанtereю, придают сей части города немало красоты...». В Белом городе «дом Благородного клуба (сейчас в нем Дом союзов. — Б. К.), великолепно членами его отстроенный, имеет в себе залу, в коей до 2 000 обоего полу помещается; публичный каменный театр, в пристроенных к нему галереях и залах бывают многочисленные маскарады и собрания»⁴¹.

Современники считали достопримечательностями Москвы кремлевские соборы и дворец, Оружейную палату, «в коей хранятся древние государственные сокровища», монетный и гостинный дворы, Воспитательный дом, «главная генеральная госпиталь, при коей анатомический феатр и врачебное училище, Екатерининская госпиталь, при коей дом для прививания оспы, Павловская госпиталь; Российский феатр». Не забыты «многие фабрики, как то суконные, полотняные, шелковые и другие...»⁴².

Старое в московской жизни причудливо переплеталось с новым, усиливались контрасты. «Странное смещение древнего и новейшего зодчества, нищеты и богатства, нравов европейских с нравами и обычаями восточными!.. Посмотри, здесь, против зубчатых стен Китай-города, стоит прелестный дом самой новейшей итальянской архитек-

³⁹ ПСЗ. Т. XIII, № 10003.

⁴⁰ А. Михайлов. Архитектор Ухтомский и его школа. М. 1954, стр. 43—51.

⁴¹ «Новый полный географический словарь Российского государства...». Ч. III. М. 1788, стр. 218—219, 222.

⁴² «Пространное землеописание Российского государства, изданное в пользу учащихся...». СПб. 1787, стр. 265—266.

туры; в этот монастырь, построенный при царе Алексее Михайловиче, входит какой-то человек в длинном кафтане, с окладистой бородой, а там к бульвару кто-то пробирается в модном фраке...». На Кузнецком мосту, на Тверской, на бульваре «книжные французские лавки, модные магазины,.. часовые мастера, погреба... Вот большая карета... в ней чудотворный образ, перед ним монах с большой свечой... Посторонись! Этот ландо нас задавит: в нем сидят щеголь и красавица; лошади, лакей, кучера — все в последнем вкусе... Возле огромных чертогов вот хижина, жалкая обитель нищеты и болезней»⁴³. Это зарисовки с натуры, сделанные в самом начале XIX в., через сто лет после наблюдений де Бруина и Шлейссингера. Конечно, здесь только внешнее впечатление от московских улиц. Но тонкий наблюдатель за внешностью разглядел и глубокие социальные контрасты. Несмотря на причудливую смесь старины и новизны, а быть может, и благодаря ей, Москва сохраняла для современников обаяние чисто русского города. Нравились патриархальность ее быта, отсутствие столичной чопорности. «Москва! России дочь любима! Где равную тебе сыскать?»⁴⁴ — спрашивал и утверждал известный в те времена поэт И. И. Дмитриев.

Петербург производил совсем иное впечатление. Как легко возникают в воображении громады улиц, адмиралтейская игла, державное течение Невы, береговой гранит, мосты над водами! Великолепие и контрасты: «Город пышный, город бедный...» В знакомых с детства строках картина Петербурга пушкинских времен. Пушкин мыслит исторично: «Прошло сто лет...». А сто лет назад — в начале XVIII в. на этом месте только мшистые, топкие болота да несколько деревушек и мыз. Петербург сознательно строился как город новой культуры, как столица, противопоставлявшаяся Москве. Столицей Петербург становится с 1712 года. В 1714 г. указом было запрещено «всякое каменное строение» во всем государстве: не хватало средств, «каменьщиков и прочих художников»⁴⁵. Собирали мастеров по всей стране, выписывали из-за границы, спешно обучали. Исползовали учащихся. Например, ученики Навигацкой школы вместе со своими учителями измеряли летнюю дорогу от Москвы до Петербурга...

В Петербурге тоже оказался дотошный наблюдатель — камер-юнкер голштинского герцога⁴⁶ Ф. В. Берхгольц, который, подобно де Бруину в Москве, забрался в 1721 г. на самую высокую петербургскую колокольню Петропавловского собора. Но увидел он нечто, сильно отличавшееся от того, что видел де Бруин. Уже не церкви восхищали наблюдателя, не причудливое сочетание белокаменных стен, бесчисленных узеньких улочек и переулков. «Петербург имеет вид овала и занимает огромное пространство. Во многих местах он еще неплотно застроен, Крепость С.-Петербург, где находится колокольня, построена у самой Невы и имеет несколько толстых и высоких каменных бастионов, уставленных большим числом пушек... Васильевский остров, где находится дом князя Меншикова и выстроено уже много других больших зданий... Город по правую сторону реки, где Адмиралтейство, прорезан многими каналами... Еще прекрасный вид на совершенно прямую аллею...». Берхгольц до этого уже был в Петербурге в 1714 году. За семь лет город так изменился, что он «вовсе не узнавал его». «С самого начала мы въехали, — рассказывает Берхгольц, — в длинную и широкую аллею, вымощенную камнем и, по справедливости, названную проспектом (Невский проспект. — Б. К.), потому что конца ее почти не видно... Несмотря на то, что деревья, посаженные по обеим ее сторонам в три или четыре ряда, еще не велики, она необыкновенно красива... На Адмиралтействе, красивом и огромном здании, устроен прекрасный и довольно высокий шпиг. Миновав эту аллею, я проехал через подъемный мост, по левую сторону которого стоит новая Биржа, четырехугольный и так же очень красивый дом... Я с удивлением смотрел на выстроенные вдоль канала новые великолепные дома, из которых один был красивее другого»⁴⁷.

Да, Петербург сразу стал городом новой, светской культуры. Смотрите, как замелькали в описании наблюдателя новые, непривычные старинному русскому челове-

⁴³ К. Н. Батюшков. Сочинения. М. 1955, стр. 307, 308, 312.

⁴⁴ И. И. Дмитриев. Сочинения и переводы. Часть первая. М. 1803, стр. 11.

⁴⁵ ПСЗ. Т. V, № 2818.

⁴⁶ Герцог Голштинский приехал в Россию в 1721 г. свататься за старшую дочь Петра I Анну. Брак состоялся в 1725 году.

⁴⁷ «Дневник камер-юнкера Берхгольца, часть первая, 1721 г.», М., 1857, стр. 45, 46, 81.

ку слова: проспект, биржа, Адмиралтейство, каналы. И еще интереснее: все, о чем упомянул Берхгольц, сохранилось до наших дней, хотя и в несколько изменившемся виде. Невский проспект, Адмиралтейство, его игла восхищали человека начала XVIII в., позже А. С. Пушкина, никого не оставляют они равнодушными и в наши дни.

Мы не ставим задачу рассказать о ходе строительства Петербурга, о его развитии. Важно уяснить, что нового принес XVIII в., чем облик нового города отличен от прежнего. То, что наметилось уже в Москве — стремление к «регулярности», то есть к рациональной планировке, единообразию стиля, одинаковой высоте зданий, ширине улиц и прочее, — все это нашло воплощение в Петербурге. В градостроительных и архитектурных формах новой столицы зримо воплощались идеи величия государства, поднимавшейся нации, преобразований, становления светской культуры. Современники создания города отчетливо понимали это. Петербург «превеликую помощь, пользу и славу Российскому соделывает государству», — утверждал Гавриил Бужинский в «Слове, в похвалу Санктпетербурга...». Противники же преобразований — «ядовитые ехидны, изострившие свои аспидные зубы»⁴⁸, с ненавистью и отвращением относились к новой столице.

Петербург не случайно называли «окном в Европу». Сам идейно-художественный замысел этого города утверждал европейский характер Российского государства и его культуры. Эта мысль настойчиво внедрялась в сознание европейских правительств. Например, план Петербурга, гравированный на 9 листах в 1753 г., русские послы распространяли в тех странах, где они были аккредитованы. Еще раньше, в 1716 г., правительствам западных стран рассылали проект устройства Петербурга, выполненный архитектором А. Леблоном⁴⁹. В сознании современников Петербург воплощал и патриотический подъем складывающейся нации. Этот подъем питался и проводимыми реформами, и успехами в Северной войне, крепнущей мощью государства, ростом его международного значения, развитием новой культуры. Характерно высказывание В. Растрелли по поводу строительства Зимнего дворца: «Строение каменного Зимнего дворца строится для одной славы всероссийской»⁵⁰.

Градостроительный опыт Москвы и Петербурга пригодился при создании во второй половине века новых городов и перепланировке и перестройке старых. Городская жизнь развивалась. Росло население городов, появлялись новые промышленные предприятия, расширялась торговля. Неупорядоченная, деревянная по преимуществу застройка мешала транспорту, приводила к частым пожарам, не соответствовала больше запросам и вкусам горожан. С наступлением вечера старые города погрузались во тьму. Вот любопытная картинка: город Валдай, вечер. Жители домов, расположенных по проходящему здесь тракту Петербург — Москва, стоят у своих окон с зажженными свечами и лучинами: им приказано осветить путь проезжающей мимо вдовствующей царице Прасковье (1721 г.)⁵¹. Городским властям приходилось думать о благоустройстве городских улиц, об их освещении. Постепенно в Петербурге, а затем и в других городах начинают появляться уличные фонари. На гравюрах второй половины века встречается изображение фонарщика, взбирающегося по лестнице, приставленной к столбу, зажигать или тушить фонарь.

В 1762 г. была образована «Комиссия о каменном строении С.-Петербурга и Москвы». Она же разрабатывала принципы застройки других городов, составляла планы переустройства старых городов и генеральные планы новых. Не все планы были осуществлены. Составляя планы для провинциальных городов, комиссия иногда не считалась с местными условиями, проявляла излишнее стремление к «регулярности». Это приводило к схематизму, искусственности планов. Однако многие работы комиссии стояли на большой художественной и технической высоте. В облике таких городов, как Кострома, Ярославль, Тверь (ныне — Калинин), и других до сих пор сохраняются черты, сложившиеся в последние десятилетия XVIII века⁵². Для всех перестраи-

⁴⁸ «Петербург петровского времени». Л. 1948, стр. 42.

⁴⁹ П. Н. Столянский. Санктпетербург. Пгтр. 1918, стр. 117, 112.

⁵⁰ См. Н. Коваленская. История русского искусства XVIII в. М. 1962, стр. 54.

⁵¹ «Дневник камер-юнкера Берхгольца», стр. 188.

⁵² В. А. Шквариков. Планировка городов России XVII и начала XVIII века. М. 1939.

ваемых городов было характерно четкое отделение центра от окраин. Из центра удалялись промышленные заведения, кладбища. Вместе с тем на окраины вытеснялась беднота, которая не могла строить красивые двух-, трехэтажные дома. Так в композиции города все отчетливее проявлялась социальная структура его населения. Уделом окраин были, как правило, скученность, отсутствие элементарного благоустройства, антисанитария.

Художественные принципы комиссии определялись складывавшимся тогда в архитектуре стилем классицизма. На смену пышности, буйству красок, причудливости силуэта творений В. Растрелли, С. И. Чевакинского и других мастеров барокко классицизм нес рационалистичность, четкость и строгость построения городского ансамбля и отдельного художественного произведения, ясность мысли. Лучшие представители классицизма восприняли от своих предшественников гражданский пафос, патриотизм. Глубоко изучались и использовались образцы искусства античности и Возрождения. Все больший интерес вызывало творчество старинных русских зодчих (так называемая псевдоготика в работах В. И. Баженова, М. Ф. Казакова и других архитекторов).

Существенной чертой произведений мастеров классицизма является их соразмерность, или соразмерность человеку. Они не подавляют своим величием и размахом. Перед Пашковым домом В. И. Баженова, Московским университетом М. Ф. Казакова — Д. И. Жилярди, Таврическим дворцом И. Е. Старова, Невскими воротами Петропавловской крепости или Екатерининской церковью в Валдае Н. А. Львова человек не чувствует себя маленьким, чужим. Членение этих зданий, их ордер соотносены с масштабами человеческой фигуры. Их архитектурный замысел прост и ясен, все формы успокоены. Они очень разные, как и их создатели — самобытные, яркие художники. Но все они рождают в зрителе чувство возвышенной успокоенности, средоточенности, гордости за человеческий разум и искусство.

Наблюдения за изменениями в облике русского города, над особенностями новой архитектуры логично ведут к человеку — тому, кто создавал и преображал города, жил в них, творил новую культуру.

Начало становления человека нового типа

Когда-то был довольно распространенным мнимо глубокомысленный, а в действительности наивный взгляд, что русский человек в XVIII в. «под влиянием Запада» переменялся чисто внешне, поверхностно, оставшись, по сути дела, старозаветным, дремуче провинциальным. Между тем кризис средневековой и становление новой культуры — не поверхностные явления, не результат «влияний». И это не абстрактные понятия. Кризис средневековой культуры — это кризис в мировоззрении, в душевном строе русского человека. Ломались привычные нормы морали, поведения, взаимоотношений в семье, в обществе. Менялись и внешний облик самого человека, его одежда, прическа, быт, привычки. Эти изменения являют собой сложный, для многих мучительный процесс. Классовая и сословная вражда, вмешательство государства в личную жизнь, вековые привычки и предрассудки, поток новых впечатлений — все это каждый человек должен был осознать, оценить, найти свое место в сложной, меняющейся обстановке. «Да еще бы в огонь христианин не шел»⁵³, — восклицал пророк Аввакум. И действительно, тысячи людей шли «в огонь», находя столь жестокий исход мучительным противоречиям жизни. Но в народе было слишком много здоровых сил. И в той светской культуре, которая создавалась народом, также проявлялась сила его духа, преодолевались трагические противоречия жизни.

К сожалению, литература и искусство того времени еще не могли отражать жизнь во всей ее глубине, не умели анализировать психологию людей. Но все же и литература и искусство в какой-то мере отзывались на новые явления. Они дают возможность представить себе начало становления человека нового типа, человека новой культуры. Новые явления можно проследить в бытовых повестях, созданных безвестными авторами в первой трети XVIII века. Это «История о российском дворянине Фроле

⁵³ «Житие пророка Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения». М. 1960, стр. 140.

Скобеев»⁵⁴, так называемые «петровские повести»: «Гистория о российском матросе Василии Кориотском», «Гистория о храбром российском ковалере Александре», «Гистория о некоем шляхецком сыне». Повести распространялись в рукописях. Судя по количеству списков, они были весьма популярны на протяжении всего века. Объединяют повести характер, тип их героев, общность подхода к жизни, взглядов, эстетических вкусов. Эти произведения еще несовершенны в художественном отношении, эпоха преобразований отразилась в них не во всей своей глубине и многообразии⁵⁵. И все же они позволяют многое узнать о том времени, о людях, дают возможность почувствовать это время, его новую культуру.

Интересен не только «материал», заключенный в повестях, а и самый факт их появления. Важно, что существовали их реальные авторы — современники, а возможно, и участники преобразований. Безусловно, то были люди, сознательно ставшие на передовые идейные позиции своей эпохи, сумевшие увидеть, обобщить и запечатлеть ее черты. На страницах своих произведений они невольно воспроизвели и собственные черты, свое мировоззрение, жизненные позиции, пристрастия и антипатии, этические и эстетические взгляды. Авторы повестей и вместе с ними их герои напрочь порывают со средневековым провиденциализмом. Не божий промысел и не вмешательство дьявола определяют судьбу человека. Все дело в его характере, уме, знаниях, смелости, верности долгу и других нравственных качествах. Эта идея — огромное достижение новой культуры. С нее начиналось становление личности, освобождение человека от религиозных оков.

Герои повестей — из бедных дворян. Вот Василий Кориотский. Его отец «в великую скудость прииде и не имеяше у себя пищи». А Василий после многих испытаний и трудов «поживе в великой славе и... был королем флоренским»⁵⁶. Путь из бедных дворян во флоренские короли, конечно, сказочен. Но вспомним о судьбах некоторых современников Василия, хотя бы Алексаши Меншикова! Сказка окажется не столь уж далекой от действительности. «Петровские повести» отражали судьбы и взгляды того социального слоя, который поднялся к управлению страной и был основной опорой народившегося абсолютизма. Именно его интересы в первую очередь выражала петровская «Табель о рангах»: «Мы для того никому какого ранга не позволим, пока они Нам и отечеству никаких услуг не покажут...»⁵⁷. Не знатность рода, а «услуги» царю и отечеству — вот что требовалось от тех, кто хотел добиться чести и богатства. В условиях петровского царствования «показать услуги» царю можно было, только овладев практически ценными знаниями. Именно поэтому в первых же строках повести рассказывается, что Василий идет служить во флот, «в науках пребываше» и вскоре «знал в науках мотроских велми остро». Шляхетский сын тоже отличился успехами в учении, за что «цесарь имел многую милость и определил ево при академии профессором».

Еще и еще раз авторы повестей возвращаются к этой мысли: личные достоинства, знания, «науки», а не знатные предки дают право на высокое место в жизни, на счастье. Даже своей дочери и наследнице цесарь в «Гистории о некоем шляхецком сыне» велит учиться в академии и тем заслужить право на престол. Цесаревна, в свою очередь, на первое место ставит «богатство ума», а не благородное происхождение. Посещая академию, она полюбила учившегося там «шляхетского сына», который «наукой весма ей был подобен и красотою непомерной». Они были вместе «во всяких наук розыскиваниях», и он был ей «весма благ в советных». Но вот цесаревна признается ему в любви. Бедный шляхетский сын пришел в ужас, он готов заколоть себя шпагой, ибо «не достоин сего». Тогда-то цесаревна и произносит знаменательные слова: «Аще кто и многократно благороднее тебя мне в супружество бы был, хотя и от самых коронованных, а толикого ума и премудрости, как ты имешь, несравненна всего мира богатство ума...»⁵⁸.

⁵⁴ Датировку, ее обоснование и анализ повестей см.: Н. А. Бакланова. Эволюция русской оригинальной бытовой повести на рубеже XVII—XVIII вв. «Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.)». М. 1971.

⁵⁵ «Русские повести первой трети XVIII в.». Исследование и подготовка текстов Г. Н. Моисеевой. М.—Л. 1965.

⁵⁶ Там же, стр. 191, 210.

⁵⁷ ПСЗ. Т. VI, № 3890.

⁵⁸ «Русские повести первой трети XVIII в.», стр. 297.

Повести оптимистичны. Они дышат уверенностью в возможности человека, во всемогущество разума и науки. Василий Кориотский выходит победителем из трудных испытаний. Правда, гибнут молодые герои «Гистории о некоем шляхецком сыне». Но причина этого в происках знатных «сенаторов и министров». Идея же верности своему долгу и любви торжествует. Умирает в конце повести и «ковалер Александр». Этот «неожиданный и даже странный конец произведения» убедительно объясняется тем, что Александр поехал за границу ради «науки», но его «склонность... была более в забавах, нежели в учении быть». Встреча с Петром I, лично экзаменовавшим возвращавшихся из подобных командировок, не предвещала ему ничего хорошего. Зная это и симпатизируя своему герою, автор предпочел закончить «гисторию» гибелью Александра⁵⁹.

Итак, герои повестей побеждают или гибнут не фатально, а в силу обстоятельств и особенностей своих характеров и других личных черт. И здесь невольно напрашивается сопоставление с бытовыми повестями XVII века. Герой «Повести о Горе и Злочаштии, как Горе-Злочаштие довело молодца во иноческий чин» презрел благочестивые наставления родителей, вступил на неправый путь⁶⁰. От окончательной гибели его спас только монастырь.

Именно в XVII в. начинается возрастание личностного начала в духовной культуре, происходит открытия ценности человеческой личности. Но, поскольку старые устои жизни были тогда еще слишком сильны, попытки жить по-иному для многих кончались трагично⁶¹. «Для демократической литературы XVII в. характерен конфликт личности со средой, жалобы этой личности на свою долю, вызов общественным порядкам, иногда же — неуверенность в себе, мольба, испуг, страх перед миром, ощущение собственной беззащитности, вера в судьбу, рок, тема смерти, самоубийства и первые попытки противостоять своей судьбе, исправить несправедливость»⁶². Но трудно было противостоять судьбе людям, воспитывавшимся в традиционном убеждении «яко ничтоже человек в житии сем». Всем правит божественная воля. Протопоп Аввакум внушал себе и читателям своего «Жития»: «Ну, помни же себя, что нет тебя ни со што, аще не господь что сотворит...»⁶³. Как не похожи на этих людей герои «петровских повестей» — молодые дворяне, энергичные, образованные, верящие в себя, осознающие силу своего дворянского государства, воодушевленные успехами русского оружия и пафосом реформ.

Еще одна черта героев «петровских повестей» резко отличает их от большинства людей средневековой культуры. Это их отношение к Европе и европейской культуре. Замечательно, что они не противопоставляют Россию Европе, вернее, не отделяют ее от Европы. Без всякого нажима, как нечто само собой разумеющееся начинает автор свою «Гисторию о... Василии Кориотском»: «В Российских Европиях некоторый живяше дворянин...». Для людей новой культуры нет никаких сомнений в том, что Россия — европейская страна. Для всех героев «петровских повестей» поездка в «чужие края» для царской службы, для постижения науки, для изучения тамошних городов, крепостей и «политичных нравов» — дело вполне естественное и необходимое. Василий сам просился, чтобы его послали вместе с другими матросами в Голландию «для лутчаго познания наук». Александр, упразднивая родителей отпустить его за границу, дал развернутую мотивировку своей просьбы. Его «нестерпимо мучит» желание «иностранных государств видением очеса мои насладить и их политичных нравов себя обучить». Эти слова напоминают запись в дневнике кн. Б. Куракина: в России «нынешних времен обычай имеют, каждый желает свету видеть»⁶⁴.

Повести отразили и бытовые реалии нового времени, немислимые в средневековье. Герои повестей исполняют «арии» своим возлюбленным, играют на арфах и флейтах, «искусно и политично» танцуют «с дамами». В авторской речи и в речи героев

⁵⁹ Там же, стр. 126.

⁶⁰ Н. А. Бакланова. Указ. соч., стр. 162—165.

⁶¹ А. М. Сахаров. Указ. соч., стр. 103.

⁶² Д. С. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси. М.-Л. 1958, стр. 152.

⁶³ Цит. по: А. Н. Робинсон. Борьба идей в русской литературе XVII века. М. 1974, стр. 377.

⁶⁴ Кн. Б. Куракин. Дневник и путевые записки 1705—1710 гг. «Архив кн. Ф. А. Куракина». Т. I. СПб. 1890, стр. 130.

множество иностранных слов, с чрезмерным изобилием хлынувших в русский язык в начале XVIII века. Некоторые из них остались в языке до сих пор: матрос, ария, квартира, министерский, профессор, маршировать и т. п. Но были заимствования неудачные, портившие язык: «ребелизонт Григорий Отрепьев», «великий трактамент», «урочной термин» и многое другое.

Встреча с человеком переломной эпохи в истории русской культуры может быть и более непосредственной. Можно увидеть этого человека, как он одет, причесан, можно заглянуть в его глаза, попытаться понять его психологию. В любом музее живопись XVIII в. представлена прежде всего портретом. Особенно сильным было впечатление от такой встречи на выставке «Портрет петровского времени», организованной Русским музеем и Третьяковской галереей в 1973 году⁶⁵. Зритель попадал в окружение современников преобразований. Сам русский портрет как жанр искусства — порождение именно той эпохи. Он был вызван к жизни новым пониманием человека как личности, новым пониманием его места и роли в жизни. И он воплотил нового человека, опровергая своим существованием сомнения в глубине происходившего переворота.

Сквозь случайные и индивидуальные отклонения настойчиво пробивается новое видение человека художником и вместе с тем новое во внешнем облике и во внутреннем мире самого реального человека — и того, кого писали, и портретиста. Русским портретистам XVIII в. присуще нечто общее, то своеобразие, которое отличает их от художников последующего периода, неизъяснимый аромат времени. В особенности, если представить портреты их кисти не в теперешних музеях, а на стенах комнат и зал в домах и усадьбах XVIII в., для которых они предназначались, среди современной им мебели, при свете свечей...

Один из аспектов понимания человека XVIII в. выразился в большом количестве парадных, репрезентативных портретов. Блеск одежд, пышных париков, причесок, драпировок — наглядное выражение сословного подхода к человеку, бьющее в глаза стремление подчеркнуть богатство, знатность, высокий чин. Чувственная красота, наружный блеск, импозантность. Но и в этом, как и в барочных дворцах XVIII в., — новая культура, жизнерадостная, чуждая средневекового аскетизма. Однако нельзя не сказать и о потерях: парадные портреты лишены высокой духовности лучших живописных творений средневековья. К счастью, главное направление русского портретного искусства XVIII в. связано с иным, чем в парадных портретах, пониманием человека. Русские художники стремятся проникнуть во внутренний мир, раскрыть богатство личности, человеческое достоинство, независимое от сословного положения.

Один из первых русских художников нового времени, И. Н. Никитин (около 1680 — не ранее 1742 г.), решительно становится на этот путь. Вглядываясь, например, в его портрет Петра I (1721 г., Русский музей), видишь сильного, гордого, волевого человека — типичного человека времени реформ, тяжелейшей многолетней войны. На лице Петра заметны грусть и усталость, следы тяжких трудов, жизненной борьбы, личных горестей. Художник с большим пониманием, сочувствием пишет портрет своего современника, не показывая никакими внешними приметами, аксессуарами, что это царь. Петр, в свою очередь, с уважением и гордостью говорил о Никитине: «Есть и из нашего народа добрые мастера»⁶⁶. Не меньшее впечатление остается от никитинских портретов Наполеона гетмана (1720-е годы, Русский музей) или царевны Натальи Алексеевны (около 1716 г., Русский музей, Третьяковская галерея) — женщины нового времени, активной сторонницы реформ, новой культуры.

Новые люди смотрят на нас и с «Автопортрета с женой» А. М. Матвеева (1729 г., Русский музей). Открытый и твердый взгляд, скромность, чувство собственного достоинства — такими предстают перед нами художник и его жена. Подчеркнутое уважение и внимание к женщине — тоже черта времени, порывающего с домостроевскими нравами. В портрете «первого российского солдата» С. Л. Бухвостова (неизвестный художник начала XVIII в., Русский музей) изображен один из тех рядовых людей, что

⁶⁵ См. «Портрет петровского времени». Каталог выставки. Л. 1973.

⁶⁶ «Письма русских государей и других особ царского семейства. Переписка имп. Петра I с государынею Екатериною Алексеевною». М. 1861, стр. 44.

вынесли на своих плечах тяготы Северной войны и обеспечили России выход к морю. В надписи на гравюре с этого портрета, выполненной известным гравером петровского времени М. И. Махаевым, о Бухвостове сказано: «Был росту среднего, силен, тверд, скромн и весьма воздержан»⁶⁷.

Портрет петровского времени по своим художественным достоинствам стоит много выше повестей той поры. Но и он не настолько глубоко проникает в психологию, чтобы раскрыть ту сложную борьбу старого и нового, которая шла в людях переломного времени. Сохранилось несколько портретов фельдмаршала Б. П. Шереметева кисти разных художников⁶⁸. Все они рисуют импозантный облик воячины, лишнего, по-видимому, каких бы то ни было сомнений. Между тем Шереметев вел жизнь, полную внутреннего мучительного разлада. Верно служа Петру, получая высшие почести и награды, этот человек не смог до конца принять новую культурно-политическую ориентацию⁶⁹.

Тенденции развития новой культуры

Уже на начальном этапе новой культуры выявляются ее характерные черты. Это культура складывавшейся русской нации. Складывание нации — процесс, как известно, длительный. В основе его лежит фактическое слияние всех областей страны «в одно целое. Слияние это... вызывалось усиливющимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»⁷⁰. Поэтому для создания «национальных связей» не требовалось феодальной церкви, которая выступала в качестве «наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции... феодального строя»⁷¹. Соответственно падает и значение религиозной культуры. Возникает и все более усиливается потребность в светских знаниях, в светской науке, в их распространении среди более широких, чем прежде, слоев народа. Средневековое искусство, средневековая литература перестают отвечать на тревожные вопросы людей, стремившихся разобраться в проблемах «бунташного» XVII в., а затем в еще более сложных — века «осмнадцатого».

Новая культура — это светская национальная культура, возникшая как результат и одновременно как необходимый компонент складывавшейся нации (как известно, в определение нации входит понятие «общности культуры»). И нация, и национальная культура конца XVII — первой половины XVIII в. — это еще начальный их этап, скорее тенденция, чем зрелое явление.

Какое же имело значение для самой культуры то, что она сбросила церковные оковы и стала светской? Необычайно расширились возможности культуры адекватно отражать жизнь и влиять на развитие ее многообразных явлений. Вместе с тем, разумеется, увеличился творческий потенциал людей, ставших на позиции новой культуры. «Смысл бытия человека заключается в свободной творческой деятельности, в практическом переустройстве мира»⁷². Религиозные догмы сильно ограничивали его творческое начало. Теперь же ответы на жгучие вопросы жизни он стал искать не на небе, а в окружающей действительности. Появление в середине XVIII в. М. В. Ломоносова, который своим творчеством охватил чуть ли не все отрасли культуры, есть и результат, и обобщение первого этапа развития светской культуры.

Только светская школа могла дать знания, необходимые для строительства городов, флота, разведки полезных ископаемых и т. д. Но одновременно она формировала людей, способных воспринимать и творить новую культуру. Школа воспитывала желание и привычку читать книги, собирать библиотеки. Книга расширяла кругозор, острела мысль, звала в путешествие, воспитывала вкус. Для художественной литературы и

⁶⁷ «Портрет петровского времени», стр. 136—137.

⁶⁸ Там же, стр. 88—89, 106, 149, 240.

⁶⁹ См. А. И. Заозерский. Фельдмаршал Шереметев и правительственная среда петровских времен. «Россия в период петровских реформ». М. 1973.

⁷⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 153—154.

⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 361.

⁷² П. В. Копнин. Гносеологические и логические основы науки. М. 1974, стр. 300.

искусства светскость дала возможность обратиться к исследованию человеческой личности во всех ее проявлениях. Возникли вновь или приобрели качественно новый характер виды и жанры литературы и искусства, в средневековье мало развитые или даже запретные. Например, инструментальная музыка, скульптура, портрет, театральное искусство.

Второй характерной чертой новой культуры можно назвать решительный поворот к активному общению с культурами других европейских народов, слом средневековой замкнутости. Эту черту нередко обозначают термином «европеизация». Как известно, им широко пользовался В. И. Ленин. При этом под «европеизацией» он понимал сложный процесс, продолжавшийся еще и в начале XX века⁷³. «Европеизация» была закономерна и необходима. И дело вовсе не в отсталости России. Отсталость, конечно, влияла на формы и характер «европеизации». Но главное, во-первых, в том, что Россия вступила на тот путь исторического развития, по которому уже шли передовые европейские страны; развитие русской культуры определялось теми же закономерностями. Во-вторых, общение культур, усвоение достижений различных народов — это не «особенность» России, а всеобщая закономерность.

Те, кто с излишней настойчивостью подчеркивают (или отрицают) «заимствования» русской культурой у «Запада», часто просто не знают фактов общения и «заимствования» культур, например, итальянской и французской, французской и английской, немецкой и славянских и т. д. Кроме того, не было и до сих пор не существует единой культуры «Запада». Есть национальные культуры различных европейских народов, развивающиеся по общим закономерностям и имеющие много общих черт. Но все они своеобразны и индивидуальны. Однако «своеобразие и индивидуальное лицо культуры создается не путем самоограничения и сохранения замкнутости, а путем постоянного и требовательного познания всех богатств, накопленных другими культурами и культурами прошлого»⁷⁴. Это значит, что в условиях нового времени искусственное сохранение замкнутости, отказ от богатств, накопленных другими народами, обрекал русскую (так же, как и любую другую) культуру на застой. В конечном счете это могло вести именно к лишению богатства индивидуального выражения и национального своеобразия. Чтобы быть национальной, русская культура должна была быть и европейской. Передовые люди России это хорошо понимали.

Не следует думать, что русская культура всегда только «получала» что-то от других культур. Постепенно, все нарастая, шел процесс взаимообогащения. Для XVIII в. ограничимся лишь одним примером. Ученый мирового масштаба математик Л. Эйлер писал: «Я и все остальные, имевшие счастье состоять некоторое время при Русской имп. Академии, должны признать, что тем, чем мы являемся, все мы обязаны благоприятным обстоятельствам, в которых мы там находились. Что касается собственно меня лично, то при отсутствии столь превосходного случая я бы вынужден был заняться другой наукой, в которой, судя по всем признакам, мне предстояло бы стать лишь кропотливым... Я всем обязан своему пребыванию в Петербургской Академии»⁷⁵.

Третья характерная черта, на которую хотелось бы обратить внимание, — это чрезвычайное ускорение по сравнению со средневековьем темпов развития культуры. Несомненна взаимосвязь всех этих черт культуры. Действительно, устранение церковных ограничений на пути творческой мысли способствовало ускорению роста научных знаний, искусства, литературы. Общение с культурами других народов позволяло идти вперед, используя их достижения. Речь идет не только о народах других стран. Вспомним глубокую мысль профессора Московского университета Н. Н. Поповского — ученика М. В. Ломоносова. По его мнению, в России имелась особенно благоприятная обстановка для развития философии, так как различные народы России живут «в искреннем и дружелюбном взаимодействии», а также и потому, что многообразие естественных условий открывает богатые возможности для научных наблюдений⁷⁶. Пусть Н. Н. Поповский несколько

⁷³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 371.

⁷⁴ В. Д. Лихачева, Д. С. Лихачев. Художественное наследие Древней Руси и современность. Л. 1971, стр. 5.

⁷⁵ «История Академии наук СССР», Т. I. М.-Л. 1958, стр. 71.

⁷⁶ «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.», Т. I, М. 1952, стр. 91.

идеализировал положение в России, но самая мысль его была справедливой. В XVIII в. формировались и крепили связи культур народов России. Путешествия ученых (например, С. П. Крашенинникова, И. И. Лепехина, В. Ф. Зуева)⁷⁷ расширяли знания об общественном строе, быте, верованиях, производственных навыках других народов и способствовали ускорению развития культуры. Наблюдения за верованиями различных народов убедили профессора Московского университета Д. С. Аничкова в земном происхождении религии⁷⁸. Это, в свою очередь, содействовало эволюции светской научной мысли. Недаром диссертация Д. С. Аничкова вызвала озлобленную реакцию церковных кругов.

А теперь попробуем взглянуть на вопрос с иной стороны. Равнозначны ли понятия «новая культура» и «культура XVIII века»? Иными словами, полностью ли победили и стали господствующими во всех отраслях культуры, во всех слоях народа те черты национальной русской культуры, которые характеризовались выше как новые? Конечно, нет. Не было полной победы, так же как не было плавного, равномерного движения вперед, по пути прогресса. Наоборот, резкие порывы, яростная борьба, крайняя неравномерность охвата новой культурой различных сторон жизни, разных отраслей культуры — вот что бросается в глаза при знакомстве с культурой XVIII века. Иначе и не могло быть. Кризис средневековой культуры, становление новой были выражением глубинных социально-экономических процессов, затрагивавших коренные интересы общественных классов, внутриклассовых групп и каждого человека в отдельности.

Россия XVIII в. — страна феодально-крепостническая. И в этом факте следует искать причины особенностей культуры того времени, характера возникавших перед нею проблем, способов разрешения этих проблем. Борьба крестьянства против усиления крепостного гнета, борьба дворян за упрочение своего политического господства — все это находило отражение в культуре, иногда прямое, иногда опосредованное. В период петровских преобразований «новое пробивало себе дорогу так же свирепо и беспощадно, как цеплялось за жизнь отжившее старое»⁷⁹. Но позиции тех, кто держался за старину, должны быть оценены различно. Позиция боярства и массы духовенства была реакционной. Спротивляясь новой культуре, они тянули страну назад, наносили ущерб национальным интересам. Крестьянство тоже нередко выступало противником новой культуры, упорно держалось за старину, хотя нужно учитывать, что оно было неоднородно и его разные категории и слои по-разному относились к различным сторонам культуры. Но для крестьян новая культура представлялась дворянской, а следовательно, враждебной. Она ассоциировалась в их глазах с усилением крепостничества. Слишком разительным было отличие в образе жизни дворян-помещиков и крестьян.

И все же ни в коем случае нельзя противопоставлять крестьянство, то есть большинство русского народа, новой культуре. Новая культура — национальная культура. Она была противоречивой. Но лучшее в ней связано с народной культурой, ибо народ создавал эту культуру. Уже во второй половине XVIII в. крестьянский вопрос станет главным в русской культуре; Н. И. Новиков поднимется на борьбу с помещичьим «жестокосердием»; А. Н. Радищев выступит с революционным призывом против крепостничества и самодержавия. Литература и искусство все чаще будут обращаться к народной, крестьянской теме, все чаще черпать из сокровищницы народного языка, музыки, песни. Постепенно новая культура будет захватывать все более широкие слои народа, и крестьянин потянется к этой культуре. Новая культура преодолевала в первую очередь то, что было связано с религиозно-церковным характером средневековой культуры. Но то, что оказалось бессмертным, что было создано народом, входило органично в новую культуру, придавая ей национальный колорит и своеобразие. Поэтому культура XVIII столетия имеет значение важнейшего этапа в истории отечественной культуры, а ее лучшие достижения живут и в наши дни.

⁷⁷ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки... СПб. 1755; И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия... по разным провинциям Российского государства. СПб. 1775—1805; «Путешественные записки Василия Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году». СПб. 1787.

⁷⁸ «Разсуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натуральной богопочитания...» [М. 1769].

⁷⁹ Н. П а в л е н к о. Петр I. М. 1975, стр. 75.

ПО МАРШРУТАМ БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ МАГИСТРАЛИ

А. И. Алексеев

Выступая перед делегатами XVII съезда ВЛКСМ, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил о Байкало-Амурской железнодорожной магистрали: «Эта стройка имеет огромное значение. Байкало-Амурская магистраль прорежет вековую тайгу, пройдет там, где лежат огромные богатства, которые надо поставить на службу Родине. Здесь будет создан большой промышленный район страны, воздвигнуты новые города и поселки»¹. Вот уже несколько лет в далекой сибирской тайге идет «стройка века». Советские люди с интересом следят за трудовыми делами молодых патриотов — строителей БАМ. А какова предыстория этой стройки? Что известно об открытии и освоении земель в районе современной трассы БАМ?

Начальные известия о районах, где ныне прокладывается новая железнодорожная магистраль, относятся ко времени прихода туда первых русских людей. Эти данные крайне неравномерно накапливались по мере освоения переселенцами новых земель, по мере продвижения их на восток, к берегам Тихого океана. Поэтому и первые сведения по истории и географии данного района относятся к западному участку нынешней БАМ: Тайшет — Усть-Кут — Нижнеангарск, то есть к району Лены, Ангары и Прибайкалья.

XVII столетие — время великих русских географических открытий, век землепроходцев и мореходов, первоначального освоения Сибири. Через нынешний головной участок БАМ проходили отряды землепроходцев, отправлявшихся на север и восток Сибири. От Братского острога, основанного в 1631 г., шли на Лену, плыли до Якутска (1632 г.) и держали далее свой путь М. Перфильев, В. Бугор, П. Бекетов, К. Иванов, И. Похабов, И. Ерастов, С. Дежнев, М. Стадухин, И. Стадухин, И. Москвитин и другие². Василий Бугор еще в 1628 г. с р. Идирмы, притока Илима, волоком перенес на р. Кут, а затем спустился по ней к Лене. Здесь он соединился с отрядом В. Хрипунова, вышедшим в 1628 г. из Енисейска. Далее они вместе двинулись по Лене³. В 1630 г. Бугор вернулся в Енисейск, оставив при устье р. Киренги и на р. Кут казаков для сбора ясака. Затем сюда по Илиму пришел Иван Галкин, перенес волоком на р. Кут и плыл по Лене. Так возникли Илимский, а затем и Усть-Кутский остроги⁴. Из Якутска по Алдану, Учтуру, через Становой хребет, по Зее на Амур, а затем по Амуру двигался в 1643—1645 гг. отряд Василия Пояркова. Оттуда же в 1649—1653 гг. через Олекминск (первое русское поселение — 1653 г.), по Олкеме, Урке, к Албазину и далее ходил Ерофей Хабаров⁵. В результате в Прибайкалье поднялись стены Верхнеленского (1641 г.), Нижнеангарского (1646 г.) и Иркутского (1661 г.) острогов, а на восточном берегу Байкала в 1648 г. — Баргузинского. Такие же остроги возникли в Забайкалье: Верхне-Удинский (1641 г.), Нерчинский (1654 г.), Селенгинский (1666 г.), а на Амуре — Албазин (1665 г.)⁶. Русские люди вышли к Тихому океану (1639 г.) и стали исследовать его берега⁷.

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 5. М. 1976, стр. 43.

² «История Сибири с древнейших времен до наших дней». Т. 2. Новосибирск. 1968, стр. 46—54.

³ Там же, стр. 46.

⁴ Там же, стр. 47.

⁵ Д. М. Лебедев, В. А. Есаков. Русские географические открытия и исследования. М. 1971, стр. 108—109.

⁶ «История Сибири...». Т. 2, стр. 48—49.

⁷ А. И. Алексеев. Охотск — колыбель Тихоокеанского флота. Хабаровск. 1958, стр. 10.

В XVIII в. началось научное изучение Сибири и Дальнего Востока, произошло открытие Северной Америки со стороны Тихого океана, открытие и исследование Алеутских и Курильских островов. Экспедиции В. И. Беринга, А. И. Чирикова, С. П. Крашенинникова, братьев Лаптевых, Е. С. Басова, М. В. Неводчикова, А. Толстых, И. П. Козыревского, С. Г. Глотова, Э. Г. Лаксмана, И. Г. Гмелина, Г. Ф. Миллера, И. Г. Георги и др. также проходили через головной участок современной БАМ⁸. Академические экспедиции И. Г. Гмелина и Г. Ф. Миллера, в 1736—1738 гг. исследовавшие Прибайкалье и совершившие переход по маршруту Братск — Усть-Кут, а также многочисленные поездки И. Г. Георги вокруг Байкала и в сторону от него в 1770—1774 гг. внесли важный вклад в изучение этого района⁹. И. Г. Георги совместно с С. М. Кашкаровым и другими знакомился с флорой окрестностей Иркутска и берегов Байкала. Он посетил остров Ольхон, а из Баргузина предпринял поездку в Забайкалье в поисках истоков р. Витима. Дважды пересек трассу БАМ Э. Г. Лаксман: в 1784 г. — из Иркутска в Усть-Кут и далее в Якутск и Охотск, и в 1796 г. — в районе р. Зея, возвращаясь из Удского острога в Нерчинский¹⁰.

Из большого количества русских научных экспедиций, которыми во всех направлениях были «презаны» Сибирь и Дальний Восток в XIX в., часть их охватывала Забайкалье и Приморье. В 1844 г. А. Ф. Миддендорф, возвращаясь из экспедиции на север и восток Сибири, повторил маршрут Э. Г. Лаксмана от Удского острога по Зее к Амуру¹¹. В 1850 г. началась исследовательская деятельность Амурской экспедиции под начальством Г. И. Невельского, охватившая территорию Нижнего и отчасти Среднего Приамурья и Сахалина¹². В 1852—1854 гг. участники этой экспедиции Д. П. Орлов, Н. М. Чихачев, Н. К. Бошняк, А. П. Березин описали и нанесли на карту районы р. Амгунь, озер Эворон и Чля¹³; Н. К. Бошняк в 1853 г. открыл и составил первую карту залива, названного им Императорским, к которому он относил и теперешний залив Ванина (ныне — Советская Гавань и порт Ванино) — конечный пункт трассы БАМ¹⁴. А участники экспедиции Г. Д. Разградский и Д. И. Кузнецов первыми прошли от устья Хунгари через перевал Сихотэ-Алинь по рекам Мули и Тумнин в Императорскую Гавань, то есть проделали путь почти по современной железнодорожной линии Комсомольск — Советская Гавань¹⁵.

Одновременно с Амурской экспедицией Г. И. Невельского и после нее на восточном участке современной трассы БАМ велись научные исследования Р. К. Мааком, Г. И. Радде, Л. И. Шренком, М. И. Венюковым, Н. М. Пржевальским и многими другими¹⁶. Большое значение имело путешествие Ф. Б. Шмидта со спутниками по пойме Амура и на Сахалин в начале 60-х годов XIX в., во время которого, в частности, сам Шмидт перешел из Николаевска до устья Амгуни, поднялся по ней, пересек водораздел, вышел на Бурею и по ней спустился на Амур. В 1859—1864 гг. на Среднем и Нижнем Амуре работала партия по обследованию лесов Приморья и Приамурья под начальством А. Ф. Будищева¹⁷, а затем там же были проведены исследования В. Л. Комаровым и путешествие знаменитого В. К. Арсеньева¹⁸.

Значительно увеличилось в прошлом столетии познания о западном и забайкальском участках современной трассы БАМ после изучения этого района Сибирской экспе-

⁸ А. И. Алексеев. Судьба Русской Америки. Магадан. 1975, стр. 24—99.

⁹ Н. Г. Сухова. Физико-географические исследования Восточной Сибири в XIX веке. М.-Л. 1964, стр. 12—14.

¹⁰ Н. М. Раскин, И. И. Шафрановский. Эрик Густавович Лаксман. М. 1971, стр. 158.

¹¹ А. И. Алексеев. Сыны отважные России. Магадан. 1970, стр. 220—224.

¹² Г. И. Невельской. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. Хабаровск. 1969.

¹³ А. И. Алексеев. Амурская экспедиция. 1849—1855 гг. М. 1974, стр. 66—67, 92—95, 171—172.

¹⁴ Там же, стр. 93—95.

¹⁵ Там же, стр. 171—172.

¹⁶ См.: А. И. Алексеев. Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX — начало XX в.). М. 1976; Н. М. Пржевальский. Путешествие в Усурийском крае, 1867—1869. СПб. 1870.

¹⁷ А. Ф. Будищев. Описание лесов части Приморской области. «Записки» Сибирского отдела имп. Русского географического общества (ИРГО). Кн. IX. Иркутск. 1867.

¹⁸ См. В. К. Арсеньев. Сочинения. Тт. I—II, М. 1945.

дицией Русского географического общества под руководством Л. Е. Шварца и экспедициями П. А. Кропоткина (1864—1866 гг.), И. А. Лопатина (1865 г.), А. Л. Чекановского (1872—1876 гг.) и И. Д. Черского (1872—1892 гг.), И. С. Полякова (1876—1877 гг.), а также после многочисленных ведомственных исследований и золотопромышленных изысканий¹⁹. Сибирская экспедиция ИРГО под руководством Л. Е. Шварца исследовала район р. Куанды до Витима, р. Витим в верхнем течении до р. Ципы, р. Баргузин, р. Ципу до устья и р. Верхнюю Ангару. В 1857 г. эта же экспедиция изучала пространство между р. Леной и Яблоневым хребтом до параллели устья Витима и вверх по Витиму до устья р. Амалата. А. Ф. Усольцев в это время побывал у истоков р. Чары, совершив путешествие от р. Горбицы и переправившись через правые притоки Витима Калар и Калакан²⁰. И. А. Лопатин во время Витимской экспедиции 1865 г. занимался изучением района верхней части Витима, оз. Байкал, р. Баргузин, оз. Джилинды, рек Витимкана, Б. Амалата, Ципикана, оз. Баунт²¹.

Важные результаты дали геологические исследования Байкала, проведенные П. Д. Черским и А. Л. Чекановским. Наиболее ощутимые плоды принесла Олекминско-Витимская экспедиция П. А. Кропоткина и И. С. Полякова, охватившая районы рек Муи, Бамбуйки и Ципы, верхнего течения Витима и оз. Баунт, произведшая геологические исследования и сделавшая, кроме того, сводку гипсометрических материалов (карт с изображением рельефа по горизонтали) предыдущих исследований. Для изучения истории района современной трассы БАМ важно, что экспедиция описала Витимо-Олекминское нагорье. Именно Кропоткин ввел в 1866 г. в географию названия Северо-Муйского и Южно-Муйского хребтов²². В те же годы были составлены первые карты долин рек Муи и Чары, равно как и всего бассейна Витима и Олекмы, в различных направлениях проделаны геологические разрезы. В 1874 г. топографическая экспедиция Л. А. Вольшева сняла побережье Татарского пролива от залива Ольги до залива Чихачева. Тогда и появился на карте залив Ванина, названный в честь топографа В. К. Ванина²³.

Экспедиция ИРГО 1890—1891 гг. под руководством В. А. Обручева произвела обширные геологические исследования в районе Патомо-Витимской горной страны и в долине Лены по направлению к устью Витима²⁴. Можно отметить также геологические исследования Северо-Муйского хребта в 1910 г. Мейстером, районов рек Муи, Ципы, Амалата, Нимикана и Энтикана в 1907—1912 гг. Свитальским, Половинкиным и Мейстером, а в 1911 и 1913 гг. — Северо-Западного Прибайкалья Тетеевым²⁵. Вот, по существу, те основные общегеографические исследования, которые производились до Великой Октябрьской социалистической революции в районе сооружения трассы БАМ, но еще не связанные с самой идеей создания магистрали.

Вопрос о сооружении железной дороги к северу от оз. Байкал в восточном, тихоокеанском направлении впервые возник при обсуждении возможных вариантов строительства восточной части Сибирской магистрали. Кроме южного направления через Иркутск и к югу от Байкала, выдвигались еще и северное. В 1887 г. А. П. Проценко предложил производить постройку дороги по кратчайшему пути: Красноярск — Братский острог — северная оконечность Байкала — по р. Верхняя Ангара через Витим — по рекам Зее и Бурее к Амуру в район Хабаровска, а оттуда — к Владивостоку. Прочитавший его записку начальник Томско-Иркутской экспедиции Н. П. Меженинов, поддерживая северный вариант дороги, «доказывал не только то, что она будет на 550 верст короче, но и то, что она, сравнительно с линией по южному направ-

¹⁹ П. Кропоткин, И. Поляков. Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции для отыскания скотопрогонного пути из Нерчинского округа в Олекминский. «Записки» ИРГО (по общей географии). Т. III. СПб. 1873, стр. 380—381; А. Л. Чекановский и др. Сочинения. Иркутск. 1962.

²⁰ «Труды» Сибирской экспедиции ИРГО. Физический отдел. СПб. 1868.

²¹ И. Л. Клеопов. И. А. Лопатин. Л. 1967.

²² П. Кропоткин, И. Поляков. Указ соч., стр. 380—381.

²³ Л. А. Вольшев. Русское побережье Тихого океана. «Известия» Сибирского отряда ИРГО. Т. 8, № 3—4. Иркутск. 1877.

²⁴ В. А. Обручев. История геологического исследования Сибири. Т. 4. М.-Л. 1937.

²⁵ И. Ф. Молодых, К. Н. Миротворцев, П. А. Хлудов, Е. П. Чертовских. Транспортиная проблема Восточной Сибири. М. 1930.

лению, пройдет по местности более удобной, пересечет меньше число хребтов при лучших технических условиях и при меньшем количестве земляных работ»²⁶.

Н. А. Волошинов совместно с инженером путей сообщения М. В. Чернецовым провели с 16 июля по 4 сентября 1889 г. изыскательские работы (глазомерную съемку и барометрическое нивелирование) по маршрутам Ангара — Лена и между Ангарой и долиной р. Муи на расстояние около 1200 верст. В это же время инженер путей сообщения Прохаско обследовал маршрут между реками Муя и Черный Урюм. Судьба материалов Волошинова не выяснена, но результаты проведенной им «железнодорожной разведки» и основные полученные выводы приведены в его докладе на заседании Восточно-Сибирского отдела ИРГО 19 октября 1889 года. Н. А. Волошинов, основываясь на собственных и других топографов изысканиях, сделал следующий вывод: «На основании результатов съемки и распросных сведений выяснилось совершенно точно наиболее выгодное направление железнодорожного пути от Ангары к северному углу Байкала и определилась длина этого пути» — по прямой около 400 верст, а по избранному направлению — около 700 верст. Но, по его мнению, «постройка и эксплуатация ее (дороги. — А. А.) вызовут громадные трудности и непомерные расходы»²⁷.

Изыскания Волошинова и Прохаско предопределили окончательное решение комиссии Русского технического общества (в составе которой были крупнейшие ученые А. И. Воейков, Н. А. Иосса, В. О. Герценштейн, И. В. Мушкетов, И. И. Стебницкий, А. А. Тилло, И. Д. Черский, Э. Ю. Петри) в пользу южного направления. На заседании этой комиссии 1 декабря 1890 г. был окончательно принят южный вариант строительства Сибирской магистрали: Златоуст — Челябинск — Курган — Ишим (или Петропавловск) — Омск — Канск — Кольвань — Томск — Ачинск — Красноярск — Нижнеудинск — Верхнеудинск — Сретенск. Для Уссурийской железной дороги был принят вариант от Владивостока до станции Буссе²⁸.

Ныне действующая Транссибирская магистраль строилась на всем ее протяжении отдельными участками с 1894 года. В 1896—1898 гг. была пущена железная дорога от Владивостока через Никольск-Уссурийский до Хабаровска, а сквозное движение от Москвы до Владивостока через Харбин и Никольск-Уссурийский началось в 1902 году. Великий Сибирский путь был первоначально построен по облегченным техническим условиям. Через Байкал с 1898 г. по 1905 г. до пуска в эксплуатацию Кругобайкальской железной дороги действовала паромная переправа. В 1908—1910 гг. осуществлялось переустройство линии от Омска до Карымской, где на расстоянии 3609 км был проложен второй путь. В 1910—1917 гг., также по несколько облегченным техническим условиям, сооружалась Амурская железная дорога. Она удлинила расстояние до Владивостока на 1300 км в сравнении с направлением через Харбин, но зато на всем своем протяжении пролегла в пределах русских границ.

Именно в связи с постройкой непрерывной Транссибирской магистрали, проходящей полностью по территории России, и необходимостью прокладки второго пути к востоку от Байкала возникли различные варианты второй Сибирской магистрали, проходящей севернее Транссибирской. Продолжалось не только обсуждение этой проблемы, но велись изыскательские работы. Дискутировался вопрос о строительстве Восточно-Сибирской железной дороги от станции Тайшет до соединения ее с Амурской железной дорогой у меридиана 89° для замены второй колеи на Кругобайкальской и Забайкальской железных дорогах. В последующие годы эта проблема возникала снова и снова. 1 февраля 1908 г. вопрос о Восточно-Сибирской железной дороге к северу от Байкала рассматривался в комиссии по железнодорожным вопросам, образованной на съезде представителей промышленности и торговли. Она высказалась «за необходимость до начала работ по устройству второй колеи на восток от Тайшета произвести подробное обследование местности с целью выяснения возможности и выгоды сооружения спрямляющей линии» по маршруту Тайшет — Ангара — Илим — Усть-Кут — Кирен-

²⁶ Н. А. Волошинов. Железнодорожная разведка между Ангарой и северной оконечностью Байкала. «Известия» Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Т. XX. Иркутск. 1889, стр. 5.

²⁷ Там же, стр. 11—13.

²⁸ «Труды» Комиссии Русского технического общества по вопросу о железной дороге через всю Сибирь. СПб. 1889—1890, стр. 4—6.

га — Улькан — Байкальский хребет — р. Витим — р. Муя — р. Амалат — р. Олекма — верховья р. Нерчи — р. Черная²⁹. В 1908 г. с изложением своей мотивировки строительства Северо-Байкальской железной дороги активно выступил инженер путей сообщения А. Н. Пушечников. Он призывал строить Северо-Байкальскую железную дорогу, присовокупив ее к проектировавшейся в те годы Амурской.

В те же годы все чаще высказывалась мысль о строительстве Ленской железнодорожной линии для связи с Ленскими золотыми приисками. Именно этим целям служили изыскания по направлению к Бодайбо инженера Половинкина. В 1911 г. инженеры Э. Михайловский и И. Афонин произвели изыскания по линии Тайшет — Братск и составили продольный профиль этой трассы. В 1914 г. Э. Михайловским снова были произведены инструментальные рекогносцировочные железнодорожные изыскания на трассе Иркутск — Бодайбо, но по несколько измененному направлению. На Байкальский хребет он поднимался по р. Кунерме и пересек его по Гуджокитскому перевалу; а затем по р. Тые. Обойдя северную оконечность Байкала, направился к Бодайбо. В том же году он произвел инструментальные рекогносцировочные изыскания от Усть-Кута до соединения с трассой Иркутск — Бодайбо (участок Усть-Кут — станция Кунерма), то есть предложил выход на восток до северного побережья Байкала Ленской магистральной, изысканной им же в 1911 году. Общая длина трассы 1914 г. от Усть-Кута до Нижнеангарска составила 446 километров³⁰. Последним до социалистической революции выступил в поддержку строительства железнодорожной магистрали на Бодайбо в 1915 г. инженер Г. В. Андриянов. Он рекомендовал вместо направления Тайшет — Бодайбо обратить внимание на связь бассейна Лены с Сибирской магистралью через Иркутск, от станции Иннокентьевская.

В досоветских изыскательских работах явно прослеживается общее их направление: не ограничиваться Транссибирской магистралью, а связать западный ее участок с Дальним Востоком второй колеей, севернее Байкала. Были разработаны также проекты других направлений, продиктованные необходимостью связать железнодорожной линией золотоносные Ленские прииски с центром Восточной Сибири Иркутском. Иногда появлялись и явно фантастические по исполнению для тех времен проекты. Один из них, предложенный в 1916 г. В. М. Воблым и А. А. Борисовым, предусматривал постройку Транссибирской железнодорожной магистрали в более северных широтах с выходом к заливу Аян.

После Великой Октябрьской социалистической революции развязанная контрреволюцией гражданская война, а затем восстановительный период отодвинули на время изыскательские работы по проблеме Северной Восточной магистрали. Но все же и в те трудные годы появлялись проекты новых направлений: Тайшет — Мама — Аян и Тайшет — Мама — Охотск (выдвинут Госпланом в 1924 г.), а также Северная Тихоокеанская железнодорожная магистраль (предложена в 1930 г. И. Ф. Молодых). Несмотря на незрелость этих проектов, они отличались чрезвычайной смелостью: были устремлены в будущее, пацелены на поиски второго Транссибирского пути с выходом к Тихому океану севернее Владивостока. К началу 30-х годов идея второй трассы не только «носилась в воздухе», но и имела под собой реальное основание в виде ряда изыскательских работ. Не случайно в 1931 г. Дальжелдорстрой Наркомата путей сообщения СССР произвел рекогносцировочные изыскания по направлению Ключи — Биренск — Бочкарево — Николаевск-на-Амуре, Большой Невер — Лена и Хабаровск — Советская Гавань.

Термин «Байкало-Амурская магистраль» впервые появился в апреле 1932 года³¹. Причем первоначально под этим термином понимался восточный участок трассы от станции Уруша до поселка Пермское, где строился город Комсомольск-на-Амуре. Для ее изыскания Наркоматом путей сообщения была создана специальная Восточно-Сибирская экспедиция технических изысканий («Востизжелдор») под руководством началь-

²⁹ Г. Андриянов, С. Чматов. Сеть железных дорог в будущем с приложением карты 55410 верст новых железнодорожных линий. СПб. 1900, стр. 89.

³⁰ «БАМТранспроект». Пояснительная записка. Изыскания Усть-Кут — Тынды, 1936. Технический архив Гипропромтрансстрой Министерства транспортного строительства СССР (далее — Тсхархив), стр. 4.

³¹ «Байкало-Амурская железнодорожная магистраль». Комсомольск-на-Амуре. 1945, стр. 73.

ника Д. И. Джусь и главного инженера А. П. Смирнова. На основании того же самого решения организовывалось управление строительством Байкало-Амурской магистрали. В 1932 г. было выбрано место стыковки проектируемой железнодорожной линии с Сибирской магистралью (Забайкальская железная дорога) — в 62 км к востоку от ст. Уруша, на разьезде Тахтамыгда. Это местечко и было названо Бам, Так на карте появилось новое, лаконично призывное, набатное слово.

Постепенно оформлялось и общее представление о Байкало-Амурской магистрали. Стало ясно, что железная дорога Уруша (Бам) — Комсомольск является составной (восточной) частью новой Транссибирской широтной магистрали Тайшет — Советская Гавань. Во второй половине 1933 г. «Востизжелдор» был реорганизован в Отдел технических изысканий Управления строительством БАМ.

Масштабы экспедиции Бам — Тында — Комсомольск были по тем временам весьма значительны: в нее входило около 40 партий и отрядов. Еще весной 1932 г. они в основном прибыли в г. Свободный, где формировалась экспедиция «Востизжелдора» и размещалось Управление строительством БАМ. В 1932 г. Западно-Сибирской экспедицией (начальник М. А. Петров) были произведены рекогносцировочные барометрические изыскания по маршруту Киренск — Бодайбо — Тында, являющемуся продолжением маршрута Тайшет — Лена, обследованного в 1932—1933 гг. инструментально. Более активные работы велись в 1933 г. под руководством Э. А. Нормана: изыскания от Тынды на запад до р. Нюкжа (устье р. Верхняя Ларба). На протяжении 100 км был обследован Олекминский становик и в верховьях рек Кудукан и Кувикта найдено первоначально седло Джалочи, наиболее удобное для пересечения трассой БАМ этого хребта. Железнодорожную магистраль предлагалось проложить по долине р. Геткан; вблизи ее устья, на правом берегу р. Тында, было выбрано место для станции, а напротив, на левом берегу — для города Тынды. С тех пор и пошел поселок Тындинский, та самая Тында, о которой совершенно справедливо и заслуженно так много говорится в сегодняшние дни. В 1933 г. были закончены окончательные изыскания на участке Тахтамыгда—Тында и начато строительство. На участке Тында — Усть-Ниман и далее на восток осуществлялись предварительные изыскания. На участке Усть-Ниман — Комсомольск были проведены тогда лишь неполные рекогносцировочные изыскания. В 1933—1934 гг. произвели и предварительные и окончательные изыскания железной дороги Волочаевка — Комсомольск и начали эту стройку. В 1934 г. Московская экспедиция технических изысканий НКПС осуществила предварительные изыскания железнодорожной линии Усть-Ниман (теперь Ургал) — Уссурийская железная дорога (теперь Известковый). В 1935—1936 гг. там велись окончательные изыскания и составлен технический проект. Полевая работа 1934 г. выполнялась шестью изыскательскими партиями, а в 1935—1936 гг. — четырьмя партиями.

На западном участке магистрали к 1932 г. в качестве начального ее пункта была окончательно установлена станция Тайшет. В 1932—1933 гг. Сибирская экспедиция из Новосибирска в составе пяти партий призвала изыскания на головном участке от Тайшета до р. Ангары. На восточном участке БАМ изыскания 1932 г. ограничились выбором месторасположения ст. Комсомольск и перехода через Амур, в 1933 г. проведена рекогносцировка спуска с хребта Сихотэ-Алинь к морю. Обсуждались два варианта выхода к Тихому океану: у Советской Гавани и у залива Чихачева (Де-Кастри). Этот вопрос окончательно был решен в 1934 г. в пользу Советской Гавани, и в мае того же года правительство дало указание Особому корпусу железнодорожных войск РККА развернуть окончательные изыскания, что и было сделано без каких-либо геологических работ³². Затем начались изыскания различных вариантов направления железнодорожной линии, которые продолжались в 1935—1936 гг., однако для составления технического проекта изыскательских материалов оказалось мало.

В 1936 г. была организована экспедиция Мостранспроекта «Усть-Кут — Тында», то есть по центральному участку всей БАМ. Начальником экспедиции стал Э. А. Норман. Тремя партиями производились изыскания от Усть-Кута до Ныйского села и от р. Кунермы до р. Муи, а также рекогносцировочные обследования остальных участков.

³² «Технический проект железнодорожной линии Комсомольск — Совгавань». М. 1947, стр. 5.

В результате в течение одного сезона двумя партиями было установлено направление участка в 1 тыс. км: Усть-Кут — Нижнеангарск — р. Муя через Гуджожитский перевал Байкальского хребта и Ангароканский перевал Северо-Муйского хребта. Правильность этого направления подтверждена всеми последующими изысканиями. В те годы велись и строительные работы. Насыпка земляного полотна автомобильной дороги Волочаевка — Комсомольск была начата в 1933 г. и закончена у Комсомольска в 1934 году. Затем это полотно и мосты были использованы под железную дорогу. В 1935 г. началась укладка железнодорожного пути до Комсомольска длиной 351 километр. К 1 июня 1940 г. была закончена сплошная укладка рельсов на протяжении 375 километров. Железная дорога Бам — Тында начала строиться в 1933 г., и в 1935 г. по ней было открыто рабочее движение. В 1941 г. НКПС принял дорогу во временную эксплуатацию, и в течение двух лет линия действовала, а затем в связи со строительством Сталинградской рокады верхнее строение и мостовые конструкции были сняты и отправлены под Сталинград.

Таким образом, с 1931 г., несмотря на уже установившееся мнение о необходимости строительства БАМ как второго Транссибирского железнодорожного пути, меры, принимавшиеся в этом направлении, изыскания и тем более само строительство велись неравномерно. Наиболее активными были работы, проводившиеся на восточном участке: Бам — Тында, Известковый — Ургал, Комсомольск — Советская Гавань, а также на участке Тайшет — Усть-Кут. На центральном участке исследовательские работы велись в меньшем масштабе, чем на других. Положение несколько изменилось после 1937 г., когда была создана единая организация, ведавшая делами БАМ, и началось применение авиации для изыскательских и других работ. В марте 1937 г. был создан «БАМТранспроект», в который передавались все изыскательские и проектные организации, работавшие на трассе³³. На «БАМТранспроект» возлагались производство изысканий и проектирование всей магистрали³⁴. В мае—июле на трассу прибыли из Таганрога пять гидросамолетов. Во главе «БАМТранспроекта» стал опытный организатор производства инженер Ф. А. Гвоздевский. Были образованы следующие комплексно-изыскательские экспедиции, работавшие в 1937—1946 гг.: Тайшетская, Ангаро-Ленская, Байкальская, Иркская, Витимская, Олекминская, Зейская, Норская, Селемджинская, Амурская, Тумнинская, Сихотэ-Алиньская и Приморская³⁵.

Решение о создании «БАМТранспроекта» исходило из резолюций XVII съезда ВКП(б). БАМ должна была положить начало более интенсивному развитию производительных сил этого региона и способствовать укреплению обороноспособности восточных районов Советского Союза. Она создавала второй, самостоятельный выход к Тихому океану, короче существующего на 450 км, и вызвала реконструкцию транспортных связей с Сахалином, Колымой и Камчаткой. Она позволяла, будучи связанной с имеющейся Транссибирской магистралью, маневрировать в обеспечении бесперебойных массовых пассажирских и грузовых перевозок. После XVII съезда партии вообще возросли темпы освоения этого края. Развитие промышленности вызвало приток населения, стали осваиваться новые территории. И БАМ должна была стать великим катализатором, ускоряющим процесс социалистического освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока.

В 1938 г. была восстановлена и частично перетрассирована линия Ургал — Известковая, проведены геологическое и гидрометрическое дообследования. Общее направление линии: Ургал — Чекунда — Таланджа — Кульдур — Известковая. Ее строительная длина — более 331 километра. По окончании изысканий началось строительство, которое было завершено 7 ноября 1941 г., когда было открыто движение. В печати отмечалась ударная работа изыскателей на трассе Ургал — Известковая. Газета «Гудок» высоко отзывалась о труде инженеров-изыскателей, представителей советской народной интеллигенции (А. Д. Жигин, И. Т. Ефимов, П. Н. Коваль, летчик А. П. Дворников и др.)³⁶. В 1939 г. в связи с начавшимся на отдельных участках БАМ

³³ «Байкало-Амурская железнодорожная магистраль», стр. 74.

³⁴ Там же, стр. 75.

³⁵ Там же, стр. 75—76.

³⁶ «Гудок», 26. III. 1939.

строительством «БАМТранспроект» был реорганизован в управление «БАМпроект»³⁷. Оно объединило все работы по изысканиям и проектированию магистрали. Геологические работы велись в контакте с АН СССР. В задачи управления входило: производство полевых, рекогносцировочных, предварительных и окончательных изысканий, производство инженерно-геологических, аэросъемочных и прочих исследований для строительства в районах вечной мерзлоты, составление проектных заданий, технических проектов, смет, чертежей.

По-прежнему основное внимание уделялось продолжению работ на восточном участке БАМ, в частности на участке Комсомольск — Советская Гавань. До 1939 г. здесь был произведен ряд изысканий, которыми обследовались пять вариантов линии. В результате сравнения вариантов лучшим оказался Мулинский, в основе которого лежало использование долин рек Верхней Удомы, Мули и Тумнина. Этот вариант и был утвержден³⁸. Для изысканий организовали Тумнинскую экспедицию «БАМпроекта» во главе с П. К. Татаринцевым. Она состояла из девяти трассировочных партий и большой проектной группы. Кроме них, было 10 геологических, 5 гидрометрических партий и экспедиция из четырех партий для изыскания источников водоснабжения. Предварительные изыскания велись с мая по июнь 1939 г., а окончательные — с июня 1939 г. по февраль 1940 года. Одновременно с изысканиями и проектированием начались строительные работы. Изыскатели и проектировщики сдавали строителям уже отработанные ими участки. По проекту должны были строиться 16 больших, 50 средних и 276 малых мостов и три тоннеля совместной длиной 2809 метров. Общая проектная длина дороги составила почти 444 километра.

К 1941 г. была освоена линия с запада на 130 км и с востока на 50 км, велись работы по устройству Сихотэ-Алиньского тоннеля на правом берегу Амура и станций Комсомольск, Пивань, Хунгари, Советская Гавань (Сортировочная). Но началось Великая Отечественная война, и строительство было законсервировано. Бамовцы, как и все советские люди, рвались на фронт. Были отправлены в Действующую армию летчики-аэрофотосъемщики. Они сражались самоотверженно, доказательством чему служат их многочисленные боевые награды и героические подвиги, за которые восьми летчикам, бывшим бамовцам, присвоено звание Героя Советского Союза. Бамовцы воевали на Волхове, у стен Ленинграда, на Калининском фронте; под Сталинградом они строили оборонительные сооружения. В Москву, где размещался «БАМпроект», из экспедиций летели телеграммы и заявления от изыскателей с просьбой считать их мобилизованными и отправить на фронт.

Создавшаяся в начале 1942 г. обстановка потребовала строительства рокадной железной дороги Сталинград — Камышин — Саратов. Непосредственно проектно-изыскательскими работами руководил П. К. Татаринцев, а общее руководство проектированием и строительством осуществлял Ф. А. Гвоздецкий. Строительство это было не просто скоростным, а сверхскоростным: в феврале начались работы, а 7 августа участок от Камышина до Сталинграда уже вступил в строй. Для строительства этой важнейшей магистрали были перебращены рельсы с участков Бам — Тында, Ургал — Известковая, а также со станции Карымская. Один из активных участников стройки и один из старейших изыскателей БАМ А. Д. Жигин впоследствии писал, что ввод в строй южного участка рокадной линии «позволил создать кольцо Поворино—Иловля—Петров Вал — Балашов. Кольцо дало возможность пропустить огромное количество поездов. Только за 20 дней эксплуатации участка было вывезено 23 тыс. вагонов ценного оборудования, 480 паровозов. Скопление этих вагонов и паровозов на подступах к городу-герою тормозило работу транспорта, задерживало продвижение воинских поездов, мешало быстрому перебазированию ценного эвакуированного оборудования из прифронтовых районов на восток. Участок позволил ускорить вывоз колоссальных ценностей Украины. Противник, узнавший о движении из Поворина к Сталинграду, начал усиленно бомбить этот участок. Горели станции и развязки. Но поезда шли и шли»³⁹. Затем настала очередь Северного участка и далее от Саратова до Вольска, который строили всю осень и первую половину зимы 1943 года. Важнейшее задание

³⁷ «Байкало-Амурская железнодорожная магистраль», стр. 3.

³⁸ «Технический проект железнодорожной линии Комсомольск — Совгавань», стр. 10, 13.

³⁹ А. Д. Жигин. Выстояли и победили. «Гвардия тыла». М. 1962, стр. 250.

партии и правительства было выполнено. Многие участники стройки были награждены орденами и медалями.

Едва закончилась Сталинградская битва, как изыскатели и строители БАМ получили новое правительственное задание: продолжать строительство конечного участка железнодорожной линии Бам — Комсомольск — Советская Гавань, законсервированной в связи с началом войны. Решением Государственного комитета обороны от 21 мая 1943 г. железнодорожная линия Комсомольск—Советская Гавань должна была строиться как однопутная магистраль нормального типа по облегченным техническим условиям⁴⁰. Окончание строительства предусматривалось 1 августа 1945 года. 25 мая 1943 г. было образовано «Строительство № 500» во главе с Ф. А. Гвоздевским и главным инженером Б. И. Цвелодубом. Сначала в него входили два треста: Нижне-Амурский (от Комсомольска до 250-го км) и Восточный (от 250-го км до Советской Гавани). Несколько позже создали третий трест, получивший название Перевального (от 187-го км до 304-го км)⁴¹. Трудностей было много: необжитый район, суровый климат, базальтовые и осыпные берега быстрых горных рек, тяжелейшие горные профили. На труднейшем участке, на перевале, скончался в ноябре 1943 г. один из активных изыскателей, начальник этого участка Арсений Петрович Кузнецов. Теперь это место на Сихотэ-Алине носит его имя — Кузнецовский перевал. Рельсы укладывались сразу с обоих направлений: от Амура и от бухты Вашина. С западной стороны на дорогу шли рельсы, частично снятые с железнодорожной линии Ургал — Известковая, с востока — доставлявшиеся в бухту Вашина рельсы из Канады. Изыскатели и строители сдержали свое слово и выполнили приказ Родины. Железнодорожная линия от станции Пивань до станции Советская Гавань-Сортировочная (порт Ваино) вступила в строй 20 июля 1945 года.

Закончилась Великая Отечественная война. Страна возвращалась к мирному, созидательному труду. Возобновилось и строительство Байкало-Амурской магистрали⁴². Сооружение головного участка Тайшет — Лена включили в план четвертой пятилетки с открытием движения до Братска во втором квартале 1948 года. Начальником строительства был назначен Ф. А. Гвоздевский, главным инженером — Н. К. Гильнер. Изыскания и проектирование выполнялись комплексными экспедициями: Тайшетской — до Братска и Ангаро-Ленской — до Усть-Кута. Уже в процессе предпостроечных изысканий 1946 г., несмотря на ряд существенных улучшений трассы и сокращение объемов работ по сравнению с 1939 г., стало ясно, что осуществить строительство в заданные сроки без изменения технических условий не удастся. Страна не могла в разгар послевоенного восстановительного периода выделить все нужные материальные ресурсы. Поэтому весной 1947 г. были утверждены облегченные технические условия, разрешавшие широкое использование дерева для строительства мостов и зданий⁴³.

Проведенные в 1947 г. повторные изыскания с помощью крупномасштабных планов аэрофотосъемки и удачно найденное новое решение трассы перевального участка позволили сократить объем работ на 47%, а число искусственных сооружений — вдвое. Дружный творческий труд изыскателей, проектировщиков и строителей на месте работ, продуманная организация строительства способствовали досрочному окончанию укладки рельсовой колеи до поселка Братск к 7 ноября 1947 г., то есть за два года с начала работ. В декабре 1950 г. рабочее движение было открыто до Усть-Кута (с паромной переправой через Ангару), а с пуском моста в июле 1951 г. начата временная эксплуатация железной дороги от Тайшета до Лены.

Еще летом 1945 г. были приняты меры по восстановлению строительства железнодорожной линии Ургал — Комсомольск, начатого в 1938 г. и прерванного войной (даже уложенный к началу войны путь был разобран). Проект 1939—1940 гг., представленный в 1941 г. к моменту реконсервации, уже не соответствовал современным требованиям. Были выработаны новые технические условия. Из Ургальской и

⁴⁰ «Технический проект железнодорожной линии Комсомольск — Советская Гавань». М. 1946, стр. 3.

⁴¹ Там же.

⁴² «Годовой отчет Томской конторы Желдорпроекта». Техархив, ед. хр. 49/47, 19—1.

⁴³ Там же.

Амгуньской экспедиций образовали единую — Амгуньскую, срок представления его окончательного проекта был установлен 1 мая 1948 года.

Продолжались изыскательские работы и на трассе Бам — Тында — Хандыга, причем активнее всего на участке Бам — Тында осуществляла их Якутская проектно-изыскательская экспедиция с применением авиации. При выборе направления Бам — Тында — Хандыга было аэровизуально обследовано Якутской экспедицией только в 1948—1949 гг. 9 тыс. км вариантов трассы, произведена маршрутная аэрофотосъемка с топографическими планами на 800 км, составлены сокращенные профили протяжением 1100 км, произведены наземные трассировочные и геологические обследования, гидрогеологическая съемка и ряд специальных работ. Кроме того, проведена инвентаризация и составлен технический проект восстановления участка Бам — Тында⁴⁴. В 1950—1953 гг. работы по этой линии велись в основном в районе Тында — Хандыга. Проектировался выход железнодорожной магистрали на Магадан.

Для исследования возможности сооружения еще одной, меридиональной железнодорожной линии в районе Забайкалья, связывающей Сибирскую магистраль с трассой БАМ, в 1946 г. была организована Читинская экспедиция «Желдорпроекта». Этот горнотаежный район Бурятской АССР был слабо изучен в географическом отношении. Поэтому для выбора основного направления линии на обширной территории от восточного побережья Байкала до Нерчинска были проведены аэрофотосъемочные и аэроизыскательские работы на площади 400 тыс. кв. км, а также наземные топогеодезические работы и инженерно-геологические работы по конкурирующим вариантам⁴⁵. В результате выбрали направление Чита — Верхнеангарск, по которому произвели предварительные изыскания и составили проектное задание линии. Для нескольких участков были сделаны карты, что явилось значительным вкладом в географическое изучение центральных районов Бурятии. Однако вскоре работы на Байкало-Амурской магистрали были законсервированы. У государства не хватило тогда средств для осуществления строительства.

В результате изыскательских работ 30-х—50-х годов было выбрано генеральное направление трассы Байкало-Амурской магистрали, в основном сохранившееся и в последующем за исключением района пересечения р. Зеи и небольших отклонений в других местах. Широкое применение получила аэрофотосъемка. В значительной степени благодаря этому для всех районов трассы были созданы крупномасштабные карты и планы, без которых невозможно вести изыскания. В те годы велись геологические исследования на всей трассе БАМ, особенно в местах повышенной сейсмичности: изучалась вечная мерзлота, отработывалась методика строительства железных дорог в условиях сейсмичности и вечной мерзлоты. Накопленный опыт изыскательских и строительных работ помогает современным строителям при решении самых сложных задач. В те же годы были построены головной и конечный участки БАМ: Тайшет — Усть-Кут (Лена) и Комсомольск — Советская Гавань; линии, примыкающие к БАМ и связывающие ее с Великим Сибирским железнодорожным путем: Волочаевка — Комсомольск — Бам — Тында, Ургал — Известковая. Строительство Байкало-Амурской магистрали уже тогда дало существенный толчок промышленному развитию Дальнего Востока и некоторых районов Восточной Сибири. Особенно это стало заметно на конечном участке магистрали, где возникли Комсомольск-на-Амуре, Советская Гавань и крупный современный порт Ванино.

Партией и правительством было решено продолжить строительство некоторых участков БАМ в восьмой пятилетке. Тогда же появились и новые проекты. Предлагались иные варианты второго выхода к Тихому океану, в частности Усть-Кут — Пеледуй — Олекминск — Саняхтах — Покровск — Усть-Юдома — Усть-Маймакан — Чумикан — Бурукан. От этой генеральной линии предполагалось вести нефтепровод (от Бурукана) на Сахалин через мыс Лазарева — Погоби, а от станции Усть-Юдома проектировалась ветка на Охотск — Магадан — паром через залив Шелихова (Пенжинский) на Камчатку.

⁴⁴ «Якутская железнодорожная магистраль». Алдан. 1949, стр. 6—7; Техархив, ед. хр. 41/49, 1—1.

⁴⁵ «Выбор направления железнодорожной линии Чита — Верхнеангарск». Кн. 1. Чита. 1947; Техархив, ед. хр. 97/47, 1—1.

С 1967 г. вопрос о строительстве БАМ снова стал на повестку дня. Были развернуты изыскания и проектирование БАМ на новой технической и материальной основе, что стало возможным в период развитого социализма. Это отразилось также на выборе направления и расположения трассы между фиксированными пунктами захода магистрали, так как ныне изменились представления о природных особенностях района, в частности о его сейсмичности; стали иными и условия прокладки трассы в связи с осуществляемым или намечаемым строительством гидростанций, вызывающим образование водохранилищ на местах, где ранее проектировалась трасса БАМ. Было подвергнуто ревизии основное направление магистрали, в частности рассмотрены Бодайбинский, Чульманский и Удский варианты, отклоняющие трассу к северу, а также Бомнакский и Туонский варианты.

Если раньше магистраль рассчитывалась на малый объем перевозок с использованием паровой тяги и малым весом поездов, позволяющим строить короткие станционные пути, то теперь положение коренным образом изменилось: магистраль рассчитана на прогрессивные виды тяги (электрическую и тепловозную) и тяжелые грузовые поезда весом до 9 тыс. т, что требует сооружения огромных депо, производственных и служебных зданий и автоматизированной системы управления движением поездов. По-новому решается прокладка наиболее трудных участков трассы, например, пересекающих Северо-Муйский и Кадарский хребты. Почти 1000-километровый отрезок дороги от Тынды до Ургала вынесен теперь из зоны затопления водохранилищами ГЭС и не потребует применения удвоенных тяговых средств. Проектом предусматривается сооружение современных поселков железнодорожников. Генеральное же направление Байкало-Амурской магистрали осталось примерно таким, каким его наметили в годы первых пятилеток.

Трудовой подвиг первоизыскателей и первостроителей крупнейшей стройки нашей страны обрел продолжение в делах строителей 70-х годов в качественно новом масштабе. Уже вступила в строй линия Бам — Тында. Она потянулась дальше на север, на Беркамит. Через великую Лену и широкий Амур перекинулись красавцы мосты. На карте БАМ появились станции Таюра, Звездный, Магистральный. Пошли километры стальной магистрали на западном участке. Сооружаются тоннели. Растут города и поселки. Неся дальше эстафету БАМ, но уже в условиях создания материально-технической базы коммунизма, современные строители приумножают героические дела первостроителей социализма. XXV съезд КПСС постановил продолжить строительство БАМ. Советский народ твердо уверен в том, что в десятой пятилетке вступят в строй новые очереди БАМ.

СТРАНИЦЫ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО ЕГИПТА

И. П. Беляев

В последние годы в Египте развернута кампания против политического наследия покойного президента Гамаль Абдель Насера. Подвергаются ожесточенным нападкам его внешнеполитический курс, антиимпериалистическая борьба, идеалы социальной революции в стране. В данном очерке предпринята попытка показать, как твердо и последовательно выступал Насер в защиту подлинной независимости Египта, с каких позиций наносил удары по ее врагам — старым и новым колонизаторам. Факты свидетельствуют, сколь вздорны утверждения врагов Египта, будто решение его национальных проблем должно находиться в руках тех самых империалистических кругов, которые поддерживают агрессию Израиля против арабов.

При всей сложности его социальной позиции, при всей неправильности его негативного отношения к египетским коммунистам нельзя забывать, что Гамаль Абдель Насер был выдающимся сыном своей страны. Он выше всего на свете ценил и защищал то, что способствовало развитию и процветанию Египта. Не случайно, а закономерно, что тогда одновременно с антиимпериалистическим курсом и борьбой против внутренней арабской реакции росла и крепла дружба Египта с Советским Союзом, другими социалистическими странами. Насер считал эту дружбу стратегическим фактором, действие которого постоянно умножало возможности противостояния Египта всем его врагам. Он не представлял себе египетского патриота, который мог бы отвергать эту дружбу. Подрывать же ее могли только враги.

Одной из страниц недавнего прошлого Египта является его борьба против британского империализма еще в те годы, когда премьером Англии был Иден. Антони Иден видел Насера всего один раз, да и то по дороге из Лондона в Бангкок зимой 1955 года. Он сделал специальную остановку в Каире, чтобы посмотреть на молодого египетского президента. Иден не ожидал от встречи многого. Больше всего его беспокоила начатая Насером кампания против Багдадского пакта, причинявшая Англии немалые неприятности¹.

Насер часто и много думал о позиции Лондона². Еще до того, как в ночь на 23 июля 1952 г. «Свободные офицеры», секретная патриотическая военная организация в египетской армии подвела верные себе пехотные и танковые части к стратегическим пунктам в Каире и перекрыла шоссе, ведущие в Александрию и Суэц, чтобы низложить короля и захватить власть в стране, лидер будущего переворота мучительно размышлял о возможной позиции Англии. Конечно, в Лондоне не смирятся с потерей «своего короля», каким был для англичан Фарук. Англия оккупировала Египет 70 лет, и у нее было достаточно средств, чтобы воспротивиться перевороту. Британские войска все еще стояли в зоне Суэцкого канала, а их командующий генерал Эрскин был настроен весьма агрессивно. Насер знал, что тот выступал за военное вмешательство «в случае необходимости». Ну, а изобразить требуемую «необходимость» английская печать могла довольно легко. Даже для Каира! Лишь настоятельная рекомендация английского посла в Египте Ральфа Стивенсона не рисковать вовремя удержала Идена от принятия пагубного решения. В то время британский министр иностранных дел, хотя и с трудом, но еще прислушивался к трезвым голосам.

В день совершения переворота Египет одержал победу над империализмом. Еще одна британская интервенция в Египет не состоялась³. 26 июля 1952 г. бывший король Фарук отплыл из Александрии в Италию без какой-либо надежды на возвраще-

¹ «The Memoirs of Sir Anthony Eden». L. 1960, p. 220.

² M. Heikal. Nasser. The Cairo Documents. L. 1972, pp. 75—118.

³ «The Memoirs of Sir Anthony Eden», p. 240.

ние в свои дворцы и на египетский трон. В стране началась революция. Но у будущего премьер-министра Англии оставались возможности для ретанша. Иден довольно спокойно взирал на происходившее в Каире после переворота даже тогда, когда в каирских газетах был опубликован закон об аграрной реформе, хотя она наносила удар как по крупным египетским помещикам, так и по крупным капиталистам, на которых англичане всегда делали главную ставку.

Когда Фарук был легко свергнут и египетская монархия лежала в руинах, взоры многих противников новой, революционной власти невольно обратились к «Братьям мусульманам»⁴. Эта религиозная и в то же время политическая ассоциация, созданная в 1928 г. при прямой поддержке англичан, вначале ратовала всего лишь за «создание мечети», пробуждение чувства правоверных. Затем она перешла к активной борьбе за влияние и за власть. «Братья мусульмане» встретили начало июльской революции с надеждой на то, что восставшие офицеры, будучи неопытными политиками, в конце концов обратятся к ним, вручат им судьбу правительства, а сами возвратятся в казармы. Ничего похожего не случилось. Совет революционного командования (СРК), созданный немедленно после падения Фарука, даже начал притеснять «братьев». Тогда руководители ассоциации объявили Насеру форменную войну. Его провозгласили «врагом Аллаха № 1». На Насера было организовано несколько покушений⁵. Они закончились неудачно.

Для Насера, всегда стремившегося учитывать все «за» и «против» в начавшейся египетской революции, проблема «Братьев мусульман» никогда не была однозначной. Он, вероятнее всего, понимал, что руководители ассоциации представляли в Египте крайне правую реакцию. За их спиной, как и прежде, стояли англичане, рассчитывавшие их руками взорвать новую власть в Каире. Они действовали скрытно и, как правило, не давали повода для обнародования каких-либо материалов о своих связях с ассоциацией. Насер тщательно учитывал необычайно сильную религиозность египтян. Феллахи и городской люд считали свою духовную жизнь «запретной зоной» для кого бы то ни было. Лозунги «Братьев мусульман» находили у них живейший отклик. И даже поддержку. Насер не рискнул немедленно после начала революции поднять руку на «Братьев мусульман», что было бы просто опасным предприятием. Он сделал это только после того, как стала очевидна причастность ассоциации к попыткам устранить его физически и совершить контрреволюционный переворот. Ускорила развязку связь генерала М. Нагиба с «Братьями мусульманами». Номинальный лидер «Свободных офицеров» с помощью ассоциации намеревался навязать Египту «старый порядок». В ноябре 1954 г. Нагиб, после того как ему предьявили доказательства его регулярных контактов с руководителями «братьев», покинул все занимаемые им руководящие посты.

Ассоциация немедленно ушла в глубокое подполье, а англичане лишились еще одной возможности влиять на египетскую революцию. Египет одержал еще одну важную победу⁶. Хотя всеобщую войну «Братьям мусульманам» Насер тогда еще не объявил. Такая война требовала всесторонней подготовки. Для Насера гораздо важнее было сначала добиться ухода британских солдат из Египта. Соглашение об эвакуации Англией ее базы в зоне Суэцкого канала было подписано 19 октября 1954 г., но его еще предстояло выполнить...

Стивенсон прислал Насеру приглашение на обед в честь Идена со специальным посольским курьером. Сэр Ральф знал Египет, превосходно разбирался в сложнейших арабских проблемах. В течение всей своей многолетней службы в британском внешнеполитическом ведомстве посол решал одну задачу: стремился содействовать укреплению позиций Англии на Ближнем Востоке. Многие ему удавалось, чему, конечно, способствовали огромный опыт и тонкая политическая интуиция. Разумный совет посла Идену не идти на интервенцию в Египте после выступления «Свободных офицеров» в июле 1952 г. был не просто дальновидным. Стивенсон (возможно, лучше, чем другие британские дипломаты) представлял, к чему приведет столь рискованный шаг:

⁴ См. R. P. Mitchell. The Society of the Muslim Brothers. L. 1969.

⁵ «The Memoirs of Sir Anthony Eden», p. 259.

⁶ R. P. Mitchell. Op. cit., pp. 154—155; «The Memoirs of Sir Anthony Eden», p. 257.

Британская империя в этом районе мира окажется разрушенной гораздо раньше, чем можно было себе представить!

Посол Англии в Каире ждал приезда Идена со смешанным чувством. Ему, примерному службисту, отмеченному лаской королевы (отнюдь не все послы ее величества становятся сэрсами!), могло казаться, что глава британского внешнеполитического ведомства поймет, наконец, что методы прежней имперской политики для Египта уже не годятся. Если бы Иден, встретившись с Насером, представил себе нечто подобное, многое для Англии можно было бы еще спасти на Ближнем Востоке. Когда стало известно, что Насер присоединится к участникам обеда в посольстве, настроение Стивенсона явно поднялось. Протокол, коему египтяне всегда придавали немалое значение, на этот раз не оказался помехой. Их президент вовсе не был шокирован тем, что Иден в то время был только заместителем премьер-министра.

Зимой 1955 г. английское посольство в Каире уже было не больше, чем символом катастрофического упадка Британской империи на Ближнем Востоке. Египетская национально-освободительная революция потрясла ее основы. Она, несомненно, способствовала мощному подъему антиимпериалистической борьбы арабских народов. Став одним из ответов на трагедию палестинцев, бывшую результатом империалистических интриг на Ближнем Востоке, начавшаяся в Египте революция все четче проявляла свой освободительный характер. Понимал ли происходившее Иден? Вряд ли, хотя слишком многие признаки грядущих бед для англичан обозначались все яснее. Насера в то время не покидала мысль о выполнении англо-египетского соглашения об эвакуации⁷. Для Египта выполнение этого соглашения могло стать началом новой эры — эры подлинной свободы. Ведь он одной из первых арабских стран добился формальной независимости! Египет обрел ее еще в 1922 году. Но чего на деле стоила эта независимость! Особенно после того, как Каиру был навязан англо-египетский договор 1936 года. Насер знал, что именно Иден подписал этот договор от имени Великобритании. Теперь предстояла встреча не только с прошлым английской политики на Ближнем Востоке, но и с ее будущим...

Иден, в смокинге с черным галстуком-бабочкой, ослепил Насера подлинно итотовской улыбкой. Нескрываемое удивление египетского президента вызвало обращение к нему английского министра иностранных дел по-арабски⁸. «Этого можно было бы и не делать», — поморщился Насер. Он не любил отвечать на заранее подготовленные фразы только ради того, чтобы показать, что собеседнику не чужд его родной язык⁹. Английский министр иностранных дел представил Насеру свою жену леди Клэрисс, стройную даму в длинном вечернем платье. Она искренне пожалела, что египетский президент приехал один. Ей, судя по всему, очень хотелось посмотреть на жену молодого офицера, заставившего отречься от престола короля Фарука.

Иден продолжал удивлять Насера, начав несколько пространно рассуждать о Коране, арабской поэзии и даже об арабской литературе. Он не без иронии, правда скрытой, заметил, что в молодости мечтал стать арабистом. — «Я даже думал, — заметил Иден, — а не посвятить ли мне свою жизнь изучению арабских проблем? Но, знаете ли, мировая политика оказалась более впечатляющей!»¹⁰. «Как неизбывна привязанность англичан к арабской легенде, — подумал Насер. — Нет, они недаром ставили такие фильмы, как «Багдадский вор», воскресивший героев сказок Шехерезады. И сегодня им кажется, что политику на Ближнем Востоке делают бедуинские воины, эмиры племен, кочующих по пустыням Аравии. Их руками англичане когда-то совершали чудеса. Лоуренс Аравийский, Гертруда Белл, наконец Джон Багот Глэбб: разве не эти имена захватывали воображение тех, кто когда-либо пытался постичь неведомое — секрет успеха британской имперской политики в арабских странах, в том числе в Египте? Вот и Иден повторяет, по существу, то же самое. Неужели английские политики еще не поняли, что времена меняются, и меняются стремительно!»¹¹.

⁷ А. Хамруш. История революции 23 июля. Ч. 2. Бейрут. 1975 (на араб. яз.), стр. 11—39.

⁸ М. Нейкал. *Op. cit.*, p. 79.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Из беседы автора с Г. А. Насером в июле 1962 года.

Насер подумал, что между ним и английским министром иностранных дел продолжалась не заочная политическая дуэль, длившаяся уже несколько лет, а началась жаркая схватка за завтрашний день арабов. Иден напомнил Насеру о временах, приятных Лондону: о договоре 1936 года. Да, он действительно скрепил его своей подписью от имени Англии. За Египет договор подписал лидер Вафда, влиятельной помещичье-буржуазной партии, Нахас-паша и лидеры других египетских партий крупных землевладельцев, компрадоров и национальных капиталистов. Их всех вместе с женами пришлось везти в Лондон, чтобы продемонстрировать «единство» в отношении Англии¹². По необычайно злой иронии судьбы благодаря именно этому договору, разрешившему египетскому правительству создание собственной армии, Насер в 1937 г. поступил в Каирскую военную академию и менее двух лет спустя стал офицером. А всего через 15 лет он вместе со своими товарищами, вошедшими в организацию «Свободные офицеры», начал революцию...

Насер не упустил возможности повернуть разговор с Иденом. Он искренне заметил английскому министру, что очень доволен соглашением между Египтом и Англией об эвакуации английских войск из зоны Суэцкого канала. «Я надеюсь, — продолжал Насер, — что оно положит начало новым египетско-английским отношениям. Я готов сделать максимум возможного, посвятить всю свою жизнь его выполнению. Единственное, что заставляет нас быть подозрительными в отношении намерений Англии в Египте, — Багдадский пакт».

«Почему Вы так настроены против Багдадского пакта?» — тотчас же спросил Иден. Насер напомнил о своем разговоре с Дж. Ф. Даллесом в 1953 г., когда тот приезжал в Каир. Тогда он терпеливо разъяснял государственному секретарю США, что Египет не намерен вступать ни в какой военный пакт, направленный против Советского Союза. Причина столь решительной позиции была единственной: Советский Союз не угрожал арабам. Насер откровенно сказал Идену, что Египет никогда не присоединится к какому-либо западному пакту.

— Я знаком со всеми подобными доводами, — небрежно бросил в ответ Иден. — Однако я хотел бы знать, почему Вы подвергаете нападкам таких честных политических деятелей, как Нури Саид?¹³ Или Хашимитскую династию в Ираке? Неужели только потому, что она верит в Багдадский пакт?

— Я не выступаю против кого бы то ни было лично, — продолжал Насер. — Однако я глубоко убежден, что самая идея создания Багдадского пакта разделяет арабский мир и имеет своей целью изолировать Египет. Ирак, наверное, вступит в пакт. Затем то же самое может сделать Сирия. Ее шаг, возможно, повторит Иордания. Вообразите себя на нашем месте, и Вы, господин Иден, многое поймете¹⁴.

Иден, разумеется, не хотел воображать себя на месте президента Египта. Он и без разъяснений Насера отлично представлял себе генеральную цель Багдадского пакта. Мысль о создании Багдадского пакта, участия в нем США и Англии пришла Идену в связи с его попытками спасти британские имперские позиции на Ближнем Востоке, подорванные к тому времени весьма основательно. Поэтому на будущий военный союз возлагались слишком большие надежды. Во-первых, он должен был стать важнейшим звеном в цепи агрессивных империалистических блоков вокруг Советского Союза. В частности, соединить НАТО с СЕАТО. Такая роль Багдадского пакта должна была гарантировать ему поддержку США. Он вписывался в печально известную схему антикоммунистических союзов Дж. Ф. Даллеса, разработанную применительно к его доктрине «возмездия». И в то же время Иден стремился исключить возможное участие Франции в Багдадском пакте. Не только потому, что она была занята в Алжире, где 1 ноября 1954 г. началась национально-освободительная война. С Англии достаточно было одного конкурента на Ближнем Востоке — США. С двумя конкурентами в одном пакте А. Идену было бы справиться трудней. Во-вторых, консервативное правительство в Лондоне полагало, что новый военный союз даст Англии возможность сильнее влиять на арабские страны, в том числе на Египет, где развертывалась национально-освобо-

¹² «The Memoirs of Sir Anthony Eden», pp. 224—225.

¹³ Нури Саид — консервативный арабский политик, ярый сторонник союза с Англией, в 1955 г. премьер-министр Ирака.

¹⁴ M. H e i k a l. Op. cit., p. 80.

дательная революция. С помощью Багдадского пакта ее можно было остановить, даже убить или, в худшем случае, направить в спокойное русло ничего не значащих реформ. В-третьих, А. Иден считал, что договор о создании нового военного союза на Ближнем Востоке заменит старые колониальные договоры, например, укрепит положение англичан в Иордании. Он писал в своих мемуарах:

«Я был обрадован, услышав новость о том, что премьер-министр Ирака Нури Саид подготавливал план усиления пакта Лиги арабских государств путем включения в него Турции с помощью Соединенного Королевства и США. Он договорился о встрече с турецким премьер-министром Мендересом и полковником Насером, чтобы обсудить свою идею. Насер был сильно настроен против. Однако Турция столь же сильно поддерживала идею Нури Саида. Мендерес посетил Багдад в январе 1955 года. Перед тем, как он покинул иракскую столицу, два премьер-министра объявили о своем намерении заключить пакт о сотрудничестве. К нему могли присоединиться другие заинтересованные страны района. Соглашение было подписано 24 февраля (1955 г.). Я полагал, что мы могли бы полностью поддержать эту инициативу, несмотря на то, что египетское правительство оказывало давление на Ирак с целью заставить его отказаться от идеи Нури Саида. Была возможность, что этот пакт мог бы вырасти в ближневосточный вариант НАТО»¹⁵.

В последней процитированной фразе — квинтэссенция замыслов Англии на Ближнем Востоке в середине 50-х годов. Она стремилась с помощью Багдадского пакта решить весь сложный комплекс собственных проблем в арабских странах¹⁶. Насер же своей непримиримостью мешал реализации английских планов. Вот почему он становился врагом У. Черчилля и А. Идена. Столпы британского империализма, вероятно, все чаще вспоминали в то время об «упущенных возможностях» не допустить опасного для Англии поворота событий в Египте. А что, если вокруг самого Египта и существовавшей в нем революционной власти, рассуждали некоторые консервативные политики в Лондоне, создать обстановку непримиримости и даже ненависти со стороны других арабских стран? В этом случае у новой власти в Каире не будет иного выхода, как подчиниться. Вынужденно, но все-таки подчиниться. В этом случае господа офицеры во главе с Насером отправятся в казармы. Разве такой финал начавшейся революции в Египте плох? В египетском правительстве снова появятся привычные для англичан лица, и с ними можно будет поладить, а не спорить без надежды на успех. Возможно, англичанам даже придется уйти из зоны Суэцкого канала, но только при условии, что Египет вступит в Багдадский пакт, а Англия приобретет право возвращаться в ту же зону по своему усмотрению. И не только в случае действительной угрозы своим позициям на Ближнем Востоке, но и во время маневров того же НАТО или Багдадского пакта.

— Откровенно говоря, — продолжал английский министр иностранных дел, — нас мало беспокоит Ваша оппозиция Багдадскому пакту. Англия готова вступить в переговоры с Египтом. Мы могли бы обсудить египетские проблемы. Однако Англия не в состоянии одобрить позицию Египта в отношении арабских стран¹⁷.

Насер особенно обостренно воспринимал роль своей страны в арабском мире¹⁸. Египет всегда был признанным лидером арабов. Все, что происходило в Каире, немедленно отзывалось мощным политическим эхом во всех арабских столицах. Действительно, Египет не только самая большая арабская страна. С июля 1952 г., после того, как Совет революционного командования приступил к важным социальным преобразованиям в стране — аграрной реформе и другим, его роль в арабском мире стала ведущей, прогрессивной. Иден, как и другие британские политики, ничего подобного понимать не хотел. Он мерил происходившее на Ближнем Востоке на старый имперский аршин¹⁹.

— Вряд ли позволительно забывать о том гигантском значении, — продолжал Иден, — которое имеет для Англии арабская нефть. Какой бы аспект ее Вы ни взяли, господин президент, стратегический или экономический. — Английский министр иностранных дел (наконец-то!) говорил правду. На Британских островах не было сво-

¹⁵ «The Memoirs of Sir Anthony Eden», pp. 219—220.

¹⁶ Ibid., pp. 221—222.

¹⁷ M. Heikal. Op. cit., p. 81.

¹⁸ A. Nutting. Nasser. L. 1972, p. 89.

¹⁹ «President Gamal A. Nasser's Speeches and Press-Interviews». Cairo. 1958, p. 182.

ей нефти. Все «черное золото» ввозилось в Англию с Ближнего Востока. Иран, Ирак, страны Аравийского полуострова для Лондона всегда были прежде всего источниками нефти и нефтепродуктов. Их потребляли не только английская промышленность и сухопутный транспорт, но и королевский военно-морской флот, торговые корабли, обеспечивавшие то самое мировое морское могущество, которое в послевоенное время существенно отличалось от морского могущества в недавнем прошлом. Если раньше это понятие базировалось на размере военно-морских флотов, то теперь оно сводилось прежде всего к способности метрополии обеспечить свою торговлю на морях мирового океана. Не будь гарантированного судоходства по Суэцкому каналу, Красному морю и Баб-эль-Мандебскому проливу, по которым день и ночь шли танкеры с нефтью и гигантские сухогрузы под британским флагом, английскому благополучию мог бы быть нанесен чувствительный удар...

— Скажите, господин министр, — обратился Насер к Идену, — какая из сурь Кораана Вам понравилась больше других?.. Конфронтации не состоялось. Спустя несколько минут президент Египта откланялся и уехал. Когда Насер сел в поданную автомашину, его взгляд всего на несколько мгновений встретился с глазами сэра Ральфа. В них он прочел почти отчаяние... — Я был очень рад повидаться с Вами, посол! — сказал ему Насер. Дверца лимузина захлопнулась. Ворота с вензелями Елизаветы II стояли настежь. На улице большая толпа ожидала выезда своего президента...

Британский министр иностранных дел улетел из Каира уверенным в успехе своей политики в этом регионе. В Багдаде, где он сделал следующую остановку, Иден попросил Нури Саида действовать и «не обращать внимания на оппозицию Насера». Насер же принял свой разговор с Иденом очень близко к сердцу²⁰. «Он разговаривал со мной, как принц с бродягой!» — раздраженно заметил египетский президент, рассказывая своему окружению о встрече с британским министром²¹.

Египетская печать умножила нападки на Багдадский пакт. В Каире журналисты не жалели слов, искренне разоблачая замыслы английского империализма на Ближнем Востоке. В египетских газетах то и дело появлялись статьи, показывающие прислужничество Аднана Мендереса и Нури Саида перед Лондоном и Вашингтоном, их личную заинтересованность в том, чтобы с помощью Англии и США защитить себя и свой режим. Багдадский пакт очутился в политической осаде, что обеспечило в конце концов убийственный эффект. Разумеется, для Англии. Сирия категорически отказалась даже обсуждать вопрос о присоединении к пакту. Насер после получения этой обрадовавшей его новости немедленно вспомнил о предсказании Идена, смысл которого сводился к тому, что нападки Египта на английское детище не приведут ни к чему. Скверно для Англии складывалась обстановка в Иордании. Лондону никак не удавалось навязать королю Хусейну обязательство вступить в пакт. Что только не утверждали тогда британские дипломаты: и невозможность примирить Насера с Хашимитами, и что им приходилось навязывать арабам совместный с США военный союз. Вот если бы англичане действовали, как прежде, в одиночку, тогда бы вокруг Багдадского пакта не было никакого шума. Уж они-то всегда были искусными «тихими дипломатами»!

Подобного рода суждения, доходившие до Насера через печать и со страниц конфиденциальных докладов, вызывали у него только улыбку и уверенность, что империалисты на Ближнем Востоке по-прежнему не могут понять непоколебимого нежелания арабских народов подчиняться их влиянию. А старые испытанные средства, обеспечивавшие колониальный эффект в прошлом, отказывали. Секрет нарастающего успеха насеровской кампании против Багдадского пакта был прост: Египет защищал свою независимость, первые успехи разворачивавшейся антифеодальной и антиимпериалистической революции. Англия же вела на Ближнем Востоке форменные арьергардные бои, хотя ее политики себе в этом не признавались. Для нее новый пакт стал той самой «последней крепостью», стены которой уже не выдерживали огня тех, кто непрестанно атаковал империализм в данном районе. Когда специальная египетская военная миссия прибыла в Лондон для ведения переговоров о получении английских танков «Центурион», за которые заплатил еще Фарук, ей было заявлено, что танки будут отгружены,

²⁰ A. Nutting. Op. cit., p. 89.

²¹ M. Heikal. Op. cit., p. 81.

если Египет прекратит нападки на Багдадский пакт²². Иден превосходно знал, что Насер нуждается в современном оружии, и решил воспользоваться этим. Британский министр иностранных дел понимал, что, если ему не удастся остановить египетскую прессу, широко известную в других арабских странах, могло случиться самое страшное: Багдадский пакт мог бы остаться на бумаге...

У. Черчилль ушел в отставку. 6 апреля 1955 г. Елизавета II поручила сформировать новое правительство Англии его преемнику на посту лидера консерваторов сэру Антони Идену²³. Для Насера полученная в тот день новость из Лондона была не из приятных. Президент Египта отдавал себе отчет в том, что Иден по-прежнему будет уделять Ближнему Востоку особое внимание. Тем более что новый британский премьер-министр считал себя арабистом! Старые привязанности дают о себе знать и в политике. Насер учитывал, что обстановка в других районах мира складывалась для Англии отнюдь не благоприятно. Если вспомнить, что арабская нефть приобретала для Западной Европы все большее значение, то положение Египта после прихода Идена к власти могло серьезно осложниться.

Насер негласно распорядился создать специальный комитет, которому поручил разобраться в возможных последствиях факта появления нового британского премьер-министра для англо-египетских отношений²⁴. В него вошли несколько послов и специалистов-экспертов. Председателем комитета президент попросил быть доктора Махмуда Фавзи²⁵. Насер всегда испытывал к этому видному египетскому дипломату и юристу особое уважение, считал его непревзойденным знатоком проблем международного права. Едва перед Египтом возникала необходимость выступить с какой-то политической инициативой по тому или иному вопросу, как Насер неизменно обращался за консультацией к Фавзи. Тот не отказывал молодым офицерам в помощи, понимая, что в основе предполагаемых мер лежат идеи защиты национальных интересов Египта. Последнее обстоятельство неизменно побуждало Фавзи относиться к поручениям Насера архидобросовестно. Комитет пришел к весьма примечательным выводам: Иден, несмотря на то, что пост министра иностранных дел в его правительстве займет Селвин Ллойд, будет наверняка продолжать оставаться «главой собственного внешнеполитического ведомства». Иными словами, новый британский премьер не перестанет проводить внешнюю политику Англии по собственному разумению; Иден, не без основания утверждали эксперты, сыграет в своем новом качестве особую роль на Ближнем Востоке. Он знал историю района. К тому же все объективные наблюдатели, как считал комитет, должны обязательно учитывать, что Черчилль создал «особые» отношения Англии с США, обеспечив «оборону» Англии (с помощью НАТО) за счет американцев. США же монополизировали Дальний Восток. Единственной «английской сферой» в полной мере оставался Ближний Восток²⁶. Ему-то Иден наверняка и посвятит значительную часть своего времени и энергии.

Комитет попытался наметить основные направления, на которых, как считали эксперты, новый британский премьер-министр сосредоточит свои усилия: Иден попытается предвосхитить действия США в аравийских княжествах. Англия должна опередить американцев. Разумеется, для того, чтобы ослабить позиции США на Аравийском полуострове. К весне 1955 г. там уже имело место столкновение между английскими и американскими нефтяными компаниями. Поддерживаемый Англией султан Маската изгнал людей «Арамко»²⁷ из оазиса Бурайми, на который претендовала Саудовская Аравия, и конфисковал принадлежавшее им поисковое оборудование. На первый взгляд стычка не должна была иметь слишком громких последствий. Однако когда Иден появился в Белом доме, чтобы обсудить с президентом США Д. Эйзенхауэром важные проблемы Западной Европы, он был крайне удивлен, обнаружив на столе генерала подробную крупномасштабную карту Аравийского полуострова. Президент

²² Ibid.

²³ R. Churchill. The Rise and Fall of Sir Anthony Eden. L. 1959, p. 194.

²⁴ M. Heikal. Op. cit., p. 81.

²⁵ Фавзи — с 1952 г., после переворота в Каире, стал послом Египта в Лондоне, занимал посты министра иностранных дел, премьер-министра, вице-президента страны.

²⁶ Речь идет о выводах египетских экспертов.

²⁷ «Арамко» — сокращенное название американской нефтяной компании «Арабизн-Америкэн Ойл компани», действующей в Саудовской Аравии.

США не хотел начинать никаких переговоров до тех пор, пока британский премьер-министр не обсудит с ним (да еще в деталях) проблему Бурайми! Члены комитета Фавзи знали о случившемся в Вашингтоне от Насера. А он получил доверительную информацию о разговоре Эйзенхауэра с Иденом из первых рук — от Сауда, короля Саудовской Аравии, претендовавшей на оазис Бурайми с давних времен и пользовавшейся в этом поддержке США. Поэтому, предполагали члены комитета, британский премьер-министр наверняка попытается сплотить аравийские княжества под эгидой Англии, чтобы они возможно более активно противостояли притязаниям США в этом районе Ближнего Востока. Еще одной задачей Идена явится осуществление его старого желания — обеспечение вступления арабских стран в Багдадский пакт. Наконец, третьей задачей нового премьер-министра могла стать попытка изолировать Египет. Только после достижения этой цели Иден сможет рассчитывать на «нейтрализацию» Насера. Тогда нападки египетской печати на Багдадский пакт Лондону будут не страшны!²⁸

Египтянам с наступавшей угрозой можно было бороться по-разному. В частности, в Каире раздавались призывы пойти путь к «примирению» египетских и английских интересов на Ближнем Востоке. В самом деле, размышляли сторонники подобного подхода, что нам стоит прекратить действительно резкую кампанию против Багдадского пакта? То есть, не вступая в пакт, ослабить напряженность в отношениях с могущественной Великобританией. Нет, эти люди не были предателями. Они скромно, но настойчиво взывали к осторожности, предпочитая ей все остальное. Примиренцы, или, как их называл Насер, «оппортунисты», испытывали страх перед возможностью новых столкновений с Лондоном: англичане нас все равно побьют или в любом случае обманут. Смелости, твердости, необходимых для борьбы за суверенитет Египта, у них никогда не было. Насер пошел по другому пути. По пути продолжения борьбы против империализма на Ближнем Востоке. Он назвал призывы примиренцев капитулянтскими. Последнее выражение немедленно подхватила египетские журналисты-демократы. Оно стало символом позорного пресмыкательства перед империализмом. Позиция Насера была сильной, отвечала жизненно важным интересам Египта, пользовалась поддержкой народа. Прежде всего потому, что она учитывала стремление египтян восстановить свое национальное достоинство, попранное колонизаторами.

Насера никогда не покидало еще одно соображение. Вместе с другими членами Совета революционного командования, взявшего на себя после переворота 23 июля 1952 г. функции высшего законодательного и исполнительного органа Египта до восстановления гражданского правления, он опасался усиления влияния левых в стране. Возглавленная Насером секретная военная организация «Свободные офицеры» выражала устремления прежде всего средних социальных слоев Египта. Амплитуда их политических колебаний была очень большой. Однако в лице египетских левых, прежде всего коммунистов, лидеры «Свободных офицеров» из-за своей классовой природы и ограниченности с самого начала революции видели конкурентов в борьбе за власть. Насер ни в коем случае не хотел выпускать из своих рук лидерство в антиимпериалистической борьбе египетского народа, демонстрируя, что армия, как и 23 июля 1952 г., продолжает стоять во главе революции. Со своей стороны, египетские левые, все демократические элементы страны в весьма сложных условиях оказывали все возросшее влияние на ход национально-освободительной революции в Египте.

Разумеется, английские политики были далеки от учета внутреннего политического фактора в Египте. И продолжали совершать все новые и новые ошибки. Лавина выступлений египетской печати и радио против Багдадского пакта давала знать о себе все острее. Нури Саид даже обвинил Англию в том, что английское правительство... примирилось с подрывной деятельностью Насера! В Лондоне не нашли ничего лучшего, как произвести демарш перед Вашингтоном и обвинить американцев в том, что они не предпринимают ничего против президента Египта²⁹. США по-своему тоже были заинтересованы в создании Багдадского пакта. Им никак не хотелось, чтобы в новом военном союзе на Ближнем Востоке по старой привычке командовала Англия, а потому они не спешили с присоединением к пакту и уж тем более не хотели предпринимать что-либо против Насера. Он им казался возможным союзником. Американские полити-

²⁸ М. Н e i k a l. Op. cit., pp. 81—82.

²⁹ Ibid., p. 82.

ки рассчитывали потеснить Англию в Египте. Дж. Ф. Даллес, тогда государственный секретарь США, рассчитывал окружить Советский Союз цепью сориентированных на Запад агрессивных военных союзов. Он называл ее «оборонительным барьером» против «русского коммунизма».

Даллес рассчитывал решить еще две задачи: не допустить, как он выражался, «проникновения» Советского Союза на Ближний Восток и всемерно укрепить там позиции США. Зная об антианглийских и антифранцузских настроениях арабов, Даллес не спешил с поддержкой нового военного союза, создание которого инспирировала Англия. Выступая по радио 1 июня 1953 г. (после возвращения из своей поездки на Ближний Восток), государственный секретарь США заметил, что система коллективной безопасности в данном случае должна появиться в результате «усилий изнутри». Это было недвусмысленно истолковано как предложение в адрес Англии предоставить арабам возможность самим проявить инициативу в деле создания военного союза, а не навязывать им Багдадский пакт. Любой другой вариант Даллес считал просто нереальным. В одном из не увидевших свет его меморандумов прямо указывалось: «Английские позиции (на Ближнем Востоке.— И. Б.) слабеют настолько быстро, что их уже невозможно восстановить. Английские войска, все еще находящиеся в районе, стали скорее фактором нестабильности, чем стабильности... Нет никакого уважения к Франции как к политической силе... Израильский фактор и ассоциация США (в умах людей) с французским и английским колониализмом и империалистической политикой стали жерновами, вращающимися вокруг нашей шеи». Бюро по делам Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии госдепартамента убедило государственного секретаря, что статус полного члена Багдадского пакта настроит против США не только Насера, но и других арабских лидеров, у которых были сильны антианглийские, антиколониалистские настроения³⁰. Однако Даллес хотел добиваться американских целей на Ближнем Востоке, не портя внешне своих отношений с Англией. Именно это соображение продиктовало его решение о присоединении США к Багдадскому пакту... в качестве «наблюдателя»³¹.

У Франции всегда были немалые интересы на Ближнем Востоке, а тем более в Северной Африке. До 1956 г. арабский Магриб — Тунис, Алжир, Марокко и Мавритания — находился в прямой или косвенной зависимости от нее. После того, как Франции пришлось примириться с независимостью Туниса и Марокко, Алжир и Мавритания еще оставались ее владениями. Французские правительства считали свои интересы в Северной Африке для метрополии жизненно важными и осуществляли в этом регионе неизменный политический курс, направленный на их защиту. Географически этот регион примыкал к Южной Европе, омывался водами Средиземного моря. Ну, а это практически, любили повторять в те годы в Париже, — сама Франция! В начале 50-х годов обстановка на Ближнем Востоке и в Северной Африке в значительной степени регулировалась Тройственной декларацией. Обнародованная в мае 1950 г., она была производным англо-франко-американской политики в регионе, реакцией империалистических держав на израильско-арабское перемирие, заключенное в 1949 году. Важнейшей частью декларации являлось взятое на себя Англией, Францией и США обязательство контролировать поставки оружия в страны Ближнего Востока. Предусматривались политические консультации на этот счет между Лондоном, Парижем и Вашингтоном, что на первых порах вселяло уверенность в действия французской дипломатии как в арабских странах, так и в Израиле.

После начала 1 ноября 1954 г. национально-освободительной войны в Алжире отношения Франции с Египтом резко ухудшились. Затем то же самое произошло в отношениях с другими арабскими странами. Они поддержали алжирских патриотов, что было вполне естественным. Давал о себе знать общий подъем антиимпериалистического национально-освободительного движения на Ближнем Востоке. В ответ Франция все активнее поддерживала Израиль, став в середине 50-х годов основным поставщиком оружия для его армии, что неминуемо привело к дальнейшей эрозии франко-арабских отношений. Премьер-министр Франции социалист Ги Молле тоже считал Насера врагом Франции на Ближнем Востоке № 1. Ухудшением франко-арабских отношений по своему воспользовались как Иден, так и Даллес. Еще в 1945 г., выступая на пресс-

³⁰ T. Hoopes. *The Devil and John Foster Dulles*. Boston—Toronto. 1973. p. 322.

³¹ R. Love. *Suez. The Twice Fought War*. N. Y. 1969. p. 194.

конференции, генерал де Голль заявил: «На Ближнем Востоке Франция по причине своего интеллектуального, духовного и морального влияния, на базе своих особых связей с арабскими странами, в течение веков играет кардинальную роль. Со своей стороны, Англия, вообще говоря по несколько иным причинам, особенно по торговым, и руководствуясь заботой о морских путях, тоже играет в этих же странах важную роль, которую она всегда хотела играть...»³². Из этого заявления генерала де Голля следовало, что после окончания второй мировой войны Франция, пусть нехотя, но все же считалась с английскими интересами на Ближнем Востоке. Чего нельзя было сказать об Англии! Выступив с инициативой создания Багдадского пакта, Иден с самого начала исключил участие в нем французов.

Для Дж. Ф. Даллеса ослабление позиций Франции в арабских странах сулило реальную возможность усиления позиций США на Ближнем Востоке. Вашингтон не замедлил воспользоваться тактикой Идена. Американский государственный секретарь практически с самого начала даже не ставил вопроса о привлечении Франции в новый пакт. В Париже это знали и соответственно оценивали позицию Дж. Ф. Даллеса. Франция и Израиль, каждый по своим причинам, выступили против Багдадского пакта. В Вашингтоне всегда отдавали себе отчет в том, что Египет—ключевой район Ближнего Востока. Только после овладения им можно было начать думать всерьез о распространении влияния США на весь район. В госдепартаменте эксперты по арабским странам постоянно напоминали, что Турция, а после начала кризиса Османской империи и Англия некогда укрепляли свои империи захватом Мальты и Египта. Именно Мальта и Египет были теми двумя важнейшими территориями, овладение которыми открывало продвижение на Восток, обеспечивало путь в теплые моря Индийского океана... Эта формула немедленно напомнила о себе после того, как Суэцкий канал связал кратчайшим путем Европу с Азией. Позднее Египет превратился в узел воздушных сообщений между тремя материками. К первым двум добавилась Африка.

Англия всегда опиралась в своей политике на Ближнем Востоке на арабские страны. В конце концов, дело не только в нефти. Как решающий фактор политики это проявилось еще в годы первой мировой войны. Чувствуя себя уверенно в отношениях с арабами, Лондон мог не беспокоиться за свои позиции в Иране, Индии, всей Азии, на Дальнем Востоке, хотя в этом районе мира после второй мировой войны англичанам приходилось все чаще отступать. Естественно, что в связи с этим Египет становился для внешнеполитического и колониального ведомств Англии³³ архиважным. В августе 1955 г. английский министр иностранных дел Селвин Ллойд заявил египетскому послу в Лондоне, что Лондон готов прекратить свои усилия, направленные на вовлечение других арабских стран в Багдадский пакт, если Египет прекратит свои нападки на пакт³⁴. Ллойд действовал явно с учетом качеств традиционных арабских политиков того времени, которых англичане неплохо знали. Речь идет об элементе сделки в любой их акции. Англия предлагала Египту что-то вроде обмена: в ответ на прекращение вербовки арабских стран в Багдадский пакт Каир должен был пойти на равноценный ответный политический шаг в пользу Лондона. Ллойд конфиденциально заверял египетского посла, что заключалось джентльменское соглашение. Оно вступало в силу немедленно.

Вслед за этим шагом последовал еще один. Его предпринял сам британский премьер-министр. В ноябре 1955 г. Иден, выступая с речью в Гилдхолле (Лондон), предложил план урегулирования арабо-израильского конфликта. Базой соглашения конфликтующих сторон должны были стать новые границы Израиля «между линиями перемирия 1949 года и линиями раздела Палестины в 1947 году»³⁵. Арабы восприняли речь главы английского правительства с удовлетворением, что свидетельствовало об их стремлении не только отказаться от казавшейся непримиримости в отношении Израильского государства, но и заключить с ним мирный договор, который положил бы конец спору вокруг вопроса о его существовании. Президент Египта немедленно заявил,

³² Ph. de Saint Robert. Le feu de France en Méditerranée. P. 1970, p. 15.

³³ В Англии в 1955 г. наряду с министерством иностранных дел существовало министерство колоний.

³⁴ M. Heikal. Op. cit., pp. 82—83.

³⁵ R. Stephens. Nasser. A Political Biography. L. 1971, p. 167.

что речь Идена содержит конструктивные элементы, которые могут стать основой дискуссии³⁶. Следовательно, в 1955 г., даже после израильского рейда на Газу³⁷, Египет в отличие от Израйля был готов к урегулированию израильско-арабских проблем. Условием урегулирования, по мнению Насера, могло стать стремление учесть как права израильтян, так и права палестинских арабов, как и арабов вообще.

Дискуссия не состоялась. Как показали последовавшие за речью Идена в Гилдхолле события, Англия на деле не хотела способствовать в 1955 г. достижению какого-либо соглашения о признанных границах Израйля. Если бы ее действия не были откровенно спекулятивными по своему характеру, то, возможно, не случилось бы многих кризисных ситуаций на Ближнем Востоке как в 50-е, так и в 60-е годы³⁸. В Каир начала поступать информация, что Иден катастрофически быстро теряет качества уверенно и последовательно действующего государственного деятеля. Насер склонялся к мысли, что британский премьер-министр заболел³⁹. В английской прессе появились статьи, подтекст которых заключался в констатации отсутствия лидера и твердого руководства у консервативной партии. Авторы некоторых из них выражали откровенную тревогу за будущее интересов Англии на Ближнем Востоке.

Неожиданно Иден, вопреки обязательствам Ллойда, направил фельдмаршала Г. Темплера в Амман с целью принудить Иорданию вступить в Багдадский пакт⁴⁰. Насер пережил несколько трудных недель. Англичане обманывают Египет! Значит, те, кто утверждал, что бывшая метрополия все равно получит выгодные для нее политические преимущества на Ближнем Востоке, но в ущерб национальным интересам Египта, были правы? Он не хотел верить в такой ход событий. Но ему пришлось это сделать. Несколько иорданских министров сообщили Насеру, что посетивший Амман президент Турции Джелаль Баяр энергично уговаривал короля Хусейна дать согласие на присоединение Иордании к пакту⁴¹. В самой Иордании произошли волнения, пало правительство. В различных городах страны начались стычки между войсками, полицией и участниками демонстраций, протестовавшими против вступления Иордании в Багдадский пакт. Хусейн отказался подчиниться нажиму. У него не было другого выхода. Он спасал трон и себя. Фельдмаршал Темплер ни с чем улетел в Лондон.

Насер еще раз убедился, что Иден, несмотря на заверения Ллойда, не держит своего слова⁴². В ответ на нарушение соглашения (с Ллойдом) Египет снова открыл огонь по всей английской политике и британским имперским интересам на Ближнем Востоке. Надо отдать должное Насеру. Президент тонко чувствовал силу воздействия печатного и устного слова на арабов. 1 марта 1956 г. Селвин Ллойд прилетел в Каир. В отличие от Идена новый британский министр иностранных дел рассчитывал провести с Насером серьезные переговоры. С его точки зрения, они могли оказаться для Лондона чрезвычайно важными⁴³. Насер к тому времени заключил соглашение о пос-

³⁶ Ibid.

³⁷ В феврале 1955 г. израильские войска под предлогом «борьбы с террористами» совершили налет на Газу, палестинскую территорию, управлявшуюся Египтом. В результате рейда было убито 49 египетских военнослужащих и много мирных арабов. В чем истинная причина рейда израильской армии? Ведь до февраля 1955 г. на египетско-израильской границе было спокойно, и Насер даже поддерживал негласные контакты с представителями «миротворцев» в Израиле — министром иностранных дел М. Шаретом и его сторонниками. Д. Бен Гурнион, бывший в течение многих лет премьер-министром Израйля, рассуждал иначе: «Два новых фактора стимулировали его «синайские» размышления: англо-египетское соглашение о британской эвакуации зоны Суэцкого канала и рост популярности Насера в январе 1955 г. как динамичного нейтралистского арабского лидера нового типа». Насер воспринял израильский рейд в Газу, ставший символом неудач Шарета, с тревогой. «День 28 февраля 1955 г. был поворотным пунктом, — говорил он впоследствии. — Эта катастрофа в Газе была сигналом тревоги. Мы желали немедленно изучить проблему важности мира и баланса сил в районе» (E. B. Childers. *The Road to Suez*. L. 1962, pp. 125, 178).

³⁸ Иден, видимо, считался с позицией США в отношении Израйля.

³⁹ M. Heikal. *Op. cit.*, p. 83; T. Robertson. *Crisis. The Inside Story of the Suez Conspiracy*. L. 1965, p. 13.

⁴⁰ K. Love. *Op. cit.*, p. 203.

⁴¹ M. Heikal. *Op. cit.*, pp. 83—84.

⁴² Ibid., p. 84.

⁴³ A. Nutting. *No End of a Lesson. The Story of Suez*. L. 1967, pp. 28—29; M. Heikal. *Op. cit.*, p. 84.

тавках Египту оружия из социалистических стран. С помощью Советского Союза он приступил к созданию национальных вооруженных сил, способных защищать границы страны. Опасность новых нападений Израиля, вроде рейда на Газу, не только не исключалась, а даже возрастала. На Западе чрезвычайно встревожились: не означает ли заключение Насером «соглашения с Советами об оружии — поворота Египта на Восток»? Такой же вопрос стоял и перед самим Насером. Лидер египетской революции не был социалистом и в 1956 г. не собирался им становиться.

Насер считал себя египетским патриотом и стремился к тому, чтобы новая власть в Египте служила всему народу. Разумеется, за исключением короля, откровенных ~~врагов~~ английских колонизаторов, крупных помещиков и компраторов. Насер считал всех египтян членами единой национальной семьи, отрицал классы и классовую борьбу. Среди них, по мнению молодого президента Египта, были хорошие и плохие люди. Наладив отношения между ними, установив справедливое распределение всего, что производилось в стране, между всеми ее жителями, он искренне надеялся искоренить эксплуатацию. Подобные наивные рассуждения Насера были самой настоящей утопией. Жизнь не оставила от нее камня на камне. В 1958 г., особенно после создания Объединенной Арабской Республики на базе союза Египта и Сирии, он выступал лишь с позиций арабского национализма, что ограничило его как политического деятеля. Через три с половиной года после создания ОАР, 28 сентября 1961 г., союз Египта и Сирии развалился, что, как подчеркивал сам Насер, было результатом заговора сирийской реакции против начавшихся прогрессивных реформ. Насеру пришлось признать факт существования реакционных политических сил, выступивших против курса на национализацию, признать существование классов и классовой борьбы.

Переворот в Дамаске помог Насеру глубже понять происходящее и в Египте. Его решением было продолжать начатые прогрессивные реформы. Схватка со «своей» буржуазией вылилась в целую систему антикапиталистических мер. В 1962 г., выступая на Конгрессе народных сил в Каире, он объявил о том, что капитализм не может являться будущим его страны. Генеральной целью египетской революции провозглашался социализм. В последующие годы Насер все более решительно опирался на рабочих и крестьян, союз трудовых сил народа, на поддержку патриотически настроенной интеллигенции. Египетская буржуазия стала его смертельным противником. Такова вкратце эволюция политических и идеологических взглядов Насера⁴⁴. Она заняла много времени. Однако для всех непредубежденных исследователей ясно, что как руководитель одной из крупнейших освободившихся стран, избравшей социалистическую ориентацию, он шел влево. Естественно, что в 1956 г. его взгляды существенно отличались от взглядов 1969—1970 годов. С самого начала секретная организация «Свободные офицеры», руководившая переворотом в ночь на 23 июля 1952 г., стояла на националистических позициях. По мере расширения рамок революции Египет все чаще демонстрировал свое стремление стать подлинно самостоятельным как во внутренней, так и во внешней политике. В ответ страна столкнулась с откровенным противодействием Запада. Именно империализм, выдвигавший неприемлемые условия оказания экономической помощи, вынуждал Насера решать проблемы страны с радикальных патриотических позиций. И самоотверженно защищать достоинство Египта в международных делах...

Ллойд принял в Каире подчеркнуто доброжелательно. Насер приехал во дворец «Ат-Тахра» на обед, хотя как президент мог бы этого не делать. Он обошел это протокольное препятствие легко: обед устроил министр иностранных дел Египта Махмуд Фавзи. Насер хотел обсудить с Ллойдом все спорные вопросы и откровенно высказать ему некоторые претензии, но ни в коем случае не нарушая правил хорошего тона⁴⁵. Президент напомнил британскому министру иностранных дел о своем разговоре с Иденом, в том числе о Багдадском пакте и о том, как нынешний премьер-министр Англии пренебрег соображениями «молодого египетского офицера». Подверглись тщательному разбору египетско-английские отношения. Президент в деталях разъяснил суть согла-

⁴⁴ Подробнее о путях эволюции Г. А. Насера как государственного и политического деятеля см.: И. Беляев, Е. Примаков. Египет: время президента Насера. М. 1974, стр. 288—324.

⁴⁵ M. Heikal. Op. cit., p. 84.

шения о поставках советского оружия⁴⁶. Из его слов следовало, что появление этого соглашения — прямой результат политики Запада. Ведь Англия и США отказали Египту в оружии и оставили его беззащитным перед лицом любой опасности. Ллойд в ответ старался казаться предельно дипломатичным. Он даже предложил «открыть новую страницу» в англо-египетских отношениях. Появление столь неожиданного предложения настораживало. Либо Англия действительно поняла, что с новым революционным режимом в Египте шутки плохи, либо Иден пытается пригипнуть бдительность Насера и намерен обрушить на него новые неприятности. Первое предположение отпало автоматически. В Лондоне не хотели разговаривать на равных ни с Индией, ни с Египтом. К представителям бывших английских колоний там относились заметно сдержанно...

В 9 часов вечера Насер и Ллойд сели за стол в дворцовой столовой. Начался, хотя и несколько позже обычно принятого времени, деловой обед. За столом был и английский посол в Каире Хэмфри Тревелиян. Он сменил сэра Ральфа, хотя и не унаследовал в полной мере его прозорливости. Новый посол еще только предпринимал первые уверенные шаги на своем поприще в Каире, хотя был одним из самых авторитетных британских дипломатов. Во время обеда, едва хозяин и гости приступили к первому блюду, случилось нечто непредвиденное. Вошедший в зал шеф президентского протокола передал Тревелияну записку. Оба вышли в холл, и посол внимательно выслушал какое-то сообщение, переданное ему спешно прибывшим во дворец его личным секретарем. Не выразив даже намека на тревогу, Тревелиян вернулся к столу и занял свое место, ничего никому не сказав. Только на обратном пути, когда посольский «Роллс Ройс» мягко катил по улицам Гелиополиса, он показал Ллойдсу текст депеши из Лондона: король Иордании Хусейн сместил генерала Глабба и предложил ему незамедлительно покинуть Амман⁴⁷.

Пока же Ллойд деликатно подводил Насера к обсуждению возможности вступления Иордании в Багдадский пакт. С его точки зрения, вполне реальной. Английский министр иностранных дел говорил о готовности короля Хусейна сделать это и о той поддержке, которую якобы ему оказывает «его народ». «Не разделяю оптимизма Глабба, — заметил Насер. — Я слишком хорошо знаю народ Иордании. Он против Багдадского пакта. И против генерала. Деятели вроде Глабба не имеют каких-либо отношений с массами. Их дни сочтены!» — Сколь горька ирония судьбы! Ллойд, явно не желавший повторять беседу Идена с Насером, впал в ошибку своего патрона. Он оставался обычным, хотя и высокопоставленным, британским дипломатом. Ллойд проигрывал даже Стивенсону. Тот, будучи послом ее величества в Каире, понимал, что в Египте началась новая национальная революция. Она исключала империализм как партнера. Сэр Ральф надеялся, что Лондон найдет, наконец, новые методы и средства проведения своей политики на Ближнем Востоке. Он явно переоценивал возможный динамизм британских консерваторов. В английском министерстве иностранных дел продолжали верить только в старые привязанности.

Британский империализм породил на Ближнем Востоке целую плеяду проводников и защитников своих интересов. Одним из них был Глабб. Генерал превосходно говорил по-арабски. Он был в состоянии абсолютно точно узнавать в собеседнике выходца из того или другого иорданского племени. Глабб частенько отправлялся в пустыню, кочевал в палатках бедуинов, за что прослыл среди них «своим человеком». Немногие иностранцы удостоивались такой высокой чести. Есть с бедуинами их хлеб, пить с ними кофе «сыновей пустыни» из одного кофейника — все это прокладывало верный путь к сердцам тех, кто оказывал огромное влияние на формирование настроений в Иордании. Глабб создал арабский легион, надежное войско иорданского короля, и командовал им. Но этот пост был лишь одним среди множества негласных постов, занимаемых им в Аммане. Он имел чин генерала и всегда оставался самым близким советником не только короля Иордании, но и его приближенных. Особое внимание Глабб уделял королеве Зейн, матери Хусейна. Бесспорно, королева-мать — очень волевая женщина (ее сверлящий взгляд выдерживал далеко не каждый из силь-

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ H. Trevelyan. The Middle East in Revolution. Boston. 1970, pp. 63—64.

ных мира сего), неплохо разбирающаяся в политике, особенно в британской, на Ближнем Востоке. Ее величество всегда ратовала за то, чтобы отгородиться от арабской Палестины. Она ненавидит палестинцев. Зейн не раз замечала, что все беды Хашимитов — от неумного аппетита короля Абдаллы: ему не нужно было после первой израильско-арабской войны присоединять к Трансиордании остатки арабской Палестины! Не случись этого, трон в Аммане был бы в безопасности, да и сам король был бы жив. Его надежно охраняли черкесы⁴⁸ и английские офицеры. Абдалла спокойно правил бы, не вмешиваясь, на горе ей и другим членам монаршей семьи, в опаснейшую арабскую политику⁴⁹. Хусейн, ее сын, взойдя на престол, всегда прислушивался к словам королевы Зейн. И генерала Глабба. В этом малорослом, отнюдь не бравом на вид, но недюжинного ума человеке король видел свою, как ему недолго казалось, самую надежную опору. Если генерал был рядом, значит, ему ничто не грозит! И вот Глабб теперь наскоро собирал свои вещи и готовился к отлету из Аммана. Его время в Иордании кончилось. Он тоже, ратуя за вступление Хашимитского королевства в Багдадский пакт, пал жертвой верности все тем же старым привязанностям британских колонизаторов...

Ллойд почувствовал себя необычайно уязвленным. Ему показалось, что Насер еще до начала их переговоров знал о происшедшем в Иордании и откровенно морочил ему голову. В его душе клокотало самолюбие. Ллойд даже счел уместным начать говорить об обмене⁵⁰. Насер же узнал о случившемся со слов главного редактора каирской газеты «Аль-Ахрам» Хейкала только на следующее утро. Хейкал, в свою очередь, получил информацию от Тома Литтла, английского корреспондента, сопровождавшего Ллойда. Англичанин позвонил Хейкалу и попросил прокомментировать новости из Иордании. На следующий день Ллойд предстоило вылететь на Бахрейнские острова. Утром намечалась еще одна встреча с Насером. Египетский президент, едва поприветствовав английского министра, высказал совершенно неожиданную догадку: «Я думаю, что случившееся в Иордании было блестящим ходом с Вашей стороны!» Насер подумал, что разговоры Ллойда о «новой странице» вполне искренни, если они сами убирают из Аммана такого человека, как Глабб. Президент не мог поверить, что Хусейн принял решение о высылке генерала самостоятельно. Такое решение король мог принять только по совету англичан. «Господин министр,— сказал президент в ответ на упреки Ллойда,— я не располагаю кнопками, нажимая на которые, мне удавалось бы нацеливать события в арабских странах в нужном для меня направлении. В частности, не в моих силах начинать и кончать революцию в них! Тем не менее, я готов оставаться верным тому, о чем мы говорили с Вами вчера...»⁵¹.

История часто вносит свои поправки в прогнозы обстановки в той или иной стране, даже если с ними рискуют выступать опытные эксперты и политики. В данном случае ни оценка Насером сути событий в Иордании, ни тем более оценка их Ллойдом не были верными. Оба, по разным мотивам, не представляли себе заранее, что миссия Темплера, потерпев фиаско, могла вызвать настолько резкую реакцию народных масс, всех патристических сил этой арабской страны, что король Хусейн окажется вынужденным выслать генерала Глабба. На глазах у всего мира произошло нечто уму непостижимое. Король Иордании восстал против недалековидной политики англичан. Безнадежно ошибался Ллойд. У египетского лидера действительно не было кнопок, нажимая на которые, он приводил бы в движение те или иные политические силы на Ближнем Востоке. Однако благотворное влияние победы Советского Союза и антигитлеровской коалиции над германским фашизмом и японским милитаризмом и создания социалистического содружества, его успехов на национально-освободительную борьбу арабских народов, а затем и влияние антифеодальной и антиимпериалистической рево-

⁴⁸ В XIX в. адыгские феодалы с приближенными и сородичами стали переселяться с Кавказа на Ближний Восток. Сейчас в Турции, Сирии и других странах насчитывается около 150 тыс. адыгов (черкесов и др.). Многие из них издавна служат в иорданской королевской гвардии.

⁴⁹ Абдалла вел переговоры с Голдой Меир, а через нее — с израильским правительством, за что его убил в Иерусалиме молодой палестинец (Y. Elizer, E. Sulpren. *ter. A. to Rules Israel?* N. Y. 1973, pp. 46—47).

⁵⁰ R. Stephens. *Op. cit.*, pp. 180—181.

⁵¹ M. Heikal. *Op. cit.*, pp. 85—86.

людии, начавшейся на берегах Нила в июле 1952 г., ощущалось в арабских странах все больше и больше⁵².

Англия, все еще не воспринимая начавшийся подъем национально-освободительного движения на Ближнем Востоке, всерьез пыталась спасти свои позиции в арабских странах, сосредоточивая усилия на действиях против отдельных политиков. Иден окончательно пришел к выводу, что главным врагом Лондона в арабских странах стал Насер. Не египетская революция, а ее лидер! Снова старые ошибки... Но, повторяя их, британский премьер-министр попадал в еще более опасное для имперской политики положение. Бывший в то время государственным министром иностранных дел Англии А. Наттинг писал впоследствии: «Как один из тех, кто провел с Иденом целый вечер и половину ночи, споря с ним о причинах смещения Глабба, я смог констатировать, что тогда он весь свой гнев сосредоточил на Насере и отводил любой аргумент в пользу вывода о том, что Хусейн, принимая свое решение, руководствовался своими личными соображениями. В тот фатальный день Иден решил, что мир тесен, чтобы вместить его и Насера одновременно. «Египетский диктатор» (по его мнению.— И. Б.) должен был быть уничтожен тем или иным путем. В противном случае Насер разрушит позиции Великобритания на Ближнем Востоке и его, Идена, положение как премьер-министра»⁵³.

Последнее соображение А. Наттинга объясняет многое в поведении Антони Идена весной 1956 года. Он считал себя «спасителем» Британской империи на Ближнем Востоке. За ним и его правительством стояли те консервативные круги Англии, которые не желали расставаться с бывшим могуществом в этом регионе. Они выражали интересы и стремления тех английских монополистических групп, которые были связаны с нефтедобывающей промышленностью Ближнего Востока, с давних времен пользовались преимуществами в закупке египетского и суданского хлопка, поддерживали обширную и выгодную торговлю с большинством арабских стран. 7 марта 1956 г. в палате общин английского парламента состоялись дебаты о положении на Ближнем Востоке. Глава так называемой «Суэцкой группы» Ч. Уотерхауз, той самой, которая призывала не уходить оттуда, заявил в ходе дебатов: «Англия — все еще могучая держава, и при необходимости нам следует применить силу»⁵⁴. Экстремистам-консерваторам казалось, что время для этого уже настало. Идена словно бы подталкивали к катастрофе. Сила все еще была на стороне Англии. Но право, уверенность в торжестве, справедливость — на стороне Египта.

⁵² Ibid.

⁵³ A. Nutting. Nasser, p. 18.

⁵⁴ В. Г. Трухановский. Антони Иден. М. 1974, стр. 385—386.

(Окончание следует.)

МАСОНЫ ВО ФРАНЦИИ

(ВЧЕРА И СЕГОДНЯ)

Ю. И. Рубинский

Летом 1975 г. французская печать вновь заговорила о франкмасонстве. Неожиданно пробудившийся интерес к этой организации, которая давно уже считалась лишь живописным обломком далекого прошлого, не случаен. Стоявший в стране у власти политический блок стремился вбить клин в ряды левых сил (с успехом выступивших единым фронтом в ходе парламентских и президентских выборов 1973—1974 гг. на базе совместной правительственной программы). Одним из инструментов в этих усилиях призваны были стать масонские ложи. Какую же роль сыграли масоны в политической истории Франции? Ответ на этот вопрос помогает понять, почему сейчас предпринимаются настойчивые попытки гальванизировать деятельность «братства вольных каменщиков»...

Человек с завязанными глазами входит в полутемную комнату. Поязку снимают, и пришельцу становится не по себе. Стены украшены таинственными изображениями. Вот сова между двух светильников — древний символ мудрости. Над ней в солнечном диске, окруженном месяцем и звездами, недремлющий глаз в треугольнике, от которого исходят лучи. Череп и кости напоминают о бренности земного существования, не озаренного светом высших истин. Причудливо переплетаются фигуры львов, старцев с косой, символизирующих беспощадное время, величественных женщин со свитками в руках. Наконец, повсюду видны инструменты каменщиков — циркуль, угольник, отвес, мастерок. Вошедшего окружает толпа людей в масках, с обнаженными шпагами в руках, направленными ему в грудь. Путаясь и сбиваясь, он повторяет слова торжественной клятвы, которую медленно произносит за его спиной. Отныне неопит стал «посвященным», он может называть каждого присутствующего «братом», рассчитывать на помощь «братьев» в любых обстоятельствах, но и сам обязан оказывать ее всякому, кто сделает условный знак, подтверждающий его принадлежность к международному тайному обществу, влияние которого давало себя знать повсюду — от провинциальной глуши до кабинетов министров...

Так проходил обряд приема в ряды франкмасонов в прошлом столетии. О масонстве имеется огромная литература как апологетического, так и враждебного характера, разобратся в которой не так-то просто: ведь эта организация не публикует своих архивов¹. Не следует, разумеется, принимать на веру ни саморекламу «масонических» авторов, ни яростные нападки их многочисленных врагов. Сами масоны были прямо заинтересованы во всяческом преувеличении своей роли, ибо это немало содействовало достижению их целей, являвшихся в конечном счете весьма прозаическими. Ответом на саморекламу масонов оказался поток антимасонских сочинений, которые принимали различную форму — от больших фолиантов до памфлетов и листовок. Львиная доля этой продукции выходила из-под пера авторов, близких главному противнику и конкуренту масонства — католической церкви. Но масонов избирали мишенью атак и иные реакционные силы, в частности нацисты в гитлеровской Германии, для которых самый факт существования международного тайного общества был поистине находкой: он мог служить удобным «громоотводом» для недовольства

¹ См. о ней: A. Lantoiné. Histoire de la Franc-maçonnerie française. La Franc-maçonnerie chez elle. P. 1927; R. Valléry-Radot. Dictature de la Franc-maçonnerie. P. 1934; H. Coston. La Franc-maçonnerie sous la IIIe République. P. 1942; M. J. Herdinds. French Freemasonry under the Third Republic. Baltimore. 1949; P. Arnold. Histoire des Rose-Croix et les origines de la Franc-maçonnerie. P. 1955; S. Hutin. Les Franc-maçons. P. 1960; P. Nandon. La Franc-maçonnerie. P. 1963; J. Palou. La Franc-maçonnerie. P. 1964.

озлобленного, шовинистически настроенного, невежественного мещанства, искавшего виновника своих бед. А масоны с их таинственными символами и международными связями неплохо подходили к роли своеобразного «козла отпущения». В свою очередь, тот факт, что масонство оказывалось жертвой преследования со стороны ультрареакционных сил, придавал ему порою некий мученический ореол, что играло на руку масонским политикам. Поэтому выяснение характера подлинной деятельности масонов представляет несомненный интерес, особенно для эпохи и страны, когда и где масонство переживало свой «золотой век», — Франции конца XIX — начала XX столетия.

Франкмасоны — «вольные каменщики» — появились еще в средние века как тайный союз городских буржуа против феодалов. В начале XVIII в. в ряде западноевропейских стран они стали союзом людей, на словах посвятивших себя поискам истины, нравственному самоусовершенствованию, взаимопомощи и «благотворительности. Официальная идеология масонства, сложившаяся тогда же, возводится к праотцу Адаму, вынесшему из рая наследие божественной мудрости, и ко временам строительства того библейского храма, в котором, согласно священному писанию, якобы хранились скрижали завета. По аналогии масоны провозгласили своей целью строительство «внутреннего», духовного храма, открытого только для «посвященных». Из практики средневековых строительных цехов (отсюда термин «каменщики») они позаимствовали сложный мистический ритуал, пышную символику и условные знаки, позволившие «братьям» — масонам разных национальностей или социального положения — узнавать друг друга, а также переняли строго централизованную организацию.

В первой половине XVIII в. масонские союзы (ложи) быстро распространились по всей Европе. Они появились в Шотландии, Ирландии, Бельгии, Голландии, Германии, Италии, Португалии, Польше, России и, наконец, во Франции, где их культурническая в ту пору деятельность нашла благодатный материал в трудах просветителей-энциклопедистов. Французскими масонами была пущена в оборот и формула, ставшая впоследствии лозунгом Французской буржуазной революции конца XVIII в., — «Свобода, равенство, братство»². В то время, однако, франкмасонские ложи являлись лишь чем-то средним между кружком любителей философско-этических споров, благотворительным обществом и закрытым клубом, хотя буржуазно-классовый их характер несомненен. В новое время масонство никогда не было массовым демократическим движением. Восставая против гнета закостенелой аристократической иерархии феодально-абсолютистского общества, цементированного церковью, оно с самого начала пыталось противопоставить ей собственную иерархию. А поскольку в XVIII—XIX вв. доступ к культуре и образованию был еще привилегией немногих «избранных», социальной базой масонов оказывалась главным образом обуржуазившаяся дворянская интеллигенция, для которой ложи служили лишь «мостиком» к «третьему сословию». Закрытый характер лож и их независимость от сословно-аристократических каст, строившихся на привилегии рождения, привлекали к масонству и те буржуазные круги, для которых доступ в «верхи общества» иным путем оказывался более трудным или вообще невозможным.

Представляя собой своеобразную форму консолидации буржуазных культурных сил, масонство сначала стояло далеко от политики, тем более что тайное общество привлекало к себе пристальное внимание властей предрежащих. За его деятельностью бдительно следила полиция как извне, так и изнутри, через свою агентуру. Иногда в масонские ложи с целью вящего надзора вступали даже руководители полицейских ведомств (например, одним из сановников масонства в эпоху Наполеона был его министр полиции Ж. Фуше³). Сдвиги в идеологии и деятельности французского масонства наметились только на заключительном этапе существования Второй империи. В то время, как в Англии или США членство в ложах, которое стало прочной традицией буржуазных семейств, было вполне совместимо с тем или иным протестантским вероисповеданием и являлось в конечном счете лишь одним из свидетельств принадлежно-

² R. Prieuret. La Franc-maçonnerie sous les Lys. P. 1953.

³ Старейшиной масонской ложи был и видный деятель революции 1848 г. Л.-А. Гарнье-Пажес, организатор одного из тайных обществ во времена Июльской монархии (Ж. Вейль. История республиканской партии во Франции с 1814 по 1870 г. М. 1906, стр. 57).

сти к определенному социальному кругу, во Франции (отчасти и в других католических странах) оно приобретало выраженный антиклерикальный и политический характер.

Данная тенденция отражала расхождение среди французской буржуазии в связи с выбором ею генеральной стратегии классовой борьбы на фоне промышленного переворота 60-х годов XIX в. во Франции. Большинство правящего класса после июньских дней 1848 г. в страхе перед пролетариатом безоговорочно вручило свою судьбу авторитарному режиму Луи Бонапарта, опиравшемуся на активную поддержку католической церкви. Другая фракция буржуазии, чувствующая внутреннюю непрочность бонапартистской диктатуры, стремилась взять в свои руки руководство республиканской оппозицией под флагом воинствующего антиклерикализма. Борьба за республику неразрывно переплелась с борьбой за светский характер государства.

Считать данную тенденцию каким-то тщательно обдуманым тактическим маневром — явное упрощение. Субъективно эта тенденция не всегда осознавалась. Но объективно, по мере того, как монархия во Франции во всех ее трех династических обликах — бурбонском, орлеанском и бонапартистском — постепенно изживала себя, средние слои города и деревни получали возможность завоевать (или выторговать) для себя более значительную долю власти в рамках парламентарной буржуазно-демократической республики, пользуясь страхом крупной буржуазии перед революционным пролетариатом. Чтобы гибко лавировать между двумя полюсами французского общества, средние слои нуждались и в идеологической платформе, и в организации. То и другое дало им масонство, состав которого в последней трети XIX в. демократизировался, хотя по-прежнему исключал трудящиеся классы. «Возврат к истокам», к неосуществленным лозунгам буржуазной революции конца XVIII в., давал возможность ценой частичной демократизации режима и освобождения его от гнета католического мракобесия расширить социальную базу буржуазного государства.

При отсутствии организованных легальных партий борьба между клерикально-монархическими и республиканско-антиклерикальными течениями развернулась через масонские ложи, в какой-то степени продолжавшие, хотя и в более смягченном виде, традиции тайных республиканских обществ времен Июльской монархии. «Французское масонство того времени в целом не было революционной организацией, как это иногда думают: «Великий Восток» (крупнейшая ложа Франции. — Ю. Р.), готовый подчиниться любому правительству, избрал в 1852 г. своим великим магистром принца Мюрата; затем антиклерикальное большинство предпочло ему в 1860 г. принца Наполеона, но признало безропотно великим магистром и маршала Маньяна, которого навязал им император. Тем не менее некоторые ложи состояли из одних республиканцев. «В «Ложе шотландского обряда», имевшей своим великим магистром Кремье, ложа под номером 133 возвела А. Бриссона в звание старейшины, а Ш. Флоке признала братом-оратором и считала в числе своих членов Ферри, Гамбетту и трех Фонвьеллей», — писал историк Ж. Вейль⁴. Постепенно антиклерикальные силы в масонстве брали верх над противниками, свидетельством чему явилось упразднение в 1865 г. в уставе «Великого Востока» упоминания о «Великом зодчем Вселенной» (боге), введенного в 1849 г. во все масонские уставы.

После крушения Второй империи и создания Третьей республики вражда масонства к католической церкви сделала ложи готовой организационной формой для буржуазно-республиканских партий в момент, когда антиклерикализм стал в начале 1880-х годов центральным пунктом их политической программы⁵. Нарочито деля человечество только на две категории — верующих и рационалистов и отождествляя первых с авторитарным началом, единоличной властью или олигархией, а вторых — с либерализмом, демократией и прогрессом, масонство выступило на арену активной политической борьбы как авангард республиканской буржуазии в ее стремлении утвердить парламентарную демократию и закрепить за собой ту роль вождя общества, на которую все решительнее претендовал рабочий класс.

Основным содержанием деятельности французских масонов стала борьба за освобождение школы от влияния католической церкви вообще, монашеских орденов,

⁴ Ж. Вейль. Указ. соч., стр. 303.

⁵ R. Griouret. La République des Députés. P. 1959, p. 130.

особенно иезуитов, в частности; за всеобщее, обязательное и бесплатное светское образование. Гласным инструментом масонских лож в этой борьбе служила Лига просвещения, основанная 25 октября 1866 г. Ж. Масэ. К ней примкнули учительство и другие светские круги. Лига просвещения связала воедино лозунг единой светской государственной школы, освобожденной от влияния католической церкви, с задачей консолидации буржуазно-парламентарной республики («светская школа — школа республики!»). Став вдохновительницей школьных законов Ж. Ферри в начале 80-х годов XIX в. и антиклерикального законодательства кабинетов П. Вальдека-Руссо и Э. Комба (1901—1905 гг.), сопротивляясь предоставлению бюджетных субсидий религиозным школам, квалифицировавшемуся как посягательство на республиканский строй, Лига оказывала в обмен услуги на выборах буржуазным партиям, которые заявляли о своей готовности стоять на страже светской школы⁶. Политическим козырем Лиги являлась поддержка тех тысяч учителей, которые выступали в роли оплачиваемых государством добровольных предвыборных агентов буржуазно-республиканских кандидатов в ходе борьбы с клерикалами.

Другим «внешним» орудием масонства служила Лига прав человека и гражданина, основанная в конце 80-х годов XIX в., во время буланжистского кризиса, а затем восстановленная и расширенная в феврале 1898 г., в разгар дела Дрейфуса. Лига прав человека завоевала в начале XX в. популярность среди демократической общественности выступлениями против ущемлений гражданских прав судебной-полицейской машиной, бюрократией и военщиной⁷. Председателем Лиги долгие годы являлся видный масон республиканский социалист Ф. Буиссон. Численность Лиги достигала 175—200 тыс. человек.

Если обе лиги служили «приводными ремнями» от масонства к массам мелкой и средней буржуазии, то его организационным костяком оставались узкие, закрытые ложи. Низовой, первичной организацией масонства служили «мастерские», создававшиеся как по территориальному признаку, так и в отдельных учреждениях. Члены мастерских — «братья», вступление в ряды которых обставилось сложным ритуалом, делились на 33 иерархических ранга: от начинающего неопита — «подмастерья» до «великого суверенного генерального инспектора». Мастерские трех низших степеней («красные») именовались ложами, остальные («синие»), до 30-й включительно, — «капитулами» и «советами». Мастерская, открывавшая доступ к высшим рангам масонства («достопочтенным»), носила название «Великой коллегии обрядов». Мастерские объединялись в федерации — великие ложи, важнейшими из которых были «Великий Восток» («Ложа французского обряда»), созданная в 1772 г., и «Ложа шотландского обряда», основанная в 1804 году. Последняя включала две автономные ложи — «Верховный совет Франции» и «Великую ложу Франции». Меньшее значение имели второстепенные федерации — «Право человека» и «Великая национальная независимая и регулярная ложа». Двойное членство в разных ложах считалось допустимым, но такой масон мог участвовать в выработке решений только одной из них.

Делегаты лож каждой федерации периодически собирались на съезд — «общее собрание» с учредительными и законодательными правами. Чрезвычайные собрания проводились по требованию большинства членов лож. Ежегодное общее собрание считалось «конвентом», решения которого служили текущей программой федерации, хотя и не имели обязательной силы. Собрание избирало абсолютным большинством совет из 33 членов сроком на 3 года, который должен был следить за соблюдением конституции федерации, ее регламента (устава), решений общих собраний и конфликтных органов, готовить бюджет, издавать обязательные постановления, в чрезвычайных случаях — закрывать мастерские и исключать отдельных масонов при условии последующего утверждения собранием⁸. Дисциплинарные проступки «братьев» рассматривались их ложами, конфликты между мастерскими — жюри, решения которых могли обжаловаться в особые апелляционные и кассационные инстанции масонства. Однако реальная

⁶ G. Duveau. Les Instituteurs. P. 1957, p. 103.

⁷ См. P. Pitois. Les buts politiques de la Ligue des droits de l'homme. P. 1935.

⁸ Каждый год производилось переизбрание одной трети членов совета. Организационная структура масонства приведена здесь по конституции «Великого Востока», принятой в конце XIX века.

власть в ложах находилась в руках крайне узкого круга лиц, главным образом кадровых сотрудников аппарата совета, во многом предрешавших его резолюции (конвент ложи «Великий Восток» включал 350—400 человек, что не давало ему возможности проводить какое-либо деловое обсуждение любого предложения).

Конституции масонских федераций были наполнены высокопарной риторикой⁹. Но она рассыпалась в прах при первом же соприкосновении с реальной действительностью. Объявив своим главным врагом католическую церковь как воплощение нетерпимости, догматизма, сектантства, принципов безусловного подчинения иерархии, отказа от свободной критической мысли и считая себя «контрцерковью», французское масонство начало бороться против церкви ее же средствами и в результате постепенно приобрело все отрицательные черты своего противника. «Масонство не имеет ни малейшего желания применять в своей собственной среде некоторые из тех принципов свободы и личной независимости, которые оно требует для мира непосвященных. Масонство есть организация борьбы, и, как таковая, оно вынуждено подчинять своих членов требованиям дисциплины, необходимой для борьбы», — гласил циркуляр «Великого Востока» от 1894 года¹⁰.

Но поправка элементарных принципов демократии внутри политической организации не могло остаться без последствий и не отразиться на формах и результатах борьбы за эти принципы вовне¹¹. Даже самое наличие строгого ритуала, символов и рангов являлось вызовом равенству и свободе совести рядовых масонов. Культ популярного слова «свобода» отнюдь не переставал быть культом со всеми присущими ему атрибутами — духовным гнетом и чинопочитанием. Еще более важное значение имел тот факт, что французское масонство выросло в политическую силу не в условиях подпольной оппозиции монархии, а уже после торжества республики. Поэтому его деятельность по искоренению антиреспубликанских, прежде всего клерикальных, элементов приняла форму проникновения внутрь политического механизма и административной системы республиканского государства. Будучи закрытой организацией, что подчеркивалось специфическими правилами приема и структурой тайного общества, масонство могло утвердить свое влияние на государственную власть лишь с помощью нечистоплотных методов — интриг, протекций одних «братьев» другим и т. д.

Это наглядно обнаружилось в первые годы XX в., во время громкого скандала, получившего название «Дело о карточках». Оно вскрылось лишь благодаря тому, что клерикалам удалось перетянуть на свою сторону, вероятно, с помощью подкупа, сотрудника секретариата совета ложи «Великий Восток» Ж. Бидгена. Последний сообщил, что в 1901 г., вскоре после дела Дрейфуса, масонство, решив искоренить клерикальное влияние в армии и пользуясь сочувствием военного министра в кабинетах Вальдека-Руссо и Комба генерала Андре, организовало через своих единомышленников в провинции систему негласной слежки за офицерами. Сведения о религиозных верованиях, политических убеждениях офицеров, степени их лояльности правительству, взаимоотношениях в их семьях, воспитании детей и круге знакомств заносились на карточки, которые пересылались в совет «Великого Востока», а через него в военное министерство. Последнее руководствовалось ими при решении кадровых вопросов продвижения по службе, назначений и увольнений¹². Возникшее вскоре общество офицеров-масонов превратилось в шайку осведомителей, стремившихся сделать себе с помощью доносов быструю карьеру. После выборов 1902 г. «Великий Восток» направил ложам анкету для выяснения республиканской благонадежности префектов, супрефектов, комиссаров полиции и других чиновников во время последней предвыборной кампании. То была попытка создать своего рода «параллельную иерархию», дублировавшую государственный аппарат и осуществлявшую над ним бдительный контроль.

Когда эта история выплыла на свет, масоны попытались обелить себя ссылками на высшие интересы республики, даже на революционную традицию Комитета обще-

⁹ J. Bidegain. Le Grand Orient de France. Ses doctrines et ses actes. P. 1905, p. 146.

¹⁰ «Journal officiel de la République Française», Chambre des députés, débats parlementaires, 17.VI.1904.

¹¹ А. А. Боровой. Современное масонство на Западе. М. 1923, стр. 14.

¹² В этой картотеке фигурировали досье на 25 тыс. офицеров, подбиравшиеся на протяжении 1901—1904 годов.

ственной безопасности времен якобинской диктатуры, а также на происки иезуитов, тоже располагавших секретной службой в виде «Третьего ордена св. Франциска» (он состоял из светских лиц, дававших тайный обет послушания). Однако иезуитский принцип «цель оправдывает средства» не мог украсить лицо буржуазно-республиканского государства и дискредитировал его в глазах масс, сыграв в конечном счете на руку клерикально-милитаристской реакции¹³.

В государственном аппарате масонов привлекли прежде всего ведомства народно-образованя и внутренних дел — те звенья, которые оказывали наибольшее воздействие на ход избирательных кампаний¹⁴, в политическом же механизме — выборные мандаты. Хотя общая численность масонов не превышала 30—40 тыс. человек, объединенных примерно в 600 низовых ложах, их удельный вес в муниципальных, генеральных советах и парламенте был неизмеримо выше, чем среди избирателей; по некоторым данным, в конце XIX — начале XX в. из примерно 600 депутатов от 150 до 200 были масонами.

Впреки официальным декларациям масонство все теснее срачивалось с буржуазными политическими партиями¹⁵. Из многочисленных буржуазно-республиканских группировок наибольшими симпатиями масонства пользовались те, которые стояли ближе всего к кормилу власти: сначала умеренные республиканцы, затем радикалы (когда последние начали превращаться в главную правительственную партию)¹⁶. В момент создания радикальной партии 155 лож стали ее низовыми комитетами, а руководство масонских федераций обеспечивало связь и координацию между ними. Почти все члены «Комитета борьбы за республиканские реформы», взявшего на себя в 1901 г. инициативу по созыву учредительного съезда партии, были масонами: А. Бриссон, Л. Буржуа, Ш. Флоке, Ш. Локруа, А. Мезюрер. Показательно также, что внутри этой партии удельный вес масонов был выше в руководящих органах, дававших непосредственный доступ к власти, нежели в низших звеньях. В 1905 г. из 513 членов исполкома радикальной партии 247 (48%) были масонами. Сравним, кроме того, разные категории лиц, составлявших исполком партии в 1908 г.¹⁷:

Занимаемое место	Рядовые активисты	Муниципальные, окружные и генеральные советники	Депутаты	Сенаторы
Общее число	258	92	126	37
Число масонов среди них	106	27	59	27
Доля последних (в %)	41	30	47	73

Из 33 членов бюро партии 20 были масонами, из 16 секретарей — 6, из 16 вице-председателей — 13, председатель партии Ж. Лаффер являлся одновременно председателем совета «Великого Востока». Уже в эпоху господства умеренных республиканцев масоны получили доступ к ключевым государственным постам. Ими были президенты республики А. Тьер, Ж. Гриви, С. Карно, Ф. Фор, П. Думер, председатели сове-

¹³ Историю с картотеками подробно смаковали клерикально-реакционные враги масонства. См. A. Dancette. Histoire religieuse de la France contemporaine. T. II. P. 1951, pp. 341—343; E. Beau de Loménie. Les responsabilités des dinasties bourgeoises. T. II. P. 1947, pp. 351—352.

¹⁴ Как выше отмечалось, учителя государственных светских школ являлись активными пропагандистами в пользу левых партий, особенно в деревне, а префектуры располагали немалыми средствами для нажима на избирателей или подкупа их.

¹⁵ D. Halévy. La République des comités. P. 1934, p. 30.

¹⁶ P. Frédéric. Etat de forces en France. P. 1935, pp. 124—125.

¹⁷ Данная статистика не точна, так как принадлежность к масонству дана в ней по антимасонским изданиям; но, по мнению ряда исследователей, эти источники близки все же к истине (D. Vardonnet. Evolution de la structure du parti radical. P. 1960, pp. 232—233).

та министров Л. Гамбетта, Ж. Ферри, Ш. Дюпюи, П. Вальдек-Руссо и другие. Когда после 1898 г. радикалы стали стержнем правительственного большинства, монополизация власти масонством еще более усилилась. Из его рядов вышли такие государственные деятели-радикалы, как А. Бриссон, Ш. Флоке, Э. Комб, Л. Буржуа, Г. Думер, К. Шотан, Ж. Шмидт.

Масонские ложи превращались в инкубатор политического персонала Третьей республики, в школу, прохождение которой давало ценнейшие связи — ключ к множеству ревниво охраняемых дверей, к быстрой и обеспеченной карьере. Масонская солидарность, изображавшаяся самими масонами как «высшее проявление любви к ближнему, очищенной от христианского лицемерия и облагороженной великой задачей борьбы за царство разума на Земле», оборачивалась прозаической круговой порукой неразборчивых в средствах политиканов в их жадном стремлении любой ценой пристроиться у казенной кормушки. На закрытых собраниях масонских мастерских, где-нибудь в отдельном кабинете модного ресторана, под прикрытием бутафорских таинственных символов и обрядов, порою заключались предвыборные сделки и делились министерские портфели. «Из-за глухих дверей и темных, таинственных драпировок вышло масонство на торную дорогу политической борьбы. Умерло тайное общество с его мистическими устремлениями; оно преобразовалось в ловкий, живой политический механизм, работающий в защиту республиканских и светских идеалов, — писал А. А. Боровой. — ...На масонские собрания приходят не для того, чтобы учиться живому нравственному или религиозному опыту, а собираются для обдывания своих делишек, устройства карьеры и пр. Макиавеллизм самой дурной марки пустил в ложах глубокие корни. Забота о нравственном совершенствовании стала пустой фразой. Масоны стали слишком занятыми людьми, чтобы предаваться утопиям... Вступление в масонскую ложу стало делом простым... Предварительная анкета — пустая формальность. Рекомендации получить легко... Это и понятно. Масонство стало боевой политической организацией, заинтересованной не только в качестве, но и в численности своей армии»¹⁸.

Так франкмасонство выродилось в огромную буржуазную «мафию», организованную в общегосударственном масштабе во имя дележа теплых местечек. «Если сравнить вкус партии радикалов к распределению постов и тот факт, что для многих масонов вступление в ряды франкмасонства означало проникновение в среду, где друг другу оказывают услуги, можно прийти к выводу о частом совпадении влияния и интересов обеих организаций на протяжении всего периода истории Третьей республики»¹⁹, — писал исследователь структуры партии радикалов Д. Бардонне.

Было бы явным преувеличением считать франкмасонство неким всепильным загovorом, систематически приносившим интересы страны в жертву мелким и грязным карьеристским интересам своих членов. В принципе освобождение Франции от клерикального влияния, борьба против произвола бюрократии и военщины являлись, бесспорно, прогрессивным делом, и масонство сыграло в том некоторую роль. Недаром католическая церковь питала к масонству лютую ненависть. Даже «либеральный» папа Лев XIII счел своим долгом заклеить его в особой энциклике («Гуманус генус») от 20 апреля 1884 г.) как исчадие сатаны.

Но буржуазно-классовая направленность этой организации постоянно давала о себе знать, особенно когда речь шла об освобождении трудящихся от гнета капитала. По своему социальному происхождению подавляющее большинство французских масонов времен Третьей республики составляли торговцы, промышленники средней руки, лица свободных профессий, чиновники, учителя, профессиональные политики. Вступление в ложу предполагало известный имущественный ценз, оправдывавшийся необходимостью оказывать материальную помощь «братьям». Борьба за контроль над республиканским государственным аппаратом сочеталась у французских масонов с хроническим недоверием к власти вообще, с опасением перед тем, что она станет монопольным орудием их противников справа или слева — либо реакции, либо социалистического пролетариата. Вот характернейшая черта психологии мелкого буржуа! Недаром видный

¹⁸ А. А. Боровой Указ. соч., стр. 38.

¹⁹ D. Baridonnet. Op. cit., p. 237.

теоретик французского масонства Хирам предлагал Ватикану (после отделения церкви от государства) общий союз против «этатизма»²⁰.

Значительная часть масонских сановников радикального толка относилась к идеям научного социализма с нескрываемой враждебностью. Французские же социалисты относились к масонству со смешанными чувствами. На съезде социалистической партии в Лиможе (1906 г.) левое ее крыло во главе с Ж. Гедом высказалось против вступления социалистов в ложи, хотя некоторые из них (например, возглавлявшийся Делиньером) называли себя социалистическими. В то же время М. Самба, являвшийся тогда гедистом, отстаивал возможность сотрудничества с масонством в качестве тактического средства пропаганды идей социализма среди мелкобуржуазных слоев. Этот вопрос вновь обсуждался на съезде в Лионе (1912 г.) и остался открытым. В кошечном счете он смыкался с более общей проблемой отношений между социалистами и радикалами. В последний период существования Третьей республики (1936—1940 гг.), когда задача борьбы против клерикализма потеряла прежнюю остроту, а буржуазные круги были напуганы победой Народного фронта, прежнее влияние масонства упало. В его рядах взяли верх представители правого крыла радикалов во главе с К. Шотаном, настроенного в пользу союза с реакцией. Одновременно по мере того, как социалисты теряли позиции среди рабочего класса, они начинали опираться на часть средних слоев, а их партийный аппарат вербовался преимущественно из учительства. Все больше масонов встречалось среди французских правых социал-реформистов (П. Рамадье). Масонство становилось мостом, скреплявшим блок реформистской социал-демократии с мелкобуржуазным радикализмом, а последнего — с «умеренными» буржуазными партиями.

Конфликт между католической церковью и франкмасонством, являвшимися в начале Третьей республики идейными центрами и организационными стержнями двух главных партийно-политических группировок правящего буржуазного лагеря — левой и правой, в сущности выполнял во Франции функции англо-американской двухпартийной системы. Он помогал буржуазии сначала оттягивать момент конституирования пролетариата в самостоятельную партию, а затем превращать эту партию (пока она была сравнительно слаба и в ней доминировали реформистские элементы) в придаток левобуржуазного лагеря и в составную часть механизма классового господства буржуазии. Подобная тактика была возможна потому, что социальная структура Франции долго отличалась высоким удельным весом средних слоев. Но по мере их размывания, роста рядов рабочего класса и усиления процесса концентрации производства положения начинало меняться. Борьба вокруг таких проблем, как республика или монархия, отношения между государством и церковью, церковью и школой, военной и гражданской властью, постепенно отходила на задний план перед лицом непримиримого антагонизма между наемным трудом и капиталом, буржуазией и рабочим классом.

В эпоху империализма в буржуазных кругах Франции, связанных с финансовой олигархией, усилились авторитарные настроения, росла враждебность к парламентарной демократии; антиклерикализм уступал место «возврату к религии» как традиционной идеологической основе французской реакции. Эти факторы предопределяли упадок и вырождение масонства²¹. Но полностью сбрасывать со счетов масонство как фактор общественной и политической жизни современной Франции еще преждевременно. Так, в мае 1947 г., когда представители Французской коммунистической партии были произвольно исключены из состава правительства Четвертой республики, председателем совета министров являлся правый социалист Рамадье, один из видных сановников масонских лож. Масоны-радикалы типа ветерана парламентской арены А. Кэя сыграли видную роль в создании так называемой «третьей силы» — блока социалистов, радикалов и католической партии МРП (Народно-республиканское движение), формально противостоявшей коммунистам слева и голлистам справа, но фактически заостренной прежде всего против компартии. Когда в 1951 г. вопрос о государст-

²⁰ H i g a m. La Séparation de l'Eglise et de l'Etat. P. 1903, p. 861.

²¹ За последние годы французское масонство начало отказываться даже от своего центрального прежде лозунга антиклерикализма и искать пути примирения с церковью. В 1947 г., впервые со времен Французской буржуазной революции конца XVIII в., одна из масонских лож пригласила выступить перед нею епископа Пезерля.

венных субсидиях церковным школам способствовал расколу коалиции «третьей силы», значительная часть лидеров масонских лож санкционировала поворот «умеренного» крыла партии радикалов (Л. Мартино-Депла, Ш. Брюн и др.) к сотрудничеству с откровенно правыми, клерикальными партиями. Теперь масонство выполняло функции буфера, шарнира между социал-реформизмом и мелкобуржуазным радикализмом, с одной стороны, правоконсервативными кругами буржуазии — с другой.

Эта функция осталась уделом масонства и в условиях Пятой республики. Авторитарная структура политического режима сузила полномочия парламентских учреждений и выборных органов местного самоуправления, являвшихся ранее излюбленной сферой деятельности масонов. Поэтому масонские политики взяли курс на максимальное рассредоточение своих партийных ставок, стремясь обеспечить присутствие одновременно как в правящем лагере, так и среди группировок «умеренной» оппозиции, лавируя между ними и стараясь извлечь из этого определенные «комиссионные». В настоящее время три основные федерации масонских лож во Франции — «Великий Восток» (все еще крупнейшая), «Великая ложа Франции» и «Великая национальная французская ложа» — насчитывают соответственно 25 тыс., 12 тыс. и 2 тыс. членов. Большинство в первых двух составляют социалисты и радикалы, в последней — правобуржуазные элементы, близкие к партии «независимых республиканцев», хотя все они заявляют о своей «аполитичности». Естественно также, что последняя ложа поддерживает тесные связи с буржуазным масонством США и Англии. Однако и в остальных двух наблюдаются тенденции в пользу сближения с коалицией, стоящей у власти. Так, гроссмейстер «Великой ложи Франции» врач П. Симон, который в 1967—1968 гг. являлся кандидатом на парламентских выборах от Федерации демократических и социалистических левых сил (блок социалистов с радикалами), сблизился впоследствии с партией ЮДР, а затем и с «независимыми республиканцами».

Аналогичную эволюцию проделало правое крыло «Великого Востока» в лице сенатора А. Кайяве, в прошлом одного из лидеров движения левых радикалов, примкнувшего к совместной правительственной программе коммунистической и социалистической партий, а потом установившего контакт с правительственной коалицией. Его поддерживают бывший депутат-радикал Ж. Марозелли, генеральный директор акционерного общества «Сетимег» Р. Ле Пла, сенаторы П. Брусс и Г. Памс. Печать отмечает, что деятельность этой группы имеет целью подготовить воссоединение расколотой ныне партии радикалов, включить ее в состав правящего большинства, а затем с помощью радикалов попытаться оторвать социалистов от сотрудничества с коммунистами.

Таким образом, масонские ложи все более скатываются в лагерь правых. Этот процесс идет параллельно размежеванию среди трудящихся-католиков, значительная часть которых переходит на позиции левых сил. В таких условиях выродившееся и измельчавшее французское масонство прямо становится вспомогательным инструментом реакции.

В Отделении истории АН СССР и Научных советах

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА *

13 февраля 1976 г. на совместном расширенном заседании Бюро Отделения истории и Бюро Отделения литературы и языка АН СССР состоялось обсуждение книги Олжаса Сулейменова «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя» (Алма-Ата. Издательство «Жазушы». 1975). Руководили совместным заседанием академик-секретарь Отделения истории акад. Е. М. Жуков и и. о. академика-секретаря Отделения литературы и языка чл.- корр. АН СССР Г. В. Степанов. Произнесший вступительное слово Г. В. Степанов отметил, что, хотя работа советского поэта О. Сулейменова и не является строго научно-исследовательской, такое обсуждение целесообразно, поскольку в этой книге автором поставлен ряд важных проблем: история и жизнь, история и современность, история и художник, история и политика, взаимоотношения между Древней Русью и степным Востоком, методология. Центральное место в книге отведено попытке заново истолковать происхождение и сущность «Слова о полку Игореве» на основе имеющегося славистического и тюркологического материала. В связи с этим Г. В. Степанов попросил присутствующих оценить данную работу в методологическом, теоретическом и фактическом отношениях.

Выступавшие отмечали, что книге присущ ряд достоинств: попытка изложить результаты заинтересованной работы О. Сулейменова над «Словом о полку Игореве»; наличие у автора поэтического дара и обостренного чувства образа; внимание к художественной структуре «Слова»; живой интерес к проблемам истории; справедливость той мысли, что изучение отношений Руси со степными народами требует большего внимания; стремление глубже изучить преемственные связи между культурным наследием и современностью; наличие рациональных зерен в истолковании фольклорной основы отдельных мест «Слова»; интересное переосмысление некоторых устоявшихся положений. Вместе с тем выступавшими было сделано много критических замечаний.

Директор Института археологии АН СССР акад. Б. А. Рыбаков подчеркнул, что он коснется только «славянской» части книги. Автор, для которого характерно скептическое отношение к самому слову «ученый», не захотел предварительного обсуждения его сочинения специалистами. Между тем, если бы оно состоялось, автора предостерегли бы от многих ошибок. Неверен подход Сулейменова к «умноватой науке». В науке он видит «нечто противоположащее, что-то темное и довольно дремучее, с чем надо бороться светлым мечом поэзии, разрубить это чудовище и извлечь таким путем истину». В результате «качество работы получилось очень низким, эта книга лежит вне науки, хотя автор обнаружил большой и живой интерес ко многим проблемам истории». Но этот «интерес пытливого ума работает на холостом ходу, ибо здесь отсутствует самое главное — логика рассуждений и выводов, система доказательств».

* Публикуя на основе стенограммы обсуждения сокращенное изложение выступлений, журнал уделяет при этом главное внимание выступлениям историков, имея в виду, что содержание выступлений филологов отражено в материалах соответствующих периодических изданий.

О. Сулейменов «использует случайные созвучия, случайные совпадения». У него нет ни проверки высказываемых им соображений, ни их корректировки. Автору следовало не торопиться с публикацией. Относительно «Слова о полку Игореве» в книге имеются интересные мысли, но они «либо вообще не доказываются, а просто декларируются, либо доказываются не так, как надо».

Б. А. Рыбаков выражает несогласие с тезисом, будто половецкий язык был для Киевской Руси тем же, чем французский для России начала XIX в.; что «Слово о полку Игореве» написано наполовину по-тюркски. Это преувеличения, далекие от истины. Нельзя отрицать роль и влияние тюркского элемента, но нельзя его и преувеличивать. Преувеличения «объясняются поэтической пылкостью поэта, не подчиненной научным критериям». Рецензия на эту книгу, написанная А. Г. Кузьминым («Молодая гвардия», 1975, № 12), убеждает, что проблемы, за которые взялся О. Сулейменов, требуют отбора и предварительной разработки в кругу специалистов. Книга «воздвигает стену между учеными и поэтами, хотя здесь должен быть полный союз». Необходимо больше дружелюбия в постановке таких вопросов. Непонятно, зачем поэту понадобилось так горячо выступать против «мудрствующих ученых», их вымышленной «летаргической спячки», против «патриотической науки».

В книге О. Сулейменова есть отдельные положения, требующие дальнейшей научной разработки, и некоторые выводы автора могут подтвердиться, но они нуждаются в ином изложении. Б. А. Рыбаков привел примеры, свидетельствующие о незнании автором в ряде случаев конкретной истории. Вот один из таких примеров. На Ближнем Востоке в IV—III тысячелетиях до н. э. существовал культ богини Иштхор. Его заимствовали, как полагает О. Сулейменов, древние египтяне, считая Иштарь-Изиду матерью солнца. Ее сына, почитавшегося в Египте как новорожденное солнце, именовали Гором, или Хором. «Культе Гора-сына распространяется по миру в I тысячелетии до н. э.» (стр. 298); «Этруски поклоняются новорожденному солнцу. Его идолом становится бронзовое зеркало... Почти всегда рядом с рисунком младенца — надпись «геркле», то есть «Гер-сын» (стр. 298—299). Заметим, что связь этрусских зеркал с египетским культом Гора здесь ничем не доказана. Этрусское же «геркле» означает «Геракл». О. Сулейменов, однако, на этом не останавливается. «Зеркало», — пишет он, — станет матерью лексем «зрак», «зреть», «зрение». Славяне налаживают производство своих зеркал, подписывают и торгуют их древним германцам». Далее следует самое занимательное у О. Сулейменова: «Происходит это уже в то время, когда славяне пишут «по-гречески» (возможно, еще до Кирилла и Мефодия), а германцы «по-латински». И славянскую надпись «спікал» (зрикал) германцы читают «по-латински» — «спикэль». И у них появляется новое слово. (Сравните современно-немецкий «шпигель» — зеркало)» (стр. 299). Все тут надуманно и облечено в псевдонаучную форму. В действительности этрусских зеркал в славянских землях не было найдено нигде; нет оснований предполагать, будто первобытные праславяне в I тысячелетии до н. э. могли читать этрусские надписи; невозможно возводить славянские слова «зрение», «зрак» к непонятной надписи на зеркалах (которых предки славян никогда не видели). Общеизвестно обратное: слово «зёркало», «зерцало» происходит от общеславянского глагола «зреть» — видеть; превращение сулейменовского «зрикал» в немецкое «шпигель» путем экспорта славянских зеркал в империю Каролингов («до Кирилла и Мефодия») совершенно недоказуемо. Средневековые славяне бронзовых зеркал не знали. Археологами изучено около 20 тыс. славянских курганов, и ни в одном из них зеркал нет.

Можно посочувствовать О. Сулейменову, что до публикации рукописи никто ему по-товарищески не помог. Зато «нашелся человек, который сослужил автору плохую службу: это тот, кто издал книгу без критической проверки, без научного обсуждения, без дружеского совета автору», — заключил Б. А. Рыбаков.

Затем был зачитан присланный акад. Д. С. Лихачевым отзыв о книге, который гласит: «Слово о полку Игореве» привлекает внимание широких читателей и множества исследователей-любителей, которые, не являясь филологами, серьезно им занимаются и сделали немало интересных открытий. Некоторые из работ любителей печатаются в научных изданиях, таких, например, как «Труды» Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Естественно, что любовь к «Слову» заставляет этих любителей искать и обнаруживать в «Слове» то, что им близко и что их волнует, — «обнаруживать», но не навязывать «Слову». Последнее очень

важно. Навязывание «Слову» своих идей и концепций тоже имеет место, но оно отнюдь не расширяет и не углубляет наших представлений о «Слове», а лишь заставляет специалистов тратить время на опровержение этих взглядов и трактовок, изрядно иногда засоряющих нашу науку. С огорчением должен сказать, что книга известного казахского поэта Олжаса Сулейменова «АЗ и Я» нашего понимания «Слова» отнюдь не углубляет.

Во вступительной статье, рассматривающей историю изучения «Слова», О. Сулейменов выступает с научными и моральными наставлениями по поводу того, как следует изучать «Слово», и с советами на состояние науки о «Слове». Именно этот наставительный характер книги заставляет меня подробно остановиться на ней и постараться ответить на те методологические рекомендации исследователям «Слова», на которые автор так щедр в своем труде. Четыре главные мысли внушает нам автор: 1) «вся литература по «Слову», накопившаяся за два века непрерывного изучения, посвящена одному вопросу — подлинно ли «Слово о полку Игореве» (стр. 10); 2) «в этих условиях самая ценная фигура в науке — скептик» (стр. 16); 3) «в последние десятилетия советская «словистика» (то есть наука о «Слове». — Д. Л.) находится в состоянии динамичной статичности, природа которой не в самой науке, а возле нее» (стр. 15); 4) главная причина неудач — патриотизм защитников подлинности «Слова», подавляющий научную инициативу скептиков. «За два века ораторства в библиографии по «Слову» накопилась не одна сотня названий, в которых, как в болоте, буксуют одни и те же аргументы, не всегда научные, но всегда патриотические» (стр. 17). «Если бы математика и физика, — пишет О. Сулейменов, — испытали такое насилие патриотического подхода, человечество и сейчас каталось бы на телеге» (стр. 16).

Разберемся в этих положениях О. Сулейменова. Его заблуждение насчет патриотизма весьма печально. Истинный патриотизм не может творить насилий и идти против правды. Замалчивает истину, стремится приукрасить действительность только шовинизм, национализм. Только националисты, в глубине души не верящие в свой народ и его культуру, искусственно преувеличивают заслуги своего народа. Патриотизм не тормозит, а стимулирует изучение родной культуры. Патриотизм нельзя смешивать с национализмом.

Нельзя также согласиться с утверждением О. Сулейменова, что самая ценная фигура в науке — скептик и что только скептик оплодотворяет науку. Вопрос о скептиках в науке — вопрос серьезный, и на нем также стоит особо остановиться. Скептицизма в отношении древнерусских памятников теперь более чем достаточно, и это касается не одного «Слова». Э. Кинан (США) подвергает, например, сомнению принадлежность XVI веку сочинений Грозного и Курбского, «Казанской истории», собирается подвергнуть сомнению и еще ряд памятников XVI века. Э. Кинан тоже оправдывает и утешает себя тем, что он вносит творческое, подлинно научное начало в изучение памятников. Однако прежде всего заметим: исследование памятника отнюдь не ограничивается проверкой его подлинности. Напротив, проверка подлинности — это только самое начало исследования. Последующие же вопросы, встающие перед учеными — историком, лингвистом, литературоведом, палеографом, текстологом и др., — неизмеримо сложнее и обширнее. Скептик в элементарном смысле этого слова для последующего исследования фигура ненужная. Он может только призвать исследователей вернуться к первому этапу изучения памятника — к этапу определения его подлинности. Для исследователей памятника как достоверного факта нужны уже совсем другие «скептики», подвергающие сомнению не подлинность памятника, а подлинность и достоверность самого научного метода, которым пользуются его современники и пользовались предшественники. Но об этих «скептиках» у О. Сулейменова нет речи.

В качестве именно такого, последнего «скептика» попытаюсь показать неправильность и тенденциозность тех методических установок, с помощью которых О. Сулейменов навязывает памятнику свои представления о нем. Как это ни странно, но именно О. Сулейменов высказывается о том, что нельзя к источнику подходить с предвзятыми требованиями. Он пишет: «Академик Греков в капитальном труде «Киевская Русь» (1953 г.) обобщил широкий материал, накопленный летописями. В предисловии он писал: «И письменные и неписьменные источники к нашим услугам. Но источник, какой бы ни был, может быть полезен лишь тогда, когда исследователь сам хорошо знает, чего он от него хочет». В этих словах изложена суть метода, присис-

шего много бед историографической науке» (стр. 173). Метод, конечно, неправильный, если принять толкование слов Б. Д. Грекова Сулейменовым; Греков сам такого метода не применял. В полной же мере он применен именно О. Сулейменовым...

В конце своей небольшой вступительной главы, где О. Сулейменов рассматривает историю изучения «Слова», он дает собственную, совершенно фантастическую концепцию истории создания «Слова» (стр. 22—27). Опираясь на эту, никак не обоснованную концепцию, автор в дальнейших главах трактует текст «Слова» и дает собственные его реконструкции. Эта концепция О. Сулейменова не может рассматриваться как рабочая гипотеза или просто гипотеза. Научная гипотеза требует, чтобы в ее пользу была высказана хоть какая-нибудь аргументация и чтобы было учтено все, что так или иначе может ей противоречить. Концепция О. Сулейменова не есть и простое предположение. Предположение также требует, чтобы оно было правдоподобным и не вступало в противоречие с фактами эпохи. Концепция О. Сулейменова не только фантастична, она резко противоречит русской истории, истории литературы, письменности, палеографии...

Обратимся к некоторым конкретным истолкованиям О. Сулейменовым отдельных «темных мест» «Слова», предложенным им в свете своей концепции. Но предварительно сделаем несколько замечаний о том, каким условиям должны вообще удовлетворять истолкования. Как известно, в «Слове о полку Игореве» есть много мест, не получивших удовлетворительного объяснения. Поэтому появление новых толкований этих «темных мест», новых истолкований текста следует только приветствовать. Однако исследователь прежде всего должен доказать, что то или иное место действительно нуждается в исправлении и что существующий текст никак не может быть принят. Переиначивать ясный и простой текст, исходя из собственных предвзятых представлений о памятнике, опасно в принципе. Всякая гипотеза или даже предположение должны быть прежде всего логически необходимы. В самом деле, одному исследователю захочется уменьшить в «Слове» элемент таинственного, и он заменит Дива на «дива»-половца. Другому захочется уменьшить в «Слове» и без того слабый в нем церковный элемент, и он заменит обычное заключительное «аминь» на «честь» («а дружине честь»). Третий соберется увеличить в «Слове» весомость своего этноса. Идя по этому пути, исследователи станут менять текст в зависимости от различных конъюнктурных соображений, и мы вообще останемся без твердого текста памятника.

Второе условие выдвижения новой гипотезы: необходимо доказать, что предлагаемое новое объяснение проще и яснее предлагавшихся ранее. Для этого исследователь должен, разумеется, полностью знать всю существующую литературу и «публично» перед своими читателями с полной честностью, не скрывая сильных сторон сделанных до него предположений, показать их слабость. В-третьих, исследователь должен доказать, что новое исправление не противоречит данным истории русского языка, палеографии, истории, эстетическим представлениям своего времени. В-четвертых, если исследователь берется исправлять текст, то он должен быть компетентен во всех этих вопросах и не перелагать свои обязанности на каких-то будущих специалистов. Разумеется, исследователь должен ориентироваться в литературе вопроса, как бы она ни была обширна. В большой литературе о «Слове» существуют хорошие ориентиры: библиографии Л. А. Дмитриева (М.-Л. 1955) и В. П. Адриановой-Перетц (М.-Л. 1940), словарь-справочник по «Слову» В. Л. Виноградовой (вып. 1. Л. 1965; вып. 2. Л. 1967; вып. 3. Л. 1969; вып. 4. Л. 1974), книги В. П. Адриановой-Перетц (Л. 1968), Ф. М. Головенченко (М. 1955) и многое другое. Кстати сказать, ни одно из этих изданий, при обилии жалоб О. Сулейменова на обширность литературы, в его книге даже не упомянуто.

Если в свете изложенных элементарных требований относительно исправлений и критики предшественников подойти к предположениям и гипотезам О. Сулейменова, то общая картина будет малоотрадной. О. Сулейменов предлагает исправлять вполне понятные места «Слова», заменяет обычные слова и обороты гапаксами (единожды встречающимися выражениями), не считаясь с правдоподобностью и степенью вероятности уже сделанных предположений и т. д. Например, многие ясные выражения «Слова» О. Сулейменов считает кальками с различных диалектов половецкого языка, сделанными в XVI веке. Д. С. Лихачев привел далее десятки примеров такого рода произвольных истолкований в книге «АЗ и Я» и показал их несостоятельность. О. Сулей-

менов свободно конструирует авторский текст «Слова», не стесняясь делать вставки по собственному усмотрению. Между прочим, он учит автора «Слова» вежливому обращению на «Вы», как известно, заимствованному у нас из французского языка только в XVIII веке.

О. Сулейменов имеет крайне неточные представления о древнерусских летописях. Между тем в его книге мы встречаем постоянные ссылки на «обыкновения» русских писцов или на те или иные якобы характерные палеографические детали, представляющие собой лишь фантазии самого О. Сулейменова. А он преподносит их как всем известные факты или выдает за сведения из летописей. Весь раздел, посвященный исторической основе «Слова» и носящий название «Честное «Слово», написан в том же роде, с такими же свидетельствами и изображением исторических событий, предшествовавших событиям «Слова» или легших в его основу. Многочисленные фантазии и прямые ошибки, которые имеются в книге О. Сулейменова, говорят о том, что она написана без чувства ответственности перед историческими фактами.

О. Сулейменов озабочен восстановлением нравственной атмосферы в науке о «Слове». Но что такое нравственная атмосфера в науке? Прежде всего нам думается: 1) соблюдение уважения к фактам; 2) соразмерность выводов с собственной компетенцией в изучаемом вопросе; 3) соблюдение элементарных методических приемов и правил; 4) уважение к предшественникам; 5) полное знакомство с литературой по изучаемому вопросу. Наука и нравственность неразрывны. Нравственность в науке — это прежде всего научная честность, научная осторожность, отсутствие предвзятости, одностороннего стремления навязать изучаемому памятнику заранее постулируемые качества. Меня, как русского человека, трогает в хорошем смысле стремление О. Сулейменова вложить в «Слово о полку Игореве» и черты своего, тюркского этноса. Трогает меня и другие проявления явной любви О. Сулейменова к «Слову». Но одно дело — область читательских чувств, а другое — наука. Хотелось бы дать О. Сулейменову и еще один совет: нельзя путать различные литературоведческие жанры. Серьезность темы, которой посвящена книга, и серьезность научных претензий, которые в нее вложены, требовали и серьезности исполнения. Нельзя на такие темы писать романизированные исследования, утомительно оснащая их всевозможными остротами, каламбурами и ребусами. Легкий успех у читателя, «успех скандала» не должен радовать уважающего себя автора. О. Сулейменову должно быть стыдно за некоторые места своей книги, например, за такие: Игорь — «не сокол, а презренная птица, питающаяся падалью» (стр. 106); работа В. Н. Татищева над Ипатьевской летописью отражает «уровень исторической науки XVIII века, когда русский интеллигент почувствовал обиду за «подлое прошлое» народа» (стр. 98) и решил поэтому исправить его самыми грубыми фальсификациями; «комплекс неполноценности, вызванный Игом (вероятно, неполноценности национальной, русской, вызванной татаро-монгольским игом. — Д. Л.), заявил о себе в работах первых же русских историков, начиная с Татищева» (стр. 187); русские «историки не могут простить далеким предкам фактов невежества, доверчивости и робости» (стр. 188) и т. п.

Заведующий Кабинетом Ближнего Востока и Группой древневосточной филологии Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР доктор исторических наук И. М. Дьяконов сказал, что талантливый поэт О. Сулейменов выступает в своей книге сразу на поприще истории, лингвистики и литературоведения, причем одна из двух основных частей работы посвящена новому прочтению некоторых мест «Слова о полку Игореве», а другая — предполагаемому родству тюркских языков с шумерским. В первой части И. М. Дьяконов находит интересным прочтение памятника с точки зрения не филолога, а поэта. К такому подходу филологам, изучающим данный памятник, стоит прислушаться. О. Сулейменов прав, что русско-половецкие отношения были более сложными, чем обычно предполагается. Но его позитивные предложения по прочтению отдельных мест в «Слове» по большей части неприемлемы. А во второй части база, опираясь на которую О. Сулейменов позволяет себе вторгаться в неведомую ему область, выглядит примерно так, как если бы человек, знакомый лишь с правилами арифметики, решился опровергать концепции ядерной физики. Автор, не знающий шумерского языка и слабый в тюркском языкознании, берется за сравнительно-историческую этимологию, попирая нормы этой науки, разработанные многими поколениями ученых. Идея о родстве тюркских языков с шумерским даже не

нова. Она опровергнута более полустолетия назад. Столь же тщетными оказались попытки сопоставления его с суданскими, тибетским, китайским, мордовским, осетинским, грузинским и венгерским языками, хотя это иной раз делалось на гораздо более солидной, чем в книге О. Сулейменова, научной основе. Создаваемые автором «классы слов» нелепы.

Сочинение О. Сулейменова представляет собой результат нигилистического, пренебрежительного отношения его к труду ученых. Подлинные открытия даются людям после глубокой и напряженной работы, а автор, видимо, забывает об этом. Одна из причин появления подобных работ — резонанс от «неудачной трактовки некоторых моментов русской истории и истории ряда народов СССР. Мы не имеем права забывать, что печенег и половцы являются предками ряда современных народов Советского Союза».

Директор Института русского языка (ИРЯЗ) АН СССР чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филин показал на примерах произвольное обращение О. Сулейменова с этимологией. Заместитель директора ИРЯЗ чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачев отметил, что отдельные меткие наблюдения автора и интересные страницы обсуждаемой книги тонут в ошибочном материале. Доктор филологических наук Л. А. Дмитриев (Институт русской литературы АН СССР) оценил книгу О. Сулейменова как заявку на то, что последний-де имеет право субъективно истолковывать любые научные данные, касающиеся «Слова о полку Игореве». Доктор филологических наук, проф. Н. А. Баскаков (Институт языкознания АН СССР) остановился на ошибках О. Сулейменова в сфере тюркской лингвистики. Председатель Советского комитета тюркологов акад. А. Н. Кононов, коснувшись некоторых положительных и отрицательных сторон книги, указал на то, что в нашей науке всегда признавалось культурное взаимодействие восточных славян и тюркоязычного населения, большое значение синтеза их культур. О. Сулейменов неправ, игнорируя это направление в работе советских ученых. А выход в свет его книги есть отчасти следствие разобщенной деятельности тех историков, литературоведов и лингвистов, которые специализируются на изучении «Слова о полку Игореве».

Директор Института истории СССР АН СССР акад. А. Л. Нарочницкий считает, что некоторые догадки О. Сулейменова о прочтении отдельных мест в «Слове о полку Игореве» и о порядке разделения текста на слова могут подтвердиться. Но это «не изменит в принципе баланса критических высказываний». Данная книга «свидетельствует о развивающейся в нашей научной литературе опасной тенденции к произволу и субъективизму в толковании текста, в подходе к критике древних текстов (с уклоном в поэтическую интерпретацию и выходом за пределы науки)». Существует дилетантизм, широко практикуемый любителями. О. Сулейменов ополчился на патриотизм. Между тем «патриотическое чувство, одушевленное прогрессивными идеями, было одним из величайших двигателей исторического познания». Конечно, «проявление национальной ограниченности приводит к ошибкам. В частности, такие ошибки делались историками, писавшими в духе великодержавного шовинизма и пренебрегавшими прошлым степных народов Востока». К сожалению, «сам автор не избежал аналогичной тенденции в своем преувеличении тюркских элементов и желании превознести их. Так что свою критику автор прежде всего должен отнести на собственный счет».

Что характерно для метода исторического познания у О. Сулейменова? Во-первых, поэтическая интуиция, на которую он надеется и которую противопоставляет строгой, рациональной критике текстов. Мы не выступаем против интуиции и творческой фантазии вообще, ибо ученому они нужны. Но субъективные предположения еще не наука, они требуют проверки и оценки степени их вероятности. Во-вторых, О. Сулейменов создает дилетантскими приемами произвольное нагромождение гипотез. Он увлекается длинной цепочкой произвольных предположений и тем самым занимается с точки зрения познания истины пустым делом. На место науки становится субъективизм. Даже название книги прямо свидетельствует об этом. Необходимо усилить воспитание нашей молодежи в духе уважения к истории и ее источникам. Нужно интенсивнее разрабатывать древние памятники, издавать работы по методологии научной критики текстов, полнее использовать традиции изучения источников, идущие от трудов таких ученых, как А. А. Шахматов, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, публиковать в широкой печати материалы о «скептических направлениях» в историографии и гу-

бительности как гиперкритицизма, так и наивно легкого подхода к источникам, издавать работы об ученых, давших образцы источниковедческого анализа. Нужно ликвидировать всякую обособленность историков местных от историков, занятых в центральных научных учреждениях, чаще собираться вместе и обсуждать злободневные вопросы. Отделение истории и Отделение литературы и языка должны выработать план соответствующих мероприятий, дав своим институтам задания по выпуску необходимой литературы.

Вице-президент АН Казахской ССР, директор Института истории, археологии и этнографии имени Ч. Ч. Валиханова, академик АН КазССР А. Н. Нусупбеков отметил, что книга «АЗ и Я» до ее публикации не обсуждалась в Казахстане никакими научными учреждениями, а выпустило ее в свет местное издательство без всякой консультации с АН КазССР. Какова причина ее публикации? «Вот популярный поэт, любимец нашей молодежи. И вот книга с большими отклонениями от общепринятых научных принципов. Что же заставило его написать такую работу? История народов СССР в древности и средневековье, этнокультурные процессы прошлого все больше привлекают за последние годы внимание общественности. К историко-культурным сюжетам обращаются и прозаики и поэты. Это объясняется повышением культурного уровня народа, его интересом к дискуссионным вопросам истории, правильным пониманием в СССР ленинской идеи отношения к культурному наследию. Отсюда же проистекает обращение известного казахского поэта к историко-лингвистическим сюжетам, его стремление по-новому прочесть некоторые страницы истории и предложить свои решения отдельных вопросов. Против этого не стоило бы возражать, если бы самый подход, методология поиска отвечали научным требованиям. Однако в книге «АЗ и Я», продолжающей прежние разыскания и публикации на страницах популярной периодики, О. Сулейменов в ряде случаев отходит от требований, предъявляемых научному исследованию, и выдвигает положения, дезориентирующие массового читателя. Аннотация к книге (на обороте титульного листа) сообщает, что автор «выступает против стереотипов, устоявшихся в науке». Это неплохо, если стереотип — догма, противоречащая истине, а новое доказано. Между тем в книге оспариваются не такие догмы, а положения, общепризнанные в советской науке и явившиеся результатом длительных научных изысканий. Эмоциональный накал спора с авторитетами не может подменить системы доказательств. Выступая против «казенного патриотизма», автор смешивает с ним подлинный, советский патриотизм.

Наука доказала, что «Слово о полку Игореве» пронизано истинной любовью к родине, что в нем заложена тема общности происхождения и единства русских земель. Заявляя о своем уважении к «Слову», О. Сулейменов на деле перечеркивает его основную идею. Я знаю автора как талантливого поэта, и объективно с его книгой получилось так потому, что он поэт, а не исследователь-историк». Нельзя смешивать летопись как исторический памятник со «Словом», которое является не только историческим памятником, а и художественным произведением. «Отнюдь не проявлением скромности является авторское положение о том, что «Слово» нужно читать не коллективом МЫ (Славист, Тюрколог, Историк, Поэт и др.), а коллективом Я» (стр. 8). Это было бы приемлемо, если бы Я вобрало в себя все качества указанного коллектива. Однако в «АЗ и Я» наличествует лишь одно из них, присущее поэту, чего явно недостаточно для переоценки содержимого «Слова».

Поражает высокомерное, с позиции абсолютного скептицизма отношение ко взглядам видных ученых. Историки Казахстана, как и всей страны, с глубоким уважением относятся к трудам Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, посвятивших многие страницы своих исследований «Слову о полку Игореве» и внесших большой вклад в развитие исторической науки. К сожалению, О. Сулейменов чувствует себя предельно свободным в оценках их трудов. Свои взгляды он обычно доказывает следующим образом: высказывает предположение, что-то допускает, затем с помощью лишь этимологических толкований либо с точки зрения более удобного прочтения текста, приемлемого именно для автора, предположение объявляется истиной. При этом отбирается то, что укладывается в авторскую концепцию, и с порога отвергается все, что в нее не укладывается. О. Сулейменов, говоря о процессе создания «Слова», многое домисливает. Занимаясь этимологией, он действует поверхностно и упрощенно. Касаясь патриотизма, он ошибочно смешивает его с псевдопатриотизмом. Книга в целом написана живо, инте-

ресно, иногда даже захватывающе, но больше рассчитана на сенсацию, чем на трезвое, продуманное решение поставленных в ней больших проблем».

После сегодняшнего обсуждения есть над чем подумать автору «АЗ и Я». «На мой взгляд, в книге явно переоценивается роль тюрков в истории, роль семитов в истории мировой цивилизации. Хочется верить, что поэт поймет несостоятельность своей концепции. Ратуя за объективность, он сам отошел от исторической правды». Это обсуждение должно сослужить пользу всем тем литераторам, которые берутся за историческую тематику, не обладая знанием общих закономерностей развития исторического процесса и конкретной истории отдельных народов.

Доктор филологических наук, проф. Б. М. Мусаев (Институт языкознания АН СССР), указав на некоторые достоинства книги «АЗ и Я», отметил ее недостатки в области лингвистики. Доктор филологических наук, проф. В. И. Абаев (то же учреждение), охарактеризовав ряд мест в книге О. Сулейменова как вычурные и претенциозные, призвал полнее разрабатывать малоисследованные до сих пор связи «Слова о полку Игореве» с фольклором и русско-тюркские языковые контакты. Доктор исторических наук А. Г. Кузьмин (Московский пединститут имени В. И. Ленина) заявил, что в книге «АЗ и Я» трудно отделить незнание от одностороннего подбора фактов. Доктор филологических наук О. В. Творогов (Институт русской литературы АН СССР), доктор исторических наук А. И. Клибанов (Институт истории СССР) также указали на ряд недостатков книги.

О. О. Сулейменов поблагодарил выступавших и сказал, что каждое выступление было понятным ему и полезным. Многие отмеченные недостатки, по-видимому, действительно присущи его книге. Вместе с тем О. О. Сулейменов подчеркивал, что его критиковали, не учитывая, что он не исследователь, а поэт и что к его работе нужно подходить не как к научному труду.

Подводя итоги обсуждения, Г. В. Степанов подчеркнул, что поэт имеет полную возможность заниматься историей и филологией, но делать это нужно серьезно, с уважением к науке. Следует занять четкую мировоззренческую позицию, не ударяться в скептицизм, не поддаваться личностным впечатлениям, не подменять ими длительной и кропотливой работы. В целом книга «АЗ и Я» в научном отношении, по его мнению, не может быть признана состоятельной.

Бюро Отделения истории и Бюро Отделения литературы и языка приняли решение опубликовать материалы обсуждения в своих журналах.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗРАБОТКИ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Состоявшийся в Москве 17 июня с. г. объединенный пленум Научного совета «История внешней политики СССР и международных отношений» при Отделении истории АН СССР и Научно-методического совета по пропаганде вопросов международной жизни при правлении Всесоюзного общества «Знание» рассмотрел вопрос о состоянии и дальнейших перспективах разработки истории советской внешней политики и ее пропаганды в свете решений XXV съезда КПСС.

Открывая заседание пленума, председатель Научного совета акад. А. Л. Нарочницкий отметил, что деятельность ЦК КПСС и Советского правительства по осуществлению ленинской внешней политики дает исследователям богатый материал для показа возрастающей роли СССР в мировом историческом процессе, преемственности миролюбивого и созидательного курса советской внешней политики на протяжении почти 60 лет. Успехи внешней политики СССР отчетливо прослеживаются по всем магистральным направлениям современных международных отношений: в дальнейшем укреплении дружбы СССР с социалистическими странами, в упрочении сотрудничества СССР с освободившимися развивающимися странами, в отношениях СССР с капиталистическими странами. Поскольку международные отношения развиваются в процессе

противоборства с противниками мира и разрядки, существует необходимость действительного разоблачения буржуазных фальсификаторов советской внешней политики, показа несостоятельности линии всех врагов мира, международной безопасности и прогресса. Масштабы и значение исследования и пропаганды достижений внешней политики СССР постоянно возрастают по мере усиления роли нашей страны, всего социалистического содружества в современном мире.

С докладом выступил заместитель председателя Научного совета и председатель Научно-методического совета член-корр. АН СССР В. Г. Трухановский. Он особо выделил значение всестороннего освещения непосредственного воздействия конструктивных инициатив СССР, других социалистических стран для решения сложных международных проблем и призвал ученых совершенствовать разработку этой проблематики в самых различных формах: документированных сборниках, монографических исследованиях, научных статьях, научно-популярной литературе, лекторской деятельности. Отечественная наука по истории внешней политики СССР и международных отношений поднялась сейчас на новую ступень. За последние годы появился ряд ценных работ, авторы которых творчески раскрывают внешнеполитические успехи нашей страны, достигнутые в сложных условиях упорной идеологической борьбы двух миров. Однако по-прежнему ощущается потребность в исследованиях, учитывающих все многообразие и интенсивность деятельности советской дипломатии на международной арене, как это сделано, например, в двухтомном издании «История внешней политики СССР. 1917—1975 гг.» под редакцией А. А. Громыко и Б. Н. Пономарева. Необходимость комплексного подхода к исследованию внешней политики — важнейшее условие его высокого научного уровня, ибо все направления деятельности советской дипломатии, будь то взаимоотношения внутри социалистического содружества, связи с освободившимися странами или контакты с капиталистическим миром, — находятся в тесной органической взаимосвязи.

Специального исследования требуют темы о международном значении XXV съезда КПСС, определяющих и движущих силах в политике разрядки, ставшей ведущей тенденцией современных международных отношений. Первостепенное значение имеет научное освещение истории развития и укрепления мировой социалистической системы, процесса постепенного сближения стран социализма как исторической закономерности, возрастающего воздействия их согласованной внешней политики на структуру и характер международных отношений. Узким местом остается анализ теоретических основ внешней политики в условиях развитого социализма. Необходимы также специальные фундаментальные работы, в которых было бы предпринято всестороннее рассмотрение основополагающих ленинских принципов советской внешней политики — социалистического интернационализма и мирного сосуществования, их содержания и генезиса, практического применения в современных условиях разрядки, особенно после Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Пропаганда внешнеполитической деятельности КПСС и Советского государства — важнейшая задача, которая решается не только в фундаментальных исследованиях, но и в научно-популярных изданиях, лекциях. Докладчик рассказал о работе, которую ведет Научно-методический совет, оказывающий постоянную помощь лекторам и действующий систематическому выпуску материалов по международной проблематике. В 1975 г. им было опубликовано около 20 таких брошюр. В том же году по линии общества «Знание» было прочитано до 10 тыс. соответствующих лекций. В. Г. Трухановский остановился также на деятельности Научного совета по координации и интенсификации научных исследований. Немаловажное значение имеют созываемые советом научные конференции, ставшие признанными форумами, участники которых могут всесторонне обсуждать актуальные вопросы советской внешней политики.

Отчет о деятельности Научного совета за 1975 г. сделала его ученый секретарь В. И. Милюкова. В 1975 г. было проведено две научные конференции: в Москве по теме «Историческое значение установления отношений дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и социалистическими странами Европы» и в Баку по теме «Программа мира, разработанная XXIV съездом КПСС, в действии». В обеих приняли участие ученые из всех союзных республик, а также из других социалистических стран. На каждой из них было заслушано около 40 докладов и сообщений. Итоги их работы, вызвавшей интерес у широких кругов общественности, были положительно

оценены советской печатью. В сфере публикаций Научный совет также действует интенсивно. Совместно с Отделением истории и Институтом истории СССР АН СССР он подготовил двухтомное издание избранных трудов своего первого председателя акад. В. М. Хвостова. Сдан в производство сборник статей, составленный на основе материалов конференции, состоявшейся в Москве, и готовится к изданию сборник статей по материалам бакинской конференции. В октябре с. г. в Алма-Ате состоится Всесоюзная научная конференция по теме «Ленинская внешняя политика в свете решений XXV съезда КПСС», организуемая Научным советом совместно с АН Казахской ССР, Дипломатической академией и Московским государственным институтом международных отношений МИД СССР.

В ходе дискуссии член бюро Научного совета А. Е. Ковалев обстоятельно осветил советскую концепцию понятия разрядки международной напряженности, ее смысл и цели, зафиксированные в документах XXV съезда КПСС и официальных заявлениях Советского правительства. Он высказал пожелание, чтобы ученые не ограничивались констатацией успехов разрядки и, детально анализируя борьбу за нее, обобщали богатый исторический опыт деятельности Советского Союза на внешнеполитической арене. Необходим также анализ истоков и причин возникновения и эволюции международной напряженности. Далее А. Е. Ковалев показал, как изучение и обобщение опыта борьбы СССР за разрядку напряженности помогает советским дипломатическим работникам в их повседневной практике.

Акад. И. И. Минц обратил внимание на необходимость учета в исследованиях такого все более активно проявляющего себя фактора международной жизни, как роль общественных движений, народных масс, чье воздействие на решение жизненно важных задач политики постоянно возрастает. Без всестороннего освещения этого фактора процесс формирования международных отношений, как и вся картина современного мира, останутся раскрытыми не полностью. Наукой здесь сделаны пока лишь первые шаги. Нужно помнить о словах В. И. Ленина, сказанных им на II Всероссийском съезде Советов 26 октября 1917 г., когда вождь социалистической революции призвал рабочий класс «всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей» помочь «успешно довести до конца дело мира» и потребовал, чтобы было предоставлено право «обсудить условия мира народам, выразить свою волю»¹.

В ряде выступлений отмечалось, что одной из первостепенных задач советской науки является создание крупных трудов, которые раскрывали бы во всей полноте и многообразии теоретические основы, классовую сущность и практический эффект миролюбивой согласованной внешней политики социалистического содружества и показывали принципиальные различия между нею и политикой развитых капиталистических стран. И. И. Орлик (Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР) отметил, что динамизм и эффективность внешнеполитической деятельности СССР, других социалистических стран ставят перед исследователями и пропагандистами задачу глубокого научного осмысления и теоретического обобщения новых явлений в современной международной жизни. В первую очередь это относится к освещению возросшей роли стран социализма при решении сложных мировых проблем. Он подчеркнул, что анализ социалистической стратегии мира, который дан в материалах XXV съезда КПСС, съездов братских коммунистических и рабочих партий, является основой для дальнейшей разработки таких актуальных проблем, как: укрепление единства стран социализма в условиях строительства и совершенствования развитого социалистического общества, соотношение национального и интернационального во взаимоотношениях социалистических стран, отношения между социалистическими и развивающимися государствами, главенствующая роль стран социализма в дальнейшем упорочении разрядки международной напряженности.

Большое внимание в ходе дискуссии было уделено дальнейшей разработке теории внешней политики СССР. Несмотря на уже накопленный здесь опыт, подчеркнул Л. Н. Нежинский (Институт истории СССР АН СССР), пока еще недостаточно внимания уделяется всестороннему освещению органического и диалектического единства двух основополагающих принципов социалистической внешней политики — социалистического интернационализма и мирного сосуществования. В научных иссле-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 16, 21.

дованиях целесообразно не ограничиваться односторонним освещением либо того, либо другого принципа, а учитывать их взаимодействие, взаимообусловленность и взаимодополняемость. Важность этой проблемы усугубляется наскоками врагов социализма, пытающихся показать мнимую «функциональную несовместимость» и «антагонистическое противоречие» этих основополагающих принципов социалистической внешней политики и «невозможность» на этом основании осуществлять нормальные мирные отношения с социалистическими странами.

Эти положения развивались и дополнялись и в других выступлениях. Заместитель председателя Научного совета В. Я. Сиполс (Институт истории СССР) констатировал нехватку крупных исследований по ряду основополагающих аспектов координированной внешней политики стран социализма, в том числе работ, обобщающих опыт деятельности организации Варшавского Договора, его Политического консультативного комитета. Далее оратор рассказал о ходе создания специалистами нескольких институтов АН СССР обобщающего труда по истории формирования и развития согласованной внешней политики стран социалистического содружества и отметил при этом неотложную необходимость появления новых работ о межгосударственных отношениях СССР с развитыми капиталистическими странами на последнем историческом этапе.

А. О. Чубарьян (Институт всеобщей истории АН СССР) остановился на вопросе о значении систематизированных исследований по истории международных отношений и внешней политики СССР для правильного осмысления событий сегодняшнего дня, для решения современных международных проблем. Это касается любых разделов истории международных отношений. Речь идет не о переписывании этой истории заново, а о ее обогащении новейшими документами, новыми оценками событий, о критическом анализе работ западных историков и политологов. А. О. Чубарьян высказал убеждение, что эффективность таких исследований значительно повысилась бы, если бы в больших масштабах использовались новейшие средства обработки материала источников, математические методы, применялась электронно-вычислительная техника.

Этапы истории международных отношений характеризовали в своих выступлениях члены бюро Научного совета Л. Д. Яблочков (Институт Африки АН СССР) и В. Т. Фомин (Академия общественных наук при ЦК КПСС). Они говорили о том, как развитие мирового революционного процесса, активизация международного коммунистического и рабочего движения, рост национально-освободительной борьбы, появление новых суверенных государств в Азии, Африке и Латинской Америке влияют на развитие мировой политики. Международные отношения стали ареной социальных противоречий между двумя мирами и упрочения классовой солидарности трудящихся. В. Т. Фомин остановился на вопросе о том, каким аспектам поддержки Советским Союзом всех революционных отрядов современности целесообразно уделить первоочередное внимание в научной работе; Л. Д. Яблочков более подробно касался того же вопроса в связи со всемерной поддержкой Советским Союзом национально-освободительной борьбы.

О большом размахе и многообразии форм пропаганды советской внешней политики рассказывали главный редактор издательства «Знание» А. А. Маринов и заместитель главного редактора ежемесячника «Слово лектора» М. В. Гусатинский. Н. Ю. Хомутов (журнал «Международная жизнь») подчеркнул важность публикаций не только фундаментальных монографий, но и статей, специально написанных для научных и научно-политических журналов и посвященных актуальным вопросам советской внешней политики и международных отношений. Выразив удовлетворение оперативностью освещения важнейших внешнеполитических акций советской дипломатии на страницах научной периодической печати и в сериях работ, выпускаемых издательством «Знание», все выступавшие по этому вопросу в то же время подчеркивали необходимость усиления аналитического характера таких работ, их большей доказательности и убедительности.

Подводя итоги деятельности двух научных советов, участники объединенного пленума приняли рекомендации, которые должны помочь улучшению научно-исследовательской и пропагандистской работы в данной области.

В. И. Милюкова

Рецензии

Г. С. ИГНАТЬЕВ. *Москва в первый год пролетарской диктатуры*. М. «Наука». 1975. 379 стр. Тираж 2 900. Цена 1 руб. 49 коп.

Среди славных героических лет, прошедших после победы Великой Октябрьской социалистической революции, по праву особое место занимает первый год диктатуры пролетариата, когда в результате ожесточенных классовых боев в нашей стране утвердилась рабоче-крестьянская власть и развернулось строительство нового, социалистического общества. В авангарде борьбы за дело Великого Октября шла пролетарская Москва, ставшая столицей молодой Советской республики, маяком для бурно развивавшегося во всех странах революционного движения.

История Москвы в первый год Советской власти давно привлекает внимание исследователей. Создана обстоятельная научная литература как в целом об историческом пути Москвы¹, так и об отдельных проблемах истории ее первого послеоктябрьского года². Автор рецензируемой книги, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР кандидат исторических наук Г. С. Игнатьев предпринял серьезную попытку дать сводное, обобщающее освещение всего комплекса проблем истории Москвы первого года Советской власти, исследовать «вопросы, которые, за небольшим исключением, не нашли в опубликованных трудах достаточно полного отражения» (стр. 11).

Первостепенное место в книге отводится проблемам, органически связанным с жизнью и деятельностью В. И. Ленина, который постоянно, изо дня в день руководил грандиозными социальными, экономическими и культурными преобразованиями в городе и во всей стране, досконально знал

нужды и настроения трудящихся столицы и активно поддерживал их многочисленные творческие начинания. И хотя проблема «Ленин и Москва» уже подверглась специальному изучению³, автор находит интересные и малоизвестные факты, штрихи, свидетельства, дополняющие яркий портрет Владимира Ильича. Уместно приведены автором высказывания о В. И. Ленине известного большевика-москвича А. Я. Аросева: «Мы недаром его смело и по-родному называем нашим. Часто в острые моменты колебаний многие из нас обращаются за последним словом к Ильичу... Самое замечательное вот что: трудно назвать такого из членов нашей партии, который по какому угодно вопросу побоялся бы пойти к Ильичу» (стр. 351).

Произведения В. И. Ленина, документы большевистской партии и Советского правительства составляют методологическую основу книги. Исследование ведется с использованием широкого круга разного рода исторических источников как опубликованных, так и не введенных еще в научный оборот, выявленных автором в фондах ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, Партархива Института истории партии МГК и МК КПСС, Государственного архива Московской области и др.

Большое внимание Г. С. Игнатьев уделяет рассмотрению вопросов, которые приобрели жизненно важное значение уже на другой день после утверждения Советской власти, а именно: созданию аппарата новой власти, укреплению рядов Московской большевистской организации; ликвидации остатков старой власти и предпосылок для реставрации контрреволюции, борьбе с антисоветским саботажем чиновничества, созданию органов суда и милиции; подробно освещены также обстоятельства переезда Советского правительства во главе с В. И. Лениным из Петрограда в Москву в марте 1918 г., деятельность Совнаркома и Московского Совнаркома, ликвидация последнего и передача его функций другим советским органам. При рассмотрении этих вопросов неизменно проводится ленинская мысль,

¹ См. «История Москвы». Тт. 1—6. М. 1952—1959; «Очерки истории Московской организации КПСС». М. 1966; «Любимый город». М. 1968; «Ленин и московские большевики». М. 1969, и др.

² И. М. Разгон. Москва в период иностранной интервенции и гражданской войны. М. 1947; «История гражданской войны в СССР». Т. 3. М. 1957; А. А. Добродомов. Москва— центр науки. М. 1964; И. А. Гладков. Очерки советской экономики. М. 1965; «История Коммунистической партии Советского Союза». Т. 3, кн. 1—2. М. 1967—1968; Л. М. Спирин. Крах одной авантюры. М. 1971, и др.

³ Одна из последних таких работ: «Ленин в Москве и Подмоскovie». М. 1970,

что для построения нового общества, для осуществления задач диктатуры пролетариата прежде всего необходимо «разбить все, что есть угнетательского, рутинного, несправимо-буржуазного в старом государственном аппарате, поставив на его место *свой*, новый аппарат» в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов⁴. Активное участие москвичей в укреплении новых органов власти, в выборах в Моссовет весной 1918 г. высоко оценил В. И. Ленин, выразив на первом заседании нового состава Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 23 апреля 1918 г. твердую уверенность в том, что «мы стоим на верном пути, который приведет нас к полной победе социализма»⁵.

Автор исследует такие важные и сложные вопросы, как национализация банков в Москве, введение рабочего контроля над производством и потреблением, национализация промышленности, последовательное осуществление ленинского плана социалистического строительства. Решение этих вопросов было тесно связано с борьбой за выход Советской республики из войны, за мирную передышку, и оправдана та подробность, с которой говорится о борьбе партии с «левыми коммунистами», с троцкистами, пытавшимися подорвать единство Московской большевистской организации.

Значительное место отведено в книге освещению истории борьбы с кадетской и эсеро-меньшевистской контрреволюцией, ликвидации левозсеровского мятежа в июле 1918 г., выступлений анархистов и уголовников. Автор с фактами в руках показывает, что Москва была не только «сердцем Советской России». Здесь подпольно действовали силы контрреволюции, готовившей заговоры с целью убийства В. И. Ленина и других руководителей Советской Республики, здесь создавались наиболее крупные и опасные организации для вооруженного свержения народной власти, при самом активном участии разведок империалистических держав. И тем более значительной была роль столицы, ее чрезвычайных органов во главе с Ф. Э. Дзержинским в своевременном пресечении разжигания классовых врагов.

Разоблачая противников социалистической революции, автор показывает их обреченность, неумолимый процесс их разложе-

ния и краха, проявляя при этом дифференцированный подход к оценке деятельности лидеров контрреволюционного лагеря и рядовых участников антисоветских выступлений, ставших на этот путь по заблуждению и признавших вскоре все завоевания Октябрьской революции. Гуманизм, убеждение, терпение — такова, как показывает книга, была основная тактическая линия Советской власти по отношению к своим несознательным противникам.

Москва явилась опорным пунктом формирования и обучения вооруженных сил Советской республики. Только в апреле 1918 г. здесь было создано семь крупных воинских частей Красной Армии во главе с видными большевиками-москвичами (стр. 201, 209—210, 361 и др.). Работа по строительству Советских Вооруженных Сил приняла поистине грандиозные размеры, когда против Страны Советов внутренняя контрреволюция развязала гражданскую войну, когда по заранее разработанному плану развернулась военная интервенция капиталистических государств. Москва, где напряженно работали ЦК партии, ВЦИК, СНК, действовал ленинский Совет рабочей и крестьянской обороны (позднее Совет Труда и Оборона), стойко противостояла многочисленным вражеским войскам, вселяя в массы трудящихся уверенность в неизбежной и скорой победе.

Наряду с военными вопросами москвичам приходилось заниматься широким кругом вопросов хозяйственного характера, восстановлением нормальной городской жизни, проведением неотложных мероприятий в области культурного строительства. Г. С. Игнатьев показывает те усилия, лишения и жертвы, которые потребовались, чтобы изгнать Москву от голода и, более того, оказать необходимую помощь в налаживании продовольственного дела в целом по стране, чтобы покончить с тяжелым наследием прошлого: безработицей, жилищным кризисом, эпидемиями, безграмотностью и культурной отсталостью. Уже в те месяцы, несмотря на чрезвычайно сложную внутреннюю и международную обстановку, в Москве под руководством партийной организации удалось провести многие важнейшие мероприятия по восстановлению коммунального хозяйства города, по развитию культурно-массовой работы.

Положения и выводы книги подтверждаются серией приложений: статистическими данными о социальном составе населения столицы в рассматриваемый период; харак-

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 303.

⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 237.

теристиками московских предприятий; составом рабочих и служащих; уровнем заработной платы и продовольственного снабжения москвичей; справками о московских профсоюзах; сводками о формировании в Москве частей Красной Армии; перечнем антисоветских газет, закрытых в 1917—1918 гг. за контрреволюционную деятельность. Наличие таких приложений — еще одно достоинство работы. Автор правильно поступил, приводя данные о социальном и количественном составе московских рабочих конца 1917—1918 годов. Но он исходит при этом (см. стр. 355) из «Всероссийской промышленной и профсоюзной переписи 1918 г.» (М. 1920), сведения которой, как известно, были весьма неполными. Они могли бы быть уточнены с помощью итоговых данных из фондов Центрального государственного архива г. Москвы, опубликованных в 1968 году⁶.

Сосредоточив главное внимание на исследовании лишь «основных политических, социальных и экономических процессов, происходивших в Москве в первый год пролетарской диктатуры» (стр. 29), автор, как нам представляется, несколько отошел от показа роли Москвы в общероссийском и международном плане; Москва имела исключительное значение для судеб всего революционного движения в первые годы Советской власти. Следовало бы осветить в книге важный в политическом и культурном отношениях факт овладения Советской властью в Москве, по декрету СНК РСФСР от 1 июня 1918 г., подписанному В. И. Лениным, богатейшими архивами старой власти, использование их для разоблачения антинародной политики царизма и Временного правительства, в интересах пропаганды идей Великого Октября.

За рамки темы выходят те страницы кни-

⁶ «Из истории фабрик и заводов Москвы и Московской губернии (конец XVIII — начало XX в.)». Обзор документов. М. 1968.

ги (стр. 213—218), где говорится об участии в московском революционном движении иностранных интернационалистов до октября 1917 года. При описании же этой темы за послеоктябрьский период роль их в событиях первого года диктатуры пролетариата несколько преувеличена.

Полнее можно было бы отразить вопросы, связанные с роспуском Моековским Военно-революционным комитетом контрреволюционной городской думы, происшедшим, кстати, намного раньше, чем в Петрограде. Датой роспуска думы в книге указано не 4, а 17 ноября 1917 г., то есть по новому стилю (стр. 32). Такой же перевод дат на новый стиль произведен и в других случаях, отчего, например, деятельность Московского ВРК за ноябрь 1917 г. оказалась непривычно передвинутой на 13 суток. Аналогично получалось и с декретами Советской власти, относящимися к концу 1918 года. Между тем в исторической литературе принято новый стиль употреблять с середины февраля 1918 года.

Встречаются некоторые досадные неточности. Так, правозсеровская (а не эсеровская) газета «Власть народа» была закрыта Московским ВРК утром 26 октября, а не 4(17) ноября 1917 г., как говорится в книге (стр. 369). Кроме четырех буржуазных и мелкобуржуазных газет, закрытых по приказу Московского ВРК 26 октября 1917 г. (стр. 368), в тот день были закрыты и конфискованы тиражи еще семи подобных изданий.

В целом же книга воссоздает грандиозную картину многотрудной и героической борьбы москвичей за всемерное укрепление Советской власти, за преодоление самых разнообразных трудностей первого года диктатуры пролетариата. Сделан новый шаг в исследовании истории социалистической Москвы — великого города, к которому приковано внимание всего человечества.

В. А. Кондратьев

З. Х. САРАЛИЕВА. «Капитал» К. Маркса и рабочее движение России (1895—1917 гг.). Распространение и пропаганда. М. Изд-во «Мысль». 1975. 212 стр. Тираж 6 000. Цена 1 руб. 08 коп.

История марксизма-ленинизма постоянно привлекает внимание исследователей, широкой научной общественности. С одинаковым интересом встречает она труды как по общетеоретическим проблемам, так и по конкретным вопросам истории возникновения, развития и распространения марксистского учения. Особое место среди них принадлежит монографиям и научным статьям, посвященным «Капиталу». И это понятно. Именно в этом произведении, в которое К. Маркс вложил титанический труд и могучий творческий гений, научный коммунизм получил фундаментальное экономическое обоснование, а диалектический и исторический материализм — дальнейшее всестороннее развитие. Глубоко исследовав в «Капитале» капиталистическую общественно-экономическую формацию, закономерности ее становления, существования и гибели, показав антагонизмы и вопиющую несправедливость капиталистического строя, раскрыв механизм эксплуатации пролетариата, К. Маркс выковал для него непобедимое теоретическое оружие в борьбе за уничтожение капитализма и создание социалистического общества.

Первый перевод «Капитала» на иностранный язык — русский — появился в России. К. Маркс, отметив высокий уровень перевода, выражал русским друзьям признательность за внимание к его трудам, радовался быстрому распространению его взглядов в России¹. «Нигде мой успех не мог бы быть для меня более приятен»², — писал он.

Естественно, что разработка темы «Капитал» К. Маркса и Россия — непреходящая научная задача советских исследователей. Ученые страны, где научный социализм впервые воплотился в жизнь, немало сделали для изучения различных аспектов этой темы. В их работах довольно основательно исследованы такие проблемы, как русские издания и цензурные преследования книги К. Маркса; русская экономическая мысль XIX в. и марксизм³. Тщательно

анализируется развитие В. И. Лениным экономического учения К. Маркса⁴. Сравнительно в меньшей степени прослежен процесс распространения «Капитала», идей экономического учения марксизма в рабочем движении. В вышедших до сих пор монографиях и статьях изложение ограничивалось по преимуществу 70-ми—90-ми годами прошлого века. Некоторые стороны темы освещались попутно с основными проблемами в работах по истории распространения марксизма-ленинизма в России, по истории дореволюционного периода деятельности Коммунистической партии Советского Союза⁵.

В небольшой, но емкой монографии кандидата исторических наук, доцента Горь-

«Капитал» Карла Маркса в России 1870-х годов. М. 1939; его же. Русская экономическая мысль 60—70-х годов XIX века и марксизм. М. 1956; Н. К. Каратаев. Первые переводчики «Капитала». «Историко-марксист», 1940, № 11—12; его же. К библиографии русских изданий «Капитала» Карла Маркса. «Труды» Библиотеки АН СССР. Вып. 1. 1948; Л. А. Левин. Библиография произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. М. 1948; О. П. Калекина. Очерки по истории марксистской литературы в России (1870—1917). М. 1962; «Очерки истории идейной борьбы вокруг «Капитала» К. Маркса. 1867—1967». М. 1968; «Литературное наследие К. Маркса и Ф. Энгельса. История публикации и изучения в СССР». М. 1969; А. В. Уроева. Книга, живущая в веках. М. 1972, и др.

⁴ А. И. Пашков. Экономические работы В. И. Ленина 90-х годов. М. 1960; «Вопросы экономической теории в трудах В. И. Ленина». М. 1962; Е. Г. Василевский. Аграрный вопрос в работах В. И. Ленина. М. 1964; его же. Развитие взглядов В. И. Ленина на империализм (1893—1917 гг.). М. 1969; А. И. Малыш. Вклад В. И. Ленина в разработку аграрной теории марксизма. «В. И. Ленин — великий теоретик». М. 1966; 2-е изд. М. 1969; его же. Защита В. И. Лениным идей «Капитала». «Очерки истории идейной борьбы вокруг «Капитала» К. Маркса. 1867—1967». М. 1968, и др.

⁵ См., например, «Из истории нелегальных библиотек революционных организаций в царской России». Сборник материалов. М. 1955; В. М. Власов. «Капитал» Маркса в России и Восточной Сибири (Из истории издания и распространения). Иркутск. 1958; Ю. З. Полевой. Зарождение марксизма в России. 1883—1894 гг. М. 1959, а также очерки по истории компартий союзных республик, областных и городских организаций КПСС.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 32, стр. 472; т. 33, стр. 453; т. 34, стр. 380, и др.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 35, стр. 342.

³ О. П. Маркова. Отклики на «Капитал» в России 1870-х годов. «Летописи марксизма», 1930, № 1 (XI); А. Л. Реуэль.

ковского университета З. Х. Саралиевой вопросы распространения, пропаганды и изучения «Капитала», идей экономического учения марксизма в рабочем движении России рассмотрены специально. В отличие от предыдущих исследований, хронологические рамки данной работы охватывают весь пролетарский период освободительного движения России (1895—1917 гг.). Автор опирается на широкий круг источников: документы РСДРП, социал-демократические листовки, центральную и местную большевистскую партийную печать, программы политической пропаганды, составлявшиеся партийными комитетами, каталоги библиотек, воспоминания деятелей большевистской партии, участников революционного движения. В исследовании использованы документальные материалы, выявленные в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в ЦГАОР и ЦГИА СССР, ЦГИА Украинской ССР. Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Государственном архиве Горьковской области и других архивохранилищах.

В книге рассмотрены три основные проблемы: история издания «Капитала» и других экономических работ К. Маркса в России; распространение и пропаганда идей «Капитала» в рабочем движении; конкретные формы изучения «Капитала» рабочими России.

Несомненный интерес представляет раздел об изданиях «Капитала» в России, который, обобщая ранее вышедшие работы о русских переводах этого произведения К. Маркса, содержит прежде неизвестные в литературе данные о переводе первого тома, осуществленном в 1899 г. минскими социал-демократами. Подробно излагаются новые сведения о предпринятом большевиками в 1907—1909 гг. издании трёх томов «Капитала». Работа эта начиналась при руководящем участии В. И. Ленина. Им, в частности, был отредактирован перевод части второго тома (как доказывает автор, довольно значительной — объемом в 5 печ. л.). Раскрываются также имена переводчиков этого издания — И. И. Скворцов-Степанов, М. А. Сильвин, М. Г. Лунц, В. А. Барзаров.

Новые документальные материалы и сведения приведены в книге и при освещении таких вопросов, как популяризация идей «Капитала» в легальных и нелегальных изданиях русской и переводной литературы; распространение идей экономического уче-

ния марксизма через легальные и нелегальные библиотеки, вечерние школы и культурно-просветительные организации; изучение «Капитала» в рабочих кружках, революционерами, находившимися в тюрьмах и ссылке, а также в кругах русской революционной эмиграции. В этой части книга не только существенно дополняет наши знания о формах распространения и изучения «Капитала», но и расширяет представления о большевистской пропаганде вообще.

Как достоинство следует отметить обширную «географию» исследования: крупные промышленные города Центральной России, Украина и Прибалтика, Сибирь и Дальний Восток, Закавказье и Средняя Азия. Это подчеркивает правомерность вывода З. Х. Саралиевой о беспрецедентном в истории международного рабочего движения той поры распространении «Капитала» в передовых слоях пролетариата России, а стало быть, об основательной теоретической вооруженности его революционного авангарда.

Основные вопросы исследования излагаются в неразрывной связи с идеологической деятельностью большевиков, В. И. Ленина. Книга имеет специальную главу — «Защита и пропаганда В. И. Лениным экономического учения К. Маркса», повествующую о непосредственном участии В. И. Ленина в издании «Капитала», в организации его изучения в рабочих кружках, о написании им листовок и многочисленных статей для партийной печати, в которых популяризировались и разъяснялись идеи экономического учения марксизма. Здесь же говорится о произведениях В. И. Ленина, в которых идеи «Капитала» развиты применительно к империалистической стадии капитализма и которые послужили обоснованием ленинской теории социалистической революции.

Что касается недостатков книги, то прежде всего следовало больше места отвести историографическому очерку; он в значительной части сведен к перечню авторов и названий работ, их содержание и значение для данной темы не раскрыты. Изложение в ряде разделов носит эскизный характер. Желательно было бы, например, расширить сведения о пропаганде идей «Капитала» в большевистской печати. Можно было ярче показать идейную борьбу вокруг экономического наследия К. Маркса, осветить коренное различие в подходе к теории марксизма: творческом — большевиков, догматическом — меньшевиков. Мно-

гие имена, особенно в главе «Капитал» К. Маркса и русская революционная эмиграция», остались нераскрытыми. В ряде случаев раскрыть их было совершенно необходимо.

И еще замечание отнюдь не «технического» свойства — чтение затрудняет отнесение ссылок на литературу и источники в конец книги. В монографиях, где основной текст неразрывно связан с научным аппа-

ратом, разделение их в пространстве вряд ли желательно.

Книга З. Х. Саралиевой — серьезное исследование важного вопроса истории марксизма-ленинизма, его распространения в России. Опыт ее создания послужит делу поиска целесообразных форм и методики решения научных задач подобного рода.

В. Ю. Самедов

В. А. ГЕОРГИЕВ. *Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в.* М. Изд-во МГУ. 1975. 200 стр. Тираж 2365 экз. Цена 90 коп.

На протяжении первой половины XIX в. Ближний Восток не раз являлся ареной острых международных кризисов. Политика России на отдельных этапах развития восточного вопроса получила освещение в ряде монографий советских авторов¹. Однако по истории восточного кризиса 1839—1841 гг., закончившегося установлением международно-правового режима черноморских проливов, до сих пор не было специально-исследования. Книга кандидата исторических наук, старшего преподавателя Исторического факультета МГУ В. А. Георгиева восполняет этот пробел. Она базируется на широком круге источников, в том числе неопубликованных или мало известных². Наряду с официальными документами и дипломатической корреспонденцией привлечены материалы прессы, мемуары и частная переписка государственных деятелей и дипломатов России, Англии, Австрии, Франции.

Автор выделяет две группы противоречий на Ближнем Востоке в 1830-е — 1840-е годы: между Англией и Францией, между западными державами и Россией. Основное внимание уделено второй группе противоречий, особенно русско-английским от-

ношениям, которые, по мнению автора, определяли в значительной степени развитие восточного вопроса в те годы. В книге справедливо подчеркивается, что экономическое развитие России и стран Западной Европы оказало существенное влияние на их политику в восточном вопросе (стр. 5—13).

В. А. Георгиев правильно отмечает, что в изучаемый период происходит дипломатическое сближение Англии и России, несмотря на имевшиеся серьезные политические и экономические разногласия между ними. Однако в книге недостаточно охарактеризованы другие направления внешней политики Англии этого времени, оказывавшие влияние на ее отношения с Россией. Ведь последние развивались в условиях угрозы разрыва Англии с Францией и, возможно, с США, незавершенного конфликта с Ираном, «опиумной войны» в Китае и вторжения войск Ост-Индской компании в Афганистан. Необходимо было также учесть влияние экономического кризиса в Англии 1836—1837 годов.

При рассмотрении англо-русских отношений по восточному вопросу В. А. Георгиев большое значение придает торговому соперничеству двух стран (стр. 13—16). Он подчеркивает, что происходило постоянное увеличение британского экспорта в Турцию и расширение ассортимента сбываемых товаров. В книге верно отмечено, что укреплению позиций Англии в Турции способствовало проникновение английского капитала (стр. 14—15, 99). Следовало бы при этом сказать, что вопрос о внешних займах Турции на рубеже 30-х — 40-х годов XIX в. не вышел еще из стадии проектов.

¹ А. В. Фадеев. Россия и восточный кризис 20-х гг. XIX в. М. 1958; Н. С. Киняпина. Внешняя политика России первой половины XIX в. М. 1963; О. Б. Шаповалов. Освобождение Греции и Россия. М. 1965; И. С. Достян. Россия и балканский вопрос. М. 1972; «Международные отношения на Балканах». М. 1974.

² См., например, «Correspondence relative to the Affaires of the Levant». Vol. I—III. L. 1841—1842.

Автор утверждает, что Николай I вскоре после 1841 г. понял, что обманут Англией (стр. 192). Однако ход переговоров и в 1844 г. и в 1853 г. свидетельствует об обратном³. В книге говорится, что царское правительство, считая возможной посылку десанта для защиты Константинополя, летом 1840 г. привело в боевую готовность эскадру Черного моря (стр. 133—139). Здесь нужно было бы указать, что эти действия были предприняты в соответствии с Лондонской конвенцией 3(15) июля 1840 г. (статья 3).

Внешнеполитическая программа Г. Пальмерстона в период кризиса 1839—1841 гг. заключалась в том, чтобы утвердить английское влияние в Константинополе, подорвать русскую торговлю на Ближнем Востоке, вытеснить Францию из Сирии и Египта (стр. 35). Непременным условием соглашения с султаном являлось распространение договоров Англии с Турцией на Египет. «Только так мы сможем свести на нет торговое влияние Франции,— заявил английский представитель в Константинополе Г. Понсонби в январе 1841 г.,— и поддержать авторитет султана»,— добавил он, маскируя задачи, поставленные Пальмерстоном (стр. 174). Распространение англо-турецкого торгового соглашения на Египет было предусмотрено при заключении торгового договора 1838 года. Однако, как подчеркивают арабские историки, добиться этого Англия смогла только после вооруженного вмешательства в турецко-египетский конфликт⁴.

Шаг за шагом автор раскрывает дипломатическую борьбу держав во время подготовки и подписания Лондонских конвенций 1840 и 1841 гг., которые были важными вехами второго египетского кризиса. В исследуемый период, как показано в работе, западные державы, и прежде всего Англия, стремились не допустить продления и применения Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. о союзе между Россией и Турцией. Если ранее эта политика освещалась преимущественно на основе донесений английских и французских представителей в Турции, то В. А. Георгиев дает не только критический анализ этих документов, но значительно дополняет их весьма ценными сведениями, содержащимися в переписке дип-

ломатических представителей России в Константинополе, Вене, Париже и Лондоне. Весьма важен для понимания внешнеполитического курса России в период кризиса 1839—1841 гг. неопубликованный доклад министра иностранных дел К. В. Нессельроде от 23 апреля 1839 г., проанализированный в монографии (стр. 89—90). Используя донесения посланника в Англии Ф. И. Бруннова, В. А. Георгиев раскрывает ход русско-английских переговоров в 1839 г., причину их неудачи, работу Лондонской конференции послов. Им привлечены также донесения из Лондона Н. Д. Киселева, которые отразили наметившееся сближение Англии и России в восточном вопросе. Хотелось бы отметить, что задачами британского кабинета в восточной политике явилось, кроме того, предотвращение русско-французского союза⁵ и двустороннего урегулирования турецко-египетского конфликта⁶.

Впервые подробно рассмотрено В. А. Георгиевым англо-австрийское военное вмешательство в турецко-египетский конфликт 1839—1841 гг., выяснена фактическая история интервенции, а также охарактеризована работа Константинопольской конференции европейских представителей. В. А. Георгиев широко привлекает донесения поверенного в делах В. П. Титова и генерального консула в Бейруте К. М. Базили. Он убедительно показывает, что совместные действия Англии и Австрии — двух соперников в восточном вопросе — были направлены на ослабление влияния как Франции, так и России.

Интересны наблюдения автора относительно англо-турецких переговоров о военном союзе в 1838—1839 годах. Миссия Мустафы Решид-паши, который вел эти переговоры в Лондоне, довольно обстоятельно изучена турецкими историками⁷. Английская историография об этом эпизоде предпочитает умалчивать. В. А. Георгиев рассматривает английский проект военного соглашения, известный ранее лишь частично

³ См. переписку Г. Пальмерстона с Ч. Гренвиллом: К. Bourne. *The Foreign Policy of Victorian England 1830—1902*. L. 1970, pp. 229—231.

⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 44, лл. 34—36.

⁷ R. Kaupar. *Mustafa Reşit Paşa ve Tanzimat*. Ankara. 1954. См. также более ранние работы турецких историков. Дж. Байсуна. Дж. Бильселя. Ю. Тенгиршенка в кн.: «*Tanzimat*». Istanbul. 1940.

³ Е. В. Тарле. Крымская война. Т. I. М. 1950, стр. 99—100 и др.

⁴ Р. Аль-Барави и М. Х. Улейш. Экономическое развитие Египта в новое время. М. 1954, стр. 88 и сл.

(стр. 78—79); он был направлен как против Мухаммеда Али, так и против России. По проекту, пишет В. А. Георгиев, «Англия предлагала помощь, которую она должна была оказать в этом случае, послав военные корабли в Средиземное и Мраморное моря. Таким образом, Пальмерстон надеялся нейтрализовать Россию во время нового восточного кризиса и заключить с Турцией договор, аналогичный Ункяр-Искелесийскому соглашению 1833 г.» (стр. 79).

Успехи Англии на Ближнем Востоке автор правильно связывает с ослаблением позиций царизма в этом районе, а также с усилившейся зависимостью Турции. Представляется, что в конечном счете социально-экономические условия явились решающей причиной, воспрепятствовавшей России и Турции, как черноморским державам, упорочить союзнические отношения. Эта сторона вопроса, несмотря на внимание, уделенное ей в книге, требует дальнейшей разработки. Русско-турецкие отношения после Ункяр-Искелесийского договора в советской историографии освещены еще недостаточно. Проведение внутренних реформ турецким правительством в период действия договора 1833 г. придает этой теме особенно важное значение.

Анализируя работы буржуазных авторов, В. А. Георгиев четко прослеживает позицию представителей отдельных школ и направлений. В книге использованы и некоторые исследования арабских историков (например, А. Исмаила, работа которого вышла в Бейруте в 1958 г.). Автору удалось показать, что апологетика внешней политики своих правительств не мешает мемуаристам критиковать собственных коллег (например: Ч. Гренвилу — действия Г. Пальмерстона, Ф. Гизо — неудачи А. Тьера), замалчивая при этом личные ошибки. Интересны данные в книге характеристики ряда государственных деятелей и дипломатов, показ приемов дипломатической борьбы в период кризисной ситуации, изучению которой посвящена монография.

Книгу В. А. Георгиева отличает ясность и динамичность изложения. Перед нами не просто еще одна история восточного вопроса, а исследование содержания, форм и методов политики России и западных держав на Ближнем Востоке, направленное своим острием против буржуазных фальсификаций.

Л. С. Семенов,
В. И. Шерemet

В. М. ПАНЕЯХ. *Холопство в XVI—начале XVII века*. Л. Изд-во «Наука». Ленинградское отделение. 1975. 368 стр. Тираж 3300.
Цена 1 руб. 43 коп.

Одной из центральных проблем истории России периода феодализма является становление крепостничества. Советские историки уже давно и плодотворно трудятся над исследованием крестьянства и других категорий зависимого населения в период складывания крепостного права. Долгое время бытовал тезис, что в XVI столетии холопство практически не принимало участия в феодальном хозяйстве. Даже в таком капитальном труде о крестьянах на Руси, каким является монография Б. Д. Грекова¹, о холопах при рассмотрении различных слоев зависимого населения XV—XVI вв. специально не говорилось. Правда, за последние годы появились работы, в кото-

рых вопрос ставится по-иному. Так, Е. И. Колычева показала, что холопы играли важную роль в хозяйстве феодалов XVI века². Об этом же пишут авторы коллективного труда по аграрной истории Северо-Запада России (на новгородском материале)³. Служилым холопам XVI в. уделил внимание в своей первой книге и автор рецензируемого труда⁴.

Основная часть новой монографии В. М. Панеяха посвящена положению различных

² Е. И. Колычева. *Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.)*. М. 1971.

³ «Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в.». Л. 1971; «Аграрная история Северо-Запада России XVI в.». Л. 1974.

⁴ В. М. Панеях. *Кабальное холопство на Руси в XVI в.* Л. 1967.

¹ Б. Д. Греков. *Крестьяне на Руси*. Кн. 1—2. 2-е изд. М. 1952—1954.

категорий холопства в конце XVI—начале XVII века. Главный источник, используемый автором — новгородские кабальные книги. Анализируются при этом и те из них, которые не были до настоящего времени известны (среди них книга, хранящаяся в Стокгольмском государственном архиве). Из сухих формул и лапидарных сведений кабальных книг В. М. Панеяху удалось извлечь яркий материал, вводящий читателя в самую гущу повседневных взаимоотношений господ с закабальными людьми. Второй комплекс источников, привлеченных к исследованию, — новгородские писцовые книги. Наконец, третий (традиционный) — законодательные памятники. Но и они в работе В. М. Панеяха зазвучали по-новому, ибо рассмотрены не сами по себе, а как бы в действии, то есть в сопоставлении с практикой.

Первый вопрос, анализируемый в книге, — пути развития холопства в XVI веке. В. М. Панеях обосновывает тезис, что для этого столетия нельзя еще говорить об вытеснении холопского труда из феодального хозяйства и об изживании холопства в целом. Но происходившая в это время трансформация различных категорий холопства и тяготевших к нему групп зависимого населения показала яркую тенденцию к этому явлению. Процесс был противоречив, объяснялся как реальными сдвигами в экономике страны, так и особенностями правительственной политики. Кризис полного холопства в XVI в. бесспорен. Но уже зависимость по служилой кабале, шедшая на смену старинным видам холопства, обнаруживает в самой своей сути противоречивые тенденции: с одной стороны, кабальные люди до конца XVI в. сохраняли право выхода на свободу путем уплаты долга своему господину, а с другой — на практике они рассматривались сквозь призму холопского права. Суть эволюции этого института В. М. Панеях усматривает в том, что, «возникнув как отношение экономическое (из займа), зависимость кабальных людей все в большей степени приобретала черты внешнеэкономического принуждения, превращаясь в разновидность холопства» (стр. 27).

Этот вывод внутренне противоречив. В. М. Панеяху не удалось доказать, что на протяжении XVI в. кабальная зависимость все больше приобретала черты холопей, а анализ Уложения 1597 г. этому явно противоречит. Правда, В. М. Панеях отмечает, что термин «кабальный холоп» встречается впервые в источниках только в 1570/71 г.,

а кабальные люди названы «холопами» впервые лишь в указе 1558 года. Однако кабальные люди и ранее подчинялись нормам общехолопского права. В духовных же XVI в. они всегда рассматривались в одном ряду с другими «людьми», то есть холопами. Тенденция развития форм холопей зависимости, в том числе кабальной, была обратной — дело шло к смягчению правовых норм. Правовое положение холопов и источники их формирования находились во взаимосвязи. Источники холопства расширялись, а это влияло и на смягчение его правовых норм.

Очень интересен раздел книги о добровольных холопах. Тонкие наблюдения привели автора к выводу о существенной разнице между наймом (работой за плату, «оброк») и добровольным (неоформленным) холопством (работой «за прокорм»). Прав В. М. Панеях и тогда, когда сближает «добровольную службу» с холопством, подчеркивая и существенные отличия этого института (стр. 28 и след). Перспективен и вывод о том, что «в середине XVI в. наметились два отношения к добровольной службе как к альтернативе холопства: положительное — со стороны таких деятелей господствующего класса, как Сильвестр, И. Пересветов, М. Башкин, и отрицательное — со стороны властей» (стр. 37). В. М. Панеях верно отметил, что приговор 1555 г. как бы предупреждал тех, кто держит добровольно людей: «Пеняйте на себя, если они окажутся ворами, государство не берет на себя защиту ваших интересов, если вы держите этих людей без крепостей». 1553—1555 годы были временем ряда антирелигиозных процессов. В ходе их осуждению подвергся М. Башкин, отпущавший на свободу своих холопов, возможно, пострадал И. Пересветов, рекомендовавший делать то же самое. Поколебался и авторитет Сильвестра, мастерская которого обслуживалась трудом «добровольных холопов». Конечно, в речах и поступках этих передовых общественных деятелей и мыслителей XVI в. правительство (и особенно церковь) усматривало прямую опасность своим социальным устоям. Ведь дурные примеры заразительны. А если и другие холопы захотят служить добровольно? А что, если они, как Феодосий Косой, станут на путь открытого неповиновения? В таких тревожных условиях и было принято законодательство об отпусках 1550—1559 годов. Оно было половинчато (правительство компромисса находилось еще у власти), но его тенденция

сводилась к одному: поставить предел добровольной службе. Видимо, именно влиянию А. Адашева (сподвижника Сильвестра) и следует приписать то, что закон распространен был не на все отпускные, а только на старые (то есть до судебного 1550 г.) и отличался известной аморфностью.

Очень важен раздел книги, посвященный холопью наделу. Ведь от решения этого вопроса зависит понимание того, насколько далеко зашел процесс сближения холопов с крестьянством в реальной социально-экономической жизни. Тезис о наличии холопских наделов в последнее время широко обосновывался Е. И. Колычевой⁵. В. М. Панеях в своем раннем исследовании отрицал (правда, в осторожной форме) существование холопов, являвшихся владельцами пашенных участков до конца XVI века⁶. Теперь же он снова обратился к этой теме и подверг анализу всю систему аргументации Е. И. Колычевой, широко используя новгородские писцовые книги. Критические замечания В. М. Панеяха во многих случаях весьма убедительны. Глухие сведения духовных грамот действительно не дают надежных свидетельств в пользу тезиса о том, что холопы сидели на своих наделах. Трудно даже установить, сидел ли на наделе холоп-слуга или рядовой «человек» феодала. Результаты примененного Е. И. Колычевой корреляционного метода обработки писцовых книг свидетельствуют о связи числа холопов с величиной пашни, то есть о занятии холопов земледелием, а не о холопских наделах.

И все же ряд случаев, отмеченных Е. И. Колычевой, бесспорно свидетельствует о наличии у холопов собственной запашки. В. М. Панеях даже увеличил их число, применив тонкую методику анализа писцовых книг Водской пятины 1539 года. Но неопределенность формулировок типа «пашет (помещик) на себя с людьми» не дает основания отбрасывать их вовсе, а показывает настоятельную необходимость поставить вопрос о применении формулярного анализа текста писцовых книг. Степень распространения наделения холопов землей не ясна, как остается открытым и вопрос о типичности для всей России наблюдений, сделанных В. М. Панеяхом на новгородском материале. «Едва ли,— пишет В. М. Панеях,— все же отыщутся разумные основания

настаивать на региональном характере сделанных здесь выводов... Во всяком случае, нам неизвестны факты, которые побуждали бы к этому» (стр. 71). Но нам неизвестны и факты, которые побуждали бы перенести новгородские наблюдения на другие земли России.

В центре внимания автора Уложение 1597 г.— кульминация холопского законодательства конца XVI—начала XVII века. Освещение этого вопроса наиболее удалось автору. Правовой анализ соседствует у него с проверкой логически-смысловых наблюдений конкретным материалом кабальных книг. Спорные вопросы получают ясное и убедительное толкование. Двойственность выражением противоречивости социально-экономической действительности конца XVI века. Терминологический анализ понятий «старые» и «новые» кабалы сочетается с динамическим подходом к развитию норм холопского права. Очень убедителен анализ статьи 5 Уложения как правительственного признания краха всей системы выдачи отпускных грамот, введенной статьей 77 Судебника 1550 г. (стр. 105). Четко формулирует В. М. Панеях свое отношение к законодательным нормам о кабальном холопстве: это был «едва ли не первый серьезный шаг центральной власти на пути отмены холопства как формы зависимости вообще» (стр. 125).

Здесь у автора и множество конкретных наблюдений, важных для понимания не только судеб холопства, но и системы делопроизводства России XVI века. Так, особенности статьи 10 Уложения 1597 г. автор верно объясняет тем, что до нас дошел текст памятника, адресованный в Приказ Холопьяго суда. Или, скажем, особенности книги крепостей на добровольных холопов связываются им со стремлением правительства ликвидировать институт добровольной службы. Теперь устанавливалось, что человек, прослуживший полгода у хозяина без крепости, мог быть превращен в холопа. Угроза в отличие от указа 1555 г. адресовалась не к хозяину, а к самому добровольному человеку. Это было еще одним шагом «в сторону замены всех видов холопства кабальным холопством» (стр. 143) и вместе с тем мероприятием с целью «восполнить острый недостаток в рабочих руках, вызванный массовым бегством крестьян и холопов в 70-х—90-х годах XVI в.» (стр. 144). Закон также был направлен на борьбу с холопами побегами. Если ранее бежавший

⁵ Е. И. Колычева. Указ. соч., стр. 100—101.

⁶ В. М. Панеях. Указ. соч., стр. 64.

холоп мог рассчитывать на то, что он сможет у кого-либо служить «добровольно», «без крепости», а при желании уйти от нового хозяина, то теперь он фактически подобной возможности лишался, ибо срок добровольной службы суживался до полугода. Тенденция все та же, что и в расширении «срока» урочных лет для сыска беглых крестьян. Итак, получалось, что, переходя к другому господину, холоп снова попадал в холопью зависимость.

Рассматривая холопство конца XVI—начала XVII века, автор как бы показывает, насколько жизненным оказалось Уложение 1597 г. и что нового принесла с собою первая Крестьянская война в России, а отсюда и перспективы развития холопства в первой половине XVII в. В. М. Панеях изучает статистику закабалений за 1591—1609 гг. в связи с путями социально-экономического развития страны в обстановке резкого обострения классовых противоречий. Рост закабалений перекликается со свидетельством А. Палицына об увеличении численности холопов при царе Федоре. Автор показывает также влияние «голодных лет» на статистику закабалений. Рассматривая социальный состав закабаляемых, В. М. Панеях (в отличие от существующего мнения) устанавливает, что процент крестьян среди них невысок. Втягивание свободных элементов в кабальное холопство было не столь интенсивно, как пополнение его за счет других элементов (бывших холопов и т. п.).

Исследователей уже давно ставил в тупик тот парадоксальный факт, что в служилых кабаках, выданных после 1597 г., сохранялся текст о выплате долга и выходе на свободу, хотя это было запрещено

Уложением о холопах. Приходилось ссылаться на косность формуляра актов. В. М. Панеях предположил (весьма убедительно), что просто Уложение 1597 г. (в части о выплате денег закабаляемыми) было временным мероприятием, которое должно было быть отменено с течением времени. Именно поэтому в кабаках и сохранялся старый формуляр (стр. 186). Это объяснение соответствует другим крепостническим мероприятиям конца XVI в., рассматривавшимся как временные.

История холопского законодательства начала XVII в. показывает крах иллюзий закабаленного люда на возможность скорого освобождения из неволи, но вместе с тем и неудачу попыток крепостников «определить время», добиться бескомпромиссного утверждения своих прав на служилых и добровольных холопов. Крестьянская война и в данном случае задержала окончательное торжество крепостничества. Возврат к половинчатым нормам Уложения 1597 г. в 1609 г., как это доказал В. М. Панеях, был естественным результатом еще не завершенной тогда Крестьянской войны. Но для понимания всех сложных поворотов в законодательстве о холопах весьма полезно было бы изучить материалы, касающиеся движущих сил крестьянских движений начала XVII в., и в частности роль в них холопов.

В целом же книга В. М. Панеяха существенно обогащает советскую историографию периода становления крепостничества в России. Остается пожелать, чтобы с такой же тщательностью были изучены судьбы холопства на последнем этапе его многовековой истории — в XVII столетии.

А. А. Зимин

В. В. ПОХЛЕБКИН. СССР — Финляндия. 260 лет отношений (1713—1973). М. Изд-во «Международные отношения». 1975. 408 стр.
Тираж 10 000. Цена 1 руб. 63 коп.

В монографии кандидата исторических наук В. В. Похлебкина рассматриваются отношения нашей страны с Финляндией со времен Петра I до настоящих дней. Работу характеризует не только масштабность авторского замысла, но и определенная специфика, выражающаяся в том, что книга нацелена на выявление ос-

новополагающего аспекта в историческом развитии взаимоотношений двух стран, а именно: как создавалось между этими странами доверие, как оно нарушилось и как было восстановлено. При этом анализируются первопричины данного процесса, которые до сих пор в значительной степени оставались невыясненными. Целостное иссле-

дование большого хронологического отрезка, а также комплексное изложение юридических, политических, психологических и военно-стратегических аспектов в отношениях двух стран позволяют автору добиться объективного анализа взаимоотношений Финляндии с Россией и Советским Союзом, освободив историю этих отношений от различного рода мифов и извращений, насланавшихся десятилетиями и поддерживаемых правыми кругами финляндской историографии.

Достоинством книги является единая и ясная терминология, четкость и простота в подаче сложных вопросов, логичность, а также единство публицистического и научного жанра. Нельзя не отметить и такой отличительной черты индивидуального исследовательского профиля автора, как полемическая форма изложения, которую еще В. И. Ленин считал необходимой и желательной «для выяснения глубины существующих разногласий, для всестороннего обсуждения спорных вопросов»¹.

Автор не случайно взял за начальный рубеж своего исследования 1713—1714 годы. Это тот этап Северной войны, когда русские войска начали военные действия против шведов в Финляндии и в части этой страны установили свою администрацию. Тогда правительство России обратилось к финнам с декларацией, в которой впервые излагалась его политика в отношении Финляндии. Таким образом, это — время первых непосредственных внешне- и внутривнутриполитических контактов России и Финляндии. С этого рубежа контакты становятся постоянными, так как к России отходит часть Южной Финляндии, и политика по отношению к Финляндии становится компонентом внешней и внутренней политики России. Установление этого хронологического рубежа имеет весьма важное значение, ибо обычно начало русско-финляндских отношений относят к 1809 г. — году присоединения Финляндии к России, забывая, что так называемая Старая Финляндия входила в состав России с 1714 года. Вынеся вперед начальный рубеж русско-финляндских отношений, автор дает читателю возможность уяснить их генезис и тем самым лучше понять их традиции и направления, которые сформировались позднее.

Иными словами, политика, начатая царским правительством в 1809 г. и проводимая им в последующее время, была про-

долженем, а не началом, как это часто указывается в исторической литературе, отношений между Россией и Финляндией. Политика России, как это ясно показано в книге, уже во время Северной войны имела своей целью вызвать доверие у финнов. Присоединение Финляндии к России было не следствием войны 1808—1809 гг., а результатом договора между Финляндией и Россией, в котором Финляндия рассматривалась как равноправный участник. Вплоть до конца XIX в. царское правительство, исходя из внутривнутриполитических и военно-стратегических соображений, а также учитывая политический консерватизм финляндского общества, проводило в отношении Финляндии линию односторонних уступок в экономических и политических вопросах (стр. 53).

В книге точно устанавливается время поворота в русско-финляндских отношениях. Предопределенный объективными историческими условиями, он возник в конце XIX в. под давлением трех сил: административного аппарата, военных и промышленно-экономических кругов России, потребовавших от правительства, каждая в своих интересах, унификации финляндских и российских политических и экономических условий и тем самым ликвидации сложившейся обособленности Финляндии (стр. 130—136). Став на путь изменения своего курса в отношении Финляндии, Россия никоим образом не имела своей целью ликвидировать финские национальные и культурные особенности. Существующие в финской историографии представления о том, что русское правительство проводило будто бы спланированную, целеустремленную политику национальной дискриминации финнов и их русификации, не имеют под собой оснований. Автор подчеркивает, что в работах В. И. Ленина для обозначения царской политики в отношении Финляндии нигде не употребляются такие выражения, как «русификация» или «национальное угнетение» (стр. 143).

Суть поворота в русской политике 1899—1901 г. в отношении Финляндии заключалась в стремлении изменить юридическое положение Финляндии в составе Российской империи. Эти попытки были сделаны в грубой и наименее приемлемой для финнов форме, что дало повод для разжигания в Финляндии буржуазного национализма и шовинизма. Революция 1905—1907 гг. сорвала эти мероприятия царизма, и автор, показав то, что отличало Финляндию от дру-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 331.

гих районов России, отмечает, что Финляндия с 1907 г. стала фактически республиканской страной (стр. 147).

Как видно из монографии, царизм, защищая интересы русской буржуазии, вступил в отношении антагонизма с буржуазией Финляндии. В то же самое время финляндская буржуазия, выдавая свои классовые интересы за общенациональные, разжигала национальную рознь, натравливая народ Финляндии не только на царское правительство, но и на русский народ (стр. 169). Автор находит и устанавливает четкие границы между национальными и социально-экономическими аспектами русско-финляндских отношений, выбивая тем самым из рук буржуазной историографии излюбленное средство апеллировать к национальным чувствам и трактовать любое социально-экономическое мероприятие и классовое столкновение как национальное угнетение.

Таким образом, к 1917 г. между господствующими классами в России и Финляндии наступил кризис доверия. Восстановить доверие финнов к России не способны были ни самодержавие, ни сменившее его Временное правительство, то есть ни русская буржуазия, ни меньшевики и эсеры. Эта тяжелая задача выпала на долю Советского государства.

Первая часть книги не только дает глубокий и всесторонний анализ развития русско-финляндских отношений, но и успешно выполняет важный авторский замысел в плане подготовки читателя к лучшему пониманию развития взаимоотношений между этими странами после Великой Октябрьской социалистической революции. Предшествующее исследование помогает осознать всю историческую значимость отношений между двумя странами в целом, их уникальность, тогда как разбор только советско-финляндских отношений не дал бы подобных результатов, ибо многие их аспекты и особенности не получили бы соответствующего раскрытия. Именно данная структура работы позволяет автору показать «уроки истории» на примере отношений Финляндии и России, Финляндии и Советского Союза.

В книге прежде всего вскрывается несостоятельность существующих в финляндской буржуазной историографии концепций о том, что В. И. Ленин и большевики предоставили независимость Финляндии в 1917 г. якобы с корыстными целями, в расчете на то, что Финляндия вновь присоединится к России, когда финские рабочие со-

вершат революцию. Автор убедительно показывает, что как раз наиболее характерной чертой советской политики была принципиальная последовательность в национальном вопросе, в отстаивании права наций на самоопределение. Большевики как партия всегда признавали за Финляндией право на самостоятельное существование, не отступив от этой линии и после Октября 1917 года.

Подчеркивая, что сам акт признания независимости Финляндии Советское правительство рассматривало как основу для будущих дружественных отношений, автор последовательно вскрывает причины того, почему они не установились тогда, наглядно показывая, что без мифа о «красной, большевистской опасности» буржуазия утратила бы в Финляндии свою руководящую роль и что обострение советско-финляндских отношений было ей необходимо для сохранения своих позиций (стр. 216). Из книги ясно видно, что финская буржуазия тешила себя все время мыслью о слабости Советской России, как она стремилась к экспансии против Советского государства. Убедительный вывод автора о том, что конфликт 1939—1940 гг. был результатом провокационной политики финских правящих кругов, вынуждены сейчас признавать и буржуазные деятели, что явствует, например, из мемуаров полковника К. Лехмуса², бывшего начальника отдела информации финской армии. Одновременно книга разоблачает фальшь пропагандируемой правыми кругами так называемой теории «плывущего бревна», согласно которой Финляндия якобы против своей воли была втянута в водоворот войны против Советского Союза. Недавно опубликованные в финской печати выдержки из дневника финского генерала П. Талвела³ убедительно свидетельствуют о добровольном согласии правящих кругов Финляндии участвовать в нападении фашистской Германии на СССР в 1941 году.

Исследование внешней политики Финляндии на большом историческом отрезке дает возможность В. В. Похлебину проследить все ее зигзаги и повороты, раскрыть связь между антирусскими и антисоветскими мифами и реальной антисоветской политикой финляндской буржуазии вплоть до второй мировой войны, а также нарисовать яркую картину того, как эта позиция финляндских

² См. K. L e h m u s. Kolme kriisiä. Helsinki. 1971.

³ См. «Kansan Uutiset», 18.XI. 1975.

правлящих кругов подрывала национальные интересы Финляндии. Не случайно финская буржуазная историография пытается сделать эту линию неясной, стремясь каждый этап внешней политики своей страны рассматривать изолированно, отделяя таким образом причины от следствия и получая широкие возможности подтасовывать исторический материал.

Важное место отводится в книге характеристике коренного поворота во внешней политике Финляндии после второй мировой войны, которая «показала предельно наглядно не только плачевные результаты внешнеполитических антисоветских концепций финляндских правящих кругов, но и убедительно доказала большинству финнов, что на этом пути нечего искать» (стр. 307). Автор подчеркивает, что поворот не был мгновенным и занял несколько этапов: сначала от перемирия к миру, а затем к заключению в 1948 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, явившегося большим историческим событием в советско-финляндских отношениях. Автор анализирует содержание и смысл договора, его букву и его дух, его особенности. В книге подчеркивается беспрецедентный и уникальный характер советско-финляндского договора, который воплотил ленинские принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем, стал прочным фундаментом советско-финляндских отношений и важным фактором мира и безопасности на Севере Европы.

Советско-финляндские отношения в 1948—1973 гг. автор разделяет на четыре этапа и впервые в советской исторической литературе обосновывает их хронологические рамки: 1948—1955 гг. — борьба за восстановление советско-финляндского доверия; 1956—1960 гг. — формирование «линии Паасикиви — Кекконена» как основного направления финляндской внешней политики, означающего курс на деловое сотрудничество с СССР; 1961—1966 гг. — рост международного значения «линии Паасикиви — Кекконена» и, наконец, 1967—1973 гг. — расширение и углубление дружественного сотрудничества СССР и Финляндии по всем линиям — государственной, партийной, общественной, экономической и культурной. Четвертый этап развития советско-финляндских отношений можно по праву назвать этапом материализации доверия и дружбы народов СССР и Финляндии. Его наступление, несомненно, вызвано глубокими причинами, связанными с общей демо-

кратизацией внутриполитической жизни в Финляндии и с определенными положительными сдвигами в международной обстановке. Начиная с этого момента внешнеполитический курс на дружбу и сотрудничество с СССР получил в Финляндии широкую внутриполитическую поддержку.

Особо автор выделяет итоги советско-финляндских отношений за 50 лет, подчеркивая их международное значение: во-первых, СССР и Финляндия первыми вступили на путь мирного сосуществования стран с различными социальными системами, первыми в условиях послевоенной Европы сумели подняться над тем, что их разделяло, и избрали единственно правильный курс — курс мира и сотрудничества; во-вторых, СССР и Финляндия так построили договорные отношения, что они не только не наносят ущерб, не мешают другим странам, но и выступают в роли гаранта мирного развития в целых регионах Европы — в Северной Европе и в бассейне Балтийского моря, а также имеют стабилизирующее значение для сохранения мира на всем Европейском континенте, способствуя разрядке напряженности; в-третьих, экономические отношения между СССР и Финляндией построены на учете глубоких национальных интересов, совершенно свободны от дискриминации и содействуют укреплению выгодного для каждой страны международного разделения труда и специализации; наконец, опыт советско-финляндских культурных отношений своей разносторонностью, обилием форм и в еще большей степени гармоническим, миролюбивым направлением всего содержания этих контактов также имеет международное значение.

Монография наносит удар по буржуазным концепциям финляндской историографии, которые имеют непосредственное отношение к сегодняшнему дню. Ведь нельзя думать, что наличие дружественных отношений между СССР и Финляндией по государственной линии снимает вопрос о борьбе идеологических взглядов в историографии. Более того, книга вскрывает несостоятельность утверждений западной буржуазной пропаганды о якобы неравноправных отношениях между СССР и Финляндией, разоблачает так называемую теорию «финляндизации», убедительно показывая, что рост и значение международного престижа Финляндии после второй мировой войны опирается именно на развитие и укрепление дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, который, как подчеркнул на XXV съез-

де КПСС Л. И. Брежнев, ценит и стремится развивать и обогащать традиционные добрососедские отношения с Финляндией⁴.

Давая общую оценку монографии, нельзя не отметить тот резонанс, который вызвал в Финляндии ее первый вариант, изданный на финском языке в 1969 г. в Хельсинки. В Финляндии не оказалось почти ни одной газеты, которая не поместила бы рецензии на книгу В. В. Похлебкина, выпущенную там под названием «Финляндия как враг и как друг». Более того, рецензии были напечатаны в различных финских журналах, а также в английских, немецких, шведских и датских газетах и журналах. Как значительное и полезное произведение оценил

⁴ «Материалы XXV съезда КПСС». М. 1976, стр. 48.

книгу президент Финляндии У. Кекконен⁵. Такой большой интерес к книге, занявшей в Финляндии пятое место среди десяти лучших книг года, объясняется тем, что она затрагивает животрепещущие вопросы истории русско-финляндских и советско-финляндских отношений, которые не потеряли своего значения в идеологической борьбе и по сей день. Автор создал ценную книгу, и его научные усилия заслуживают всяческого одобрения.

Ю. Д. Комаров

⁵ См. У. К. Кекконен. Финляндия и Советский Союз. Добрососедство, сотрудничество, взаимопонимание. Речи 1967—1972 годов. М. 1973, стр. 74.

А. Б. ДАВИДСОН, В. А. МАКРУШИН. *Облик далекой страны*. М. Изд-во «Наука». 1975. 423 стр. Тираж 15 000. Цена 1 руб. 80 коп.

Рецензируемая книга рассказывает о том, как русские люди познакомились с Южной Африкой, как они узнавали об этой далекой стране: из различных географических книг, рассказов бывалых торговых людей, а позднее и сами стали совершать путешествия до мыса Доброй Надежды. Авторы — доктор исторических наук, заведующий сектором Института всеобщей истории АН СССР А. Б. Давидсон и ленинградский историк В. А. Макрушин по архивным документам и печатным материалам XVIII—XIX вв. воссоздали историю изучения Южной Африки и сумели наглядно показать, как складывался в сознании русских людей того времени облик далекой страны, как постепенно менялись их представления о ней и как в конце концов загадочный мир Южной Африки становился близким, понятным и доступным русскому обществу первой половины XIX века.

Книга охватывает большой промежуток времени — от 30-х годов XVII в. (время появления на Руси первых переводных космографий со сведениями о Южной Африке) до 60-х годов XIX в. — то есть до нового периода в истории, ознаменовавшегося борьбой за раздел мира и прежде всего Африки. С точки зрения периодизации хронологические рамки книги не вызывают

возражений, хотя и не мешало бы отметить, что для познания Африки и изменения общественного мнения в России, его отношения к южноафриканской действительности определенное значение имеет рубеж XIX—XX веков и англо-бурская война, существенно повлиявшая в этом плане на русскую общественно-политическую мысль.

Большая часть фактов, изложенных в книге, уже известна науке, и в этом отношении авторы не являются первооткрывателями. Но они собрали и обобщили рассеянные по различным специальным изданиям сведения, суммировали показания различных источников, обследовали учебники, книги о путешествиях, карты и календари, частично привлекли для своих целей периодическую печать, повременные издания и создали самостоятельный научный труд, по-новому осветивший многие сложные вопросы формирования в русском обществе представлений о Черной Африке. Но главное достоинство книги даже не в том, что авторы проделали большую работу по отбору материала, привели его в систему и восстановили историю изучения Южной Африки, а в той удачно найденной форме непринужденного рассказа, живой, увлекательной беседы, словно приглашающей разделить с авторами интерес к излагаемому

материалу. Необычайность соединения доверительного собеседования с научностью и полнотой изложения и привлекает к себе читателя.

Популяризация науки — дело само по себе достойное уважения, и уже по одной этой причине книга заслуживает весьма высокой оценки. Однако у нее есть и еще одна сторона, на которую необходимо обратить внимание. Специализация историков привела к тому, что те из них, кто занимается отечественной историей, как правило, слабо знакомы с достижениями африканистики, индологии или скандинавистики. Авторы нашли в себе смелость вторгнуться в далекую от их научных интересов область. Они выполнили — в целом добротной и умело — ту работу, которую должны были сделать специалисты по русской истории и историографии, создав исследование, равно важное и интересное и для специалиста по истории русской общественно-политической мысли, и для ученого, изучающего историю открытия Черной Африки.

Вопросы формирования общественного сознания относятся к числу наименее изученных, и книга указывает один из путей исследования этой важной в научном и политическом отношении проблемы. Было бы интересно проследить, как зависело формирование в общественном сознании облика той или иной страны от политики правящих классов. Известно, что характеристика и народа и страны в целом (например, Франции или Германии) менялась в мировоззрении русского общества в зависимости от различных внешнеполитических событий (война 1812 г., первая мировая война и т. д.).

Работа, удачно начатая А. Б. Давидсоном и В. А. Макрушиным, должна быть, по нашему мнению, продолжена не только хронологически, но и в плане более углубленной разработки уже намеченных авторами проблем. Одна из них — это создание по возможности полного обзора тех сведений об Африке, которыми располагала русская книжная культура XVII века. Авторы начинают свою книгу с петровского времени; предшествовавшей эпохе они уделяют всего несколько страниц. Этого, конечно, мало. Можно было ознакомить читателей не только с космографией 1670 г., но и с другими историко-географическими книгами, бытовавшими в русской рукописной традиции XVII века. Такова космография Ботера («Театрум света всего, на котором Европа, Азия, Африка и Америка, также

народов, краев, мест, нецын нравы, богатства и иные признаки выставленные»), переведенная с польского издания 1659 г. на русский в Москве в 1681 году. Следовало бы шире охарактеризовать космографию Г. Меркатора, состоящую из 230 глав. Ее перевод широко бытовал на Руси в XVII—XVIII вв. (сохранилось около 10 списков). И эта космография содержала в себе описание Африки, взятое еще у Птолея, Дионисия и Плиния. Примечательна также громадная и для своего времени весьма полная и обстоятельная география де-Линды («Луки Делинды описание света и всех в нем государств. Напечатана в Амстердаме, в типографии Иакова Дезеттера, году 1668. Переведена с латинского на российский диалект история всех государств, господ, владетьств...»), содержащая в себе географическое описание Европы, Азии, Африки и Америки. Наконец, в XVI в. на Руси бытовали описания отдельных африканских государств — Алжира («Царства Алгерийского краткое описание, от различных авторов собранное» — Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), Ф. IV. 93, конца XVII в.) и Эфиопии («Иова Людовика история Эфиопская или краткое описание царства Габессинского» — ГПБ, Ф. IV. 105, конца XVII — начала XVIII в., перевод знаменитого труда И. Лудольфа). Интересным было бы также для читателя и сообщение о том, что образ Африки не был чужд придворному быту XVII века. Известно, что в царском дворце в Коломенском было аллегорическое изображение различных стран света, в том числе и Африки. В 1671 г. Алексей Михайлович принимал в Коломенском польских послов, и те, удивляясь красоте дворца, особо отметили, что «щиты над хоромами его царского величества круглые, на которых Европа, Африка, Азия написаны»¹.

Книга дает основание поставить и попытаться разрешить еще одну важную для истории русской общественно-политической мысли проблему: как именно русские писатели, мыслители, публицисты использовали образы далекой страны для критики русской действительности XIX века. Образ негра-невольника на эзоповском языке русской поэзии и прозы нередко заменял собою русского крепостного крестьянина; статьи и стихи, романы и повести с обличени-

¹ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Ч. I. М. 1862, стр. 354.

ем рабства в Черной Африке выражали протест русских писателей и публицистов против крепостного права. Показательно в этом плане творчество А. В. Лоцманова, пытавшегося в начале 20-х годов XIX в. создать тайное общество антикрепостнического и антимоноархического характера. В его неоконченной повести «Негр или возвращенная свобода» слово «негр» было символом крепостного, угнетенного человека. «Миллионы негров, принесенных на алтарь корысти европейцев, миллионы сих несчастных людей, погибших от угнетения и скупости европейцев, вопиют о мщении», — писал А. В. Лоцманов о судьбе негров². В такой книге, как рецензируемая, было бы интересно прочитать, как именно оценивалась и характеризовалась судьба угнетенного народа Африки в трудах русских общественно-политических деятелей, ибо А. В.

² ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 1, д. 441, л. 34.

Лоцманов — лишь один из первых «вольнодумцев», обратившихся к этой теме³. Еще более показателен пример русских революционных демократов, а также писателей и публицистов второй половины XIX в., анализ творчества которых выходит за рамки книги.

Приложенный к книге перечень основных источников и литературы грешит, к сожалению, довольно большим количеством ошибок, неточностей и опечаток.

Большинство наших замечаний — это лишь пожелания того, как говаривали в старину, «любопытного читателя», на которого и рассчитана книга.

Л. Н. Пушкарев

³ Об А. В. Лоцманове см. «Философская энциклопедия». Т. 3. М. 1964, стр. 236, а также Л. А. Коган. Народное миропонимание как составная часть истории общественной мысли. «Вопросы философии», 1963, № 2, стр. 89.

Э. А. ИВАНЯН. *Белый дом: президенты и политика*. М. Политиздат. 1975. 432 стр. Тираж 200 000. Цена 99 коп.

Автор рецензируемой работы — заведующий сектором Института США и Канады АН СССР, кандидат исторических наук Э. А. Иванян сосредоточивает внимание на политической характеристике 12 президентов Соединенных Штатов, занимавших этот высший административный пост крупнейшей державы капиталистического мира в XX в., на выяснении их роли в американской и мировой истории. Учитывая то чрезвычайно важное место, которое, согласно конституции США, занимает глава Белого дома в системе политических учреждений этой страны, а также постоянное и неуклонное увеличение полномочий президента как в области внешней политики, так и во всех сферах внутривнутриполитической жизни Соединенных Штатов с каждым последующим десятилетием XX в. и особенно по мере развития государственно-монополистического капитализма, нельзя не признать, что данный угол зрения весьма уместен для того, чтобы познакомить читателей с важными проблемами современной истории США.

Нарисованные автором портреты американских президентов дают конкретную ха-

рактеристику этих деятелей, с присущими им индивидуальными чертами, противоречиями, особенностями политической карьеры, философией государственного управления. Наибольшее внимание уделяется тем государственным деятелям, с именами которых связаны крупные сдвиги в политической жизни США, и особенно тем, кто, не меняя общего стратегического курса политики правящих кругов этой страны, в какой-то мере учитывал потребности исторического развития общества. Так, автор подробно останавливается на государственной деятельности Т. Рузвельта и В. Вильсона, этих крупных идеологов империалистической буржуазии США начала XX в., инициаторов политики буржуазного реформизма. Э. А. Иванян справедливо отмечает, что с наступлением империалистической эпохи в США, так же как и в других ведущих капиталистических странах, отчетливо сказывается значительное увеличение экономических и социальных функций буржуазного государства. Внимательно проследивая это новое явление, он сосредоточивает внимание на выяснении классовой сущности и политического значения рузвельтовской

программы «нового национализма» и вильсоновской программы «новой свободы», показывая то общее, что было в этих двух вариантах политики буржуазного реформизма и что существенно отличало их друг от друга.

Специальная глава посвящена новому этапу в развитии политики буржуазного реформизма, связанному с именем крупнейшего американского государственного деятеля XX в. Ф. Рузвельта. Это одна из лучших глав книги. На многочисленных примерах Э. А. Иванян показывает, что в начале 30-х годов, в обстановке глубочайшего экономического кризиса, до основания потрясшего весь капиталистический мир, особенно сильно проявила себя несостоятельность идеологии американского индивидуализма, которую исповедовали в 20-х годах Г. Гувер и другие лидеры республиканской партии. В этих критических условиях отдельные представители господствующего класса взяли на вооружение доктрину активного вмешательства государства в частнособственнические отношения с целью укрепить слабеющие устои капиталистического общества. Конкретным выражением этого нового этапа в развитии государственно-монополистического капитализма и стала политика «нового курса», начатая Ф. Рузвельтом в 1933 году. Автор подробно рассказывает о той сложной политической борьбе, которая развернулась в США в середине и во второй половине 30-х годов, внимательно прослеживает, как в среде наиболее реакционных групп финансового капитала этой страны возникла и усиливалась год от года оппозиция рузвельтовской политике социального маневрирования и либеральных реформ. Вместе с тем в книге хорошо показан процесс складывания широкой демократической коалиции вокруг политики «нового курса». Участники ее, поддерживая общее направление политического курса Ф. Рузвельта, все более активно выражали свое недовольство ограниченностью проведенных им реформ и тем самым оказывали существенное воздействие на дальнейшую эволюцию политики «нового курса».

Почти половина книги отведена истории США после второй мировой войны, что вполне закономерно, если учесть ту роль, которую в последние десятилетия играют Соединенные Штаты в мировой политике. Раскрывая наиболее характерные процессы, происходящие во внутриполитической жизни современной Америки, Э. А. Иванян

справедливо подчеркивает резкое усиление реакционных тенденций, которое имело место в США после второй мировой войны и которое нашло свое наиболее выпуклое выражение в развитии маккартизма и других ультраправых движений. В то же время автор в полной мере учитывает, что в условиях противоборства капитализма с социализмом проявляется «стремление буржуазии применять более замаскированные формы эксплуатации и угнетения трудящихся, ее готовность в ряде случаев идти на частичные реформы, с тем чтобы по возможности удерживать массы под своим идейным и политическим контролем»¹.

Именно с этой точки зрения и рассматривается в книге внутриполитическое положение США в 60-х годах, когда в обстановке коренных изменений в соотношении сил между двумя мировыми системами, в условиях мощного подъема массовых демократических движений в политике господствующего класса США вновь выступила на первый план линия на дальнейшее усиление государственного вмешательства в социально-экономическую жизнь общества и на проведение частичных либеральных реформ. Говоря о Дж. Кеннеди и его программе «новых рубежей», автор, с одной стороны, обращает внимание на попытки этого президента по-новому подойти к решению важнейших вопросов внутренней, а затем и внешней политики, а с другой стороны, убедительно опровергает попытки идеализировать его личность, которые характерны для буржуазно-либеральных историков. На обширном фактическом материале Э. А. Иванян вскрывает классовый смысл либеральных реформ, проведенных в 60-е годы правительствами Дж. Кеннеди и Л. Джонсона, и показывает, как потерпела полный крах претенциозная джонсоновская программа построения «великого общества».

Автор подробно описывает ход избирательных кампаний, начиная с 1900 и кончая 1968 годом. Это дает ему возможность познакомить читателя с важнейшими особенностями американской партийно-политической структуры, проследить, как эволюционировала в XX в. характерная для США двухпартийная система, рассказать о борьбе различных политических группировок внутри каждой из двух основных буржуазных партий и о методах их воздействия на избирателей.

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС». М. 1971, стр. 15.

Большое внимание уделяет автор вопросу внешней политики США. В книге немало интересных сведений об основных этапах борьбы правящих кругов США за установление своей мировой гегемонии, о важнейших внешнеполитических доктринах, выдвигавшихся на протяжении XX в. идеологами американского империализма. Большое место в работе занимает проблема советско-американских отношений. Рассматривая шаг за шагом сложную историю этих взаимоотношений, показывая различные методы борьбы правящих кругов США против первого в мире социалистического государства, автор подводит читателя к выводу, что в основе проходящего ныне процесса преодоления наследия «холодной войны», разрядки международной напряженности и нормализации отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами лежит не какое-либо ослабление агрессивности современного империализма, а неуклонный рост силы и могущества стран социалистического содружества, непреодолимая воля народов к установлению прочного мира на земле.

Все это свидетельствует, что перед нами весьма ценный труд, который с немалой пользой для себя прочтут те, кто интересуется историей США.

У читателя книги возникают некоторые соображения и пожелания. Можно пожалеть о том, что автор не занялся проблемой возникновения и эволюции различных форм современной государственно-монополистической идеологии, без чего нельзя в полной мере уяснить идейную основу современной политики государственно-монополистического регулирования. Э. А. Иванян не всегда полно раскрывает конкретное содержание того или иного этапа государственно-монополистического регулирования (как, например, в период «прогрессивной эры», в годы первой мировой войны). При описании реформ «нового курса» не упомянут закон Вагнера, этот наиболее радикальный акт в истории трудового законодательства США. Верно отмечая происшедший после второй мировой войны поворот вправо в политической жизни США, автор не дает достаточно четко сложную картину политической борьбы в стране во второй половине 40-х годов. Так, он не упоминает о либеральных реформах 1948—1949 гг. (повышение минимума заработной платы, расширение системы социального страхования и т. д.). Программа Трумэновского «справедливого курса» положила, по

его словам, «начало энергичному наступлению монополистического капитала на буржуазный либерализм Рузвельтовской администрации и на демократические права, завоеванные американскими трудящимися» (стр. 234). Думается, что эта оценка, отражающая линию сложившегося к тому времени блока реакционных республиканцев и южных дискрикетов, поставивших своей целью ликвидацию всех социальных завоеваний периода «нового курса», не учитывает позиции тех групп демократической партии, которые во многом уступали давлению крайней реакции, но, принимая во внимание возросшую силу рабочего движения и стремясь удержать под своим влиянием демократическую коалицию, которая сложилась вокруг политики «нового курса», называли себя наследниками Рузвельтовского либерализма и считали необходимым проведение отдельных либеральных реформ. Хотелось бы больше узнать о современном государственно-монополистическом регулировании, получить более аргументированную оценку изменений во внутривнутриполитическом курсе республиканской партии в послевоенный период и прежде всего растущей в ней тенденции применения государственно-монополистических рецептов к решению социально-экономических проблем.

Более подробного, на наш взгляд, рассмотрения заслуживала проблема массовых демократических антимонополистических движений как начала XX в., так и периода «нового курса» Ф. Рузвельта. Говоря о буржуазно-реформаторском движении начала XX в., Э. А. Иванян, кажется, не приемлет его прогрессивный характер, утверждая, что «прогрессивным» его назвали буржуазные историки (стр. 36). В другом месте он говорит о «промонополистическом» характере «прогрессистского» движения (стр. 53). Эти оценки верно отражают политическую позицию таких идеологов монополистической буржуазии США, как Т. Рузвельт. Однако вряд ли они правомерны по отношению к рядовым участникам реформаторских движений начала XX в. и к таким идеологам этого движения, как, например, сенатор Р. Лафоллет, программа которого носила отчетливо выраженный антимонополистический характер и предусматривала проведение ряда важных социально-экономических реформ². Автор прошел мимо нового этапа в развитии массового демокра-

² См. И. А. Белявская. Буржуазный реформизм в США. М. 1968.

тического движения, наступившего в США после первой мировой войны и достигшего своего кульминационного пункта в ходе избирательной кампании 1924 года. Э. А. Иванян говорит лишь о деятельности группы «прогрессистов во главе с Р. Лафоллетом и неправоммерно характеризует их программой в избирательной кампании как типичный образец «политической демагогии буржуазного реформизма» (стр. 125).

Хотелось бы больше увидеть в книге материала о рабочем движении, поскольку

без выяснения роли рабочего класса и других демократических слоев общества в политической жизни капиталистических стран в современную эпоху сосуществования и борьбы двух мировых систем, без показа того влияния, которое борьба народных масс оказывает на политический курс буржуазных правительств, оценка современно-го этапа в развитии государственно-монополистического капитализма будет недостаточно аргументированной.

Е. Ф. Язьков

«Испания. 1918—1972 гг. Исторический очерк». М. Изд-во «Наука». 1975. 495 стр. Тираж 3 700. Цена 2 руб. 18 коп.

Изучение истории Испании в нашей стране, основанное на давних интернационалистских традициях, всегда охватывало широкий круг проблем и имело комплексный характер. Только в послевоенные годы были опубликованы такие книги, как «Испания (1808—1917)» И. М. Майского (М. 1957), «Испанский пролетариат в национально-революционной войне 1936—1937 гг.» К. Л. Майданика (М. 1960), «Рабочее движение в Испании в годы революции. 1931—1934 гг.» Л. В. Пономаревой (М. 1965), «Социалистическая рабочая партия Испании. 1931—1939» (М. 1966) и «Тайная дипломатия Мадрида. Внешняя политика Испании в годы второй мировой войны» С. П. Пожарской (М. 1971), «Испания XX века» Х. Гарсиа (М. 1967), «Готская Испания» А. Р. Корсунского (М. 1969) и ряд других. За это же время лишь издательство «Наука» выпустило в свет 7 сборников по истории Испании¹, которые охва-

тывают период от античности до наших дней.

Рецензируемая монография создана коллективом авторов, труды которых посвящены актуальным социально-политическим и экономическим проблемам истории страны². Данную книгу они рассматривают как своеобразный итог своих предыдущих изысканий. Внимание в ней сосредоточено прежде всего на узловых, поворотных моментах новейшей истории Испании, предпринята попытка по-новому осветить некоторые проблемы, по которым ранее высказывались иные точки зрения, даются ответы на ряд вопросов, недавно еще бывших недостаточно изученными. Вместе с тем читатель получает достаточно четкое представление о периоде в целом.

Авторский коллектив придерживается общепринятой периодизации истории Испании: закат бургонской монархии (1918—1931 гг.), республика, революция и национально-революционная война (1931—1939 гг.), период франкистской диктатуры (с 1939 г. и до наших дней). Повествуя о социально-экономических и политических событиях в Испании 20-х годов, авторы останавливаются на таких вопросах, как бурный подъем рабочего движения, образованные компартии, упадок монархии и установление диктатуры Примо де Риверы. В

¹ «Из истории освободительной борьбы испанского народа». М. 1959; «Проблемы рабочего и антифашистского движения в Испании». М. 1960; «Испанский народ против фашизма (1936—1939)». М. 1963; «Под знаменем Испанской республики (1936—1939)». М. 1965; «Социально-экономические проблемы истории Испании». М. 1965; «Проблемы испанской истории». М. 1971. «Проблемы испанской истории. 1975». М. 1975. Далеко не полная библиография советских исследований по истории Испании (1917—1974) (составлена Е. Л. Глушицкой), включающая не только отдельные издания, но и статьи, насчитывает свыше 300 работ (см. «Проблемы испанской истории. 1975», стр. 252—262).

² Авторы: Т. Н. Баранова, Х. Висенс, Х. Гонсалес, А. П. Караваев, С. П. Пожарская, Л. В. Пономарева. Редакционная коллегия: акад. И. М. Майский (отв. ред.), Х. Висенс, С. П. Пожарская, Л. В. Пономарева.

книге раскрыты природа этой диктатуры, причины ее падения, обстоятельства, приведшие в апреле 1931 г. к краху монархии и провозглашению республики.

В главах по истории республики 1931—1939 гг. прослеживается ход ожесточенной классовой борьбы, ее влияние на деятельность кортесов. В книге рассмотрены цели, реальные достижения и просчеты ведущих деятелей «республики реформ» 1931—1933 гг., условия, сделавшие возможным контрнатупление правых в последующее двухлетие, события, приведшие вскоре к «мятежу генералов». Полемизуя с политиками и историографами, подводящими отрицательный баланс деятельности буржуазных реформаторов в первые годы республики, авторы пытаются определить место этого периода в многовековой истории страны. В истории Испании начала 30-х годов они справедливо видят время национального расцвета и гражданского возрождения, эпоху излечения общества от политической инертности, порожденной годами военной диктатуры. Отмечая, что в последующее двухлетие реформы первых лет республики стали объектом яростных контратак реакционных сил, авторы показывают, как борьба вокруг оценки этих реформ способствовала развитию «феномена поляризации», то есть крайнему размежеванию политических лагерей накануне мятежа.

При освещении национально-революционной войны 1936—1939 гг. подчеркивается огромный рост авторитета и влияния компартии в ходе войны, описываются внутренние события в лагерях республики и мятежников, дается оценка политике «невмешательства» западных держав, которая была выгодна только франкистам. Считая внешние факторы — итало-германскую интервенцию и политику «невмешательства» основными причинами поражения республики, авторы не обходят молчанием роковую роль таких отрицательных явлений, как не преодоленный до конца раскол антифашистских сил, разногласия между партиями Народного фронта, капитулянтские тенденции правых социалистов на последнем этапе войны, вред политики анархо-синдикализма и т. д. К сожалению, авторами не использован ряд опубликованных в последнее время новых материалов, в частности нет полных данных об участии в боях в Испании советских добровольцев и военных советников³.

³ В 1936—1939 гг. в Испании находилось не около 600, а примерно 3 тыс. советских

Вторая половина книги рассказывает о практике франкистского государства и разрывании массового движения за возрождение демократии. Здесь исследуются становление франкизма, отношения диктатора с фашистскими державами в период второй мировой войны, послевоенный распад антифашистской коалиции, способствовавший альянсу каудильо с США, общественное движение и внешняя политика. Значительное внимание уделяется сущности испанской разновидности фашизма, изучению его проявлений в различных исторических условиях, характеристике внутреннего механизма диктатуры, опиравшейся на единственную легальную политическую организацию — Фалангу («Национальное движение»), фашистские профсоюзы, армию и церковь.

Главы и разделы книги, раскрывающие социально-экономическую политику франкистского государства, анализирующие положение в промышленности, сельском хозяйстве, внешней торговле, представляют особый интерес, так как в них идет речь о явлениях, до сих пор слабо разработанных в советской историографии. Исследуя упрямую в первые годы существования диктатуры крайнюю степень экономического национализма — автаркию, авторы останавливаются на ситуации, складывавшейся в Испании в целом и в отдельных ее регионах, мелочном регламентировании экономической жизни, корпоративизме, в основу которого был положен опыт итальянского фашизма, на некоторых надстроечных явлениях. Подчеркивается, в частности, что автаркия помогала франкистскому государству «создавать нужную ему идеологическую атмосферу и условия, при которых его убогая и примитивная философия получает шансы воздействия на умы людей» (стр. 309).

Интересный материал содержится в книге и относительно кризиса франкистского режима во второй половине 50-х годов, когда он вынужден был отбросить автаркию, отойти от контролируемой экономики. Это неизбежно повлекло за собой и отказ от некоторых идеологических и политических постулатов и определенные практические

добровольцев и военных советников, по 600—800 человек одновременно. Цифра, приводимая в монографии, касается только октября 1937 г. (см. «Солидарность народов с Испанской республикой». М. 1972, стр. 255; «История второй мировой войны», Т. 2. М. 1974, стр. 55).

сдвиги. Читатель получает представление, как в 60-х — начале 70-х годов, поставив на промышленные рельсы туристическую индустрию, широко распахнув двери иностранному капиталу и отправив за границу на заработки почти 1,5 млн. трудящихся (что не только избавило страну от безработицы, но и принесло большие валютные поступления), франкистское государство приступило к модернизации экономики. Авторами раскрыта при этом роль соперников Фаланги — министров из католической организации «Опус деи». В книге исследуется противоборство Фаланги, «Опус деи» и других правокатолических сил в правительственном лагере, принявшее напряженный характер еще в 50-е годы, возрождение христианско-демократического движения и других антифранкистских течений.

Характеризуя ведущие аспекты экономического роста, авторы показывают, как развивался новый подъем рабочего движения, приведший, в частности, к появлению рабочих комиссий, в рамках которых против фашистской диктатуры и официальных франкистских профсоюзов, в борьбе за свои права сплотились десятки тысяч трудящихся, независимо от их партийной принадлежности и религиозных воззрений. Они останавливаются также на том, как в результате острых классовых битв трудящиеся сумели использовать новую конъюнктуру для повышения своего жизненного уровня, какой удар нанесли изменения, происходящие в общественно-политическом сознании масс, по официальной франкистской идеологии и другим реакционным воззрениям, затрагивают влияние процесса модернизации на сдвиги в образе жизни, народном характере и т. д.

В заключительных разделах монографии

рассмотрены подъем рабочего и общедемократического движения в начале 60-х годов, антифранкистское движение второй половины 60-х — начала 70-х годов, внешняя политика Испании в 1959—1972 годах. В них вскрыты узловые моменты борьбы народных масс с диктатурой, авангардная роль компартии в этой борьбе, показано, как курс на «национальное согласие», провозглашенный ею еще в 1956 г., привел постепенно к сплочению демократической оппозиции, всех антифранкистов. Подробно характеризуя действия крестьянских масс, интеллигенции, студенчества, авторы также много внимания уделяют эволюции церкви и связанных с ней течений (особенно после II Вселенского собора), национально-освободительному движению в Стране басков, Каталонии, Галисии.

Иногда книге недостает определенности в изложении авторского отношения к событиям (например, оценка роли Испанской конфедерации автономных правых (СЭДА) в октябре 1934 г.), встречаются небрежные формулировки, искажение фамилий (на стр. 179 имеется в виду Санкахо, а не Сантахо), не все персонажи представлены читателю (Х. Серон на стр. 409 и др.). На стр. 415, по-видимому, речь идет о людях, склонных к идеализации некоторых первоначальных положений фалангистской программы, которые так никогда и не были осуществлены, а не о тоскующих «по фашистскому прошлому», и т. п. Вызывает сожаление отсутствие списка использованной литературы, а также заключения.

Однако в целом монография является наиболее полным и систематизированным в советской историографии изложением новейшей истории Испании.

Е. М. Тенер

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Археологические открытия 1975 года. М. «Наука». 1976. 602 стр. с илл. 5 900 экз. 2 руб. 84 коп.

Барте́ньев Т., Комиссаров Ю. *Тридцать лет добрососедства.* К истории советско-финляндских отношений. М. «Международные отношения». 1976. 254 стр. 8 000 экз. 1 руб. 44 коп.

Белокопытов В. И. *Лихолетье.* Из истории борьбы с голодом в Поволжье 1921—1922 гг. Казань. Таткнигоиздат. 1976. 168 стр. 3 500 экз. 28 коп.

Бережной И. *Два рейда.* Воспоминания партизанского командира. 2-е изд., испр. и доп. Горький. Волго-Вятское книжное изд-во. 1976. 416 стр. с илл. 100 000 экз. 94 коп.

Вихарев Б. С., Садаков М. А. *Первый штурм самодержавия.* К 70-летию революции 1905—1907 гг. в Удмуртии. Ижевск. «Удмуртия». 1976. 72 стр. 2 000 экз. 11 коп.

Горюшкин Л. М. *Аграрные отношения в Сибири периода империализма. 1900—1917 гг.* Новосибирск. «Наука», Сибирское отд-ние. 1976. 343 стр. 1 400 экз. 1 руб. 63 коп.

Джесмеджиян К. Н. *Социалистическое соревнование в Молдавии в условиях развитого социализма.* Кишинев. «Карта молдовеняск». 1976. 203 стр. 2 500 экз. 39 коп.

Днепропетровску 200 лет. 1776—1976. Сборник документов и материалов. Киев. «Наукова думка». 1976. 511 стр. с илл. 15 000 экз. 1 руб. 45 коп.

Древнейшее государство на территории СССР. Материалы и исследования, 1975. М. «Наука», 1976. 212 стр. 7 500 экз. 98 коп.

Древности Чарвака. Ташкент. «Фан». 1976. 88 стр. с илл. 1 000 экз. 54 коп.

Зиманов С. *От освободительных идей к советской государственности в Бухаре и Хиве.* Алма-Ата. «Наука» КазССР. 1976. 220 стр. 1 500 экз. 1 руб. 50 коп.

Зырянов П. Н., Шелохаев В. В. *Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии.* М. «Мысль». 1976. 184 стр. 5 000 экз. 1 руб. 4 коп.

Исследования Великого города. М. «Наука». 1976. 262 стр. с илл. 2 200 экз. 1 руб. 68 коп.—Сборник статей о столице Волжской Булгарии.

История Бухарской Народной Советской Республики. 1920—1924 гг. Сборник документов. Ташкент. «Фан». 1976. 483 стр. 1 000 экз. 3 руб. 30 коп.

История партийных организаций Поволжья. Межвузовский научный сборник. Статьи, сообщения, материалы. Вып. 6. Саратов. Изд-во Саратовского ун-та. 1976. 167 стр. 1 000 экз. 60 коп.

Килессо Г. *По следам иркутской легенды.* Исторические очерки. Изд. 2-е, перераб. и доп. Иркутск. Восточно-Сибирское книжное изд-во. 1976. 206 стр. 10 000 экз. 33 коп.

Козлов И. А., Шломин В. С. *Краснознаменный Балтийский флот в героической обороне Ленинграда.* Л. Лениздат. 1976. 398 стр. с илл. 50 000 экз. 96 коп.

Колесников П. А. *Северная деревня в XV—первой половине XIX века.* К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда. Северо-Западное книжное изд-во, Вологодское отд-ние. 1976. 416 стр. 2 000 экз. 2 руб. 10 коп.

Мирошниченко П. Я. *Возникновение утопического социализма в России.* Киев—Донецк. «Вища школа». 1976. 143 стр. 1 000 экз. 73 коп.

Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941—1945. Сборник документов и материалов. В 2-х т. Т. 2. В тылу врага. Кишинев. «Штинница». 1976. 676 стр. 3 800 экз. 3 руб. 36 коп.

Московские большевики в огне революционных боев. Сборник воспоминаний. М. «Мысль». 1976. 415 стр. с илл. 20 000 экз. 2 руб. 5 коп.

Никишов П. П. *Борьба большевиков за упрочение власти Советов в Киргизии.* Фрунзе. «Кыргызстан». 1976. 160 стр. 2 000 экз. 38 коп.

Палажченко А. Е. *Комиссар незримых баррикад.* М. Политиздат. 1976. 112 стр. с илл. (Герои Советской Родины). 200 000 экз. 18 коп.—Очерк о Герое Советского Союза И. В. Сергиенко, возглавлявшем в годы Великой Отечественной войны Киевский подпольный обком КП(б)У.

Петряев К. Д. *Вопросы методологии исторической науки.* Изд. 2-е, перераб. Киев. «Вища школа». 1976. 179 стр. 2 000 экз. 89 коп.

Попов А. Г. *Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Чечено-Ингушетии.* Исторический очерк. Грозный. Чечено-Ингушское книжное изд-во. 1976. 293 стр. 1 000 экз. 1 руб. 22 коп.

Пронштейн А. П. *Методика исторического источниковедения.* Изд. 2-е, доп. и испр. Ростов н/Д. Изд-во Ростовского ун-та. 1976. 479 стр. 5 000 экз. 2 руб. 33 коп.

Рыбаков Ю. Я. *Промышленная статистика России XIX в.* Источниковедческое исследование. М. «Наука». 1976. 277 стр. 1 600 экз. 1 руб. 32 коп.

Сергеев М. *Подвиг любви бескорыстной.* (Декабристки). 2-е изд. М. «Молодая гвардия». 1976. 205 стр. с илл. 100 000 экз. 38 коп.

Симуш П. И. *Социальный портрет советского крестьянства.* М. Политиздат. 1976. 319 стр. 28 000 экз. 1 руб. 30 коп.

Сокольский Н. И. *Таманский толос и резиденция Хрисалиска.* М. «Наука». 1976. 128 стр. с илл. 3 600 экз. 76 коп.

Соскина А. Н. *История социальных обследований сибирской деревни в 20-е годы.* Новосибирск. «Наука», Сибирское отд-ние. 1976. 286 стр. 1 200 экз. 1 руб. 15 коп.

Соснин В., Рудник В. *Верные долги.* Киев. «Молодь». 1976. 287 стр. с илл. 30 000 экз. 60 коп.—О деятельности малинского подполья на Житомирщине в годы Великой Отечественной войны.

СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933—1945. Сборник статей. М. «Наука». 1976. 327 стр. 24 600 экз. 1 руб. 64 коп.

Степанов З. В. *Культурная жизнь Ленинграда 20-х — начала 30-х годов*. Л. «Наука», Ленинградское отд-ние. 1976. 288 стр. 5 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Строков Ю. Н. *Укрепление РКП(б) как руководящей силы Советского государства в первые годы нэпа (1921—1923 гг.)*. Воронеж. Изд-во Воронежского ун-та. 1976. 164 стр. 1 500 экз. 84 коп.

Султанов Ш. М. *Партийное руководство культурным строительством в условиях развитого социализма*. На материалах Таджикской ССР. Душанбе. «Ирфон». 1976. 446 стр. 2 000 экз. 1 руб. 2 коп.

Таджики Каратегина и Дарваза. Сборник статей. Вып. 3. Душанбе. «Дониш». 1976. 239 стр. с илл. 1 050 экз. 2 руб. 48 коп.

Токарев Ю. С. *Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте — апреле 1917 г*. Л. «Наука», Ленинградское отд-ние. 1976. 206 стр. 2 200 экз. 1 руб. 11 коп.

Усачев И. Г. *Советский Союз и проблема разоружения*. М. «Международные отношения». 1976. 191 стр. 10 000 экз. 63 коп.

Участие женщин Киргизии в строительстве социализма. 1938—1958 гг. Сборник документов и материалов. Фрунзе. «Кыргызстан». 1976. 327 стр. 2 500 экз. 51 коп.

Юность Верхневолжья. Документы и материалы по истории Калининской областной организации ВЛКСМ. 1918—1975 годы. М. «Московский рабочий». 1976. 287 стр. с илл. 10 000 экз. 76 коп.

Всеобщая история

Аскольдова С. М. *Формирование идеологии американского тред-юнионизма*. М. «Наука». 1976. 311 стр. 1 700 экз. 1 руб. 38 коп.

Ботин М. П. *С тобой, Испания*. М. Воениздат. 1976. 208 стр. с илл. 65 000 экз. 59 коп.

Буров В. Г. *Мировоззрение китайского мыслителя XVIII века Ван Чуань-шаня*. М. «Наука». 1976. 221 стр. 6 000 экз. 76 коп.

Воплощение ленинского учения о партии нового типа в деятельности Монгольской народно-революционной партии. М. «Прогресс». 1976. 310 стр. 3 500 экз. 1 руб. 32 коп.

Иванов В. В. *Ленинский историзм: методология и методика исследования*. Материалы спецкурса по всеобщей истории. Казань. Изд-во Казанского ун-та. 1976. 206 стр. 4 000 экз. 59 коп.

Из истории культуры средних веков и

Возрождения. Сборник статей. М. «Наука». 1976. 316 стр. 12 500 экз. 1 руб. 80 коп.

Клименко Н. П. *Колониальная политика Англии на Дальнем Востоке в середине XIX века*. М. «Наука». 1976. 309 стр. 1 550 экз. 2 руб. 16 коп.

Кораблев И. Ш. *Ганнибал*. М. «Наука». 1976. 400 стр. 50 000 экз. 1 руб. 71 коп.

Лан В. И. *США: от первой до второй мировой войны*. М. «Наука». 1976. 493 стр. 5 850 экз. 2 руб. 38 коп.

Молок А. И. *Хрестоматия по истории Парижской Коммуны*. М. «Высшая школа». 1976. 278 стр. 15 000 экз. 72 коп.

Поглубко К. А. *Христо Ботев и Россия*. Кишинев. «Карта молдовеняскэ». 1976. 191 стр. с илл. 1 500 экз. 32 коп.

Поцхверия Б. М. *Внешняя политика Турции после второй мировой войны*. М. «Наука». 1976. 306 стр. 3 000 экз. 2 руб. 24 коп.

Современный капитализм и рабочий класс: критика антимарксистских концепций. М. «Мысль». 1976. 260 стр. 11 000 экз. 1 руб. 4 коп.

Черкасов П. П. *Франция и Индокитай. 1945—1975*. Эволюция французской политики в Индокитае. М. «Наука». 1976. 168 стр. 2 000 экз. 92 коп.

Чеснов Я. В. *Историческая этнография стран Индокитая*. М. «Наука». 1976. 298 стр. 1 900 экз. 2 руб. 12 коп.

Шлепаков А. Н. *США: социальная структура общества и его национальная состав* Исторический очерк. Киев. «Наукова думка». 1976. 235 стр. 5 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Книги, переведенные с иностранных языков

Аморт Ч. *СССР и освобождение Чехословакии*. Пер. с чеш. М. «Прогресс». 1976. 268 стр. с илл. 11 500 экз. 83 коп.

Брентьес Б. *От Шанидара до Аккада*. Пер. с нем. М. «Наука». 1976. 359 стр. с илл. («По следам исчезнувших культур Востока»). 10 000 экз. 88 коп.

Комочин З. *Национальные интересы и интернационалистские цели*. 2-е изд. Пер. с венг. М. «Прогресс». 1976. 399 стр. 3 000 экз. 1 руб. 57 коп.

Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. Сборник статей. Пер. с англ., нем., франц. и итал. Сост., ред. и предисл. И. М. Дьяконова. М. «Прогресс». 1976. 591 стр. 9 300 экз. 2 руб. 99 коп.

Христовозов Н. *По следам «без вести пропавших»*. Пер. с болг. М. Политиздат. 1976. 168 стр. 200 000 экз. 35 коп.— О преступлениях болгарской реакции, совершившей военно-фашистский переворот в 1923 году.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

«Украинский исторический журнал» № 6, 1976. В. В. Сухарев. Вопросы внешне-политической деятельности КПСС в документах XXV съезда партии; К. Д. Петриев. Всепобеждающая сила ленинского учения об империализме. (К 60-летию выхода в свет труда В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»); А. Н. Шлепаков. Война за независимость США, ее предпосылки и последствия в оценке классиков марксизма-ленинизма; А. А. Павловский. В. И. Ленин об идейно-политическом воспитании крестьянства; Ю. В. Бабко, М. Г. Беспалко. Партийное просвещение: этапы развития и характерные черты (1917—1938 гг.); Ю. А. Львунин, Б. М. Забарко. Из истории солидарности трудящихся СССР с английским пролетариатом в 1926 г.; Ф. П. Шевченко. К вопросу об использовании кинодокументов в исторической науке; В. Н. Яковичин. Участие сельской интеллигенции в идейно-воспитательной и культурно-просветительной работе (1966—1970 гг.); Ю. С. Шемшученко. Из истории охраны природы на Украине; Л. И. Евселевский. Деятельность Всеукраинской редакции «Истории фабрик и заводов»; В. А. Широков. К вопросу о связях большевиков Севастополя и Черноморского флота с ЦК РСДРП(б) в феврале—октябре 1917 г.; Л. Г. Мельник, Л. Э. Раковский. Первые выступления рабочих сахарных заводов на Правобережной Украине в дореформенный период (30—50-е годы XIX ст.); Э. М. Голин. Польские западные и северные земли после воссоединения; М. И. Шлык. Выдающийся польский марксист-ленинец; М. П. Курах. Воспитание патристических и интернациональных чувств на уроках истории и во внеклассной работе; В. И. Акуленко. Сохранение и восстановление исторических памятников на Украине в послевоенный период (1945—1958 гг.).

«Проблемы истории общественной мысли и историографии». (К 75-летию академика М. В. Нечкиной). Сборник статей Института истории СССР Академии наук СССР. М. 1976. Л. В. Черепнин. Выдающееся исследование о Василии Осиповиче Ключевском; И. С. Миллер, Е. Л. Рудницкая. Проблема первой революционной ситуации в России в научном творчестве академика М. В. Нечкиной, А. З. Манфред. М. В. Нечкина — мастер исторического повествования; А. Т. Кинкулькин, П. С. Лейбенгруб. Ученый и школа; Печатные труды о М. В. Нечкиной за 1970—1975 гг.; Литература о М. В. Нечкиной за 1961—1974 гг. (составитель Р. Г. Эймонтова); В. М. Тарасова. О неопубликованных письмах 1821 г. декабриста Николая Ивановича Тургенева к брату Александру Ивановичу; А. И. Клибанов. Из истории идейной жизни декабристов в сибирской ссылке (по письмам декабристов Я. Д. Казимирскому); А. В. Семенова. Из истории борьбы III Отделения с отголо-

сками движения декабристов. (Дознание о П. Н. Чагине — товарище П. И. Пестеля по военным походам 1813—1814 гг.); Д. И. Будаев. Сын декабриста Е. И. Якушкин. (Освобождение крестьян в Смоленском имении И. Д. Якушкина); Р. П. Конюшая. Карл Маркс и первый общенациональный революционный кризис в России; М. С. Волин. Сорокалетие крестьянской реформы в русской печати; В. А. Федоров. Некоторые проблемы крестьянского движения в России периода разложения крепостничества; Н. Г. Сладкевич. Об общественно-политических настроениях дворянства в 1861—1862 гг.; Г. В. Краснов. К расколу редакции «Современник» в 50-е годы XIX века (по новым материалам); В. А. Дьяков. «Славянский вопрос» и политическая программа Н. Г. Чернышевского; Ю. И. Герасимова. Статья Н. Г. Чернышевского «Научились ли?» и либеральная журналистика; И. Е. Баренбаум. К истории журнала «Современное обозрение» Н. Я. Тиблена; И. П. Попов. Местная официальная периодика в годы первой революционной ситуации (по материалам центральных губерний); Е. Л. Рудницкая. Огарев и французский «Колокол»; Р. Г. Эймонтова. Незвестный корреспондент «Колокола» (Т. И. Комаров — «Чаплин»); В. А. Черных, А. И. Герцен и американский публицист Чарлз Г. Лилленд; М. Г. Вандалковская. Новые архивные данные о деятельности шестидесятников в 80-е годы XIX в.; В. Р. Лейкина-Свирская. К вопросу о выборе профессий интеллигенцией в России XIX в.; В. П. Шерстобитов, Е. А. Зайцева. Некоторые историографические проблемы формирования и развития новой исторической общности в СССР — советского народа; Б. Г. Могиляницкий. История исторической мысли как предмет историографического исследования; Т. А. Игнатенко. Деятельность Ученой комиссии по исследованию истории труда в России (1921—1925 гг.); Л. В. Иванова. Проблема формирования научной интеллигенции СССР в советской историографии; С. О. Шмидт. Некоторые вопросы источниковедения историографии; А. А. Зимин. Из историографии советского источниковедения («Русская Правда» в трудах С. В. Юшкова); О. В. Волобуев. Художественно-исторический образ и познание прошлого; А. К. Бирон, М. Ф. Бирон. Становление советской латвийской историографии (проблематика, организационная структура и результаты исследований); Г. Ф. Дахштейгер. Из истории борьбы за марксистско-ленинское освещение Октября (по материалам казахстанской историографии); Е. Н. Городецкий. Некоторые вопросы истории Сибири в трудах Я. М. Свердлова; Р. А. Киреева. Первые шаги В. С. Иконникова в историографии; В. А. Дунаевский. К вопросу о взглядах Д. И. Писарева на некоторые проблемы истории; Е. В. Чистякова. Александра Осиповна Иши-

мова — последний адресат А. С. Пушкина; А. И. Юхт. Связи В. Н. Татищева с Академией наук; М. А. Алпатов. В. Н. Татишев и западноевропейская история; А. А. Преображенский. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России.

«Известия Сибирского отделения Академии наук СССР № 6, 1976. Серия общественных наук. Вып. 2. Н. В. Блинов. Вооруженные восстания 1905 г. в Сибири в советской историографии; Л. Т. Андреева. Стихотворная сатира в юмористических журналах Сибири периода первой русской революции; Г. И. Андреев. 1905 год на КВЖД; В. Е. Ларичев, И. П. Ларичева. Палеоиндейская гравюра мамонта на пластине из Делавэра (Северная Америка); Е. А. Окладникова. Искусство палеолита Евразии и проблема происхождения американского человека. (О работе П. Бош-Гимперы «Происхождение охотников Америки в свете новых аспектов палеолита Евразии».)

«Общественные науки в Узбекистане» № 4, 1976. Ленинским путем — к коммунизму; К. Камиллов. Повышение роли Советов Узбекистана в коммунистическом строительстве; М. Г. Пикунин. СССР и развивающиеся страны Востока; К. Р. Турсунов. Научно-технический прогресс и повышение культурно-технического уровня сельских труженников Узбекистана; Х. Халикова. Из истории осуществления всеобщего обязательного начального обучения в УзССР; А. З. Зиядов. Об экономических основах аграрного перенаселения в дореволюционном Туркестане; У. Нурмуратов. К положению дехкан Туркестана во второй половине XIX — начале XX века (на примере Самаркандской области).

«Вестник Московского университета» № 3, 1976. Серия IX. История. А. М. Сахаров. О некоторых методологических вопросах на XIV Международном конгрессе историков (заметки делегата); А. И. Широков. Литература по методике преподавания истории КПСС, изданная в 1957—1974 гг.; А. Г. Айрапетов. Общественно-политические взгляды Эрвина Сабо в освещении социал-демократической и коммунистической литературы Венгрии; И. Н. Ионов. Зубатовщина и московские рабочие в 1905 г.; В. В. Самаркин. «Черная смерть» по данным современной зарубежной литературы; Б. С. Пошерстник. Культура и искусство в независимой Камбодже.

«Вопросы рабочего и национально-освободительного движения». Сборник научных работ Днепротровского государственного университета. Вып. 1. 1975. С. И. Бобылева. К вопросу о «социальной политике» буржуазно-юнкерского блока Германии в начале XX века по отношению к рабочему классу. (По материалам «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik». Hrsg. Konrad); И. М. Бирюлев. Советская историческая литература о роли союза «Спартак» в крупнейших выступлениях германского пролетариата в феврале 1917 — октябре 1918 гг.; А. А. Кравченко. Роль рабочего класса

в укреплении интернациональных связей трудящихся Украины с пролетариатом капиталистических стран в 1921—1932 гг. (по материалам Екатеринославщины); В. В. Иваненко. Из истории интернациональной солидарности трудящихся Украины с антифашистской борьбой зарубежного пролетариата в 30-е годы; Н. А. Рудой. Формирование рабочего единства в конспиративных рядах народных Варшавского округа ППР (январь 1944 — январь 1945 гг.); Н. А. Рудой. Борьба Польской рабочей партии за единство профсоюзов в период становления народной власти на территории Люблинской Польши (конец июля 1944 — первая половина января 1945 г.); А. С. Завьялов. Опыт КПСС и некоторые особенности экономической политики СЕПГ; А. К. Швидько. К вопросу об участии мещанства в освободительном движении на Правобережной Украине в середине XVIII в.; Т. Г. Медоварова. Участие польского крестьянства в создании местных органов народной власти (1944 г.); А. А. Герман. Проблематика русско-польских революционных связей в 60-е годы XIX в. в польской правопеэсовской литературе; Л. В. Скрипникова. Английская историография XIX века о колониальной политике Англии в Вест-Индии; А. И. Крупкин. Воссоединение Западной Украины, Западной Белоруссии с Украинской и Белорусской советскими республиками и позиция Англии в освещении английской буржуазной историографии; А. И. Крупкин. Английская буржуазная историческая и мемуарная литература о Варшавском восстании 1944 года; Ю. А. Мыцк. «Крышка о земле польской» Ф. Софоновича как источник по истории народно-освободительных движений XVIII в. в Восточной Европе.

«Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки». Сборник статей Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова. Вып. IV. 1975. Посвящается 70-летию Г. В. Ефимова. Исследователь, педагог, организатор науки; Список основных научных трудов профессора Г. В. Ефимова; Д. И. Гольдберг. Об источниках формирования японского пролетариата (в порядке постановки вопроса); А. П. Григорьев. Конкретные формуляры чингизидских жалованных грамот XIII—XV вв.; Б. Г. Доронин. К характеристике восточноазиатской школы в китайской историографии второй половины XVII — начала XVIII в.; Е. Я. Люстерник. Научная экспедиция А. М. и Л. А. Мервартов в Индию в 1914—1918 гг.; Б. Н. Мельниченко. Советская историография истории Таиланда; П. М. Мовчанюк. Современные индонезийские авторы о китайском меньшинстве в Индонезии; В. Н. Никифоров. Китай в труде Э. Х. Карра «История Советской России»; Б. М. Новиков. Об одной версии происхождения тайного Общества неба и земли (тяньдихуэй); Т. А. Пострелова. Живопись цветов и птиц Чжао Цзи (XII в.) — источник для изучения средневековой китайской живописи; Г. Я. Смолен. Источники по истории крестьянской войны 874—901 гг. в

Китае (краткий очерк); Е. Ю. Стабурова. Некоторые идеи Чжу Чжи-синя на страницах «Миньбао».

«Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР». Сборник статей Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева. 1975. Посвящается 70-летию И. М. Разгона. М. Е. Плотников. Октябрьская революция и гражданская война в СССР в трудах И. М. Разгона; И. И. Минц. Срыв Антантой переговоров Советского правительства о всеобщем мире; А. Я. Грунт. К вопросу о составе Московского революционного комитета; М. Б. Шейнфельд. Ленинская концепция истории Сибири; В. М. Самосудов. Из истории крестьянской кооперации досоветской Сибири; Д. М. Зольников. Влияние состава населения на формирование рабочих Сибири накануне Октябрьской революции; В. А. Соловьева. Революционизирование трудящихся масс Томской губернии (август—октябрь 1917 г.); Л. И. Боженко. О продовольственном положении в Западной Сибири накануне социалистической революции; Л. Г. Сухотина. Октябрьская революция и проблемы революционно-народничества в работах первых советских историков; Ю. А. Поляков. Некоторые вопросы расстановки сил в гражданской войне; А. И. Мельчин. В боях за Симбирск. (Страницы биографии Н. М. Шверника); А. А. Говорков. К истории установления Советской власти в уездных центрах и волостях Курской губернии в 1917—1918 гг.; Е. И. Медведев. Партийное строительство в Среднем Поволжье в период установления и упрочения Советской власти; П. Б. Мососов. Из истории совместной борьбы и боевого сотрудничества народов Кавказа (1917—1921 гг.); К. А. Хмелевский. Н. Л. Янчевский — историк Октября и гражданской войны на Северном Кавказе; Н. П. Эмиров. Участие горцев Дагестана в обороне Астрахани в 1918—1920 гг.; Н. В. Березняков. В. И. Ленин — организатор и вдохновитель трудящихся Молдавии на борьбу за власть Советов; Г. А. Кордонский. Установление Советской власти в сельской местности Западной Сибири (декабрь 1917 — июнь 1918 гг.); Н. П. Трофимов, В. П. Шишко. В. И. Ленин и большевистская печать Дальнего Востока в период становления и укрепления Советской власти (март 1917 — июнь 1918 гг.); Е. Г. Гимпельсон. Литература о Советах первого года социалистической революции (ноябрь 1917 — 1918 гг.); Г. Е. Рейхберг. Ленинская политика мира и США (1918—1921 гг.); Л. М. Зак. Из истории борьбы советского народа против интервенции Антанты в 1919 г.; В. А. Кадейкин. Из истории борьбы Коммунистической партии против анархистских тенденций в партизанском движении; С. Ф. Фоминых. Некоторые вопросы истории гражданской войны и иностранной интервенции в СССР в освещении современной англо-американской историографии; В. С. Познанский. Белый террор «демократической контрреволюции» в борьбе с Со-

ветской властью в Сибири; И. Д. Эйнгорн. Контрреволюционная деятельность церковников Сибири в годы гражданской войны; Л. М. Горюшкин. Деятельность Советов Сибири по организации сельскохозяйственного производства в первой половине 1918 года; М. И. Чугунов. О деятельности коллектива агитпоезда «Октябрьская революция» в Сибири.

«Вопросы истории». Межвузовский сборник. Вып. 2. Минск. 1975. История СССР и БССР. А. Ф. Вишневский. Мануфактурное производство городов Белоруссии в 30—50-х годах XIX в.; Н. Г. Гневка. Восстановление и дальнейшее развитие общеобразовательных школ в БССР в четвертой пятилетке (1946—1956 гг.); В. И. Горемыкина. Классовый и политический характер «нищелюбия» древнерусских князей; В. Т. Исаев. Рост творческой активности машиностроителей и металлообработчиков БССР в послевоенные годы (1945—1950 гг.); Н. В. Каменская. Из истории борьбы с неграмотностью в Белоруссии в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.); Л. Р. Козлов. Общественные организации Белоруссии в борьбе за повышение культурно-технического уровня рабочего класса в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.); Н. Д. Левкович. Рост технического творчества трудящихся химической промышленности Белоруссии в годы семилетки; А. В. Полонский. Некоторые аспекты социально-экономической политики царизма в Белоруссии периода разложения и кризиса крепостного строя; Н. К. Соколов. Политико-воспитательная работа комсомольских организаций высших учебных заведений БССР (1951—1958 гг.); В. Г. Федорасова. Социальный строй Киевской Руси в трудах советских историков; В. В. Чепко. Экономические связи Белоруссии и Украины в первой половине XIX в.; Р. А. Чикалов. Развитие материальной базы общеобразовательных школ БССР в 1959—1965 гг.; Т. Л. Шестакова. Из истории международных научных и культурных связей Советской Белоруссии в 30-е годы; И. В. Каменская. Участие комсомольских организаций Белоруссии в культурном шефстве города над селом в восстановительный период (1921—1925 гг.); П. К. Кравченко. Внешняя торговля БССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.); Я. П. Науменко. Из истории белорусско-польских культурных связей первой половины XIX в.; Л. М. Рогачева. Развитие школьной сети и дальнейшее совершенствование системы народного образования в республике в годы третьей пятилетки; А. А. Стуканов. Материальная помощь трудящимся Белоруссии Красной Армии в 1919 г.; И. О. Царюк. Образование в западных областях Белоруссии временных органов власти и их деятельность (сентябрь 1939 — март 1940 гг.); И. Ф. Дешко. Коммунистическая партия Западной Белоруссии во главе борьбы трудящихся масс за мир и защиту Советского Союза (1935—1938 гг.); Н. В. Павлюченко. К вопросу о реакционной роли

православной церкви в Белоруссии в период революции 1905—1907 гг.; А. Ф. Рябов. Из истории организационно-хозяйственного укрепления колхозов Белоруссии (1933—1940 гг.); Г. И. Волчок. Рост рабочего класса СССР в годы второй и третьей пятилеток; М. Г. Максимов. Лозунг партии «Лицом к деревне!» и некоторые вопросы организационно-массовой работы по развитию простейших форм сельскохозяйственной кооперации БССР; Я. И. Трещенок. Общая характеристика и основные принципы исторической критики документальных материалов ЦГАОР БССР как источника по истории рабочего класса Белоруссии периода первых пятилеток.

«Известия» Северо-Кавказского научного центра высшей школы. *Общественные науки* № 1, 1976. Б. Н. Шапошник. Нача-

ло героического пути (Северо-Кавказский военный округ в мае—июле 1918 года); В. А. Коренько. Некоторые теоретические проблемы изучения древних погребений; А. Х. Бижев. Об участии польских радикально-демократических повстанцев в антиколониальной борьбе северокавказских горцев в 30-х годах XIX века; М. В. Вагабов. В. И. Ленин и проблема эмансипации женщин Советского Востока; С. П. Тумасова. Комсомольские организации национальных районов Северного Кавказа в борьбе за раскрепощение горняков (1920—1924 годы); Е. П. Резников. Шефская помощь рабочих селу на Кубани в первые годы нэпа (1921—1925 годы); А. И. Станько. Донская печать XIX века и цензура (по архивным материалам); В. А. Зинченко. Модель миграции городского населения Ростовской области.

Хроникальные заметки

◆ 35-летие со дня начала Великой Отечественной войны — тема заседания Бюро Отделения истории АН СССР (22 июня с. г., Москва). Его открыл академик-секретарь Отделения акад. Е. М. Жуков. Доклад «Основные научные проблемы коллективного труда «История второй мировой войны 1939—1945» и влияние советских концепций истории второй мировой войны на зарубежную историографию» сделал чл.-корр. АН СССР П. А. Жилин. На заседании выступили академики И. И. Минц и А. Л. Нарочницкий, чл.-корр. АН СССР М. П. Кым. С. С. Хромов, А. Д. Педосов, И. И. Джорджадзе, В. А. Мацуленко. В заседании приняли участие сотрудники институтов марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, истории СССР и всеобщей истории АН СССР, военной истории МО СССР, Военной академии Генерального штаба имени К. Е. Ворошилова, редакции «Военно-исторического журнала» и других учреждений и организаций.

◆ В апреле 1976 г. в Новосибирске состоялось расширенное заседание Бюро Сибирского отделения Советской социологической ассоциации, посвященное задачам сибирских социологов в свете решений XXV съезда КПСС. Были заслушаны доклады: чл.-корр. АН СССР Т. И. Заславская — «Проблемы и перспективы развития советской деревни до 1980 г.», Л. А. Хахулина — «Об опыте коллективного прогнозирования». Работали четыре секции: проблемы заводской социологии, социологические проблемы управления, изучение социальной структуры советского общества, изучение временных бюджетов.

◆ В Ашхабаде (апрель) прошла 2-я конференция молодых ученых Института истории имени Ш. Батырова АН ТуркмССР, по-

священная итогам XXV съезда КПСС. В ней участвовали работники партийных и комсомольских организаций и ведущие ученые республики. В выступлениях освещался наряду с другими ряд исторических проблем. Г. Караджаева остановилась на рождении и развитии женского образования в Туркменистане в начальные годы Советской власти. Н. Халимов говорил о документальных материалах, которыми располагает сектор рукописей Института языка и литературы имени Махтумкули АН ТуркмССР.

◆ Научная сессия Института истории СССР АН СССР, Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР и Чувашского университета в Чебоксарах 22—23 июня была посвящена 425-летию добровольного вхождения Чувашии в состав Русского государства. Вступительные речи произнесли Председатель Президиума Верховного Совета Чувашской АССР С. М. Илюков и заместитель директора Института истории СССР В. П. Шерстобитов. С докладами выступили: первый секретарь Чувашского обкома КПСС И. П. Проккопьев — «Чувашский народ в великом содружестве народов СССР», секретарь Чувашского обкома КПСС А. П. Петров — «Развитие социалистической культуры чувашского народа в условиях расцвета и сближения национальных культур СССР», В. П. Шерстобитов — «Советский народ — монолитная общность строителей коммунизма», С. О. Шмидт — «Восточная политика Российского государства во второй четверти XVI в. и Казанская война», Ш. Ф. Мухамедьяров — «Положение народов в Казанском ханстве», В. Д. Димитриев (Чебоксары) — «Доброволь-

ное вхождение Чувашии в состав Русского государства», Г. Н. Айплатов (Йошкар-Ола) — «Горные маришцы в борьбе за вхождение в состав России», Г. Я. Меркушкин, М. В. Дорожкин (Саранск) — «Этапы вхождения мордовского народа в состав Русского государства», П. В. Денисов (Чебоксары) — «Совместная борьба трудовых масс народов Среднего Поволжья против социального и национального гнета в эпохи феодализма и капитализма», В. Ф. Каховский (Чебоксары) — «Прогрессивное влияние русского народа на хозяйственное и культурное развитие чувашского народа в дооктябрьский период», Т. А. Ахазов (Чебоксары) — «Национально-государственное строительство и разрешение национального вопроса в Чувашской АССР», П. А. Сидоров (Чебоксары) — «Экономическое сотрудничество советских народов и развитие народного хозяйства Чувашской АССР», В. Н. Любимов (Чебоксары) — «Критика буржуазных фальсификаторов истории национальных отношений в СССР и исторического пути чувашского народа».

◆ Всесоюзная научная сессия этнографов и антропологов, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1974—1975 гг., состоялась 14—19 мая в Душанбе. Она была создана Институтом этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР и Институтом истории имени А. Дониша АН ТаджССР. С докладами выступили: акад. Б. Г. Гафуров, Б. А. Литвинский — «Узловые проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии», чл.-корр. АН СССР Ю. В. Бромлей — «Основные задачи этнографической науки в свете решений XXV съезда КПСС», Т. А. Жданко — «Об итогах и перспективах этнографических исследований в Средней Азии и Казахстане», А. К. Писарчик (Душанбе) — «Итоги и задачи этнографической работы в Таджикистане», М. А. Итина — «Хорезмская экспедиция: основные проблемы и направления исследований», А. И. Робакидзе (Тбилиси) — «Некоторые черты горского феодализма на Кавказе», Ю. П. Петрова-Аверкиева — «50 лет журнала «Советская этнография», Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров — «Основные проблемы современного этнокультурного районирования мира». На сессии работали секции: «Этногенез и этническая история», «Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов СССР», «Семейный и общественный быт», «Историко-этнографические атласы (этнографические типологии, культурные связи)», «Религиозные верования в прошлом и их преодоление в современной жизни», «Фольклор, народная музыка и прикладное искусство».

◆ 18—23 мая в Ереване состоялась XIV Международная конференция античников социалистических стран — «Эйрене», организованная Отделением истории АН СССР и Отделением общественных наук АН АрмССР. Вступительное слово произнес акад. Б. Б. Пиотровский. Участников форума приветствовала заместитель Пред-

седателя Совета Министров АрмССР Р. Х. Светлова. Доклад «Черты эллинизма в материальной культуре древней Армении» представили акад. АН АрмССР Б. Н. Аракелян и чл.-корр. АН АрмССР Г. Х. Саркисян (Ереван). Выступление Э. Вельскопф (ГДР) было посвящено формам зависимости и социального подчинения в Древней Греции. Е. М. Штаерман сделала доклад на тему «Кризис рабовладельческого способа производства». В. Георгиев (Болгария) рассказал о дешифровке иероглифов найденного на Крите в 1908 г. Фестского диска, остающихся до сих пор загадкой. Доклад М. Д. Петрушевского (Югославия) был посвящен сопоставлению и этимологическому разбору топонимических и оронимических терминов в микенском линейном письме «В» и классическом греческом языке. Был зачитан доклад К. Михаловского (Польша) о новейших археологических исследованиях польских ученых в Сирии и Египте. И. Т. Кругликова и Д. Б. Шелов сообщили о последних открытиях археологов в Северном Причерноморье и о достижениях советских археологов в исследовании причерноморской античности. Работали секции: «Античный мир и Восток», «Кризис рабовладельческого способа производства в античном мире», «Образ человека в античной литературе и искусстве», «Новые методы и открытия в классической лингвистике», «Археологические открытия в области античности».

◆ Прошло заседание республиканского Совета по координации научно-исследовательских работ в области истории КПСС и партийного строительства (Ереван, май), организованное Институтом истории партии при ЦК КП Армении — филиалом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Министерством высшего и среднего специального образования АрмССР. Заседание открыл заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК КП Армении Я. И. Хачикян. С докладом «Развитие историко-партийной науки в республике в девятую пятилетку и ее задачи в свете решений XXV съезда КПСС» выступил акад. АН АрмССР, директор Института истории партии при ЦК КП Армении Г. Б. Гарибджанян. П. И. Енгоян, В. О. Казанджян, Ю. В. Мравян, Х. А. Ерипян, А. М. Экмалян говорили о необходимости углубления творческих связей между историками страны, более широкого показа в исследованиях накопленного Коммунистической партией опыта партийного строительства и интернационального воспитания трудящихся. М. В. Искров (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) остановился на пропаганде марксистско-ленинских идей как главной задаче советских идеологических работников.

◆ Актуальным задачам развития и координации научных исследований в свете решений XXV съезда КПСС и XXIX съезда Компартии Азербайджана было посвящено заседание республиканского Совета по координации научно-исследовательских работ в области истории КПСС и партийного строительства, состоявшееся в мае в Баку.

В его работе приняли участие заведующие кафедрами вузов республики, ведущие ученые, представители министерств и ведомств. С докладом «О состоянии и задачах координации научных работ по истории партии и партийному строительству» выступил директор Института истории партии при ЦК КП Азербайджана Д. П. Гулиев. Академик-секретарь Отделения общественных наук АН Азербайджанской ССР С. Сумбатзаде, А. З. Багирзаде, М. М. Багиров, И. С. Муслимов и З. Б. Шихлинский отмечали необходимость объединения усилий историков и историков КПСС по созданию фундаментальных трудов о деятельности партийной организации республики. Был высказан ряд предложений по совершенствованию координации и публикации научных работ в этой области. Особо подчеркивалась важность написания на высоком научно-теоретическом уровне «Очерков истории Коммунистической партии Азербайджана», а также актуальных исследований, обобщающих организаторскую и политическую деятельность Компартии республики в условиях развитого социализма. О задачах, которые поставил перед историками XXV съезд КПСС, рассказал М. В. Искров. Итоги заседания подвел заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК КП Азербайджана Ф. Г. Ахмедов.

◆ Решением 136-й Генеральной ассамблеи Академии наук Венгрии акад. А. П. Окладников избран ее почетным членом. Теперь этот видный советский историк и археолог является членом четырех академий наук: СССР, Венгрии, Монголии и Великобритании.

◆ Книгу «Рабочий класс СССР и его ведущая роль в строительстве коммунизма» (М. «Наука». 1975) написал коллектив авторов под руководством чл.-корр. АН СССР Ц. А. Степаняна. В ней комплексно рассматривается ведущая роль рабочего класса в коммунистическом строительстве, освещаются методологические положения марксизма-ленинизма о роли рабочего класса в современном обществе и его исторической миссии, исследуется эта роль в развитии социалистической экономики и советского общества, в политической системе социализма, становлении и развитии социалистических национальных отношений и советской культуры. Большое внимание уделено месту рабочего класса в социальном соревновании и деятельности профсоюзов. В книге критикуются буржуазные и ревизионистские концепции, отрицающие ведущую роль рабочего класса.

◆ «История социалистических учений» (М. «Наука». 1976) — это сборник статей сотрудников Института всеобщей истории АН СССР. Авторы прослеживают эволюцию идей утопического социализма, показывают, как развитие марксизма-ленинизма шло рука об руку с преодолением утопизма в рабочем движении.

◆ «Ленинская политика мира и развивающиеся страны» — книга А. Ю. Шпирта, вышедшая в издательстве «Наука» (М. 1976). В ней освещены различные аспекты пагубного воздействия войн, военных конфликтов и гонки вооружений на социально-экономическую жизнь молодых независимых государств и показаны огромные возможности, открывающиеся для развития этих стран в условиях разрядки международной напряженности и реализации Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС.

◆ В серии «Партийные публикации» издательство «Мысль» (М. 1976) выпустило в свет книгу Х. Барсеяна «С. Г. Шаумян». Автор рассказывает о деятельности Степана Шаумяна как основателя и редактора большевистских периодических изданий в Закавказье, дает обзор ряда его статей, освещает его сотрудничество в газете «Правда».

◆ В книге «Коммунистические партии Латинской Америки в борьбе за единство антиимпериалистических сил» (М. «Мысль», 1976) рассматриваются вопросы политической линии коммунистических и рабочих партий Латинской Америки, их деятельности по организации рабочего класса, средних городских слоев, сельских трудящихся, их работы с интеллигенцией, военными и ряд других проблем.

◆ Тем же издательством выпущена в свет книга «Деятели международного рабочего движения о религии и церкви (Западная Европа. Конец XIX — начало XX в.)» (М. 1976). Выдающиеся деятели международного рабочего движения А. Бебель, В. Либкнехт, Ф. Меринг, П. Лафарг, Ж. Гед, А. Лабрюла уделяли большое внимание вопросам происхождения и развития религии. Их выступления против клерикализма, вошедшие в сборник, являются прекрасным образцом атеистической пропаганды.

◆ В издательстве «Мысль» опубликована книга В. М. Чугуенко «Производство, демократия, идеологическая борьба (критический анализ буржуазной концепции «индустриальной демократии»)» (М. 1976). Посредством концепции «индустриальной демократии» буржуазные теоретики пытаются внедрить в сознание трудящихся иллюзорные идеи об «участии» рабочих в управлении капиталистическим производством. Опираясь на марксистско-ленинскую теорию, автор критически анализирует идею «индустриальной демократии», показывает ее несостоятельность и реакционность.

◆ Книга В. Ф. Бартова «Современный капитализм и природа. Экономические аспекты экологического кризиса» увидела свет в издательстве «Мысль» (М. 1976). В ней вскрываются причины и социально-экономическое содержание экологического кризиса, выявляются роль монополий, империалистической политики в разграблении природных ресурсов, дальнейшее обострение классовых и межимпериалистических противоречий в мире капитала.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

СОВЕТСКО-ШВЕДСКИЙ СИМПОЗИУМ ИСТОРИКОВ

8—13 марта 1976 г. в Стокгольме состоялся советско-шведский симпозиум историков. Организаторами его были Королевская академия гуманитарных наук, Шведский институт, осуществляющий культурные и научные связи Швеции с заграницией; с советской стороны — Национальный комитет историков Советского Союза. В состав советской делегации входили: акад. Е. М. Жуков (глава делегации), чл.-корр. АН СССР Ю. А. Поляков, акад. АН Латвийской ССР А. А. Дризул, чл.-корр. АН Эстонской ССР Ю. Ю. Кахк, Е. И. Агаян, В. И. Буганов, Ю. В. Кудрина, Г. А. Некрасов, В. В. Рогинский, С. С. Хромов, О. В. Чернышева. Шведские участники форума представляли различные научные центры: университеты Стокгольма, Гётеборга, Лунда, а также Шведскую королевскую академию гуманитарных наук.

На официальном открытии симпозиума был заслушан доклад бывшего посла Швеции в СССР Г. Ярринга «Культура шведских военнопленных в Сибири в первой половине XVIII века». Докладчик подробно остановился на исследовательской деятельности в области географии, этнографии, языкознания Сибири шведских военнопленных, среди которых было много образованных людей, сосланных царским правительством в ходе Северной войны на поселение в Тобольскую губернию. Опубликование ими по возвращении домой после Ништадтского мира в 1721 г. материалов о проведенных изысканиях способствовало пробуждению интереса к изучению Сибири. Г. Ярринг особенно отметил заслуги Ф. И. Страленберга¹ (300-летие со дня рождения которого в текущем году будет отмечаться в Швеции), издавшего в 1730 г. карту России и «Великой Татарии» и книгу «Историко-географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии».

¹ См. М. Г. Новлянская. Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. М.-Л. 1966.

Труды Ф. И. Страленберга, К. Г. Шульмана, И. Г. Рената и других о древнетюркских текстах, о калмыцком языке, создание ими карт Центральной Азии стимулировали и побуждали европейских исследователей в XIX и начале XX в. к изучению народов Азии.

В ходе рабочих заседаний было заслушано 10 докладов. Три из них были посвящены различным аспектам положения крестьянства и крестьянских движений в средние века и новое время на территории Швеции и России. В докладе С. У. Пальме «О крестьянстве. Социальное положение шведского крестьянства в средние века» было показано, что в XII—XIII вв. среди свободного сельского населения Швеции выделились стурманы — феодалы, бонды — крестьяне, владеющие землей, и ландбу — крестьяне, арендовавшие землю. Эти категории сельского населения различались по своему имущественному и правовому положению. Рассмотрев шведские областные законы XIII в., докладчик отметил, что ряд аспектов этих законов, указывающих на равенство крестьян, уже не отвечал действительности. По его мнению, эти аспекты были внесены в шведские областные законы под влиянием римского права, а не германских традиционных представлений о свободе.

Доклад о крестьянских движениях в России в период феодализма сделал В. И. Буганов (Институт истории СССР АН СССР). Он охарактеризовал основные этапы классовой борьбы крестьян, причины крестьянских выступлений, движущие силы этих движений, взгляды и требования, идеологию их участников, причины поражений и историческое значение этих выступлений, а также черты сходства и существенные отличия между крестьянскими войнами в России и странах Западной и Центральной Европы. В докладе подчеркивалось, что классовая борьба крестьян против феодального строя во всей Европе

сыграла большую историческую роль в социально-экономическом и политическом развитии многих стран, в переходе от феодальной формации к капиталистической. Чл.-корр. АН Эстонской ССР Ю. Ю. Кахк в своем докладе затронул проблемы типологии и количественного изучения крестьянских движений в России в XVII—XIX веках. Он подробно остановился на опыте исследований, проведенных эстонскими историками, по вопросу о классификации феодальных выступлений крестьян Прибалтики в XVII веке. Выступивший по докладу Ю. Ю. Кахка шведский историк А. Лойт осветил проблему взаимозависимости крестьянских движений и феодальной ренты, соотношения крестьянских движений и городских волнений.

Ряд докладов был посвящен русско-шведским отношениям. Сотрудник Исторического института Стокгольмского университета К. Петерссон свой доклад посвятил истории Морского устава Петра I (1720 г.). По мнению Петерссона, принятие устава явилось результатом деятельности комиссии, специально образованной для его разработки, а не лично Петра I, роль которого в создании устава в литературе сильно преувеличена. В основу Морского устава 1720 г., подчеркнул докладчик, был положен устав Людовика XIV.

В обсуждении этого доклада приняли участие В. И. Буганов и Г. А. Некрасов (Институт истории СССР АН СССР). В. И. Буганов отметил, что правительство Петра I в ходе административных преобразований широко обращалось к опыту европейских стран, в том числе и Швеции, однако относилось к нему критически, творчески и во всех случаях ставило на первое место потребности Российского государства. Эту же мысль подчеркнул в своем выступлении Г. А. Некрасов, указав на творческий вклад Петра I в создание Морского устава 1720 года.

Отношения между Россией и Швецией в первой половине XIX в. были посвящены доклады М. Меткалфа (Исторический институт Стокгольмского университета) и В. В. Рогинского (Институт всеобщей истории АН СССР). В докладе «О линии 1812 г. в шведской политике до Крымской войны» Меткалф попытался доказать, что русско-шведские отношения получили совершенно иное содержание после установления всеобщего мира в Европе в 1815 году. Как считает М. Меткалф, русско-шведское сотрудничество выража-

ло ограниченные устремления обеих консервативных династий в период от европейских революций 1830 г. до окончания Крымской войны 1856 года.

В докладе В. В. Рогинского «Союз России и Швеции в 1812 г.» было показано, что сближение и союз России и Швеции в 1812 г. были не только результатом сложившегося стечения обстоятельств, как утверждалось в докладе Меткалфа, но и закономерным следствием предшествующего развития и окончательной победы миролюбивой, добрососедской тенденции в шведской внешней политике. Выступавший подчеркнул, что союз 1812 г. стал поворотным пунктом в отношениях России и Швеции нового времени.

По проблемам новейшей истории были заслушаны два доклада. В докладе О. В. Чернышевой (Институт всеобщей истории АН СССР) «Государственно-монополистический капитализм Швеции во время второй мировой войны» были рассмотрены взаимоотношения государственной власти и частной экономики Швеции, роль государственного регулирования экономической жизни, новые формы государственного вмешательства в экономику. О. В. Чернышева отметила, что рост государственного влияния в экономической жизни Швеции в годы войны происходил параллельно с ростом влияния монополистической буржуазии на государственное управление, что выразилось, в частности, в массовом привлечении представителей буржуазии в административный аппарат военного времени. В докладе подчеркивалось, что возросшее государственное регулирование в годы войны не препятствовало росту прибылей монополий и увеличению капиталовложений и, таким образом, служило укреплению капиталистических отношений.

Руководитель сектора в Институте экономической истории Гётеборгского университета М. Фритц, определяя понятие «государственно-монополистический капитализм», поддержал марксистскую точку зрения. Он охарактеризовал роль государственного регулирования в области внешней торговли и цен в годы второй мировой войны и значение шведского экспорта, в частности железной руды, в Германию. М. Фритц подробно остановился на шведских исследовательских проектах, посвященных экономике Швеции в XX в. (в Гётеборгском и Упсальском университетах). По вопросам, поднятым О. В. Чернышевой и М. Фритцем, выступила Ю. В. Кудрина

(Институт всеобщей истории АН СССР). Ею были затронуты вопросы государственного регулирования в области внешней торговли, в первую очередь в области шведско-германской торговли в период второй мировой войны. Ю. В. Кудрина коснулась характера шведско-германского товарооборота, значительной доли Германии и оккупированных ею стран в шведском импорте, вопроса о шведских фирменных кредитах Германии, остановилась на эволюции отношений Швеции и Германии, происшедшей под влиянием коренного перелома в ходе войны, вызванного победами Красной Армии.

О результатах своих исследований в области развития планирования в СССР в 20-е годы на примере Северо-Западной области рассказал преподаватель Стокгольмского университета Л. Самюэльссон, который подчеркнул, что изучение советского опыта планирования представляет большой интерес в связи с крепнущими в последние годы советско-шведскими экономическими отношениями. По докладу выступили чл.-корр. АН СССР Ю. А. Поляков и С. С. Хромов. Ю. А. Поляков отметил большое значение исследования, посвященного первому в истории опыту научного планирования экономики, а также важность региональных работ для изучения экономического развития страны в целом. Вместе с тем он обратил внимание на то, что в докладе не отражена классовая направленность планирования в СССР. В 20-е годы, когда победа социализма еще не была достигнута, планирование осуществлялось в условиях смешанной экономики. Между социалистическим сектором, с одной стороны, и частнокапиталистическим — с другой, шла борьба. Политика государства была ориентирована на всемерное развитие социалистического сектора. Планирование, осуществляемое государственными организациями, естественно, было подчинено решению этой задачи. С. С. Хромов положительно оценил постановку проблемы и объективность, с которой Л. Самюэльссон рассматривает выдвинутые вопросы, поддержал высокую оценку плана ГОЭЛРО, данную шведским историком, и отметил широкую источниковую базу доклада. Далее он указал на необходимость учитывать тот факт, что само планирование стало возможным благодаря победе социалистической революции в СССР и созданию социалистического сектора в его экономике, что плановость является закономерностью раз-

вития социалистической экономики, на что не было обращено внимание в докладе. Историю планирования экономики каждого региона следует освещать в непосредственной связи с историей планирования в общегосударственном масштабе, подчеркнул С. С. Хромов.

С докладом «История Швеции в трудах русских дореволюционных и советских историков» выступил Г. А. Некрасов. Он отметил, что интерес к истории Швеции имеет в России довольно давнюю традицию, обусловленную не только географической близостью двух стран, но и длительными экономическими, политическими и культурными связями между ними, уходящими в глубь веков. В докладе было показано, как изучалась история Швеции в дореволюционной России и в СССР, проанализирована тематика и выявлен вклад русских и советских ученых в исследование истории Швеции. Докладчик отметил, что в советской историографии этой стране уделено больше места, чем другим скандинавским странам; имеются определенные достижения в разработке общей концепции и периодизации истории Швеции, проблем новейшей истории политических и экономических отношений двух стран, а также ранней истории Скандинавии, ремесла и торговли средневековой Швеции, аграрных отношений второй половины XVII—первой половины XVIII в. и др. Однако эти результаты, по мнению Г. А. Некрасова, должны рассматриваться только как начало углубленного исследования истории Швеции в свете марксистско-ленинского учения.

Акад. АН Латвийской ССР А. А. Дризул подробно рассказал об изучении истории прибалтийских стран в научных учреждениях республики. Он отметил, что события политической истории XVII в. обусловили для современных исследователей необходимость комплексного изучения внешней и внутренней политики государств балтийского региона, и в частности Швеции, для анализа процесса исторического развития Латвии и Эстонии. Особенно это относится к так называемому «балтийскому вопросу», аграрным отношениям и положению латышского и эстонского крестьянства. А. А. Дризул указал на работы советских историков Латвии, которые, отвергая тезис буржуазной историографии о «добрых шведских временах», пришли к выводу о том, что шведское правительство, опираясь на местное немецкое дворянство, разработало особую систему мероприятий, обеспечивавших ему

широкие возможности военно-феодальной эксплуатации владений в Восточной Прибалтике, что основная тяжесть государственных налогов ложилась на плечи крестьян и с каждым годом увеличивалась феодально-крепостническая эксплуатация.

В докладе «О марксистской периодизации истории на примере Швеции» магистр философии Лундского университета К. Гарнер предпринял попытку доказать несостоятельность подхода советских историков к периодизации общественных формаций. С критикой данного положения выступил акад. Е. М. Жуков, охарактеризовавший марксистские философские принципы периодизации истории, а также соотношение между логическими понятиями «общее», «особенное» и «единичное» в применении к историческому процессу. Е. М. Жуков подчеркнул, что последовательная смена общественно-экономических формаций — это логика истории, ее магистральный путь во всемирно-историческом масштабе, что марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях выведено из ана-

лиза развития человечества в целом. Конкретно-исторический путь отдельных стран усложняется массой случайностей, однако периодизация истории одной страны не может отрываться от всемирной истории.

Было принято совместное решение о проведении следующего симпозиума весной 1978 г. в Москве. В качестве примерных тем для обсуждения предполагаются: 1. Роль дворянства в эпоху феодализма; 2. Генезис капиталистических отношений в России и Швеции; 3. Советско-шведские отношения. Советские историки познакомились со славянским отделением Стокгольмского университета и посетили Упсальский университет, где была организована встреча с историками; проф. С. Линдрут ознакомил гостей с собранием редких книг этого старейшего университета Швеции. В целом симпозиум прошел успешно и был полезным для укрепления научных связей между советскими и шведскими историками.

*Ю. В. Кудрина,
О. В. Чернышева*

Рецензии

I. GEISS. *The Pan-African Movement*. Methuen and Co Ltd. London. 1974.
575 p.

И. ГЕЙСС. *Панафриканское движение*

Панафриканское движение — явление XX в., хотя его корни уходят в XIX и даже в XVIII века. Тем не менее эта тема еще мало исследована. За исключением нескольких статей и глав в книгах патриарха панафриканского движения У. Дюбуа, носящих скорее автобиографический характер¹, и ряда работ, посвященных различным сторонам этого движения, написанных в основном не историками², которые ставили перед собой не столько научную, сколько пропагандистскую задачу, можно сказать, что историография этой проблемы находится еще в процессе становления. Западногерманский прогрессивный историк И. Гейсс при написании фундаментального труда «Панафриканское движение» преследовал цель — по возможности восполнить пробел, существующий в исторической литературе. Впервые появилась работа, в которой получили освещение почти все проблемы панафриканского движения.

Первое издание книги вышло в ФРГ в 1968 году. Подготавливая второе, рецензируемое издание, которое было опубликовано в Англии, автор сумел использовать подавляющую часть литературы по этой теме, выпущенной с 1967 по 1973 г., на английском, французском, немецком и португальском языках (кроме русского, что весьма обеднило содержание работы). И. Гейсс собирал материалы для книги в библиоте-

ках и архивах (как государственных, так и частных) в Гане, Нигерии, Англии, США, Франции, ГДР и ФРГ, ознакомился с еще не опубликованными работами и диссертациями, подготовленными во многих странах, а также с прессой ряда государств Африки, Европы, Вест-Индии (по терминологии автора) и США. Им были изучены и введены в научный оборот многие ранее неизвестные документы, освещены некоторые проблемы и факты из истории панафриканского движения, о которых еще никто не писал, приведены стенографические отчеты, тексты выступлений, обращения, петиции, резолюции, принятые различными конференциями и конгрессами.

Гейсс анализирует и прослеживает историю панафриканского движения начиная с первых контактов европейцев с африканцами в XV в., рисует портреты многочисленных деятелей этого движения, рассказывает об организациях, которые возникали в русле панафриканизма на протяжении трех столетий. Автор предлагает три самые общие формулы, определяющие панафриканское движение. Во-первых, это возникшие среди африканцев и афроамериканцев, то есть людей африканского происхождения, интеллектуальные и политические движения, которые свидетельствуют о расовой солидарности, причем афроамериканцы видят в Африке родину, хотя это и не означает, что они хотят туда вернуться. Во-вторых, все идеи, которые способствуют культурному единству и политической независимости Африки, включая идеи модернизации Африки. В соответствии с этим возникают концепции «Возрождение Африки» и «Африка для африканцев». В-третьих, идеи или политические движения, выступающие за политическое сотрудничество в той или иной форме. Эти простейшие фор-

¹ W. E. B. Du Bois. *Dusk of Dawn: An Essay towards an Autobiography of a Race Concept*. N. Y. 1940; e j u s d. *The World and Africa: an Enquiry into the Part which Africa Has Played in World History*. N. Y. 1946.

² «History of the Pan-African Congresses». Ed. G. Padmore. L. 1947; e j u s d. *Pan-Africanism or Communism?* L. 1956; A. A y a l a. *Pan-Africanism*. L. 1973; Ras Makonnen. *Pan-Africanism from within*. Nairobi, L. 1973; P. Decraigne. *Le Panafricanisme*. P. 1959.

мулы, как признает Гейсс, еще не могут дать исчерпывающее определение panaфриканского движения, так как могут служить лишь «ключом к историческому анализу, которым необходимо пользоваться с должной осторожностью» (стр. 4). Следует учитывать, что это движение развивалось одновременно на трех континентах — в Северной Америке (США и Вест-Индии), Африке (особенно Западной Африке) и Европе (прежде всего Англии). Иногда эти движения взаимно влияли друг на друга, но иногда они развивались изолированно друг от друга. Поэтому panaфриканское движение, по мнению Гейсса, необходимо изучать на фоне всемирной истории.

Автор предлагает градиацию эволюции этого движения из шести периодов, стараясь учесть политический аспект каждого периода: 1) зачастую panaфриканизм принимает форму движения, объединяющего все цветные и колониальные народы; 2) в некоторых случаях panaфриканизм носит расовый характер и называется «паннегризмом», что приводит к игнорированию арабской Северной Африки и солидарности лишь черных американцев и африканцев; 3) только после того, как единство всего африканского континента стало целью и афроамериканцы из Нового Света были исключены из движения, panaфриканизм начал соответствовать своему названию. Причем здесь Гейсс различает два момента — с одной стороны, стремление к единству Черной Африки и, с другой — к единству всего континента, включая арабский север; 4) зачастую стремление к региональному единству можно рассматривать как подготовительную стадию к континентальному единству, особенно в ранний период в Западной, а в последние годы и в Восточной Африке; 5) до недавнего времени конкретные действия предпринимались только на национальном уровне, в то время как теоретические дискуссии, пропаганда и агитация направлялись на более высоком уровне; 6) национализм зарождается на племенном уровне.

Обращает на себя внимание, что при определении этих шести периодов была утеряна историческая перспектива, так как они не совсем соответствуют этапам развития panaфриканского движения и, главное, не отражают его характер, суть которого — антиколониализм и антиимпериализм. Со своей стороны, мы позволим себе предложить три исторических периода эволюции panaфриканского движения, которое явля-

ется одной из сил национально-освободительного движения. При этом мы учитываем, что национально-освободительное движение — составная часть единого мирового революционного процесса и развивается во взаимосвязи, единстве и взаимодействии с великими революционными силами современности — мировой социалистической системой и международным рабочим движением. Сначала в panaфриканизме доминировали общенегритянские проблемы, но в дальнейшем, под влиянием первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции, на смену паннегрizmu пришел африканский национализм. Укрепление антиимпериалистической тенденции во втором периоде panaфриканского движения, начавшемся после второй мировой войны, было вызвано коренными политическими и социальными изменениями в мире, которые выразились в победе Советского Союза и прогрессивных сил мира над фашизмом, создании содружества социалистических стран, победе национальных революций в Азии, углублении общего кризиса капитализма, крушении колониальной системы. Третий период panaфриканского движения ознаменовался успехами национально-освободительного движения в Африке и возникновением здесь суверенных государств.

Гейсс рассматривает panaфриканизм как «реакцию на контакт с современным миром со стороны наиболее развитых и интенсивно европеизированных африканцев и афроамериканцев», которые получили образование в Америке, Европе или Западной Африке и «восприняли европейские и североамериканские принципы равенства и демократии, выработав на этой основе свою собственную идеологию освободительной борьбы против власти белых». Вернувшись к себе на родину, продолжает автор, они стали «ферментом модернизации в традиционном обществе; так же, как афроамериканцы, они выступили против расовой дискриминации со стороны европейского колониализма, обратив против своих белых хозяев те самые политические и интеллектуальные принципы, которым они научились у них же» (стр. 4—5).

Предположение, что panaфриканизм развивался исключительно под влиянием черных американцев, довольно широко распространено в зарубежной африканистике. Советские же ученые, введя в научный оборот источники, которыми наука не располагала еще 10—15 лет назад, доказывают.

что у истоков panaфриканизма стояло немало африканцев. А. Б. Давидсон с полным основанием заявил, например, что «сами южноафриканцы наложили своими действиями заметный отпечаток на характер panaфриканского движения и активно участвовали в его формировании»³. М. Ю. Френкель пишет: «Сегодня можно утверждать, что некоторые важные принципы panaфриканизма были сформулированы еще в XIX в. в самой Африке. Здесь в 60-е годы XIX в. прозвучал лозунг «Африка для африканцев!» и был выдвинут тезис об общности судеб всех народов негроидной расы»⁴. М. Ю. Френкель убедительно доказывает, что в самой Африке еще во второй половине XIX в. были сформулированы отдельные положения «африканского социализма», теория негритуа и было выдвинуто требование о предоставлении независимости Западной Африке.

Предпринимаемая Гейссом, вслед за другими зарубежными историками, попытка сравнить panaфриканское движение с различными по своему содержанию европейскими движениями не убедительна. Автор пишет о влиянии Французской буржуазной революции конца XVIII в. на немецких романтиков, о борьбе славян в середине века против иностранной экономической, социальной и политической власти, борьбе западников и славянофилов в России, панславизме, а также пантюркизме и panaмерицизме. Основываясь на этих неправомочных параллелях между явлениями разного порядка, Гейсс приходит к выводу, что «panaфриканизм представляет собой универсальный феномен, который принимает различные формы в зависимости от времени, места и исторических условий» (стр. 6), и его роднит с другими пандвижениями то, что перед всеми ними «стоит одна и та же основная проблема — конфликт между традиционным миром и модернизированными влияниями» (стр. 432). Возможно, такая трактовка и подтверждается некоторыми явлениями в panaфриканизме, но она отражает лишь небольшую часть внутренних проблем этого движения.

³ А. Б. Давидсон. Южная Африка. Становление сил протеста. М. 1972, стр. 185.

⁴ М. Ю. Френкель. Общественная мысль Британской Западной Африки во второй половине XIX столетия. Автореф. докт. дисс. М. 1974, стр. 5.

В отличие от других пандвижений, panaфриканизм — это своеобразная теоретическая и политическая концепция национально-освободительного движения в Африке и борьбы за гражданские права в США, возникшая как реакция на колониальное, социальное, а также расовое угнетение. Это попытка противопоставить этому угнетению право на собственное развитие, право на свободу и демократию. Но, как и в любом проявлении национализма, в panaфриканском движении определилось несколько течений, из которых можно выделить два основных. Представители одного из них — последователи У. Дюбуа; это течение более революционное, стремящееся слить национально-освободительное движение с антиимпериалистическим движением во всем мире. Другое — составляют приверженцы Дж. Пэдмора; оно более консервативное, зачастую и узконационалистическое вплоть до реакционного и требует изоляции борьбы народов африканского происхождения от прогрессивных сил мира, изоляции Африки от всего мира. Такой диалектический подход к проблемам panaфриканизма помогает подчеркнуть специфику этого движения и показать его отличие от других пандвижений.

Наконец, вызывает возражение вывод Гейсса, что panaфриканизм на современном этапе «переживает кризис» (стр. 424). Сейчас мы являемся свидетелями крупных событий на африканском континенте, которые говорят о том, что многие цели, которые panaфриканизм поставил перед собой на заре этого века, уже достигнуты. Большинство африканских стран уже добились политического суверенитета и стало на путь достижения полной экономической независимости. Несмотря на известные трудности, возникающие перед panaфриканским движением, внутри него крепнут идеи антиимпериалистического единства со всеми прогрессивными силами мира, меняются цели и формы борьбы.

Обращение к этой теме такого крупного историка, как И. Гейсс, свидетельствует о растущем внимании к значительному общественно-политическому явлению, каким является panaфриканизм, оказывающий определенное влияние на идеологические и политические проблемы современности.

Л. О. Голден

J. FRANKEL. *British Foreign Policy, 1945—1973*. London. Oxford University Press. 1975. 356 p.

Дж. ФРЭНКЕЛЬ. *Британская внешняя политика. 1945—1973 гг.*

По мере того как развивается процесс дальнейшего и необратимого упадка влияния Великобритании в мире, буржуазные ученые предпринимают попытки дать анализ эволюции британской внешней политики в послевоенный период, определить место Англии в современном мире и перспективы ее развития. Этому посвящена и книга известного английского историка-международника профессора Саутгемптонского университета Дж. Фрэнкеля, являющаяся одним из наиболее разносторонних исследований послевоенной политики Великобритании.

Дж. Фрэнкель ставит своей целью показать, каким образом различные факторы влияли на внешнюю политику Великобритании после 1945 г., какую роль здесь играли политические деятели, принимавшие решения в области внешней политики. В ряду таких факторов автор называет преэминентность британской внешней политики, общественное мнение, «устанавливающее рамки, дальше которых политика не должна заходить» (стр. 41), экономические, психологические и прочие факторы. Их анализу отведена первая часть книги. Вторая ее часть посвящена «основным направлениям политики» Великобритании, ее взаимоотношениям с США, СССР, странами Содружества наций, а также политике в области экономики и обороны.

В своей оценке британской внешней политики в послевоенный период автор исходит из того, что Англия переживала «затянувшуюся и трудную стадию» приспособления к послевоенной действительности — к состоянию своего постепенно уменьшающегося влияния в мире. Этот процесс неуклонно сопровождался расшатыванием связей со странами Содружества наций, ослаблением «особых отношений» с США и постепенной переориентацией Англии на Западную Европу, которая представляла для нее все более серьезную «политическую угрозу» (стр. 241). Дж. Фрэнкель показывает, как менялось отношение Англии к рождавшемуся в Западной Европе центру силы, как «неспособность понять политику де Голля», те цели, которые преследовала западноевропейская интеграция, уступила место осознанию того, что «про-

цесс приспособления страны к состоянию постепенно убывающей мощи» (стр. 9) проходил бы для Англии не так болезненно, если бы она вступила в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) в конце 50-х годов, в момент создания этой организации. Отказ английского правительства принять участие в переговорах в Мессине о создании «Общего рынка» (1955 г.) автор считает «наиболее дорогостоящей ошибкой в послевоенной политике» Великобритании (стр. 234). Эта ошибка повлекла за собой цепь других, и вместо того, чтобы активно добиваться приема в ЕЭС, Англия направила свои усилия на превращение его в зону свободной торговли, а затем — на создание противостоящего «Общему рынку» блока. Последовавшие затем попытки Англии вступить в ЕЭС разбивались об упорный отказ со стороны де Голля, для которого зависимость Англии от США являлась скорее «удобной отговоркой», чем причиной вето. Последняя же заключалась в стремлении во что бы то ни стало сохранить политическое лидерство в Сообществе, которое со вступлением Англии в «Общий рынок» могло оказаться под вопросом.

Если усилия, предпринимаемые британским правительством в деле разрешения этой главной для Англии задачи, хотя и с большим опозданием, но все же увенчались успехом и она, наконец, добилась приема в «Общий рынок», то британская политика в отношении другой международной организации, Организации Объединенных Наций (ООН), по мнению автора, не была эффективной. Дело в том, что ООН в отличие от других организаций, например, НАТО, отвечающих «традиционным целям» британской дипломатии, создала для Англии ряд новых проблем. Дж. Фрэнкель признает, что роль ООН для нее «незначительна» и что английские правительства были не в состоянии проводить в этой организации политику, наилучшим образом отвечающую национальным интересам. Англия не только не пользовалась автоматической поддержкой в крупных международных вопросах со стороны Содружества, но, наоборот, по образному выражению А. Дуглас-Хьюма, постоянно «находилась на скамье подсудимых» по колони-

альным вопросам. Соединенные Штаты тоже не всегда оказывали ей достаточную поддержку. В результате Англия как бы потеряла интерес к ООН и перестала уделять ей должное внимание, и к тому времени, когда представителем в ООН был назначен «настоящий энтузиаст» своего дела лорд Карадон, британское влияние и «популярность» среди антиколониального большинства» упали настолько, что Англия «уже не могла играть видную роль в этой организации» (стр. 251).

Особое внимание автор уделит анализу отношений Великобритании с США и СССР, причем англо-советские отношения автор рассматривает детально, сознательно выдвигая их на первый план и подчеркивая, что они «занимали центральное место в британской внешней политике в послевоенный период» (стр. 189). Дж. Фрэнкель задался целью выяснить, какую роль в англо-советских отношениях играла традиционная британская политика «баланса сил». В книге показана эволюция англо-советских отношений со времен второй мировой войны, когда сотрудничество Англии с СССР было «навязано обстоятельствами», и вплоть до наших дней. Отмечая, что в отдельные периоды эти отношения были достаточно тесными, автор тем не менее подчеркивает, что в послевоенный период они были «скорее практическими, чем дружескими», и что они «колебались между корректной холодностью и откровенной враждебностью», хотя в ряде случаев обе страны и «обменивались заявлениями дружбы» (стр. 191). Тем не менее, несмотря на «идеологическую неприязнь» к Советскому Союзу, Англия в своих отношениях с ним руководствовалась, как считает автор, национальными интересами (стр. 317).

Заслуживает внимания признание Дж. Фрэнкеля, что, несмотря на продолжающееся уменьшение влияния Англии на международной арене, постепенную сдачу ею своих позиций, в Советском Союзе всегда придавала отношениям с нею большое значение. Однако эта практика, по мнению автора, в конце 60-х — начале 70-х годов, после установления прямых контактов между США и СССР, уступила место наметившейся в политике СССР тенденции «потери интереса» к Великобритании, что произошло в результате осознания неспособности англичан оказывать влияние на политику США, в частности в ходе вьетнамской войны. В новых для Англии условиях,

а именно после вступления ее в «Общий рынок», а также учитывая продолжение разрядки в области международной политики, интересы страны в отношении Советского Союза «все больше совпадают с интересами западноевропейских союзников Англии, а не Соединенных Штатов» (там же). Оценивая англо-советские отношения, Дж. Фрэнкель приходит к выводу, что после вступления Англии в ЕЭС и ее перехода от самостоятельной к «блоковой» политике в отношении СССР происходит как бы дальнейшее сужение сферы действия англо-советских отношений.

В книге уделено также значительное внимание англо-американским «особым отношениям», которые, по мнению автора, все более превращаются в отношения между США и Западной Европой. Этим отношениям англичане всегда склонны были приписывать большее значение, чем они имели на самом деле, ибо в действительности они были «особыми» только для англичан и характеризовались отсутствием в ряде случаев взаимопонимания между двумя сторонами, что наиболее ярко было продемонстрировано в ходе англо-франко-израильской агрессии против Египта в 1956 г., приведшей к «нарушению особых отношений как на официальном, так и на политическом уровне» (стр. 210). С приходом к власти правительства консерваторов, возглавляемого Э. Хитом (1970 г.), и происшедшим в связи с этим окончательным поворотом Англии к Европе «особые отношения» продолжали подвергаться дальнейшей эрозии. Этому способствует также и разрядка международной напряженности, которая, как считает автор, привела к тому, что «Англия стала менее важной для Соединенных Штатов в их основном стратегическом балансе с Советским Союзом» (стр. 209).

Представляет интерес исследование автором оборонной политики Великобритании, которая «эволюционировала в том же направлении, что и британская внешняя политика, то есть от широкой концепции мировой роли к более узкой концепции приоритета региональных интересов» (стр. 287). Дж. Фрэнкель подчеркивает, что Англия слишком разбрасывала свои усилия в этой области и поэтому курс на создание собственного ядерного сдерживающего средства и поддержание военного присутствия в районах «к востоку от Суэца» не только ограничивал возможности Англии в деле обес-

печения обороны Западной Европы, что, по существу, являлось ее основной задачей, но и противоречил политике взаимозависимости с Соединенными Штатами Америки (стр. 284). Участие в гонке вооружений привело к значительному замедлению темпов развития английской экономики, оставанию Англии от ее партнеров, в частности от Западной Германии. Осознание английскими правящими кругами, и в особенности, как подчеркивает автор, министром обороны Д. Хили, пагубности для экономики страны продолжения гонки вооружений привело к постепенному сокращению к 1971 г. заморских обязательств Великобритании. Следствием этого является невозможность для страны самостоятельно участвовать в каких-либо значительных заморских операциях, как это неоднократно случалось в прошлом. Анализируя причины и последствия ухода Великобритании из районов «к востоку от Суэца», Дж. Фрэнкель признает, что «наличие крупных британских капиталовложений служило основным оправданием присутствия британских войск, особенно на Среднем Востоке с его нефтью, и в Малайе» (стр. 301).

Автор останавливается на отношении Великобритании к НАТО, подчеркивает, что она являлась не только инициатором создания этого блока, но и его «преданным сторонником» в трудное для НАТО время. Однако усилия британской дипломатии в деле консолидации Североатлантического блока и укрепления его обороны, по мнению Дж. Фрэнкеля, не получают должного вознаграждения. «Нельзя сказать,— пишет он,— что Англия приобрела в НАТО влияние, вполне соответствующее ее оборонным усилиям, которые были больше, чем усилия ее европейских союзников» (стр. 292). И тем не менее НАТО в целом и ее Еврогруппа наилучшим образом отвечают целям британской внешней политики в военной области (в отличие от Западноевропейского союза, этого «исторического подразделения НАТО» и расширенного Европейского экономического сообщества, которое пока не имеет механизма, регулирующего военные вопросы). Тем более, что Североатлантический блок стал в последнее время «проявлять политическую солидарность не только в деле отражения угрозы, но также и в деле разрядки» (стр. 297).

В книге подвергается анализу также британская ядерная стратегия, которая неизбежно должна быть пересмотрена, как

считает автор, с учетом вступления Великобритании в «Общий рынок». Однако он не дает ответа на вопрос, какой должна быть политика страны в этой области в будущем, ограничившись лишь подтверждением невозможности для Великобритании проводить независимую ядерную политику, а также существования значительных трудностей как на пути продолжения сотрудничества с США в ядерной области, так и на пути налаживания англо-французского сотрудничества, что было бы более желательно (стр. 308—309).

Оценивая послевоенную историю Великобритании, автор констатирует, что ее внешняя политика в этот период претерпела ряд неудач (роковыми из которых для нее были уже упоминавшийся отказ присоединиться к ЕЭС, а также суэцкая авантюра), ибо Великобритания брала на себя слишком много, а приспосабливалась к действительности с большим опозданием. И хотя позиции, занимаемые ею в 1973 г., оказались гораздо слабее, чем, например, после окончания второй мировой войны, британская внешняя политика, по мнению автора, стала более реалистичной, она «может теперь быть обращена в будущее, а не в прошлое» (стр. 329).

Критически проанализировав послевоенное развитие страны, характер и причины переориентации ее внешнеполитического курса, просчеты английской внешней политики, роль государственных деятелей, а также влияние множества факторов, которые в совокупности оказывают определенное воздействие на английскую внешнюю политику, Дж. Фрэнкель, тем не менее, ничего не пишет о том, какой должна быть роль Великобритании в складывающемся новом балансе сил в мире. В его работе нет ответа на этот вопрос. Однако несомненным для автора является то, что будущее Великобритании тесно связано с Западной Европой. Именно в этом видит он залог стабилизации ее международного влияния, а возможно, и некоторого его усиления, учитывая в числе прочих факторов тот, что обладание запасами угля и нефти даст Великобритании в будущем значительные преимущества по сравнению с западноевропейскими партнерами, а также Японией (стр. 313).

Хотя Великобритания и останется ведущей военной державой Западной Европы, что потребует от ее экономики значительных усилий, она не сможет в будущем,

как и в настоящее время, самостоятельно отстаивать свои интересы. Вывод автора таков: по мере создания более тесного политического союза в рамках ЕЭС Англия будет все чаще и чаще принимать решения по широкому кругу международных вопросов совместно со своими партнерами. В этом контексте цели британской дипломатии будут заключаться в «убеждении партнеров принять, насколько это будет возможно, британскую интерпретацию западноевропейских интересов и в наилучшем использовании оставшихся тесных связей Ве-

ликобритании за морями, которые, будучи заботливо сохранены и развиты, могли бы представлять собой важный элемент в деле усиления влияния как Англии, так и Сообщества в мире» (стр. 314). И тем не менее Дж. Фрэнкель склоняется к мысли о том, что влияние Великобритании в будущем будет незначительным и что она не сможет, да и не будет пытаться по-прежнему, как это бывало в прошлом, способствовать стабилизации отношений между Востоком и Западом.

Н. К. Капитонова

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«*Bulgarian Historical Review*». Sofia. 1976, № 1.

Д. Мичев. Георгий Димитров и германская социал-демократия (до 1919 г.); К. Косев. Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии; Е. П. Наумов (СССР). Из истории болгарского Причерноморья в конце XIV века; Научные сообщения.— К. Генев. Януари А. Макгахан и Болгария; В. Паскалева. Роль судоходства на нижнем Дунае для установления связи между Центральной Европой и Константинополем до Крымской войны; Ст. Т. Недев. От Сиегедина и Кониа до Варны в 1444 году; Документы. — М. Вагленов. Материалы, опубликованные в 1876—1877 гг. во Франции в связи с Балканами.

«*Asien, Afrika, Lateinamerika*». Berlin. 1976, № 1.

Г. Вюнше, Р. Вюнше. Результаты Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и их значение для развития национально-освободительного движения; Г. Фаульветтер. О VII Чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН; К.-Г. Домдей. Экономическая интернационализация под знаком антиимпериалистической борьбы (обзор); Э. Шаллер. Обострение борьбы между реакцией и прогрессом в Индии в 1975 году; Г. Хёпп. Реформированный ислам и революция в Алжире. К истории, «Алжирского общества улама» в 1940—1965 гг.; Х. Стобер. Отношение африканских партий к вопросу антиимпериалистической борьбы в свете конференции в Тунисе; А. Бабинг. Милитаризация Южной Африки, многонациональ-

ные концерны и интересы НАТО; Д. Лацио, Ю. Кветиш. Основная черта сельскохозяйственной политики военно-фашистской диктатуры в Чили.

«*Asien, Afrika, Lateinamerika*». 1976, № 2.

Х. Шиллинг. Капиталистическое развитие в прежнем колониальном мире и всеобщий кризис капитализма и структурные изменения всемирного хозяйства в наши дни; А. И. Соболев. Пролетариат освободившихся стран и социальный прогресс; Х. Гейнце, М. Лоос. Отношение специализированных организаций ООН к политике апартеида ЮАР; В. Баатц. О роли вооруженных сил в обеспечении успеха национально-освободительного движения в Африке и Азии; Р. Бауман, В. Мёнерт. О проблеме проведения в жизнь обязательного школьного обучения и ликвидации неграмотности в освободившихся странах Азии и Африки; Р. Шварц. Документ из истории университета им. Сунь Ят-сена в Москве; Ю. Фарек. Причины и последствия существования ростовщического капитала в развивающихся странах (на примере Индии); Э. Бросцински-Швабе. Проблема африканского культурного развития на конференции ЮНЕСКО по культурному развитию в Африке (Аккра, 1975 год); Х. Хренко. Проблема марксистско-ленинской революционной теории и развитие революционного процесса в Перу.

«*Nghiên cứu' lịch sử*». Hà-nội. 1976, № 3—4.

Ван Тао. Вьетнамский рабочий класс и вопрос об объединении страны; Гран Хью Дин. Трудовое соревнование рабоче-

го класса Северного Вьетнама в 1965—1975 гг.; Май Кхак Унг, Мин Фуонг. Незабываемая страница в истории борьбы нашего народа за независимость; Хонг Тай. Национальная ассамблея ДРВ в 1946—1976 гг.; Дин Тху Кук. Ранние исследования процесса формирования и развития концепции коллективного труда вьетнамских крестьян; Као Ван Луонг. К вопросу о компрадорской буржуазии в Южном Вьетнаме в условиях американского неокOLONIALИЗМА; Документы. — Ле Тунг Сон. Деятельность партии в Ваннаме; Као Ван Биен. День Первое мая в национально-освободительном движении; Дуонг Дук Нгиен. Первая пропагандистская марксистско-ленинская ячейка Тхай-бин; частная школа Мин Тана (1927—1928 гг.); Нгиен Дин Тхук. О встрече Нгиен Трая с Ле Луа.

«Przegląd Historyczny». Warszawa. 1976, № 1.

М. Г. Крауфорд. Рим и греческий мир. Экономические зависимости; М. Дроздовски. Государственный бюджет Речи Посполитой в польской политической литературе XVIII в.; Т. Малецка. Капитал Соединенных Штатов в польских банках в межвоенный период; Материалы. — Г. Булгак, П. Ставецки. Польско-французские штабные переговоры в Париже (май 1924 г.); Ш. Рудницки. Незвестный документ, касающийся дела Сильвестра Воеводского; Дискуссии. — М. Куля, Я. Коханович. Климентрия и рабство (вокруг труда Р. Фогеля и С. Энгермана); С. Кеневич. Новая биография архиепископа С. Фелинского (1822—1895 гг.) (в связи с книгой Г. Е. Вычавского); Е. Томашевски. Национальный вопрос в Центральной и Восточной Европе до первой мировой войны (в связи с книгами Г. Верещицкого и Я. Хлебовчика).

«Studia Historyczne». Kraków. 1976, № 2.

Ф. Сикора. О церковных документах XIII в. в Малопольше; А. Подраза. Литература по аграрным вопросам в середине XVIII в. Основные этапы развития (ч. 2-я; век барокко); С. Бик. Славянские культурные институты в XIX веке. «Матица» сербская, чешская и словацкая; А. Марцински. Организация польской Армии Крайовой. Освободительное движение в районе Новы Тарг (осень 1943—сентябрь 1944 г.); Б. Лопусчански. Еще о научной и писательской деятельности Вацлава Ольшечевича.

«Wojskowy Przegląd Historyczny». Warszawa. 1976, № 1.

Э. Герек. Об углублении патриотического единства народа, укреплении государства и развитии социалистической демократии; Л. Грот. Народное Войско Польское в 1949—1960 гг.; Т. Белчевски. Сандомирский плацдарм в свете фактов и личных воспоминаний; В. Кули-

ков. Стратегическое руководство Советскими Вооруженными Силами; Т. Конечки. Боевые действия Северного флота в период Великой Отечественной войны (окончание); В. Беганьски. Битва под Арнемом как составная часть операции «Маркет-Гарден» (ч. 1-я); Материалы. — Ю. Краковьяк. На одиноком посту в вольном городе Гданьске (1937—1939 гг.); З. Бещанин. Из истории польского партизанского батальона в Центральной Боснии; Л. Гондек. О военной и послевоенной судьбах документов II Управления Генштаба Войска Польского; А. Лучинский. 28-я армия в Брестско-люблинской операции; Ф. Полянни. Воспоминания о службе в народном Войске Польском; Т. Равски. Пехота в годы второй мировой войны (ч. 3-я); М. М. Гарц, Б. Зелиньска, А. Мохнацка-Вуйцик, У. Олех. Материалы по библиографии второй мировой войны.

«Anale de istorie». București. 1976, № 2.

Речь тов. Н. Чаушеску на торжественном собрании, посвященном 55-летию преобразования Социалистической партии в Румынскую коммунистическую партию. Статьи. — Сообщения. — Г. Блаж. Коммунисты Марамуреша — продолжатели славного боевого прошлого; И. Попеску-Пуцурь. Утверждение руководящей роли РКП в нашем обществе; В. Никита. РКП — инициатор новых форм и методов углубления социалистической демократии в нашей стране; М. Мушат. Достижения народных масс Румынии в 1918 г. и их подтверждение в международном плане; М. Догару, Т. Пинтян, И. Тоакэ. Памятные места, связанные с созданием РКП; Г. Матей, Д. Миок. Классовые столкновения в деревне на рубеже XIX и XX веков; Документы. — Из архива истории Румынии (II); Международное коммунистическое, рабочее, демократическое и антиимпериалистическое движение. — И. Арделяну. Трудовая партия Кореи во главе строительства социализма; К. Боторан. Аспекты исторического процесса формирования и укрепления наций в освободившихся странах.

«Historický časopis». Bratislava. 1976, № 1—2.

Введение (Л. Голотик); Л. Голотик. Ретроспекция, состояние и задачи словацкой историографии; Р. Марсина. Словацкая историография о периоде раннего и развитого феодализма; М. Кучера. Генезис государства и феодального общества в Словакии в новейшей словацкой историографии; Й. В о з а р. Словацкая историография периода позднего феодализма в 1960—1975 гг.; Д. Леготска. Вспомогательные исторические науки в 1960—1975 гг. Их развитие, оценка и перспективы; Я. Гучко. Состояние и задачи исследования словацкого национального возрождения; Л. Тайтак, М. Потемра. Словацкая историография периода усиления

национального гнета; М. Гронски. Словацкая историография о национально-освободительной и революционной борьбе словаков (1914—1918 гг.); З. Голотикова. Историография этапа обострения национальной и классовой борьбы; П. Канис. Развитие взглядов на Словацкую советскую республику; Н. Крайчовичова. Политическое развитие домюнхенской Чехословацкой республики в первом десятилетии в словацкой историографии; А. Бартлова. Словацкая историография о домюнхенском периоде за последние 15 лет; И. Каменец. Тенденции в словацкой историографии, посвященной истории 1938—1945 гг.; М. Вартикова. Историография истории социалистического периода; М. Барновски. К некоторым вопросам словацкой историографии новейшего времени; Дискуссия.—М. Пиш. Состояние и проблемы всеобщей истории в вузах Словакии; В. Копчан. Труды по истории Азии и Африки в Словакии в 1960—1975 гг.; Я. Шимовчек. К некоторым проблемам военной истории в Словакии; М. Кушик. Состояние и развитие архивоведения в Словакии за последние 15 лет; Л. Бианхи. 15-летняя ретроспекция правовой истории и ее перспективы; М. Сухи. О задачах и проблемах исследования политической истории во время феодализма; П. Хорват. К проблематике XVI—XVIII веков; А. Вантух. К истории школьного дела в Словакии во время феодализма; Обзор исторических и краеведческих журналов и периодических сбор-

ников в Словакии за 1961—1975 гг. (А. Шкорупова).

«*Historie a vojenství*». Praha. 1975. № 4.

Б. Хнеупек. Варшавский Договор — оплот мира и прогресса во всем мире; М. Дзур. Чехословацкая народная армия (ЧНА) — крепкое звено Варшавского Договора; М. Никитин. Объединенные Вооруженные Силы — гарантия мира и безопасности стран социалистического содружества; В. Горачек. Интернациональное воспитание личного состава ЧНА; Б. Немец, В. Самойленко. Сотрудничество социалистических стран в процессе интернациональной обороны социализма; Я. Клиха. Повышать действенность идеологической работы; Я. Липтак, К. Рихтер. КПЧ и просветительный аппарат Чехословацкого войска в СССР; И. Кузин. Методологические проблемы управления военнополитическими процессами (ч. 2-я); Д. Дршка. Хронология Варшавского Договора 1955—1975 гг.

«*Československý časopis historický*». Praha. 1976, № 3.

После XV съезда КПЧ; И. И. Минц. Великий Октябрь и общественный прогресс человечества; Я. Млынски. Историческое значение VIII съезда Коммунистической партии Чехословакии; М. Мартинек. Пассивное сопротивление железнодорожных служащих в 1905—1907 гг.; П. Кейрж. К началу наших городов.

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

Американский свидетель Великого Октября

«*The Historian*». Allentown. 1974, № 4.

Статья американских буржуазных историков адъюнкт-профессора истории Иллинойского университета Д. Дэвиса и адъюнкт-профессора истории Южно-Иллинойского университета в Кэрбондэле Ю. Трэни «Американец в России: Рассел М. Стори и большевистская революция, 1917—1919» представляет собой обзор писем, статей, газетных интервью Р. Стори¹.

¹ О письмах Р. Стори как одном из источников по истории Великого Октября см.: А. А. Фурсенко. Документ об Октябрьской революции в архиве семейства Рокфеллеров. «Вспомогательные исторические дисциплины». Т. 4. Л. 1972.

Рассел Маккаллах Стори в 1917 г. был завербован американской «Христианской ассоциацией молодых людей» (ХАМЛ) для работы в России, где и находился с сентября 1917 г. по сентябрь 1919 года. В январе 1918 г. он беседовал с В. И. Лениным². Р. Стори жил в Петрограде, Москве, а затем через Сибирь вернулся на родину. В 30-х годах Р. Стори пользовался в США репутацией солидного ученого в области политических наук (стр. 704—705).

Д. Дэвис и Ю. Трэни подчеркивают, что особое место в жизни Р. Стори занимает его работа в России, где он стал свидетелем выдающихся событий (стр. 704, 706, 721). Американские историки отмечают, что Р. Стори критиковал царский режим

² См. «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924». Т. 5. Октябрь 1917 — июль 1918. М. 1974, стр. 177.

(стр. 717), указывал на то, что у народа не было желания продолжать империалистическую войну («стремление к миру помогло падению Керенского» — стр. 717), что «распад общества в России пришел не с большевизмом, а в 1914 г., с началом войны» (стр. 718), что в развале армии сыграло свою роль то обстоятельство, что солдаты «были плохо вооружены, обмундированы и не знали, почему и за кого они сражаются» (стр. 716).

Наибольший интерес представляют письма о политическом и экономическом положении России в первые месяцы существования Советской власти (ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г.), написанные Р. Стори непосредственно по следам событий. Как подчеркивают авторы, Р. Стори «понимал, что русское участие в войне будет прекращено, так как это было кардинальным пунктом большевистской программы» (стр. 707). В ноябре 1917 г. Р. Стори писал, что народ устал воевать, «желание мира было всеобщим». «Я почти не сомневаюсь в том, что Россия и Германия заключат мир, в то время как другие государства присоединятся к ним или отвергнут его» (стр. 708). Как пишут авторы статьи, Р. Стори «был точнее» в оценке сложившейся ситуации, чем государственный департамент (стр. 713). Авторы подчеркивают объективность некоторых суждений Р. Стори в оценке событий. Так, он считал, что «большевики сильнее, чем любая другая партия» (стр. 710).

Впрочем, уже в тот период в письмах Р. Стори можно обнаружить пессимизм в общей оценке развития революции (стр. 711—713), тревогу за то, что война и революция могут оказаться «прологом» будущих мировых потрясений (стр. 712). В этих письмах, как и в посланиях из Сибири за 1918—1919 гг., Р. Стори выражал взгляды, характерные для большинства зарубежных буржуазных очевидцев Октябрьской революции. Именно поэтому Д. Дэвис и Ю. Трэни с удовлетворением отмечают исчезновение у Р. Стори «иллюзий» насчет большевиков (стр. 714). Попутно выясняется, что в принципе Р. Стори не был против иностранной интервенции, хотя и считал, что «время для интервенции еще не настало», она должна начаться тогда, «когда будет ясно, что русские не смогут справиться со своими делами» (стр. 714).

Позднее, в сентябре 1919 г., вернувшись в США, Р. Стори в газетном интервью высказался против иностранного вмешательства в русские дела. В конце концов, зая-

вил он, «Россия должна сама разрешить этот вопрос, сама должна решить, какой режим она хочет иметь» (стр. 720). Призыв Р. Стори, как замечают Д. Дэвис и Ю. Трэни, был смелым поступком, ибо США в это время переживали период «красного страха» (стр. 720). Но авторы не видят того весьма существенного обстоятельства, что на буржуазных либералов очень большое впечатление произвел крах американской интервенции в Советской России, уже вполне ясно обозначившийся к осени 1919 года.

Характеризуя взгляды Р. Стори на Октябрьскую революцию, которую авторы оценивают как «наиболее значительную революцию XX в.» (стр. 704), они пытаются обособить его позицию, показать, что она отличалась от взглядов большинства секретарей ХАМЛ, настроенных крайне антисоветски (стр. 711). Р. Стори, пишут американские историки, стоял между Д. Фрэнсисом, послом США в России, враждебно относившимся к Советской власти, и Р. Робинсом, который был «восхищен большевистскими лидерами и считал маловероятным существование в России другого правительства, кроме Советского» (стр. 710—711). Впрочем, авторы умалчивают о том, что в США существовало и открыто сочувственное отношение к событиям в России (Д. Рид, А. Вильямс).

Л. В. Шишкина

Псевдорадикальная оценка роли масс в 1917 году

«Politics and Society». Los Altos. 1974, № 3.

В последние годы на Западе появились журналы, названия которых афишируют «левизну», «радикализм», «революционность» и т. п. К таким органам печати принадлежит и «Politics and Society», имеющий подзаголовок «радикальный журнал по социальным наукам». Т. Улдрикс, преподаватель Калифорнийского университета Риверсайд, в статье «Толпа» в русской революции: к переоценке природы революционного руководства» пытается дать свою интерпретацию роли масс в 1917 году. «Углубленное понимание революционного процесса в России,— пишет он,— имеет критическое значение, так как теории революции обычно базируются на событиях 1917 г.» (стр. 400). Он выражает надежду на то,

что его статья поможет «разработке» теории революции (стр. 413).

Статья касается проблемы «верхов» и «низов» в русской революции, движения рабочего класса, армии, крестьянства в 1917 году. Автор не уходит от вопроса об экономической основе этих движений, о требованиях масс и роли массовых организаций, причинах краха Временного правительства, однако в выводах и подборе фактов по всем этим проблемам он весьма субъективен и тенденциозен. Он пытается пересмотреть позиции некоторых западных историков и социологов и, в частности, критикует тезис махрового антикоммуниста С. Хука о якобы верхушечном, «элитарном» характере Великой Октябрьской социалистической революции (стр. 400).

Автор не согласен с теми, кто рассматривает революцию как дело одиночек, «героев». Однако, ставя в центр внимания «толпу», Т. Улдрикс придерживается, по сути дела, все той же «теории героев и толпы». Вообще проблемы Октябрьской революции и революционного движения он рассматривает, опираясь на традиционную методологию, принятую в буржуазной историографии и социологии, с позиций антинаучных и антиреволюционных. Субъективизм привел автора к тому, что картина массовых движений в 1917 г., им нарисованная, не соответствует действительности.

Доводы, которые он приводит в подтверждение своих концепций, несостоятельны: будь то характеристика рабочего класса России как массы «сырых рекрутов» (стр. 401) или придуманная им «революция в составе партии» большевиков в 1917 г. (стр. 411). Т. Улдриксу должны быть известны такие факты, как наличие в составе российского пролетариата значительного и устойчивого ядра кадровых потомственных рабочих, а также и то, что на протяжении всего 1917 г. рабочие составляли не менее 60% членов большевистской партии. Характерно, что он ссылается на писания таких буржуазных историков, как Р. Петибридж, А. Рабинович, М. Ферро, Р. Уэйд и др.¹, которые искажают процесс развития сознательности и активности народных масс России в 1917 году. Для Т. Улдрикса характерно, например, следующее высказывание: «Большинство офицеров не желало

приспосабливаться к стилю командования, приличествующему демократической армии» (стр. 408), хотя суть дела состоит в том, что большинство офицеров царской армии стояло на контрреволюционных позициях.

Народные массы автор рассматривает как бессознательную толпу, неспособную самостоятельно мыслить, отличать друзей от врагов и подниматься выше узких, повседневных интересов. Вместе с тем в изображении автора «толпа» — это прежде всего выражение настроений «радикализма и виновности» (стр. 409). С помощью такого методологического приема извращается реальная картина революционного творчества масс, принижается роль большевиков, сумевших охватить своим идейно-политическим и организационным влиянием рабочий класс, широкие массы солдат, крестьян, внести в их сознание понимание целей и способов борьбы с угнетателями.

Классовая позиция Т. Улдрикса недвусмысленно обнаруживается и в том, что по отношению к большевикам им применена реакционная теория «элиты»². Цель этой псевдотеории состоит в попытках опровергнуть реальный исторический факт, что только партия, руководимая В. И. Лениным, являлась выразительницей коренных интересов рабочего класса, всех трудящихся и эксплуатируемых. В этой связи необходимо напомнить, что В. И. Ленин, большевики теоретически и политически разгромили сторонников «теории героев и толпы» и на практике решили вопрос о руководстве революционным движением трудящихся. Таковы уроки истории, на которых следует «базировать теории революции».

Н. В. Романовский

² Развернутую критику этой «теории см.: Г. К. Аш и н. Миф об элите и «массовом обществе». М. 1966, стр. 5—95.

Журнал по истории рабочего класса Ирландии

«*Saothar*». Dublin. 1975, № 1.

В конце 1974 г. в Дублине группой историков было создано «Общество по изучению истории ирландского рабочего класса» — ОИИРК («*Irish Labour History Society*»). Основными целями его, как это записано в уставе, являются: проведение исследова-

¹ Критику работ Ферро и Рабиновича см., в частности, в статьях Ю. Афанасьева и Н. Романовского в журнале «История СССР», 1971, № 3.

дований по истории рабочего класса Ирландии и организаций рабочих ирландского происхождения в других странах; публикация результатов этих исследований, сбор и обработка источников о прошлом и настоящем ирландского рабочего класса и его массовых объединений, чтение лекций и организация дискуссий по этой проблематике и т. д.

Официально ОИИРК провозгласило себя независимой научной организацией, не примыкающей ни к одной из существующих в Ирландии партий, однако не подлежит сомнению, что по своим политическим убеждениям члены общества близки в основном к левому крылу лейбористской партии. Об этом свидетельствует, в частности, то, что президентом общества был избран один из старейших членов этой партии, почетный президент Ирландского конгресса тред-юнионов Дж. Свифт, являющийся в течение многих лет президентом общества «Ирландия — СССР». В работе ОИИРК участвуют и коммунисты.

В мае 1975 г. вышел в свет первый номер издаваемого обществом журнала «Saothar. Journal of the Irish Labour History Society» («Журнал общества по изучению истории ирландского рабочего класса»). Центральное место в номере занимает статья «Столкновение между Д. О'Коннелом и профсоюзами Дублина в 1837—1838 гг.», написанная специалистом по истории Ирландии XIX в. П. Холохэном. Она посвящена истории ирландского профсоюзного движения в период подъема национальной и социальной борьбы в 30-е годы XIX в. и его взаимоотношениям с ирландской буржуазией и ее лидером О'Коннелом.

Автор использует много конкретного материала, в основном извлеченного из архивов Ирландского конгресса тред-юнионов и впервые вводимого в научный оборот. В статье содержится новый материал о первых возникших в 20-х годах XIX в. профессиональных объединениях ирландских рабочих, об их упорной борьбе за свои жизненные права и освобождение Ирландии от английского господства. Факты, приведенные в статье, свидетельствуют о том, что организованное рабочее движение, представленное профсоюзами, объединенными в первое ирландское профобъединение «Профсоюзный политический союз», играло важную роль в политической жизни страны. Вместе с тем профсоюзы несли еще на себе печать ремесленнических и цеховых корпораций.

В этой связи необходимо заметить, что ирландские профсоюзы носили замкнутый, сектантский характер, благодаря чему наряду с официально зарегистрированными профсоюзными организациями возникли тайные рабочие общества, которые использовали в своей борьбе как стачки, так и вооруженный террор. Эти общества нередко поддерживали связи с тайными крестьянскими обществами «риббонменов», развернувшими в те годы кампанию террора против английских лендлордов. Отдавая должное упорной борьбе профсоюзов за интересы рабочего класса, автор осуждает терроризм. Он приводит данные, которые показывают, что террористическая деятельность не только не укрепляла, но, напротив, ослабляла рабочее движение, создавая предлог для массовых репрессий властей против трудящихся и их организаций. П. Холохэн справедливо подчеркивает, что деятельность тайных рабочих обществ (нападения на предпринимателей и их управляющих, уничтожение имущества и порча готовой продукции) послужила удобным предлогом для нападок на профсоюзы со стороны известного буржуазного политического деятеля, крупного землевладельца и адвоката Д. О'Коннела, возглавлявшего движение за эмансипацию католиков и за «рипиль» (отмену унии 1800 г. с Англией).

Д. О'Коннел, как это убедительно показывает автор, стремился направить борьбу за независимость в русло «легальности», отвести народное недовольство от действительных врагов — британской реакции и ее ирландских союзников.

Материалы статьи свидетельствуют о том, что в отношении рабочего класса и его массовых организаций О'Коннел проводил двойственную политику: с одной стороны, он стремился в условиях британского господства использовать поддержку рабочих в интересах борьбы за укрепление позиций ирландской буржуазии (стр. 2, 6), с другой — осуждал профсоюзы за то, что они проводят кампанию «насилия и запугивания» в отношении предпринимателей (стр. 3). Не довольствуясь словесными нападениями на массовые организации рабочих, Д. О'Коннел потребовал в английском парламенте создания специальной комиссии для расследования деятельности профсоюзов и ареста их лидеров (стр. 3). Автор справедливо подчеркивает, что Д. О'Коннел враждебно относился к рабочему движению, как и злейшие враги ирландского народа — британские консерваторы (стр. 11).

Действия Д. О'Коннела, указывает автор, вызвали широкое недовольство среди рабочих, возмущенных попытками отождествить их массовые профессиональные организации с группами террористов (стр. 3, 5). Рабочие справедливо расценили его нападки на профсоюзы, его стремление добиться запрещения в интересах предпринимателей всякой профсоюзной деятельности в стране как «предательство» (стр. 8). Факты, приводимые в статье, показывают, что антирабочая политика Д. О'Коннела сыграла роковую роль. Кампания, развернутая им, помешала укреплению солидарности рабочих Ирландии и Англии, а также широкому распространению в Ирландии идей чартизма, что Д. О'Коннел впоследствии ставил себе в особую заслугу (стр. 11).

Статья П. Холохна, несомненно, способствует пониманию истории национально-освободительной и социальной борьбы в Ирландии в первой половине XIX века. Приведенные в ней факты показывают, что ирландская буржуазия рассматривала дело национального освобождения лишь с точки зрения узкоклассовых интересов и готова была действовать заодно с угнетателями своей страны, когда эти интересы были под угрозой.

Среди других материалов, опубликованных в журнале, привлекают внимание статья преподавателя факультета политической экономии университетского колледжа в Дублине К. О'Грэда «Фенианизм и социализм: карьера Джозефа Патрика Мак Доннела» и статья президента ОИИРК Дж. Свифта «Доклад комиссии по профессиональной организации (1930-е — 40-е годы)».

К. О'Грэда характеризует малоизвестные страницы истории I Интернационала начала 70-х годов XIX в., когда его секции появились в Ирландии. Статья рассказывает об упорном, поистине подвижническом труде одного из соратников К. Маркса и Ф. Энгельса, бывшего члена ирландской революционной организации Братства фениев — Мак Доннела по созданию этих секций. Автор приводит много новых фактов об отношении I Интернационала к ирландскому вопросу. Эти материалы еще раз подтверждают, какое большое значение придавали Ирландии и революционному опыту ее народных масс вожди международного рабочего движения. Однако К. О'Грэда придерживается механистической схемы, не позволяющей дать объективную оценку дея-

тельности I Интернационала в Ирландии. Правоммерно подчеркивая, что ирландские секции Интернационала так и не стали массовыми организациями и вскоре распались, автор объясняет этот факт не условиями общественно-политической и экономической жизни Ирландии того времени, а в основном засильем в стране католической церкви и ее влиянием на темную и забитую паству (стр. 37—38). К. О'Грэда необоснованно утверждает, что попытка распространения марксизма в Ирландии была «преждевременной», что этот «социальный эксперимент» был заранее обречен на неудачу (стр. 40). Между тем опыт истории показывает, что именно деятельность первых марксистских кружков положила начало тому революционному течению в ирландском рабочем и национально-освободительном движении, которое в наши дни представляет Коммунистическая партия Ирландии.

Статья Дж. Свифта касается событий политической жизни Ирландии накануне и в начальный период второй мировой войны. Эйре, как известно, придерживалась политики нейтралитета в отношении воюющих держав. Вместе с тем ее наиболее реакционные клерикальные круги, используя временные военные успехи гитлеровской Германии и ее союзников, развернули кампанию, целью которой являлось создание в Ирландии «корпоративного» государства по образцу фашистской Италии. Собранные автором факты говорят о том, что фашиствующая клерикальная реакция стремилась не только обуздать массовое рабочее и демократическое движение, но и изменить внешнеполитическую ориентацию страны в сторону сближения с государствами фашистского блока. Под нажимом реакционных сил правительство Де Валеры образовало в начале 1939 г. специальную комиссию, задачей которой являлось определить практическую возможность организации в условиях Ирландии «профессиональных» корпораций, в которых под руководством реакционных чиновников «объединялись» бы предприниматели и рабочие (стр. 54). Большую часть из 25 членов комиссии представляли епископы, которые и были инициаторами всей кампании. Комиссия действовала с 2 марта 1939 г. по 4 ноября 1943 г. и провела 84 заседания (стр. 54). В итоге своей работы она пришла к выводу, что не может рекомендовать создание «профессиональных организаций» (стр. 59). Замыслы реакции потерпели крах в результате борьбы прогрессивных сил Ирландии против фашист-

ской опасности. Но решающую роль в срыве этих планов, как подчеркивает автор, сыграл перелом, достигнутый в ходе второй мировой войны в результате разгрома Красной Армией фашистских войск под Сталинградом (стр. 60).

Выход в свет первого номера журнала «Saothar» — важное событие в общественно-политической жизни Ирландии в целом и в развитии прогрессивной ирландской историографии в особенности.

Л. С. Крылов

Отечественная война 1812 г. и Греция

«Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher». Athen. Bd. XXI. 1971—1974.

Греческий ученый Л. Вранусис, директор Центра средневековых и новогреческих исследований афинской Академии наук, опубликовал «Победную песнь русских», сложенную в 1812 г. неизвестным греческим поэтом. Она посвящена, как пишет публикатор, 1812 г., когда возглавлявшего самую многочисленную армию Европы и дошедшего до Москвы Наполеона постигло на русской земле сокрушительное поражение. Поэт, исполненный веры в возможность справедливого мира для всех народов, прославляет эту победу, обрушивается на завоевателей, описывает их катастрофу, поет хвалебный гимн М. И. Кутузову и другим защитникам родины (стр. 287). Неизвестный автор поэмы включил в число действующих лиц и богов древней Эллады. Богиня Афина следит с Олимпа за «кровожадным Марсом», видит, как он поднимает всю Европу, которой противостоит одна Россия (стр. 308). Афина спешит в Петербург и призывает русских взяться за оружие, советует им провозгласить Кутузова «протостратором» (главнокомандующим), просит Зевса защищать русских.

Издатель сообщает, что рукопись песни была обнаружена им еще в годы оккупации Греции фашистами, когда ее изучение, как пишет Л. Вранусис, не было сугубо научным занятием. «Победная песнь русских» прозвучала в 1943 г. на сборе молодежи в Янине, родном городе Вранусиса (стр. 306).

В предисловии Л. Вранусис останавливается на истории вторжения Наполеона в Россию, на значении его разгрома в 1812

году. «Всенародная отечественная война стала символом, искрой, воспламенившей национально-освободительную борьбу, которая потрясла Европу» (стр. 289—290). Автор пишет о надеждах христианских народов Балканского полуострова на освобождение от ига Османской империи с помощью русских, чему помешало вторжение Наполеона в Россию. Оно отрицательно отразилось и на греческих колониях в России, которые также пережили опасности, бедствия и трудности войны. «Греки России,— пишет Л. Вранусис,— в лице Кутузова видели посланного богом спасителя. Все симпатии греков были на стороне России» (стр. 291). Из поэмы видно, пишет издатель, что автор, сложивший ее, жил в России, он в деталях знал людей и события того времени и воспевал победу русских как участник общей борьбы с иноземными захватчиками.

Поэма сохранилась в двух рукописях, в которых не указано ни имени поэта, ни времени ее создания, однако, как считает Л. Вранусис, она, несомненно, появилась до смерти Кутузова — 28 апреля 1813 г., ибо поэт дважды пишет: «Да здравствует граф Кутузов, родины отец, пусть еще больше он преуспевае!»

Л. Вранусис обстоятельно изучил содержание песни как с исторической, так и с филологической точки зрения. Одновременно он опубликовал комментарий к ней, написанный автором поэмы, в котором даются дополнительные сведения о действующих лицах, событиях, сражениях, пояснения к географическим названиям, затронутым в тексте сюжета греческой мифологии и т. п.

«Победная песнь русских» свидетельствует как о симпатиях греков к освободительной борьбе русского народа, так и о большом международном резонансе, который имела Отечественная война 1812 года.

Р. М. Бартиякян

Африканская Жанна д'Арк

«Journal of African History». London. 1975, № 2.

Статья английского историка Дж. Миллера «Нзинга из Матамбы в новой перспективе» посвящена замечательной дочери ангольского народа Нзинге Мбанди Нгола, возглавившей в 20-е годы XVII в. сопротивление ангольцев португальским завоевателям.

лям. История долголетней успешной борьбы местного населения под руководством королевы Нзинги против иноземных захватчиков изучена еще слабо. Португальская реакционная историография приложила немало сил, чтобы изобразить Нзингу как «кровожадную фурию», а возглавленное ею движение против колонизаторов — как «войну каннибалов против христиан».

Автор рисует довольно полную и в целом объективную картину народно-освободительной войны, вводит в научный оборот не только много ранее неизвестных фактов, но и ряд интересных научных гипотез и догадок. Так, заслуживает внимания выдвинутая им гипотеза, довольно убедительно объясняющая засвидетельствованные источниками расправы Нзинги со своими родственниками и некоторые другие ее поступки, породившие в буржуазной историографии версию о кровожадности и каннибализме Нзинги и ее последователей.

Будущая королева Нзинга Мбанди Нгола, согласно сведениям жившего при ее дворе миссионера — капуцина Дж. Кавацци, родилась в 1582 г. и была дочерью правителя государства Ндонго, носившего, как считает Миллер, титул «мбанди а нгола», и его наложницы, от которой она и получила имя Нзинга. В ее происхождении автор усматривает ключ к разгадке многих загадочных поступков Нзинги, таких, например, как убийство ею членов королевской фамилии после смерти в 1624 г. короля — брата Нзинги и перед ее восшествием на престол.

Миллер пишет, что хотя Нзинга представлялась португальцам близкой родственницей и потенциальной наследницей короля, описание ее как его «сестры» ни в какой степени не отражает представлений о ней ее соплеменников — амбунду, обычное право и порядок престолонаследия которых лишал ее надежды стать наследницей титула «мбанди а нгола». Во-первых, европейский термин «сестра» не передает значения Нзинги в глазах амбунду ввиду ее происхождения от женщины, которая не была матерью прежнего короля. У амбунду существовал материнский счет родства, и «полусестра» короля принадлежала вообще к другому роду. Во-вторых, Нзинга была дочерью невольницы, и поэтому не считалась вероятной претенденткой на престол. В-третьих, обычай амбунду запрещал женщинам иметь какой-либо политический титул, а тем более занимать королевский

престол (стр. 205). Вот почему, пишет Миллер, Нзинга могла стать королевой, только устранив всех потенциальных претендентов на королевскую власть. Эта гипотеза подтверждается и некоторыми другими сведениями, имеющимися в источниках. Однако Миллер переоценивает значение «низкого происхождения» как фактора, определявшего поведение королевы. Рецидивные возражения вызывает, в частности, трактовка попыток Нзинги в конце 1620-х годов привлечь на свою сторону воинственное племя жага, а также рабов, бежавших от португальцев, как «две тесно связанные стратегии... которые ловко компенсировали слабость ее позиции во внутренней политике амбунду» (стр. 208). На самом деле эти действия Нзинги определялись не ее личными амбициями, а необходимостью подготовки к войне с европейскими колонизаторами. Источники свидетельствуют, что эти акции вызвали большое беспокойство португальских поселенцев и работорговцев. Оказавшись в плену своей гипотезы, Миллер неправильно трактует и дальнейшее поведение Нзинги (стр. 209—210).

Явно переоценивая значение амбиций и властолюбия Нзинги, Миллер в то же время недооценивает ее стремление освободить свою страну от иноземных завоевателей. По сути, автор сводит борьбу Нзинги против португальцев только к помощи, оказанной ею голландцам, захватившим в 1641 г. Луанду. На деле же военные действия королевы против португальских колонизаторов отнюдь не ограничивались этим. Из 40 лет своего правления Нзинга 31 год провела в войнах с португальскими захватчиками, надолго задержав их продвижение во внутренние районы Анголы.

Полководческий талант, находчивость и отвага Нзинги не раз помогали ей побеждать противников, приводя в изумление даже многоопытных португальских военачальников. Ее имя наводило ужас на колонизаторов, которые долгое время не могли сломить сопротивление «черной королевы». Вот почему память о борьбе африканцев под руководством легендарной Нзинги против колонизаторов свято хранится ангольским народом¹.

А. М. Хазанов

¹ См. «Вопросы истории», 1970, № 2, стр. 129—145.

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ *

Авдусин Д. А. Полевая археология СССР. Учеб. пособие для студентов ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов. М. 1972. 344 стр. Рец.: Dostál V.—«Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské university». Řada archeologicko-klasická. 1973—1974, č. 18—19, s. 333—335.

«Американский ежегодник. 1973». М. 1973. 352 стр. Рец.: Вугнес R. F.—«Journal of American History». Bloomington. 1975, № 3, pp. 655—656.

Антонова К. А. и др. История Индии. Краткий очерк. М. 1973. 560 стр. Рец.: Krause A.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1975, H. 12, S. 1470.

Бромлей Н. Я. и др. Мировая социалистическая система. Некоторые проблемы теории и истории становления социализма. М. 1973. 324 стр. Рец.: Balogh R.—«Századok». Budapest. 1975. 3—4 sz., 713—715. old.

Гамутило В. А. Внешняя политика Аргентины после второй мировой войны. 1945—1972 гг. М. 1974. 167 стр. Рец.: Stechová G.—«Československý časopis historický». Praha. 1976, č. 1, s. 122—124.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М. 1972. 318 стр. Рец.: Thümmel H. G.—«Deutsche Literaturzeitung». Berlin. 1975, H. 8—9, S. 730—732.

Дорошенко В. В. Мыза и рынок. Хозяйство Риж. иезуит. коллегии на рубеже XVI и XVII вв. Рига. 1973. 187 стр. Рец.: Harder-Gerdorff E.—«Zeitschrift für Ostforschung». Marburg. 1975, H. 4, S. 741—742.

«Исследования по социально-политической истории России. Сборник статей памяти Бориса Александровича Романова». Л. 1971. 399 стр. Рец.: Goehrke C.—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1975, H. 3, S. 420—422.

Котельникова Л. А. Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв. По материалам Сред. и Сев. Италии. М. 1967. 363 стр. Перев. на итал. яз.: Bologna. 1975. Рец.: Balestracci D.—«Studia storica». Roma. 1975, № 3, pp. 861—862.

Кузишин В. И. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э.—I в. н. э. М. 1973. 254 стр. Рец.: Günther R.—«Deutsche Literaturzeitung». Berlin. 1975, H. 8—9, S. 725—727.

Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.

Аджина-Тена. Архитектура. Живопись. Скульптура. М. 1971. 259 стр. Рец.: Glaeser G.—«East and West». Rome. 1975, № 1—2, pp. 206—210.

Лигвинский Б. А. Украшения из мегреликов Западной Ферганы. М. 1973. 211 стр. Рец.: Glaeser G.—«East and West». Rome. 1975, № 1—2, pp. 210—213.

Мартышин О. В. Социализм и национализм в Африке. (Очерки развития новейшей общ.-полит. мысли в странах Африки). М. 1972. 407 стр. Рец.: Schmidt U.—«Wissenschaftliche Zeitschrift». Gessellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe. Leipzig. 1975, H. 6, S. 651—653.

Мегрелидзе Ш. В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Тбилиси. 1972. 303 стр. Рец.: Becker S.—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1975, H. 3, S. 422—424.

Мельник Л. Г. Технический переворот на Украине у XIX ст. Київ. 1972. 240 стр. Рец.: Purš J.—«Československý časopis historický». Praha. 1976, č. 1, s. 126—129.

Мыльников А. С. Йозеф Юнгман и его время. М. 1973. 160 стр. Рец.: Kudelka M.—«Slavica». Praha. 1975, № 4, s. 427—430.

«Общественно-политическое движение и классовая борьба на Средней Волге (конец XIX — начало XX века)». Казань. 1972. 166 стр. Рец.: Bonwetsch B.—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1975, H. 3, S. 425—426.

«Россия в период реформ Петра I». М. 1973. 384 стр. Рец.: Winter E.—«Deutsche Literaturzeitung». Berlin. 1975, H. 8—9, S. 737—738.

«Стратегия империализма и борьба СССР за мир и разоружение». М. 1974. 432 стр. Рец.: Materski W.—«Sprawy międzynarodowe». Warszawa. 1976, № 3, s. 140—142.

Тютюкин С. В. Война, мир, революция. Идеиная борьба в рабочем движении России 1914—1917 гг. М. 1972. 304 стр. Рец.: Jemnitz J.—«Századok». Budapest. 1975, 109. évf., 3—4 sz, 717—719. old.

Утченко С. Л. Цицерон и его время. М. 1972. 390 стр. Рец.: Funck B., Frolov E.—«Klio». В. 1975, H. 2, S. 501—510.

Чубинский-Надеждин В. В. Вильгельм Либкнехт — солдат революции. (1826—1900). М. 1968. 213 стр. Перев. на нем. яз.: Berlin. 1973. Рец.: Bartel H.—«Deutsche Literaturzeitung». Berlin. 1975, H. 12, S. 1052—1054.

* Перечень составлен по журналам, опубликованным в Институт научной информации по общественным наукам АН СССР в мае 1976 года.

КОРОТКО О КНИГАХ

◆ Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ выпустил к 30-й годовщине основания СЕПГ специальное издание «Объединение КПП и СДПГ в Социалистическую единую партию Германии — в иллюстрациях и документах». Главное внимание уделено событиям 1945—1946 годов. Среди материалов издания — воспоминания ветеранов рабочего движения, выступления вождей рабочего класса, решения руководства компартии («Die Vereinigung von KPD und SPD zur Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands in Bildern und Dokumenten». Berlin. «Dietz». 1976. 320 S. 900 Abb.).

◆ В серии «Пояснительные документы по немецкой истории», рассчитанной на 12 томов, увидел свет том, посвященный 1917—1919 годам. Ему предпослано введение, характеризующее основные линии истории Германии в связи с мировой историей. Публикация содержит партийные воззвания, письма государственных деятелей, памятные записки дипломатов, важнейшие законы, протоколы правительственных совещаний, газетные статьи и иные источники, воссоздающие общую картину тогдашней внутренней и внешней политики. Особое место в томе заняли документы о борьбе рабочего класса Германии, его контактах со Страной Советов и мировым коммунистическим и рабочим движением. В приложении к тому помещены хронологическая таблица, разнообразные статистические и справочные материалы («Dokumente zur deutschen Geschichte. 1917—1919». Hrsg. von W. Ruge und W. Schumann. Berlin. «Deutscher Verlag der Wissenschaften». 1975. 136 S.).

◆ Коллектив авторов из Высшей педагогической школы имени Клары Цеткин в Лейпциге составил сборник «Документы революционного немецкого рабочего движения по женскому вопросу, 1848—1974 годы». Он содержит 124 документа, в большинстве малозвестных. В них отражен путь революционной борьбы за освобождение женщины, начиная с середины прошлого столетия и кончая нашими днями. Свыше половины тома приходится на время после 1945 года («Dokumente der revolutionären deutschen Arbeiterbewegung zur Frauenfrage 1848—1974. Auswahl». Leipzig. «Verlag für die Frau». 1975. 312 S.).

◆ Вышел в свет том 2 коллективного труда «Германия во второй мировой войне», написанный специалистами из различных научно-исследовательских институтов и вузов ГДР. Они освещают в доступной для широких кругов читателей форме события 1941—1945 годов. Обширен подборочный материал — фотографии, факсимиле, статистические таблицы, карты боевых действий. Авторами рассматриваются военные, экономические, политические проблемы. Большое место отведено в томе истории антифашистского Сопротивления («Deutschland im zweiten Weltkrieg». Bd. 2. Berlin. «Akademie-Verlag». 1975. 616 S.).

◆ Группа историков (В. Руге, У. Морган, Х. Бюнгер, В. Базлер, О. Грёлер, Б.

Ешоннек, Э. Зебер, К. Дрекслер) написала работу «США и Европа, 1917—1945 гг. Исследования по истории отношений между США и Европой от Великой Октябрьской социалистической революции до конца второй мировой войны». Помещенные в сборнике 8 очерков содержат данные о позиции США по отношению к Стране Советов до начала 30-х годов и борьбе прогрессивных сил США за признание СССР, об американской политике в Европе 20-х годов, вооруженных силах США в 1939—1945 гг., франко-американских сношениях того времени, позиции США в ЮНППА применительно к СССР в 1943—1946 гг. и, наконец, линии США на Потсдамской конференции («Die USA und Europa 1917—1945. Studien zur Geschichte der Beziehungen zwischen den USA und Europa von der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution bis zum Ende des zweiten Weltkrieges». Berlin. «Akademie-Verlag». 1975. 302 S.).

◆ Новая книга «Польский рабочий класс» содержит статьи, в которых использованы неизвестные ранее архивные источники. Среди статей: С. Калябинский. Дифференциация заработной платы промышленных рабочих Королевства Польского в 1904—1910 гг.; Ф. Тых. Массы, рабочий класс и партия в мировоззрении Р. Люксембург; В. Карвацкий. Театр для рабочих до 1914 года. В издании помещены также материалы обзорного характера («Polska klasa robotnicza. Studia historyczne». Warszawa. PWN. 1976. 546 str.).

◆ Документы, характеризующие деятельность Организации Варшавского Договора и ее органов за 1955—1975 гг., составили содержание книги, вышедшей в Польше к 20-летию юбилею Договора. Здесь напечатаны различные декларации, заявления, сообщения о совещаниях руководящих органов данной организации. Они расположены в хронологическом порядке («Organizacja Układu Warszawskiego. 1955—1975». Dokumenty i materiały. Warszawa. «Kiw». 1975. 228 str.).

◆ Польские историки Францишек Бернась и Юлита Микульска-Бернась в книге «Падение третьего рейха» освещают события 1944—1945 гг. на европейских фронтах второй мировой войны, падение Берлина, крах гитлеризма, работу Ялтинской и Потсдамской конференций (F. Bernaś, J. Mikulska-Bernaś. Upadek III Przeszy. Warszawa. «Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza». 1975. 484 str.).

◆ В сборнике статей Г. Лябуды, Р. Хека, А. Самсоновича, К. Ясиньского, А. Галаса, М. Ожеховского и других историков рассмотрены вопросы о роли Пястов в развитии Польского государства и его объединении в XIII—XIV вв., генеалогии и геральдике, культурных традициях от эпохи средних веков до настоящего времени («Piastowie w dziejach Polski». Wrocław. «Ossolineum». 1976. 400 str.).

◆ «Мои воспоминания» — так называется книга Винченцы Витоса (1874—1945 гг.), одного из лидеров крестьянского движения

в Польше. На фоне политических событий второй половины XIX — начала XX в. автор рассказывает о становлении крестьянской партии, своей общественно-политической деятельности, жизни западногалицийской деревни, крахе Австро-Венгрии и воссоздании Польского государства (W. Witos. *Moje wspomnienia*. Warszawa. «Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza». 1976. 420 str.).

◆ Станислав Лопатнюк (ПНР) в издании «Польско-советские экономические отношения» касается польско-советских торговых контактов, деятельности польских концессий в СССР и торговых обществ «Польрос» и «Совпольшторг», рассказывает о стремлении Советского правительства нормализовать экономические и политические отношения с буржуазно-помещичьей Польшей в 1921—1939 годах (S. Lopatniuk. *Polsko-radzieckie stosunki gospodarcze. Dokumenty i materiały, 1921—1939*. Warszawa. «KiW». 1976. 640 str.).

◆ Зависимость между интеграционными процессами в экономике развитых капиталистических стран и техническим прогрессом исследуется Людвиком Россенником (ПНР). Капиталистической интеграции автор противопоставляет деятельность СЭВ. Кроме того, он останавливается на хозяйственной практике государств Европейского экономического сообщества и межимпериалистических противоречиях (L. Rosiennik. *Procesy integracyjne w rozwinięciu kapitalizmu*. Warszawa. PWN. 1976. 200 str.).

◆ Книга польского историка Мариана Лечька «Политика Второй Речи Посполитой по отношению к СССР в 1925—1934 годах» посвящена дипломатическим аспектам этой темы. Работа основана на новых архивных материалах (M. Leczyk. *Polityka II Rzeczypospolitej wobec ZSSR w latach 1925—1934*. Warszawa. PWN. 1976. 350 str.).

◆ Кембриджский университет (Англия) издает серию «Южноазиатские исследования». Ее выпуск 17-й составила книга преподавателя Куинз-колледжа Кристофера Джона Бэйкера о политической жизни 1920—1937 годов в Южной Индии. Автор использовал документы британского, центрального индийского и мадрасского правительств, материалы английских и индийских архивохранилищ, периодику и обширную литературу. Первая половина книги, выходящая за рамки ее заглавия, посвящена политическим учреждениям и партийной борьбе в Южной Индии 1890—1920 годов. Вторая половина охватывает следующие 17 лет. Эта работа воспроизводит в расширенном и дополненном виде основные положения книги, которую в 1975 г. Бэйкер опубликовал совместно с Д. Уошбруком и которая касалась той же проблемы применительно к 1880—1940 годам (Ch. J. Baker. *The Politics of South India 1920—1937*. Cambridge. CUP. 1976. 363 p.).

◆ «Происхождение Филиппинской республики» — таково название публикации, осуществленной и откомментированной Майклом Онорато в 1974 г. и увидевшей свет годом позже. Она включает в себя выдержки из дневников и сообщений видного американского чиновника на Филиппинах Фрэнсиса Бартона Гаррисона, написанных между 1935 и 1943 гг. и впервые оглашенных в 1951 г. на научном симпозиуме в Танжере, а теперь напечатанных как выпуск 95 в серии «Юго-Восточная Азия», издаваемой Корнелльским университетом (США). Публикация представляет интерес для характеристики установленного на Филиппинских островах американского колониального режима, борьбы США с Японией за Тихий океан, деятельности японских империалистов и истории второй мировой войны в этом районе («Origins of the Philippine Republic». Ed. and Annot. by M. P. Onorato. Ithaca (N. Y.). DASCU. 1974—1975. 258 p.).

◆ Профессор Карлтонского университета (Канада) Лео Панич рассматривает в своем исследовании взаимоотношения между английской лейбористской партией и профсоюзами, с одной стороны, и военно-промышленным комплексом — с другой, в 1945—1974 годах. Изложение строится по хронологическим периодам, а внутри них — по проблемам. В основе исследования лежат интервью автора с политическими деятелями и бизнесменами (проведенные в 1971 г.), публикации, бумаги различных организаций и ассоциаций, периодика (L. Panitch. *Social Democracy and Industrial Militancy*. Cambridge. CUP. 1976. 318 p.).

◆ Ло Хэй-минь является преподавателем Австралийского национального университета, а специализируется по истории Китая в новое время. Он опубликовал со своими примечаниями первую часть (за 1895—1912 годы) переписки специального корреспондента лондонской «Times» в Пекине Джорджа Моррисона, австралийского журналиста. Письма хранятся в Митчелл-библиотеке (Сидней) Они содержат любопытные детали относительно истории Китая указанного времени и игры империалистических держав на Дальнем Востоке. В данной части помещено 530 писем («The Correspondence of G. E. Morrison». I: 1895—1912. Ed. by Lo Hui-min. Cambridge. CUP. 1976. 848 p.).

◆ Социальные проблемы, династические традиции, методы политической борьбы, налоговая система, государственное устройство и преобразования, отношения с соседями, официальная жизнь Кореи в 1392—1910 годах, а особенно в 1864—1873 гг. — таково содержание работы профессора Вашингтонского университета (США) Джеймса Пэлеса, использовавшего материалы малоизвестных корейских изданий XIX—XX веков (J. B. Palais. *Politics and Policy in Traditional Korea*. Cambridge (Mass.). HUP. 1975. 390 p.).

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ О РАЗВИТИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РОССИИ

Как известно, Д. И. Менделеев являлся поборником индустриализации России. В статье о Всероссийской выставке 1896 г. он писал: «Верю, что наши дети увидят Всероссийскую выставку, которая будет иметь значение всемирной, где русский гений реально станет не в уровень, а впереди своего века. ... Там впереди уже не только мирное соединение Востока с Западом и усиление мирового значения России, но и торжество русского гения на пути промышленного прогресса, а вместе с тем богатство и могущество русского народа»¹.

На службу индустриализации России великий ученый поставил не только свой гений естествоиспытателя и изобретателя, не только свои выдающиеся экономические познания, но и свое перо публициста и свой общественный авторитет. Он принимал активное участие в подготовке таможенного тарифа 1891 г., неоднократно обращался с письмами по вопросам промышленного развития страны к Александру III, Николаю II, многим высокопоставленным царским сановникам, собирался издавать газету, основной целью которой считал развитие начал протекционной политики.

Настоящая заметка, не ставя своей целью анализ всех многочисленных работ ученого, затрагивающих проблемы индустриализации России, посвящена главным образом его взглядам на покровительственную систему, нашедшим выражение в трех его письмах к Николаю II. Письма эти были написаны в 1897, 1898 и 1901 гг., как отмечал позднее Д. И. Менделеев в «Списке моих сочинений...», по просьбе «С. Ю. Витте, который говорил, что он один не в силах убедить»² царя. В указанном списке Д. И. Менделеев поместил их соответственно под названиями: «Письмо к государю о покровительственной системе. 1897 г.»,

«Письмо к государю об иностранных капиталах. 1898 г.» и «Письмо к государю о промышленности вообще. 1901 г.». Номера, под которыми значатся эти письма, подчеркнуты тремя чертами — знак, с помощью которого Д. И. Менделеев выделил «наиболее важные» из своих произведений³. В академическом издании «Сочинений» ученого опубликовано (с сокращениями) лишь первое из названных писем⁴, два других хранятся в Музее-архиве Д. И. Менделеева при Ленинградском университете.

Ратуя за индустриализацию России и будучи глубоко убежденным в возможности быстрого и безграничного экономического прогресса страны, Д. И. Менделеев вместе с тем считал, что коренные экономические изменения можно осуществить, не затрагивая основ политического строя⁵.

В первой же фразе своего письма Николаю II от 1897 г. Д. И. Менделеев характеризовал покровительственную систему, «выразившуюся в таможенном тарифе 1891 г.», как «умеренную» и «строго обдуманную», а вызванную ею острую критику со стороны противников — как «наветы мечтателей» (стр. 269).

Главными противниками протекционизма Д. И. Менделеев считал отнюдь не крепостников-помещиков. Он не осознавал их социального паразитизма, порожденного долгим господством крепостничества, и даже полагал, что растрата ими выкупных сумм произошла из-за того, что правительство не создало благоприятных условий для вложения полученных помещиками денежных капиталов в промышленность, тогда как 2 млрд. руб., затраченных на сооружение железнодорожной сети в 60-е—70-е годы XIX в., могли поглотить все получае-

³ См. Д. И. Менделеев. Соч. Т. 25, стр. 775, 686.

⁴ Д. И. Менделеев. Соч. Т. 21, стр. 269—281. Далее ссылки на страницы этой публикации даются в тексте.

⁵ Музей-архив Д. И. Менделеева, кн. № 1052.

¹ Д. И. Менделеев. Соч. Т. 21, М.-Л. 1952, стр. 149—150.

² Д. И. Менделеев. Соч. Т. 25, М.-Л. 1952, стр. 775; см. также т. 21, стр. 268.

мые помещиками средства по выкупным платежам. «Мечтатели», от которых исходят «наветы» на покровительственную систему,— это для ученого прежде всего люди, не ценящие производительный промышленный труд и не желающие к нему прибегать в качестве руководителей, а также тяготеющие к идеализации патриархального сельского хозяйства и уклада. Повторяя неверный тезис российских протекционистов о том, что в 60-х—70-х годах XIX в. в России господствовало фригредерство, Д. И. Менделеев пишет, что если бы тогда установился протекционизм и «для капиталов, появившихся в виде выкупных сумм, своевременно были даны промышленные дела, дворянство сослужило бы новую службу, не прожило бы нажитого, и даже хлеб наш имел бы иную, чем ныне, цену» (стр. 271).

В том же письме 1897 г. на примере нефтяной промышленности Д. И. Менделеев показывает, что повышение таможенного тарифа вместе с железнодорожным строительством и продажей казенных земель в Баку привело к снижению цен на нефть. Цены на керосин тоже резко снизились, а главное, с каждым годом возрастает экспорт керосина вместо прежнего его импорта. Та же тенденция, указывает ученый, отчетливо проявляется в производстве угля, черных металлов и соды. Их потребление, правда, еще отстает от внутреннего спроса на эти продукты, и поэтому тенденция снижения цен на них выражена еще слабо, но уже вполне заметна. Д. И. Менделеев был убежден, что не за горами то время, когда производство черных металлов, угля, соды превысит внутренний спрос и начнется их вывоз за пределы страны (стр. 273—274).

Земледелие, пишет далее Д. И. Менделеев, «мало нуждающееся в том, что обложено тарифом 1891 г., от него получило покровительство хлопку, всем продуктам льноводства и т. п. и только с помощью покровительства может поддерживать разведение свекловичи, цены шерсти, кож и т. п. Тариф 1891 г. составлен именно так, чтобы выгоды доставались не только фабрикантам и заводчикам, но и добывателям продуктов из недр земных и с земной поверхности, чтобы дать место всякого рода трудовым предприятиям. Народ же в целом, получив на развивающихся видах промышленности новые выгодные виды заработков, очевидно, остается в барышах, потому что деньги за товары не идут за границу и

есть куда приложить труд... достаток страны растет в общем... и только труд и предпринимчивость, а не просто благодать погоды... становятся опорой благосостояния» (стр. 274—275).

Отсюда видно, что, по мнению Д. И. Менделеева, покровительство угольной, металлургической и химической промышленности мало затрагивает сельское хозяйство. Действительно, при характерном для конца XIX — начала XX в. технико-экономическом уровне сельского хозяйства даже в капиталистически развитых странах доля сельского хозяйства в потреблении металлов и машин была ничтожна по сравнению с потреблением их в промышленности, на транспорте, в коммунальном и городском строительстве и в самом машиностроении. Явление это было всеобщим, но, разумеется, имелось и существенное различие между Россией и Западной Европой, вызываемое, как показал В. И. Ленин, «частотой крепостнических отношений и всевластием крепостников-помещиков»⁶. Различие это особенно ярко проявлялось в российском крепостническом центре, где для деревни были недоступны ни железный плуг, ни железная рама к бороне, ни телега на железном ходу, ни железная крыша (последняя в ряде стран Запада заменялась черепичной). И только тем же крепостникам-помещикам могли быть выгодны обусловленные тарифом 1891 г. серьезные препятствия на пути обеспечения сельского хозяйства более сложной (по тому времени) техникой: локомотивами, веялками и т. п. В результате крестьянское хозяйство было вынуждено ограничиваться использованием того простого инвентаря и инструмента, производство которого обеспечивалось отечественной кустарной и обрабатывающей промышленностью. Производство же более сложных сельскохозяйственных машин стало развиваться в России лишь после 1907 г. благодаря введению специальных премий за промышленную инициативу.

В ноябре 1898 г. Д. И. Менделеев снова обратился к Николаю II с письмом. На этот раз ученый обосновывал необходимость беспрепятственного импорта капиталов в Россию. Это письмо по распоряжению царя было размножено типографским способом и роздано членам Государственного совета и другим высшим сановникам⁷.

⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 23, стр. 377.

⁷ См. об этом: Д. И. Менделеев. Соч. Т. 25, стр. 775. Экземпляры этого письма сохранились в Музее-архиве Д. И. Менде-

Д. И. Менделеев рассматривает здесь капитал не как конкретную социально-экономическую категорию, а как некую «временную форму, в которой вылились в наш век некоторые стороны промышленности». В настоящее время, считает он, «без массы капитала передовым странам, конечно, обойтись нельзя», но можно предвидеть и иные времена: «не в нем (капитале.— И. Г.) дело, и он, откуда бы ни пришел, везде родит новые капиталы; так обойдет он весь земной шар, сблизит народы и тогда, вероятно, утратит свое современное значение. В этом смысле он миротворец, управитель и деятель прогресса...» (стр. 21). В процитированной характеристике обращают на себя внимание две важные особенности. С одной стороны, Д. И. Менделеев чутко уловил всеохватывающий характер капитала. С другой — он явно идеализирует капитал, переоценивает его направленность на достижение и упрочение мира и прогресса (подобные иллюзии были вообще типичны для второй половины XIX в., когда многим казалось, что развитие науки, техники и экономики само по себе, без коренных социальных преобразований, способно обеспечить человечеству мир и счастье).

Д. И. Менделеев отмечает, что со времени его первого письма царю нападки («нарекания») на протекционизм утихли и стали даже невозможными. Поэтому «противники» системы перешли «к косвенным нападкам» и «наветам», избрав своей мишенью иностранные капиталы, которые, по их мнению, представляют угрозу для экономической самостоятельности страны. По существу же эти нарекания и наветы направлены против самих основ покровительственной системы, поскольку «осуществление и полное применение» начал протекционизма «не может состояться без привлечения иностранных капиталов» (стр. 1, 3).

Излагая историческую закономерность перехода от сельского хозяйства к «современному промышленному строю», Д. И. Менделеев подчеркивает важность рычагов нового «экономического быта и государственности — горного дела с фабриками и заводами». Англия и Франция ранее других, но долго и медленно переходили к новому строю, потому что в процессе перехода они накапливали капиталы для развития

промышленности. США и другие страны вошли в промышленный строй только в XIX в. и «благодаря участию английских, французских и других капиталов сделали этот переход быстро». Пример США весьма поучителен для России из-за сходства естественных условий и высокого уровня развития сельского хозяйства, производящего в избытке хлеб. В США промышленное развитие стимулировало значительный рост сельского хозяйства и дало земледелию новое, совершенно иное, чем в России, направление: привело к распространению машин и полной перестройке торговли хлебом. Для России, по мнению ученого, также есть только один путь: посредством развития промышленности, порождающей накопление крупных капиталов, получить возможности для переоборудования земледелия на новых началах (стр. 2—3).

В этой связи Д. И. Менделеев высказывается в пользу частной инициативы. Он считает «беспочвенным развитие промышленности как в фаланстерах, так и в государственных предприятиях». В обоснование своего мнения он указывает на казенные горные заводы, которые когда-то способствовали распространению новой техники, а теперь работают «всюду в убыток». Государственные предприятия выгодны лишь при монополиях, к которым Д. И. Менделеев относит железные дороги, порты, каналы, а также винную и табачную монополию. В отношении же промышленности роль государства должна сводиться к правовой и судебной охране и к заботам об удешевлении кредита (стр. 5). Государство должно играть существенную роль на начальном этапе создания новых производств и освоения новых видов продукции. Поворот к протекционизму, пишет Д. И. Менделеев, дал за 20 лет самые благоприятные результаты. Нельзя, однако, останавливаться на достигнутом, «потому что при преобладании мира (то есть отсутствии войн.— И. Г.) отставший в промышленности будет отсталым и в просвещении и во всем мировом влиянии». Да и в войнах наиболее вероятная победа обеспечена тому, кто сильнее в промышленном отношении, и «никому безнаказанно нельзя остановиться в промышленном росте» (стр. 5—6).

По мнению Д. И. Менделеева, Россия в избытке располагает землями, естественными богатствами, удобными путями сообщения, возрастающим спросом, дешевыми рабочими руками и т. п., но остро ну-

ждается в капиталах для ускорения промышленного развития. Внутренняя торговля использует свои немалые доходы для расширения своих же операций. Крупная граничная торговля издавна находится почти целиком в руках иностранных капиталистов. «В старых, особенно московских, промышленных сферах есть немало сбережений», но эти сбережения направляются на расширение старых предприятий, и их обладатели «привыкли уже легко получать большие барыши и не идут на риски новых дел в новых краях, например, на Донце, на Кавказе, в Сибири и в Польше, зная, что, и сидя на месте, они свое легко получают». Более того, «старые промышленные фирмы очень косо смотрят на новые промышленные дела, возникающие повсеместно в России, и не чужды наветов на иностранные капиталы, входящие в Россию», видя в них своего главного соперника. Наконец, в стране до сих пор нет «сильных промышленных банков», которые на Западе являются «первыми двигателями промышленных оборотов» (стр. 7).

Далее Д. И. Менделеев переходит к изложению своих взглядов относительно необходимых России темпов и уровня промышленного развития. Взгляды эти расходятся с официальным курсом покровительственной системы, а также с мнениями сторонников последней, выступавших в буржуазной публицистике. Свообразным мерилом для ученого служили США, которые, по переписи 1890 г., производили промышленной продукции на 9,6 млрд. долл., или на 19 млрд. рублей. Они имели, по расчетам Д. И. Менделеева, до 16 млрд. руб. капиталов, вложенных в промышленность, что составляло по 240 руб. на душу населения. Исходя из этой нормы, Россия при вдвое большем количестве населения нуждалась бы в доведении промышленных вложений до 30 млрд. руб., то есть в увеличении их примерно на 28 млрд. рублей. Д. И. Менделеев считал, однако, что сумма вложений может быть значительно меньше в силу того, что условия в России «легче и удобнее», поскольку «рабочая плата раза в три ниже американской». Поэтому «для достижения американского уровня в промышленности» может оказаться достаточной затрата всего лишь 10—15 млрд. руб., а это, судя по примеру быстрого развития в России нефтяной промышленности, «сделать можно... лет в 20 или даже в 15, вкладывая ежегодно в промышленность по 700—500 млн. руб.» (стр. 11—13).

Д. И. Менделеев подчеркивает, что если бы Россия принуждена была развиваться только «за счет сбережений русского народа», промышленность росла бы очень слабо. «Но очень ограниченный рост промышленности совершенно непригоден нашему краю и неприличен нашему народу, призывшему шагать, так уж шагать... народ, смутно, но решительно, по здравому инстинкту — сознает, что, идя помаленьку, мы никогда не догоним соседей, а надо не только догнать, но и перегнать». Ученый считал, что всякие искусственные препятствия естественному приливу иностранных капиталов влекут за собой лишь его удорожание и незаконные обходы, которые пагубно влияют на промышленность, «не могущую прочно установиться без твердых законных оснований». Он справедливо отмечал, что и при вывозе значительных прибылей за границу большая часть стоимости товаров остается в стране, «падает на текущий труд»⁸. Рассматривая импорт капитала в его типичной для XIX в. форме иммиграции иностранных капиталистов, он указывает, «что большинство иностранцев, начиная с царствования Петра Первого, растаяло в русском море». При этом Д. И. Менделеев подчеркивает, что капиталисты иностранного происхождения не имеют никакого влияния на местное управление и что «денежный достаток... ко благу России не играет у нас той роли, какую он завоевывает на Западе и в Америке» (стр. 11—15).

Анализируя иностранные вложения в экономику России за последние годы, Д. И. Менделеев приходит к выводу, что они составляют не более 110 млн. руб. в год, или около $\frac{1}{3}$ прироста акционерных капиталов и не более $\frac{1}{5}$ увеличения всех капиталов в промышленности. Иностранные вложения на одно предприятие относительно почти в 2,5 раза больше, чем русские вложения, и «не будь иностранных компаний, у нас не могли бы начинаться предприятия, подобные многим металлургическим» (стр. 16—

⁸ Оставаясь на почве домарксовской буржуазной политической экономии, Д. И. Менделеев все же не воспринял получивших широкое распространение на Западе апологетических субъективных теорий стоимости. «Не подлежит сомнению, — пишет он во втором письме царю, — что цены, деньги, капиталы и богатства производятся прямо или косвенно только трудом». Под последним следует понимать, по Д. И. Менделееву, не одну физическую работу, «но все роды усилий, так сказать, расходующих нервы и назначаемых на пользу свою и вообще людскую» (стр. 3—4).

17). «Из сказанного, глядя бесстрашно, вытекает заключение, прямо противоположное тому, какое делают нарекатели иностранных капиталов, так как действительность показывает, что их участие в развитии русской промышленности еще чересчур мало. Оно легко может увеличиться, а это будет только полезно России. Не меры для пресечения их вхождения надобны, а скорее уж меры привлечения» (стр. 17—18).

Преимущества широкого привлечения иностранных капиталов, по мнению Д. И. Менделеева, состоят в следующем. Во-первых, страна будет меньше нуждаться в иностранных товарах. Потребность в металлах и в машинах растет в 90-е годы XIX в. быстрее, чем отечественное производство, ввоз этих товаров все время увеличивается, и это будет продолжаться до тех пор, «пока усиленный вход иностранных капиталов этого не прекратит». Больше всего новых капиталов России дают Франция, Бельгия, Голландия, за ними следует Англия. Германия же, наоборот, вкладывает теперь в Россию меньше других: «там догадались, что, устраивая русскую промышленность, они вредят себе» (стр. 18—19). Во-вторых, чем больше будет прилив иностранных капиталов, тем больше будет трудовых заработков у русского народа — у служащих и рабочих (стр. 19). В-третьих, увеличатся и доходы государства, «так как они собираются без отягощения только с денежных взаимно выгодных оборотов, совершающихся внутри страны, а они возрастают только с умножением промышленных дел» (стр. 12—13). В-четвертых, скорее «накопятся в России свои капиталы, учредятся промышленные банки и явятся свои зрелые технические учебные заведения, потому что все они везде составляют плоды умножения промышленных предприятий». И, наконец, в-пятых, «тем скорее наступит то удешевление товаров... ради которого учреждается покровительственная система, так как дешевизна определяется перевесом внутреннего производства над спросом», а признаком наступившего перевеса является вывоз избытков за границу (стр. 19).

Д. И. Менделеев пишет, что если и впредь рост русской промышленности будет происходить «без особых препон», то его дети наверняка «увидят в России такой расцвет промышленности, о каком теперь можно только мечтать и до какого способен достигнуть... способнейший и ко всему благому чуткий народ» (стр. 19—20). Заканчивает Д. И. Менделеев свое второе обращение к

царю указанием на тесную связь промышленных успехов с прогрессом науки и мирным течением жизни и выражает надежду на то, что Россия, преуспевая на пути промышленного развития, «своими избытками капиталов, когда они накопятся... введет азиатские страны в тот круг образованных стран, где сама должна удерживать столь выгодно обеспеченное место» (стр. 21).

В самые трудные для покровительственной системы годы экономического кризиса (1900—1903 гг.) Д. И. Менделеев оставался непоколебимым ее сторонником, убежденным в великом будущем родной страны и русского народа. В октябре 1901 г. он обращается к Николаю II с третьим письмом⁹ в защиту покровительственной системы, в которой вся буржуазно-помещичья публицистика видела тогда главную причину кризиса, и прямо мотивирует свое обращение тем, что «опять послышались неразумные «наветы» на мирную промышленную политику вашего родителя» (стр. 1). В начале письма Д. И. Менделеев противопоставляет уровень сельского хозяйства, достигнутый на Западе под влиянием высокого развития промышленности, жалкому положению русского сельского хозяйства, обусловленному слабым развитием промышленности.

В письме указывалось, что неизбежные трудности роста и «еще слабое, преимущественно литературно-чиновное образование усложняют значительно начавшийся промышленный рост России», а лица, не привыкшие «к упорному и живому труду», лишь вольно или невольно запутывают дело, утверждая, что «Россия стала беднеть после того, как приступила лет 15 тому назад к своему промышленному развитию». Между тем за последние 10 лет в два-три раза возросло производство и потребление крестьянских товаров, ситца и керосила, увеличились грузооборот железных дорог, добыча каменного угля, цемента, чугуна, соды¹⁰.

⁹ Цитируется по экземпляру Музея-архива Д. И. Менделеева (№ 1050/8).

¹⁰ Д. И. Менделеев игнорирует здесь факты бедственного положения разоряющегося крестьянства в центре страны, а тем самым и прокрестьянскую аграрную политику пореформенного периода. Возможно, что подобное умолчание было вызвано советом С. Ю. Витте (по инициативе которого, как указывал Д. И. Менделеев, и писалось письмо), чьи попытки добиться развития буржуазных отношений в деревне были незадолго до этого решительно пресечены царем.

Д. И. Менделеев обращает внимание на происшедший за последние шесть лет весьма значительный рост вкладов в сберегательных кассах, который мог быть обеспечен «только за счет развивающейся промышленности», ибо за это время цены на хлеб упали, и немалая часть крестьянства вынуждена была искать заработка в развивающейся промышленности.

Столь же решительно опровергает ученый и высказывания тех недоброжелателей русской промышленности, которые видят причину кризиса в возникших в экономике России денежных затруднениях и в участии иностранных предпринимателей. Д. И. Менделеев указывает на всеобщий характер наступившего кризиса, охватившего все промышленно развитые страны.

Отношение Д. И. Менделеева к последствиям кризиса для металлургии и металлообработки выражено им в письме о русской железодельной промышленности бывшему товарищу министра путей сообщения Н. П. Петрову (1903 г.)¹¹. Письмо это было написано в связи с тем, что Русское техническое общество пригласило Д. И. Менделеева на съезд, созывавшийся в апреле 1903 г. для обсуждения вопроса о расширении массового потребления железа в стране. В своей постановке вопроса Общество явно исходило из чрезвычайно распространенного в России противопоставления «казенного» спроса народному. Д. И. Менделеев пишет, что считает поставленный на съезде вопрос существенным и заслуживающим обсуждения. Однако рассматривать его можно лишь в рамках более общего вопроса о положении металлургической промышленности и спроса на металлы в целом. Ученый пишет о том, что подавля-

ющая часть спроса на черные металлы падает на железнодорожное, промышленное, городское, коммунальное строительство и на металлообработку. Даже в самых развитых капиталистических странах потребление металла для производственных и бытовых нужд деревни составляет ничтожную долю совокупного потребления металлов в стране. Поэтому, указывая на конкретные меры, которые могли бы расширить потребление металла в русской деревне и довести его хотя бы до уровня Запада, Д. И. Менделеев считал необходимым обсудить на съезде и общие вопросы о положении российской металлургии и состоянии рынка металлов.

Наступившее во время кризиса резкое падение цен на металлы он рассматривает как нормальное явление. Металлургическая и металлообрабатывающая промышленность достигли такого состояния, когда они в значительной мере могут удовлетворять внутренний спрос, и поэтому падение цен выражает лишь обостренное кризисом действительное удешевление производства металла. Д. И. Менделеева несколько не беспокоит, что кризис, естественно, повлечет за собой банкротство части предпринимателей. Он прямо высказывается против искусственной поддержки заводов. Каждый предприниматель должен быть готов к риску. Потери неудачливых предпринимателей, по его словам, не будут иметь никакого значения для судеб расширяющейся и крепнущей металлургии, ибо созданные ими заводы не исчезнут, а лишь перейдут в другие руки.

Таким образом, в этом вопросе Д. И. Менделеев, расходясь с официальным правительственным курсом, стоял на позиции свободной конкуренции капиталистов, принимая как должное и ее неизбежные последствия.

И. Ф. Гиндин

¹¹ Музей-архив Д. И. Менделеева, № 1050/13. Письмо сохранилось в черновом варианте и, возможно, не было отослано.

«СВЕРДЛОВКА» И ЕЕ ДЕПУТАТ

На первой полосе заводской многотиражки «Ракля» от 10 января 1929 г. помещена фотография Марии Ильиничны Ульяновой. Подпись гласит: «Член Моссовета, выбранная от нашей фабрики». Ракля — это стальная линейка, применяемая в текстильных печатных машинах для удаления краски с поверхности печатного вала. Рабочие текстильной фабрики имени Я. М. Свердлова именно так называли свою газету. С 1928 г. она выходила как орган фабричных ячеек ВКП(б), ВЛКСМ и фабкома.

Страницы «Ракли» конца 20-х годов свидетельствуют о том, что Мария Ильинична поддерживала тесный контакт со своими избирателями и помогала им решать задачи первой пятилетки. Когда «Правда» объявила Всесоюзный смотр производственных совещаний, М. И. Ульянова опубликовала в «Ракле» статью «Все рабочие и работники должны принять участие в смотре». «Задача смотра,— разъясняла она,— подвигнуть работу производственных совещаний проверке самих рабочих масс, выявить недостатки и достижения этих совещаний, поднять к ним интерес со стороны рабочих и работниц. Производственные совещания — могучее средство вовлечения рабочих в социалистическое строительство, в работу по социалистической рационализации народного хозяйства. И надо принять все меры к тому, чтобы оживить работу этих совещаний, привлечь к участию в них поголовно всех пролетариев, добиться внимания к совещаниям со стороны администрации завода и профорганизаций, быстрого проведения в жизнь всего, что есть ценного в деловых указаниях и предложениях рабочих»¹. Мария Ильинична обратилась к коллективу фабрики с призывом: «Пусть же ни один рабочий, ни одна работница не останется в стороне от смотра. Пусть все примут в нем посильное участие».

Свердловцы дружно откликнулись на призыв партии, на обращение своего депу-

тата — сестры В. И. Ленина. В смотр включились сотни передовых рабочих и работниц. К моменту появления статьи М. И. Ульяновой партийная ячейка и фабричный комитет образовали специальную комиссию для проведения смотра². Через «Раклю» рабочие сигнализировали о недостатках, отмечали случаи бесхозяйственности и разгильдяйства, разоблачали лодырей и прогульщиков. Застарелые «болезни» производства становились достоянием гласности, анализировались способы их устранения. Намечались пути преодоления недостатков, ликвидации «узких мест».

В разгар кампании М. И. Ульянова приехала на фабрику. Группа ветеранов проводила Марию Ильиничну в помещение, где собрались свердловцы. Все цехи были оповещены о встрече. «14 февраля на отчетном собрании,— сообщала «Ракля»,— отчитывалась о своей работе в Моссовете член Моссовета от нашей фабрики тов. М. И. Ульянова. Собрание прошло оживленно»³. В прениях пожелали участвовать 35 человек, успели выступить 18. Тон собрания задавала М. И. Ульянова в отчетной речи. Прения пошли по руслу конкретной критики, практических замечаний, наметок и предложений. Ораторы связывали решение производственных проблем с необходимостью поднять дисциплину труда; подчеркивали, что на фабрике слабо ведется борьба с теми, кто нарушает правила внутреннего распорядка, с хулиганствующими элементами, с бюрократизмом, с разбазариванием хозяйственных ценностей. Ткачихи, зная Марию Ильиничну как одного из организаторов женского движения в нашей стране, говорили о нехватке яслей и детских садов. Повышение производительности труда они ставили в прямую связь с уве-

² «Ракля», 8.XII.1928.

³ «Ракля», 16.I.1929. (Газета лишь кратко информирует о ходе собрания. Выйти за рамки этого лаконичного сообщения позволили беседы автора с некоторыми участниками собрания.)

¹ «Ракля», 10.I.1929.

личением числа детских учреждений и улучшением работы общественных организаций.

Как известно, в годы Советской власти М. И. Ульянова «стала не только организатором, но и душой рабселькоровского движения»⁴. Свердловцев она тоже стремилась вовлечь в ряды рабочих корреспондентов, ориентируя их на широкое и всестороннее освещение в своей многотиражной газете смотра производственных совещаний. «Ракля» напечатала 600 заметок, посвященных смотру. Такого количества материалов по этой теме не дала ни одна из заводских газет⁵. Десятки ткачей и ткачих «Свердловки» влились в ряды рабкоров. Это и породило поток корреспонденций в «Раклю».

Приезд М. И. Ульяновой на фабрику активизировал производственную и общественную деятельность рабочих «Свердловки». Число участников смотра увеличивалось. Все более обретало силу положение, высказанное ранее Марией Ильиничной в «Ракле»: «А кому же, как не рабочим и работницам, имеющим нередко большой производственный опыт, хорошо знающим свой завод, на своей работе изо дня в день видящим его достижения и недостатки, его сильные и слабые стороны, не принять активное участие в поднятии его на большую высоту, добиваться его больших производственных успехов? Сколько крупных и мелких недостатков могут они устранить своими указаниями, сколько денег сэкономить, сколько новых приемов работы они могут предложить, которые облегчат работу, поднимут производительность труда и пр.»⁶.

Весной 1929 г. по всей стране развертывалось социалистическое соревнование. День ото дня оно обогащалось новыми формами. Свой вклад в их создание внес и коллектив фабрики имени Я. М. Свердлова. В начале марта 1929 г. он подвел первые итоги

смотра производственных совещаний. Оказалось, что на 2800 рабочих фабрики пришлось 1500 рационализаторских предложений. Кроме того, до 200 ценных замечаний, касавшихся разных сторон организации производства, сделали рабочие на собраниях, посвященных смотру. Ряд предложений, ранее «мариновавшихся», был извлечен из архивов и внедрялся⁷. К июню 1929 г. стал очевиден экономический эффект этих предложений: их реализация приносила ежемесячно 77 тыс. руб. экономии⁸.

Вскоре опыт свердловцев получил освещение в центральной прессе и текущей агитационной литературе. Так, автор одной из популярных брошюр отмечал: «Заслуживает большого внимания учет показателей соревнования, применяемый Московской фабрикой имени Свердлова. Работа ударных цехов здесь отражается на большой доске, поставленной во дворе фабрики. На этой доске 14 рисунков (по количеству цехов), изображающих быстро мчащийся аэроплан, трамвай, пароход и едва плетущихся гуся, рака, черепаху и неподвижную улитку. Каждый месяц культкомиссия совместно с общезаводской производственной комиссией выявляет показатели передовых и отсталых цехов и в соответствии с этим размещает их на рисунках... Интересная изобразительная форма учета, впервые введенная на «Свердловке», сейчас применяется на многих предприятиях и вызывает большой интерес рабочих»⁹.

Опыт свердловцев стал достоянием всей страны. За хорошее проведение смотра производственных совещаний они получили вторую премию профсоюза текстильщиков¹⁰, а в начале 1930 г. фабрике было присвоено почетное звание ударной¹¹. Это было одно из первых наших предприятий, коллектив которого в целом удостоился такого звания.

А. Б. Мельников

⁴ В. Н. Степанов, З. Н. Тихонова. Верный помощник Ильича. «Вопросы истории КПСС», 1968, № 2, стр. 114.

⁵ И. П. Остапенко. Участие рабочего класса СССР в управлении производством (Производственные совещания в промышленности в 1921—1923 гг.). М. 1964, стр. 65.

⁶ «Ракля», 10.1.1929.

⁷ «Ракля», 1.III.1929.

⁸ «Ракля», 13.VI.1929.

⁹ А. Капустин. Ударники. Практика работы ударных бригад в социалистическом соревновании. М. 1930, стр. 68.

¹⁰ «Ракля», 13.VI.1929.

¹¹ «Ракля», 21.II.1930.

НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ КУРСКОЙ МАГНИТНОЙ АНОМАЛИИ

В 1778—1779 гг. акад. П. Б. Иноходцев, занимаясь определением географического положения ряда пунктов Европейской России, обнаружил в районе Белгорода резкое отклонение магнитной стрелки и высказал предположение о близости залежей железной руды¹. Однако этот район в течение длительного времени не привлекал внимания ученых. В 1836—1837 гг. Курскую губернию исследовал инженер-майор Сози и отметил наличие на ее территории «убогих железных руд». Приблизительно в то же время английский геолог Р. И. Мурчисон совместно с французским палеонтологом Ф. Э. Варнёйлем и русским палеонтологом А. А. Кейзерлингом составили региональное описание геологии европейской части России и Урала, в котором дали чертеж пласта железной руды в районе Курска. На присутствие бедных железных руд в Курской губернии указывали также местные авторы².

Но когда в июне 1871 г. лаборатория Горного департамента произвела анализ руды, присланной из д. Волянки Рыльского уезда, было установлено, что один из образцов содержит до 54% железа³. В 1875 г. Я. П. Данилевский открыл в Ливенском уезде Орловской губернии и в Шигровском уезде Курской губернии железные руды, состоящие из сферосидерита. Через 15 лет один из окружных инженеров 2-го округа Замосковных горных заводов провёл геологические исследования в указанных ранее Я. П. Данилевским местах и подтвердил наличие шпатовых и бурых железняков. В рапорте Горному департаменту он сообщал: «Принимая во внимание, что эти месторождения удалены от месторождений минерального топлива (древесного топлива в этой степной черноземной местности нет вовсе) и от железных дорог, необходимо признать, что разве только в отдаленном будущем они могут составить предмет эксплуатации частной предприимчивости»⁴.

Однако бурые и шпатовые железняки в силу бедного содержания железа не могли вызывать сильную магнитную аномалию. В 1874 и 1877 гг. приват-доцент Казанского университета И. Н. Смирнов проводил геомагнитные съемки в Европейской России и подтвердил данные П. Б. Иноходцева⁵. «Кратком отчете о магнитных исследованиях в России за 1874 год» он подчеркнул: «Здесь нельзя не остановиться, чтоб не высказать удивление при рассмотрении результатов склонения, полученных в Курске, Крюковской, Белгороде и Харькове. Хотя в настоящее время я могу прибавить к этому только одно, что и другие элементы для этих пунктов: наклонение и горизонтальная сила представляют аномалии столь же резкие, как и склонение»⁶. В 1883—1884 гг. лаборант Харьковского университета Н. Д. Пильчиков производил магнитные наблюдения в районе Белгорода и пришел к убеждению, что «детальные магнитные съемки в аномальном районе могли бы привести к более или менее определенным сведениям относительно богатства, размеров и глубины залежей железной руды, на существование которой указывают многие железные источники этого района, и может быть, послужат толчком к разработке нового минерального богатства, пока бесполезно скрытого под меловую почву»⁷. В 1889 г. студент Д. Д. Сергиевский провёл 171 наблюдение и обнаружил сильную аномалию в дер. Непхаево⁸.

Несмотря на эти достижения в изучении Курской магнитной аномалии, причины ее возникновения и район распространения оставались малоисследованными. В 1896 г. для изучения аномалии в Россию прибыл по приглашению совета Русского географического общества (РГО) французский ученый Т. Муро, директор Магнитной обсерватории под Парижем. Совет РГО пригласил его «для производства магнитной съемки в районе русской магнитной аномалии и в

¹ «Курская магнитная аномалия». Сборник документов. Т. 1. Белгород. 1961, стр. 43.

² В. Гутцейт. Об ископаемых Курской губернии. «Курские губернские ведомости», 1850, № 16, стр. 138; В. Киприянов. Геогностическое обозрение пространства между гг. Орлом и Курском. Там же, № 8, стр. 69.

³ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 4, д. 591, лл. 1—3.

⁴ Там же, оп. 73, д. 126, лл. 1—9.

⁵ Там же, ф. 733, оп. 121, д. 180, л. 144; оп. 149, д. 10, л. 267.

⁶ «Известия и ученые записки» Казанского университета, 1875, № 1, стр. 145.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 233, оп. 150, д. 412, л. 98; Научный архив Географического общества (НАГО), ф. 16, оп. 4, д. 72, л. 2; Н. Пильчиков. Материалы к вопросу о местных аномалиях земного магнетизма. Вып. 1. Харьков. 1888, стр. 154.

⁸ НАГО, ф. 16, оп. 1, д. 34, л. 6.

видах установления связи между русскими и западноевропейскими определениями силы земного магнетизма»⁹. Интерес французского правительства к поездке Т. Мура объяснялся не только установлением дружественных отношений между Россией и Францией в 90-е годы XIX в., но и желанием Парижской Академии наук выяснить, действительно ли имеется магнитная аномалия под Курском. Программа предстоявшего исследования была разработана еще до приезда Т. Мура «Постоянной комиссией по изучению земного магнетизма», возникшей при РГО в 1891 году. Эта комиссия решила вести одновременно абсолютные измерения магнитных элементов (склонение, наклонение и горизонтальное напряжение), которые должен был выполнить в различных пунктах Курской губернии Т. Мура, и вариационные наблюдения, необходимые для уточнения первых. Их вели: в Москве — приват-доцент Московского университета Э. Е. Лейст, в Харькове — профессор Новороссийского университета Н. Д. Пильчиков, в Курске — заведующий Семеновской метеорологической обсерваторией П. Г. Попов¹⁰.

Инженеры Курской губернской земской управы разработали проект подземного павильона, в котором предполагалось установить приборы для вариационных наблюдений¹¹. На Денисьевской даче, близ Курска, началось строительство подземного павильона. П. Г. Попов наметил для Т. Мура маршрут по губернии, предварительно опросив земских инженеров, землемеров и учителей относительно замеченных отклонений магнитной стрелки. Прибыв в Петербург, Т. Мура на экстренном заседании РГО познакомил русских ученых с результатами магнитных съемок, проведенных им во Франции, охарактеризовал методику предполагаемых исследований в Курской губернии и продемонстрировал свои приборы, которые были сверены им с приборами магнитно-метеорологической обсерватории г. Павловска.

23 мая 1896 г. Т. Мура приехал в Курск, где установил в подземном павильоне магнитограф, уточнил маршрут поездки по губернии. Его план полевых работ сводился к тому, чтобы равномерно исследовать территорию края, после чего сосредоточиться на

изучении местностей с сильно выраженными аномалиями. 24 мая он начал наблюдения в Курске и дер. Шуклинке¹². В течение 1,5 месяца Т. Мура вместе с переводчиком студентом Петербургского университета Б. П. Остащенко-Кудрявцевым, выполнявшим роль помощника, произвели в 102 точках более 400 абсолютных измерений и осуществили предварительные вычисления в наиболее характерных местах. Одновременно Э. Е. Лейст, Н. Д. Пильчиков и П. Г. Попов выполняли программу исследования других районов губернии.

Результаты подтвердили исключительность аномалии в Белгородском уезде. Был выявлен также аномальный центр: в Обоянском уезде, в селе Кочетовке, магнитная стрелка стояла перпендикулярно к меридиану и указывала своими концами вместо севера и юга на восток и запад; в с. Покровском горизонтальное напряжение было большим, чем на экваторе. Это, по словам изумленного Т. Мура, пославшего даже специальную телеграмму в Париж, «переворачивает, так сказать, кверху дном теорию земного магнетизма»¹³. Когда заканчивался срок работы экспедиции, совет РГО обратился к Т. Мура с просьбой, чтобы он на некоторое время оставил в Курске вариационные приборы. С разрешения французского министерства народного просвещения профессор передал приборы П. Г. Попову до 1 июня 1897 г., и тот продолжал изучать изменения хода магнитных элементов по временам года, периодически высылая Т. Мура письма с результатами наблюдений и фотоснимками записей магнитотографа¹⁴.

Вернувшись в Париж, Т. Мура приступил к обработке полученных данных, познакомил французских ученых с проведенными в России исследованиями, затем прислал в РГО отчет, который и был опубликован¹⁵. По ходатайству отделений математической и физической географии совет РГО присудил Т. Мура малую золотую медаль¹⁶. П. Г. Попов и Б. П. Остащенко-Кудрявцев были избраны членами — сотрудниками РГО, и первый из них награжден серебряной ме-

¹² Там же, ф. 9, оп. 1, д. 6, тетр. 1, 66.

¹³ Там же, тетр. 91—106, 115.

¹⁴ Там же, ф. 16, оп. 4, д. 81, л. 1.

¹⁵ Т. Мура. Магнитные наблюдения, произведенные в Курской губернии в 1896 г. «Записки» Русского географического общества по общей географии. Т. XXXII. 1898, № 3.

¹⁶ НАГО, ф. 1, оп. 1, д. 20, л. 4.

⁹ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 23, л. 3.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 108, л. 70; ф. 741, оп. 3, д. 26, л. 9.

¹¹ НАГО, ф. 16, оп. 4, д. 135, л. 1.

далью¹⁷. К 1897 г. выяснилось, что на территории Курской губернии существуют две полосы с сильными аномалиями: одна начинается возле Белгорода и тянется на 64 км, другая, в Обоянском уезде, имеет протяженность более 100 километров. «Вообще говоря, аномалия Курской губернии,—отмечал П. Г. Попов, — представляется общей, захватывающей громадный географический район, ибо она везде чувствуется и даже выходит за пределы губернии. Но в ней как бы вкраплены частные аномалии, иногда на чрезвычайно малых расстояниях»¹⁸.

Залежи железных руд в Курской губернии не были обнаружены геологами ранее только потому, что бурение было неглубоким. Председатель Отделения математической географии РГО А. А. Тилло, делая доклад на заседании Отделения в 1896 г., говорил, что «существование столь значительной магнитной аномалии еще не дает несомненного права заключить о существовании где-либо в этих местах железных руд, имеющих практическое значение»¹⁹.

В то время существовало два мнения о причинах аномалии: одни считали, что это явление вызвано особым распределением в земле амперовых токов вследствие специфической структуры пород, другие же полагали, что налицо залежи железных руд²⁰. С уверенностью утверждал последнее Н. Д. Пильчиков. После завершения экспедиции 1896 г. он послал председателю Курской губернской земской управы письмо, в котором предлагал приступить к бурению, а затем к разработке руды²¹. Мысль о проведении глубокого бурения была поддержана советом РГО и Геологическим комитетом Горного департамента, который считал, что «глубокая буровая скважина прольет много света на загадочные причины Курской магнитной аномалии»²². Курское губернское

земское собрание приняло решение продолжить исследования.

В помещичьих имениях началась «рудная горячка». В результате в ряде мест Щигровского, Старо-Оскольского, Ново-Оскольского уездов были найдены пласты сидерита, сферосидерита и бурого железняка, правда, не имевшие в то время промышленного значения. Магнитные исследования вели в 1897 г. Э. Е. Лейст и П. Г. Попов. Их задача заключалась в обследовании малоизученной территории. В ходе работ были открыты новые аномальные центры (в селах Красное и Лески). Отвечая на сообщение П. Г. Попова об итогах исследований за 1897 г., Т. Муро писал: «С весьма живым интересом я узнал об успехе магнитной экспедиции, предпринятой в этом году в Курской губернии г. Лейстом при Вашем активном участии. Лично я мало исследовал Корочанский уезд: нас застал дождь, к тому же весьма продолжительный, который и помешал мне выполнить программу, предназначавшую мною для этой местности. Магнитная стрелка положительно дает громаднейшее отклонение в Вашей губернии, которая должна обладать богатейшими минеральными богатствами. Я буду в высшей степени счастлив, если магнитные наблюдения повлекут за собой практический результат»²³. Курское губернское земское собрание решило поддержать дальнейшие магнитные наблюдения, а весной 1898 г. начать промышленное бурение скважин и отпустило на эти цели средства. Т. Муро после возвращения во Францию в течение длительного времени поддерживал переписку с русскими учеными, давал советы и знакомил Западную Европу со всем, что делалось в России по изучению Курской магнитной аномалии. В иностранной печати было опубликовано известие об отпуске средств Курской губернской земской управой на бурение скважин в эпицентрах аномалий²⁴.

Так начиналось исследование того мощного железорудного бассейна, на базе которого ныне действуют крупнейшие советские предприятия.

Н. А. Свешников

¹⁷ Там же, д. 23, л. 93; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 145, д. 53, л. 185; Государственный архив Курской области, ф. 194, оп. 1, д. 412, лл. 237, 412.

¹⁸ «Журнал заседаний Чрезвычайного Курского губернского земского собрания». Курск. 1897, стр. 340.

¹⁹ «Известия» Русского географического общества. Т. 32. 1896, вып. 6, стр. 542.

²⁰ «Курская магнитная аномалия». Т. 1, стр. 55.

²¹ Там же, стр. 18.

²² «Известия» Геологического комитета. Т. XVI. 1897, стр. 50.

²³ «Курская магнитная аномалия». Т. 1, стр. 96.

²⁴ «Метеорологический вестник», 1898, № 5, стр. 217.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Георгий Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории КПСС Исторического факультета МГУ. Специалист в области истории движения изобретателей и рационализаторов в СССР и проблем научно-технического прогресса. Автор работ «Партия и массовое техническое творчество в СССР», «Партия во главе научно-технического прогресса» и статей.

Степаненко Борис Иванович — кандидат исторических наук, начальник кафедры марксизма-ленинизма Ульяновского высшего военного командного училища связи им. Г. К. Орджоникидзе. Специализируется по истории гражданской войны в СССР.

Юргинис Юозас Матович — действительный член АН Литовской ССР, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором периода феодализма Института истории АН ЛитССР. Автор книг: «Очерки истории литовского искусства», «Закрепощение крестьян в Литве», «Ренессанс и гуманизм в Литве», соавтор двухтомника по истории Вильнюса и многотомника по истории Литовской ССР.

Черкасов Петр Петрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, автор монографии «Франция и Индокитай. 1945—1975 гг. (Эволюция французской политики в Индокитае)».

Воронцов Геннадий Анатольевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Специализируется по истории международных отношений новейшего периода. Автор монографии «Буржуазная наука на службе политики» и ряда статей.

Зарицкий Борис Ефимович — кандидат исторических наук. Специализируется по проблемам внешней политики ФРГ.

Краснобаев Борис Ильич — кандидат исторических наук, доцент Исторического факультета МГУ. Специалист по русской истории XVIII века. Автор учебника «История СССР с древнейших времен до конца XVIII в.» (в соавторстве), пособия «Методика преподавания истории», книги «Очерки истории русской культуры XVIII века» и иных работ.

Алексеев Александр Иванович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Автор монографий «Охотск — колыбель Тихоокеанского флота», «Сыны отважные России», «Амурская экспедиция. 1849—1855 гг.», «Судьба русской Америки», «Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX — начало XX в.)» и других работ по истории Дальнего Востока.

Беляев Игорь Петрович — доктор экономических наук, постоянный представитель СССР во Всемирном Совете Мира. Специалист по современной истории арабских стран и международных отношений. Автор книг «Американский империализм в Саудовской Аравии», «Голубь спущен» (в соавторстве), «Египет: время президента Насера» (в соавторстве), «С черного хода» и многих статей.

Рубинский Юрий Ильич — доктор исторических наук, профессор, ведущий исследователь Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Автор монографии «Общий рынок» и международных отношения», «Пятая республика. (Политическая борьба во Франции в 1958—1963 гг.)», «За колоннами Бурбонского дворца», «Франция в современном мире», «Тревожные годы Франции. Борьба классов и партий от Версаля до Мюнхена» и других работ по новейшей истории Франции.

SUMMARIES OF ARTICLES

G. M. ALEXEYEV. Creative Technical Activity of the Soviet Working Class as an Historiographic Problem

The article represents the first work devoted to an analysis of most up-to-date literature on the problem of development of the working people's creative activity in the sphere of invention and rationalization in the U.S.S.R. in the conditions of the present-day scientific and technological revolution. The author focusses attention on those aspects which have general methodological significance. The working people's creative technical activity in the conditions of developed socialism is viewed by Soviet scientists as an exceptionally important form of creative effort in the social sphere, as a component, organic part of studying one of the cardinal political problems of our time—the place and role of the working class in the process of social development, in speeding up scientific and technological progress. Side by side with pinpointing the successes and shortcomings of Soviet historiography in reflecting the creative technical activity of the working class in the U.S.S.R., the author maps out certain tasks and outlines ways and means of its further development.

B. I. STEPANENKO. The Collapse of the Counter-Revolution in the Don, the Kuban and the Terek Regions in 1920

Drawing on a wide range of documentary materials, the author characterizes in his article the armed counter-revolution in the Don, the Kuban and the Terek regions, explains the reasons of its activation, traces the progress of the struggle against it during the campaign of the anti-Soviet armed forces organized by international imperialism, in which the leading role was assigned to bourgeois-landlord Poland and to General Wrangel. Among the chief factors responsible for the failure of the adventuristic plans harboured by the counter-revolution in the former Cossack areas in the South of Russia the author singles out the following: first, in 1920 the anti-Soviet forces in these regions no longer possessed a sufficiently broad socio-political base inasmuch as the vast majority of the population there firmly supported Soviet power; second, under the leadership of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks) and V. I. Lenin the local Party and government bodies succeeded in creating a situation in these areas conducive to the successful struggle against the counter-revolution; third, the units of the Red Army and the organs responsible for safeguarding the revolutionary order displayed unprecedented courage, valour, mass heroism and selfless devotion to the cause of revolution in stamping out the underground counter-revolutionary centres and in routing the anti-Soviet armed forces.

J. M. JURGINIS. Changes in Lithuania's Agrarian System in the Period of Feudalism

The article examines the evolution of U.S. foreign policy course in the conditions conventional ownership of land into patrimonial estates, of gradually depriving the peasants of the right of ownership and turning their plots into allotments, the maximum size of which was equivalent to approximately 21 hectares. The author shows that the decay of the system of feudal landownership was manifested in the money rent (chinsha) approximating the lease, although only those of the peasants who possessed civil rights could become tenant farmers. And these rights could be granted only by the state authority through the abolition of serfdom.

G. A. VORONTSOV. Evolution of U.S. Foreign Policy in the Conditions of Detente

The article examines the evolution of U. S. foreign policy course in the conditions marked by a relaxation of international tension. U.S. recognition of the need for peaceful co-existence took place under the impact of the altered alignment of forces on the international arena and the growing influence exerted by the socialist world community, by the forces of peace and progress. Highlighting the various aspects of Soviet-American rela-

tions, the author analyzes the sources, root causes and concrete forms of manifestation of the new tendencies in U.S. foreign policy. The policy of peaceful co-existence, of better relations with the U.S.S.R. is meeting with increasing support among the vast majority of Americans, because it constitutes the only reasonable alternative to the cold war and to the heightening of tensions. At the same time the evolution of America's foreign policy towards strengthening the positions of realistically-minded politicians prompts the opponents of detente in the United States to step up their activity.

P. P. CHERKASOV. France and the U.S. Aggression in Indo-China

The article analyzes France's position with regard to the U.S. aggression in Indo-China (1961-1973). The author makes an attempt to reveal the aims and motives of French policy in Indo-China, to show the reasons for the rise and development of Franco-American contradictions in this part of the world and to give an appraisal of the Gaullist plan for "neutralizing" Indo-China. The article traces the evolution of France's policy in the course of the Indo-China war and elucidates the factors responsible for this evolution. The author also investigates the question about the part played by French diplomacy in the peaceful settlement of the armed conflict in Indo-China in 1973.

V. E. ZARITSKY. The Concept of "Strength" in German Bourgeois Historiography

The article traces the continuity and specific nature of the concepts of "strength" elaborated and developed in German bourgeois historiography and in contemporary West-German political science. The author shows the narrow, limited character of political thinking typical of the entire "realistic" school with its intrinsic striving to reduce the whole complexity of the processes taking place in the sphere of foreign policy to an abstract power confrontation of states on the international scene. At the same time the article enables one to draw the conclusion that the changes occurring in international relations have had a definite impact on West-German historiography and political science. When interpreting the "realistic" doctrine today, many West-German politicians and historians lay particular accent on the need to make a sober appraisal of the actually existing relation of forces.

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 9, 1976

Articles: G. M. Alexeyev. Creative Technical Activity of the Soviet Working Class as an Historiographic Problem; B. I. Stepanenko. The Collapse of the Counter-Revolution in the Don, the Kuban and the Terek Regions in 1920; J. M. Jurginis, Member of the Academy of Sciences of the Lithuanian S.S.R. Changes in Lithuania's Agrarian System in the Period of Feudalism; G. A. Vorontsov. Evolution of U.S. Foreign Policy in the Conditions of Detente; P. P. Cherkasov. France and the U. S. Aggression in Indo-China. Historical Essays: B. I. Krasnobayev. The Basic Features of the New Russian Culture; A. I. Alexeyev. Travelling Along the Baikal-Amur Railway; I. P. Belayev. Pages from Egypt's Recent Past; Y. I. Rubinsky. Freemasons in France. Historical Science in the U.S.S.R. and Abroad. Book Reviews: G. S. Ignatiev. Moscow During the First Year of Proletarian Dictatorship; V. A. Georgiev. Russia's Foreign Policy in the Middle East at the Close of the 1830's and the Early 1840's; V. M. Paneyakh. Serfage in the 16th and the Beginning of the 17th Centuries; V. V. Pokhlebin. U.S.S.R.-Finland. 260 Years of Relations (1713-1973); E. A. Ivanyan. The White House: Presidents and Politics; "Spain. 1918-1972. An Historical Essay"; I. Geiss. The Pan-African Movement (London); J. Frankel. British Foreign Policy, 1945-1973, etc. Facts, Events, People. Articles in Soviet and foreign historical journals. Notes on articles published in foreign journals. New books in the U.S.S.R. and abroad.

de la revue «Questions d'histoire» № 9, 1976

Articles: G. M. Alexéiev. La création technique de la classe ouvrière de l'U.R.S.S. en tant que problème de l'historiographie; B. I. Stépanenko. L'échec de la contre-révolution sur le Don, le Kouban et le Terek en 1920; J. M. Jurginis, membre titulaire de l'Académie des Sciences de Lituanie. Les changements dans la structure agraire de Lituanie à l'époque du féodalisme; G. A. Vorontsov. L'évolution de la politique extérieure des Etats-Unis dans les conditions de la détente; P. P. Tcherkassov. La France et l'agression des Etats-Unis en Indochine. Aperçus historiques; B. I. Krasnabaïev. Les traits essentiels de la nouvelle culture russe; A. I. Alexéiev. Les itinéraires de la voie ferrée Baikal-Amour; I. P. Béliaev. Les pages du passé récent de l'Egypte; Y. I. Roubinski. Les Maçons en France. La science historique en U.R.S.S. et à l'étranger. Les comptes rendus des livres: G. S. Ignatiev. Moscou dans la première année de la dictature prolétarienne; V. A. Guéorguiev. La politique extérieure de la Russie au Proche-Orient à la fin des années trente et au début des années quarante du XIXe siècle; V. M. Panéiaïkh. Les kholops au XVIe-début du XVIIe siècle; V. V. Pokhlebkine. U.R.S.S.-Finlande. 260 ans de relations (1713-1973); E. A. Ivanian. La Maison-Blanche: les présidents et la politique; «L'Espagne. 1918-1972. Aperçu historique»; I. Geiss. Le Mouvement panafricain (Londres); J. Frankel. Politique étrangère britannique. 1945-1973; et autres. Faits. Evénements. Hommes. Articles dans les revues historiques soviétiques et étrangères. Notes sur les articles publiés dans les revues étrangères. Nouveaux livres en U.R.S.S. et à l'étranger.

SUMARIO

de la revista «Cuestiones de historia» № 9, 1976

Artículos: G. M. Alekseev. Trabajo creador técnico de la clase obrera de la URSS como problema de historiografía; B. I. Stepanenko. Derrumbamiento de la contrarrevolución en las cuencas de los ríos Don, Kubán y Terek en el año 1920; Miembro de Número de la Academia de Ciencias de la RSSL Y. M. Yurginis. Cambios en la estructura agraria de Lituania en la época del feudalismo; G. A. Vorontsov. Evolución de la política exterior de los EE.UU. en las condiciones del alivio de la tirantez internacional; P. P. Cherkasov. Francia y agresión de los EE.UU. en Indochina. Ensayos históricos; B. I. Krasnobaev. Rasgos principales de la nueva cultura rusa; A. I. Alekseev. Por las rutas de la futura línea ferroviaria principal Baikal-Amur; I. P. Beliaev. Páginas del pasado reciente de Egipto; V. I. Rubinskiy. Francmasones en Francia. La ciencia histórica en la URSS y en el extranjero. Reseñas de libros: G. S. Ignatiev. Moscú en el primer año de la dictadura del proletariado; V. A. Georghiev. Política exterior de Rusia en el Oriente Medio a fines de los años 30-principios de los 40 del siglo XIX; V. M. Paneiaj. Servidumbre de la gleba en el siglo XVI — principios del XVII; V. V. Pojlebkín. URSS — Finlandia. 260 años de relaciones (1713—1973); E. A. Ivanian. Casa blanca: presidentes y política: «España. 1918—1972. Esbozo histórico»; I. Geiss. The Pan-African Movement (London); J. Frankel. British Foreign Policy, 1945—1973. Hechos. Acontecimientos. Personalidades. Artículos en las revistas históricas soviéticas y extranjeras. Notas de artículos publicados en las revistas extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el extranjero.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Р. Т. АХРАМОВИЧ, В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, П. А. ГОЛУБ, И. В. ДУДИНСКИЙ, И. И. ЖИГАЛОВ, М. П. КИМ, Ю. С. КУКУШКИН, Н. В. МАТКОВСКИЙ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Н. Г. НЕФЕДОВ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, Б. А. РЫБАКОВ, А. Н. САХАРОВ, И. В. СОЗИН (и. о. заместителя главного редактора), И. А. ФЕДОСОВ, С. С. ХРОМОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Адрес редакции: 103781, Москва, ГСП, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 228-96-21.

Сдано в набор 26/VII 1976 г.
 А 00985. Подписано к печати 15/IX 1976 г. Формат 70×108^{1/16}.
 Объем 19,60 усл. печ. л. 22,29 учетно-изд. л. Тираж 25 000 экз. Изд. № 2319. Зак. № 2605.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

В КОНЦЕ 1976 И В 1977 г. В ЖУРНАЛЕ ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ ОПУБЛИКОВАТЬ МАТЕРИАЛЫ НА СЛЕДУЮЩИЕ ТЕМЫ:

По отделу отечественной истории:

- XXV съезд КПСС и совершенствование социальной структуры советского общества
- Социально-экономическое развитие СССР на современном этапе
- Роль исторических знаний в формировании и развитии общности духовной культуры советского народа
- Социальная структура наций в развитом социалистическом обществе
- Формирование облика советского рабочего в условиях развитого социализма
- Ревкомы в годы гражданской войны в СССР
- Борьба Советов с контрреволюцией накануне Великого Октября
- Эсеры-максималисты
- Исторический опыт революции 1905—1907 годов
- Географический фактор в истории России (XVIII — середина XIX века)
- Новое о Хронографе со «Словом о полку Игореве»
- Историческое мировоззрение древнерусских летописцев
- Исторические аспекты изучения советского образа жизни
- Историография проблемы образования и развития советского народа как новой исторической общности людей
- Колхозное крестьянство в условиях развитого социализма и буржуазная историография
- Советское партизанское движение в буржуазной историографии

По отделу зарубежной истории:

- Революционно-демократическая публицистика К. Маркса
- Конституция США: демократия и антидемократизм
- Социально-политические изменения в послевоенной Японии
- Эволюция азиатской политики США
- Концепция «силы» во внешней политике ФРГ
- Тенденции эволюции современной социал-демократии
- Советский Союз и Латинская Америка в 30-е годы
- Балканский кризис 1875—1878 гг. и великие державы
- Концепция славянской общности (XVIII—XIX вв.)
- «Свобода» и «права человека» в американской революции XVIII века
- Культура Возрождения (содержание, эволюция, периодизация)
- Проблема сельской общины в классовых обществах
- Современная японская буржуазно-либеральная историография
- Основные направления и школы послевоенной американской историографии
- Историк и общество

(Продолжение см. на 3-й стр. обложки).

(Начало см. на 2-й стр. обложки).

По отделу публикаций:

I. ВОСПОМИНАНИЯ

Советская помощь Китаю в 30-е годы
Северный Сахалин в 1925 году
Записки бестужевки
Процесс главных японских военных преступников

II. ПУБЛИКАЦИИ

Дневник В. Н. Ламздорфа
Донесения австрийского посла в России (1589 г.)
Свадебные дела XVI века
Новый источник по истории Северной войны

III. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Латышская средневековая культура
Литовская средневековая культура
Русская культура XVIII века

IV. ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

В. И. Ленин как мастер политического портрета
Культурные связи СССР и Литвы (1920—1940 гг.)
Советский червонец
Чрезвычайная Следственная комиссия Временного правительства
Освоение Охотского побережья
Разинцы и раскольники
Последний «приказ» в России
Москва в XIII—XVI веках
Русский посольский обычай
Марина Мнишек
Димитр Благоев
Призывное слово Парижской Коммуны
Исмаилиты
Генеральский путч в Алжире 1962 года
Европейский средневековый город
Кризис III в. в Римской империи

V. ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Всеславянский комитет
Червонные казаки
Ижевская винтовка № 500 000
Транспортировка ленинской «Искры»
Костромской Совет рабочих депутатов
Казанская площадь — форум революции
Неизвестные листовки петербургского «Союза борьбы»
Предыстория Магнитки
Университет Шанявского
Старейшая русская книга для чтения
Первая сельскохозяйственная школа в России
Буонарроти и итальянцы
Античные «танки»
Две Атлантиды

VI. У ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТЫ НАРОДОВ МИРА*

Текумсе

Белуджи

Баски

Папуасы

Папы и мамы,
бабушки и дедушки,
другие близкие

● Обусловленная договором страхования сумма будет выплачена застрахованным юноше или девушке по окончании срока страхования — при достижении ими семнадцатилетнего возраста.

родственники
ребенка могут
заключить договоры
страхования
детей.

● Застраховать ребенка можно со дня его рождения. К моменту оформления договора страхования возраст ребенка не может превышать 15 лет 6 месяцев. Размер страховой суммы по одному договору (300, 500 или 1000 рублей) устанавливается по желанию лица, заключающего договор.

● Ежемесячные взносы доступны каждой семье, их размер зависит от страховой суммы и возраста ребенка на день оформления договора. Страховые взносы можно уплатить также одновременно за весь срок страхования по льготному тарифу.

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Если Вас заинтересовал этот вид страхования и Вы хотите получить более подробные справки, а также заключить договор страхования, обратитесь, пожалуйста, в инспекцию или к агенту Госстраха.

ГОССТРАХ РСФСР